

Библиотека приключений

Хью Пентикост

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

ДЕТЕКТИВНЫЕ
РОМАНЫ

ДЕТЕКТИВЫ
ДЕТЕКТИВЫ

Хью Пентикост

2

ХЬЮ ПЕНТИКОСТ

ТОМ 2

Баку
Концертн «Олимп»
1993

Ответственный за выпуск

Р. Ю. ДАМИРЛИ

Концерн «ОЛИМП» выпускает серии:

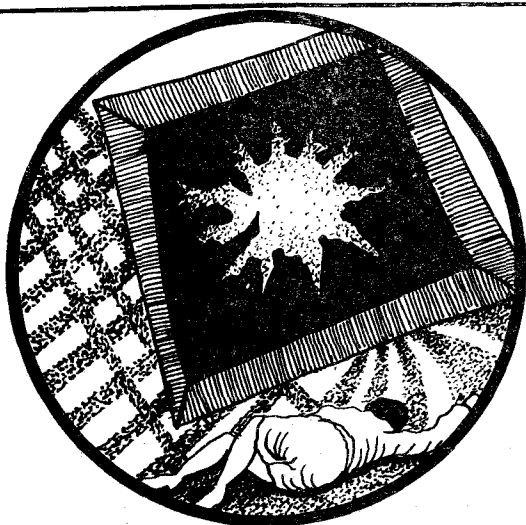
«Библиотека приключений» — «БП»
«Волшебная полочка сказок» — «ВПС»
«Super present» — «SP»
«Галактика фантастов» — «ГФ»

*Мы будем счастливы, если книги этих СЕРИЙ
украсят полки вашей библиотеки.*

П 4703040100—015 без объявл.
93

ISBN 5-87860-019-6

© Художественное оформление
Концерн «Олимп», 1993

ΔΟΜΗΝΑ
ΓΟΡΕ

ЧАСТЬ I

Глава I

Традиционное спокойствие Новой Англии, в полной мере свойственное и городу Барчестеру, штат Вермонт, испарилось как дым одним летним утром, едва его жители узнали, что неизвестный мужчина, судя по всему маньяк, выволок из дому и утащил в горы Линду Грант.

События развивались следующим образом.

Младший Парсонс, приехавший на каникулы из колледжа и устроившийся на временную работу в магазин «Рыболов и охотник» Ноувиса, в тот день отправился на службу необычно рано: предстояло отвезти рыболовные снасти группе туристов, остановившихся в «Свенсон Хауз». Проходя по главной улице, Тед Парсонс заметил, что в доме Линды Грант разбито окно. Дом Грантов — один из старейших на Главной улице. В нем жили четыре или пять поколений, прежде чем его хозяйкой стала Линда Грант, последняя из прямых наследников. Об окне, которое в то утро оказалось разбитым, в городе судачили уже больше года. По существу, оно являлось витриной, и многие полагали, что в таком виде оно портит архитектуру дома. Линда Грант превратила фамильное гнездо в книжный магазин. Продавались тут подарки и музыкальные инструменты. Год назад на заседании комиссии по застройке города споры затянулись до позднего вечера. Барчестер гордился своей Главной улицей, и кое-кто полагал, что появление магазина среди респектабельных жилых домов, по меньшей мере, не украшает ее.

Но Линда Грант была всеобщей любимицей.

Грантов справедливо причисляли к отцам-основателям Барчестера. Фермеры, адвокаты, владельцы газет, хозяева мраморных выработок — они щедро жертвовали на школы

и городскую больницу. Основательные люди, Гранты, уважаемые. Линда, высокая и грациозная, завершала род Грантов. Никто никогда не сказал о ней дурного слова. Путь от юной девушки до молодой женщины она прошла без сопутствующих сплетен, на которые так падки местные кумушки. Всех обрадовало известие о ее обручении с Фредом Уиллоби. Этого ждали. Они выросли вместе, Фред и Линда, и считались достойной парой. Свадьбу отложили, потому что Фреда, как и большинство молодежи Барчестера, призвали в армию. Назад он не вернулся.

Весь город помогал Линде перенести удар. Держалась она стойко. У нее возникли финансовые затруднения, но мистер Свенсон, владелец местного банка, отнесся к Линде с пониманием. Ее годового дохода, процентов с небольшого фонда, оставленного Линде отцом, не хватало, чтобы поддерживать привычный ей образ жизни. Она могла бы уехать в какой-нибудь большой город, получить специальность, начать работать, но не решалась покинуть Барчестер. Она пустила здесь корни, вокруг жили ее друзья, и Линда не находила в себе сил порвать с прошлым. У нее возникла идея открыть книжный магазин, и мистер Свенсон тут же поддержал ее, заявив, что дополнительный доход позволит разрешить все проблемы. Мистер Свенсон состоял в комиссии по застройке, но ему и в голову не приходило, что Линде могут помешать.

В то летнее утро, когда Тед Парсонс обнаружил разбитое окно, Линда покинула Барчестер не по своей воле.

В начале восьмого Тед вбежал в столовую, расположенную в дальнем конце Главной улицы, где завтракал Эрн Саутворт, представляющий в Барчестере полицию штата.

— В магазине Линды Грант разбито окно!

— Кто это сделал? — Саутворт оторвался от тарелки яичницы с ветчиной и жареным картофелем.

Тед пожал плечами.

— Окно разбито, больше я ничего не знаю.

— Что говорит Линда?

— Я ее не видел. Должно быть, она знает об окне, потому что шуму наверняка было много. Я не стал заходить в дом, чтобы не беспокоить ее. Может, она еще спит.

— Я загляну к ней, — кивнул Саутворт.

Он неторопливо принялся за еду. Стекло могло лопнуть и само по себе, подумал он. Холодные ночи. Жаркие дни. Появилась маленькая трещинка и... Если бы требовалось вмешательство полиции, Линда позвонила бы ему.

Без четверти восемь машина Саутворта остановилась у дома Грантов. Полицейский вылез из кабины и осмотрел разбитое окно. Оно состояло из трех больших панелей. От одной остались лишь мелкие осколки.

За окном Линда выставляла новые книги, деревянные салатницы и тарелки, литографии. Тут же красовался натюрморт местного художника, старика Рула, блюдо с фруктами. Саутворт отметил, что все вещи вроде бы стоят на своих местах, ничего не украдено.

Он подошел к парадной двери и дернул ручку звонка. Изнутри до него донеслось громкое дребезжание колокольчика. Линда не появилась. Саутворт обогнул угол и заглянул в окно кухни. Хозяйка и не начинала готовить завтрак. Все чисто прибрано еще с вечера.

Саутворт поднял голову к распахнутым окнам второго этажа.

— Эй, Линда!

Она могла находиться в ванной, поэтому Саутворт выкурил сигарету и вновь позвал Линду. Ответа он не получил.

Тут Саутворт заволновался. Толкнул дверь черного хода. Не заперта. Ничего особенного, жители Барчестера частенько забывали про замки. Саутворт вошел. «Линда! Линда!» — ему ответила тишина.

В гостиной, переделанной под торговый зал, царил полный порядок. У лестницы полицейский снова позвал Линду. Затем поднялся на второй этаж.

Разобранная постель, в которой спала Линда, откинутае одеяло. Ничего необычного.

Саутворт обошел все комнаты, думая, что Линда могла потерять сознание, ударившись обо что-нибудь, или заболеть. В доме ее не было. В этом он убедился, обследовав чердак и подвал.

Что ж, успокаивал себя Саутворт, пока ничего страшного, если не считать разбитого окна. Линда могла разыскать его, но, с другой стороны, почему она не позвонила? По телефону он справился у жены. Нет, после его ухода Линда не звонила.

Саутворт вернулся к автомобилю. Марти Спрингстид, выкашивавший лужки для владельцев домов на Главной улице, стоял, вытираившись на разбитое окно.

— Что случилось?

— Не знаю. Не могу найти Линду, — ответил Саутворт.

— В окне была гитара. Ее нет.

— С чего ты взял?

— Положил на нее глаз,— хмыкнул Марти.— Шестидесять долларов, мне не по карману. Очень она мне понравилась. Лежала на той подставке.

Саутворт проследил за пальцем Марти. Рядом с подставкой он заметил квадрат белого картона с цифрами «60.00».

— Подростки,— процедил Саутворт.— Сколько с ними хлопот. А попробуй, поучи кого-либо уму-разуму. Родители поднимут такой шум, что будет слышно в Ратленде.

Марти Спрингстид затрусил к углу дома.

— Машина в гараже. Значит, Линда где-то неподалеку.

Саутворт зашел к соседям, Толливерам, и спросил, не видел ли кто Линду. Если Эми Толливер слышала звон разбитого стекла, подумал он, то уж увидела она все, что только можно увидеть. К сожалению, Эми ничего не слышала. Ее спальня находилась с другой стороны дома. Она заснула перед включенным на полную громкость телевизором. Для полуночников показывали очень забавную комедию с Брайаном Ахерном и Розалинд Расселл в главных ролях. Эми сожалела, что заснула, но... О Линде она ничего не знала.

— Подростки! — воскликнула Эми, услышав о разбитом окне и пропавшей гитаре.

Саутворт кивнул. Но где Линда? По его спине пробежал неприятный холодок.

— Неладно что-то в Датском королевстве,— пробурчал он, призывая на помощь остатки школьного образования.

И Эми Толливер подтвердила, что он, безусловно, прав...

Тут уж поиски Линды, по барчестерским меркам, пошли поактивнее. Слух о ее исчезновении распространился по городку со скоростью степного пожара. Что-то случилось с Линдой Грант.

Посыпались предположения. Может, она с кем-то уехала в магазин? Может, села на первый автобус в Нью-Йорк? Или отправилась закупать товары для своего магазина? Но никто не знал наверняка ее планы на этот день.

— Объяснение происходящего будет, несомненно, предельно простым,— заявил банкир Барчестера, мистер Свенсон.

Ближе к полудню Саутворт поехал домой на ленч. Он искал Линду уже четыре часа, пока безо всякого результата. Оставалось лишь надеяться, что к вечеру она объявится сама и посмеется над их страхами.

Вылезая из машины, Саутворт увидел Майка Миллера, сидящего на заднем крыльце его дома. Майк работал в гараже Донахью, обслуживал автомобили, подъезжающие к заправке. Похоже, его отпустили перекусить.

— В чем дело, Майк? — спросил Саутворт.

Юноша явно волновался. Пятна масла темнели на его синем комбинезоне. Брызги попали и на лицо.

— Хочу задать вам вопрос, Эрни.

— Валяй.

— С полицейским можно говорить, как со священником?

— В каком смысле?

— Ну... тайна исповеди?

Саутворт неторопливо достал из нагрудного кармана пачку сигарет.

— Как посмотреть.

— Например?

— Все зависит от того, может ли услышанное полицейским стать поводом для ареста преступника.

Юноша насупился.

— Выкладывай, Майк, так будет лучше.

— Боюсь остаться без работы.

— Ты что-то украл?

— В общем-то, нет, но, если я все расскажу, мне не поздоровится.

— Не тяни резину, — отрезал Саутворт.

Юноша глубоко вздохнул.

— Прошлой ночью, вернее, в час или два утра, я был у старой дороги в каменоломню, у подножия горы Барчестер.

Саутворт ухмыльнулся.

— С Молли Донахью?

— Откуда вы знаете?

— А с кем тебе еще быть? У вас же серьезные намерения, не так ли?

— Но она должна приходиться домой не позже одиннадцати. Если б ее старик пронюхал, тут бы такое началось!

— Она удирает из дому, чтобы встретиться с тобой?

— Я привез ее в одиннадцать, а еще через полчаса она вышла через черный ход и мы... мы отправились на старую дорогу.

— Может, тебе следует рассказывать об этом священнику? — хмыкнул Саутворт.

— Возможно, но о том, что мы видели, я хотел бы рассказать вам.

— Видели?

— Вы все утро задаете вопросы о Линде Грант, не так ли?

Саутворт весь подобрался.

— И что?

— Мы ее видели.

— На дороге в каменоломню в два часа ночи.

— Светила луна. Мы с Молли сидели на траве под большим деревом, болтали и все такое. А потом услышали их.

— Их?

— Мы спрятались. Этот парень шел по дороге и тащил за собой Линду.

— Какой парень?

— Никогда не видел его раньше.

— Тащил Линду?

— Он связал ей руки и прикрепил веревку к поясу. Он тащил ее за собой. Она была босая, я видел кровь на ее ногах. Там же не асфальт.

— Ты не выдумываешь? — нахмурился Саутворт.

— Нет, Эрни, клянусь. Он тащил ее, а она плакала. Мне показалось, что она в модном платье, какие сейчас носят девушки, но Молли утверждает, что на ней была ночная рубашка.

— И что вы сделали?

— Так и сидели за деревом. Не мог же я допустить, чтобы кто-то узнал о нашем свидании.

— И ты ждал столько времени, чтобы сказать мне об этом?

— Послушайте, Эрни, это нелегкое решение. Если мистер Донахью прознает, что Молли была со мной, он вышибет меня с работы и запретит нам встречаться. Я многим рискую.

Саутворт бросил окурок в траву и растоптал его каблуком. Затем достал из нагрудного кармана записную книжку и авторучку.

— Опиши этого человека.

— Высокий... сильный. Наверняка сильный, раз он мог тащить за собой мисс Грант. Длинные волосы, как у некоторых подростков. Закрывают уши и сзади — шею. Синие обтягивающие джинсы, синяя футболка. На плече висел какой-то музыкальный инструмент, то ли банджо, то ли гитара, я не разглядел. Ковбойские сапоги.

— Лицо?

— Я видел его только в профиль. Ночь выдалась холодная, но по его щекам струился пот.

Саутворт убрал записную книжку в карман. Его обычно добродушное лицо посуровело.

— Ты понимаешь, что благодаря тебе он получил фору в десять часов?

— Я не мог сразу решиться...

— Если Линде причинят вред или ее убьют, клянусь богом, парень, ты пожалеешь о том, что родился на свет!

— Только не говорите, что со мной была Молли! — взмолился Майк.

— Я должен организовать поиски. Думаешь, кто-нибудь пойдет в горы, если я скажу, что тебе что-то привиделось? Нет, парень, придется признаться, да и Молли могла что-нибудь заметить. И советую вам помолиться о том, чтобы ваши игры не стоили Линде жизни.

— О боже! — прошептал Майк.

— Начало подходящее, — кивнул Саутворт.

Глава 2

Питер Стайлз положил чемодан, портативную пишущую машинку, пальто, шляпу и свитер в багажник белого «ягуара» и вернулся в дом Тоби Палмера, чтобы попрощаться с миссис Уэйд. Решение уехать созрело внезапно. В то утро он сел за пишущую машинку в уютном кабинете Тоби с твердым намерением написать положенное число страниц для своей книги. Еще целый месяц дом Тоби и услуги миссис Уэйд находились в его полном распоряжении, и он не собирался отказываться ни от того, ни от другого.

Но по какой-то причине работа не пошла. Питера охватила необъяснимая тревога. Пальцы одеревенели. Во рту пересохло. Трубка пахла не табаком, а едкой соломой. Панический страх туманил сознание.

Питер отличался повышенной остротой чувств. Эта особенность помогала ему стать первоклассным журналистом. Его статьи в журнале «Ньюсвью мэгэзин», штатным сотрудником которого он являлся, с нетерпением ждали миллионы читателей как в Штатах, так и за рубежом. Питер понимал людей, относился к ним с нескрываемой теплотой, но совершенно не терпел глупости и безрассудного насилия, волны которого иногда захлестывали общество. Его умение слушать побуждало людей говорить. Он брал интервью у многих знаменитостей, прорваться к которым не удавалось никому. Ему открывались совершенно незнакомые люди.

Первоклассным репортером помог ему стать и нюх на опасность. Он обладал даром предугадывания беды. Его молниеносные суждения о людях и ситуациях никогда не подводили, хотя, принимая решения, он не имел сведений, их обосновывающих. Смелый человек в истинном смысле этого слова. Достаточно благоразумный, чтобы не лезть на рожон, но и готовый встретить угрозу лицом к лицу.

Существовало, правда, одно место — маленький сонный городок Барчестер в штате Вермонт, и одна точка во времени, также имеющая отношение к этому местечку, при воспоминании о которых Питер не мог доверять своим чувствам и реакции. Пять лет тому назад в зимний сезон Питер вместе с овдовевшим отцом приехал в Дарлбрук Лодж, горнолыжный центр в восьми милях от Барчестера. По пути домой, ехали они тоже в белом «ягуаре», но более старой модели, Питеру пришлось пережить самые ужасные минуты в своей жизни. Двое молодых людей в черном «седане» затеяли с ним игру на извилистой горной дороге, проезжая так близко, что касались бампера машин, а естественная ярость Питера вызывала у них приступы гомерического смеха. «Седан» исчезал впереди, затем неожиданно появлялся сзади и вновь впритирку обгонял их. Питер не находил объяснения столь странному поведению юношей, если не считать извращенного желания пройти по острию ножа. Ранее он никогда не видел этих хохочущих физиономий. На самом опасном участке дороги «седан» в очередной раз пошел на обгон. Отец Питера, уже порядком напуганный, схватился за руль «ягуара». Секунды спустя они летели с пятисотфутовой насыпи в скалистый каньон. Питера выбросило из кабины, Герберту Стайлзу не повезло. Питер пришел в себя у подножия насыпи, невыносимая боль в правой ноге отдавалась во всем теле, а издали доносились крики отца, горевшего заживо в превратившемся в костер автомобиле.

Вновь Питер очнулся в местной больнице, с ампутированной ниже колена правой ногой.

За год он свыкся с увечьем, научился ходить на протезе, переборол мысль о том, что жизнь для него кончилась. И наконец, утихла холодная ярость к двум шутникам, ставшим причиной трагедии. Их поиски не дали никаких результатов.

Питер вернулся к работе, к друзьям. Стал бывать в клубе. Изменилось лишь одно: за каждым, ставшим ему известным случаем бессмысленного насилия он видел

тех шутников, что убили его отца и покалечили его самого. И репортер Питер Стайлз тут же начинал расследование.

Но воспоминание о Дарлбрук Лодж и Барчестере оставалось незаживающей раной. При одной только мысли о той поездке Питера прошибал холодный пот. Надо справиться и с этим, говорил себе Питер. И неожиданно ему представилась возможность покончить с мучившим его кошмаром.

Питер взял отпуск в «Ньюсвью», чтобы написать книгу о бессмысленном насилии в Америке. К этому его побудило убийство президента Кеннеди. На страницах книги нашлось бы место и для его собственной истории.

Судьба решила помочь Питеру. Как-то вечером он столкнулся в клубе с Тоби Палмером, у которого был дом в Барчестере. Тот уезжал в Европу на два месяца и предложил Питеру дом, вместе с услугами его экономки, миссис Уэйд. Едва ли Питер смог бы найти лучшее место для работы. А пребывание в Барчестере, думал он, поможет затянуться кровоточащей душевной ране.

Три недели Питер жил, как в раю. Миссис Уэйд готовила ему завтраки и обеды, если он никуда не уходил вечером. Успешно продвигалась и работа над книгой, до вчерашнего дня, когда он подошел к изложению случившегося с ним на горной дороге. Производительность сразу упала чуть ли не до нуля. А сегодня — панический страх.

Подавить его не удавалось. Сквозь открытые окна кабинета Тоби на Питера зловеще поглядывал весь Барчестер. Детский ли страх, психическая ли неуравновешенность, как бы ни называлось это состояние, но больше писать в Барчестере он не мог.

За завтраком Питер сказал миссис Уэйд, что уезжает.

— Застоялся, — пояснил он. — Требуется смена обстановки.

Миссис Уэйд запротестовала. Ей нравилось заботиться о людях. А Питер, тот просто пришелся ей по душе. Но, не зная, в чем дело, она не нашла нужных аргументов, чтобы отговорить того от отъезда.

— Я отпускаю вас только после ленча. Билли Мюрфи принес свежую форель, пойманную сегодня утром. Я вам ее приготавливаю.

И Питер остался, с трудом переборов истерическое желание уехать в ту же минуту.

Форель действительно стоила задержки с отъездом. Затем Питер уложил вещи в машину и вернулся в дом, чтобы поблагодарить миссис Уэйд и попрощаться. Та гово-

рила по телефону, вероятно, обсуждала что-то захватывающее. Во всяком случае, охи и ахи миссис Уэйд впечатляли. Наконец она вышла в холл, вытирая руки полотенцем.

— О боже! — воскликнула она. — Город гудит как растревоженный улей.

— Кто с кем что сделал? — улыбнулся Питер, высокий, стройный, загорелый, с коротко стриженными волосами, светло-синими глазами. Выступающие скулы, широкий, твердый рот, почти постоянная вертикальная складка между бровей дала кому-то повод называть Питера задумчивым симпатягой. Но при улыбке его лицо лучилось теплотой.

— Похитили Линду Грант! — возвестила миссис Уэйд. — Утащили в лес на веревке в одной ночной рубашке. О боже, боже!

Улыбка сползла с лица Питера.

— Девушку из книжного магазина?

— Да, Линду.

Питер мельком поговорил с ней, заглянув в магазин в поисках книги по истории здешних мест. И пожалел о том, что у него нет времени познакомиться с Линдой поближе.

— Привязал ее к себе веревкой, — продолжала миссис Уэйд. — С босыми ногами, плачущую. У него было ружье и гитара, которую он украл из магазина.

Ну, прямо напасть какая-то, вздохнул Питер, уж не экстрасенс ли воздействует на него. Неужели подсознательно он чувствовал, что в Барчестере снова начнет править бал насилие? Не потому ли напрягались все мышцы, призывая к незамедлительному бегству.

— ...Поисковая группа. — Донесся до него голос миссис Уэйд. — Но он получил фору в десять часов. Бедная Линда!

Питеру оставалось лишь сесть в «ягуар» и уехать. Он не хотел ввязываться в это дело. Но, будучи репортером, не мог покинуть поле битвы. Он сам выискивал подобные истории. Возникшую дилемму разрешила за него миссис Уэйд.

— Не подбросите ли вы меня до центра, мистер Питер? Может, я смогу чем-нибудь помочь. Бедная Линда!

Все три недели пребывания в Барчестере Питера окружала доброжелательность его жителей. Все до единого знали и о трагедии в горах, и о причине едва заметного прихрамывания Питера. Только один человек заговорил с ним о том происшествии — Эрни Саутворт. Его перевели

в Барчестер позже, но дело оставалось открытым и, следовательно, контролировалось полицией. Саутворт заинтересовался у Питера, не нашел ли тот новых ниточек, ведущих к преступникам. И все. Никто не бросал любопытных взглядов на ногу Питера. И везде его ждал радушный прием.

Две мили отделяли дом Тоби от Главной улицы. Десятки машин сгрудились у «Свенсон Хауз». Руководство поисками взял на себя Саутворт, стоявший на парадном крыльце. Питер подумал, что ему никогда не доводилось видеть столько вооруженных людей в штатском. Казалось, каждый сжимал в руках дробовик или ружье.

— Помните! — вновь и вновь повторял Саутворт. — Линда рядом с ним. Не открывайте огонь, если увидите его, а то он подставит под пули Линду. Если заметите их, спрячьтесь и пошлите за подмогой. Мы должны сделать все, чтобы спасти Линду.

Питер протиснулся сквозь толпу к крыльцу:

— Чем я могу помочь?

Саутворт сухо улыбнулся.

— Придется много ходить пешком, — полицейский, должно быть, заметил, как дернулась щека Питера. — Леса простираются на тысячи акров. Если не знать здешних мест, легко заблудиться.

— Поиски с воздуха?

— Под густой листвой можно спрятать и слона. Мы отстаем от этого парня уже на одиннадцать часов. Едва ли он будет держаться полян и опушек.

— У меня машина, не понадобится ли она вам?

— Возможно. — Саутворт пытался решить одновременно несколько вопросов. — Отвезете меня к «Причуде» Тьюзди?

— Куда хотите.

— Одну минуту, — он повернулся к мужчине с дробовиком двенадцатого калибра в руках. — Нам обещают прислать людей из Ратленда. Лесов они не знают. Я намерен послать их на другую сторону горы. Этот парень может забраться на вершину и уйти по северному склону.

— Волоча за собой Линду? — усомнился мужчина, названный Эдом.

— Возможно, он уговорил ее не артачиться.

— Или убил и бросил ее тело.

— Давай-ка не думать об этом. Если он хотел убить Линду, зачем тащить ее за собой пять миль?

Эд пожал плечами.

— Я дал Дэну Джексону свою машину, — продолжал

Саутворт,— и послал его на север. Мы будем догонять этого парня, а они отрежут ему путь вниз.

Эд кивнул.

— Мистер Стайлз отвезет меня к Тьюзди. Если в лесу что-то не так, Тьюзди должен об этом знать. Если я сразу не вернусь, значит, я вышел на след. Ты остаешься за старшего.

Эд поглаживал дробовик:

— Мне бы тоже в дело.

— Вторую группу пошлем, когда начнет темнеть,— возразил Саутворт.— Вот тогда-то нам понадобятся лучшие следопыты,— его слова пришлись Эду по душе.

— Поехали, мистер Стайлз,— полицейский повернулся к Питеру.

Они прошли к «ягуару». За несколько последних минут толпа поредела. Мужчины с ружьями, получив задание, разошлись, остались лишь старики да дети.

Саутворт, усевшись рядом с Питером, махнул рукой в сторону северной части города. Прямо перед ними громоздилась гора Барчестер, сочно-зеленая на фоне бездонного летнего неба.

— Что такое «Причуда» Тьюзди? — Питер надел темные очки, защищая глаза от яркого солнца.

— Отель, который построил какой-то тип чуть ли не на вершине этой горы. В конце двадцатых годов, во времена бума. А потом разразилась депрессия. Отель, по существу, и не открылся. Стоял заброшенный, никто там не жил, с танцевальным залом, мраморными ваннами. А году в пятидесятом его купил Тьюзди Рул. Город с радостью уступил его чуть ли не даром, лишь бы отделаться от такой обузы. Примерно в миле отсюда влево уходит проселочная дорога. На нее и сворачивайте.

— У моей машины низкая посадка. Если там большие ухабы, нам не проехать.

— Дорога хорошая. Тьюзди следит за ней. Он часто ездит в город за продуктами. У него старенький «шевроле».

Питер нахмурился.

— Тьюзди Рул, вроде бы я слышал о нем.

— Творческая личность. Художник, писатель, скульптор, ботаник, говорят, даже изобретатель. И сумасброд. Сейчас ему под восемьдесят. Кажется, он прослыл знаменитостью в Париже после первой мировой войны. Подождите, пока доберемся до «Причуды». Увидите не меньше пятисот портретов одной женщины, Эмили. Была его натур-

щицей лет сорок назад и с тех пор живет с ним. Ей далеко за шестьдесят.

— Многообещающая перспектива, — улынулся Питер. — Поворачивать здесь?

Тьюзди действительно следил за проселком, аккуратно обрубал ветви деревьев с обеих сторон, убирал крупные булыжники, засыпал рытвины.

— Далеко? — Питер перешел на вторую передачу.

— Три мили, все время вверх.

Деревья выстроились вдоль проселка — кражистые дубы, вязы, сосны, березы. По густому подлеску идти затруднительно, подумал Питер, особенно если тащить за собой упирающуюся женщину.

— Где-то здесь Майк Миллер и Молли Донахью увидели их, — заметил Саутворт.

— Почему этот юноша так долго ждал, прежде чем обратиться к вам? — Питер не отрывал глаз от дороги.

— Отец Молли — человек старой закалки. Ребята, я о Молли и Майке, любят друг друга, но Пэт Донахью и слышать не хочет о свадьбе, пока Майк не сможет содержать семью. А молодым-то невтерпеж. Многие ли ждут официального оформления своих отношений?

— Пожалуй, что нет.

— Это грех и все такое, но их можно понять. Вот они и боялись рассказать мне о том, что видели, не хотели публично признаться, что встречаются в неположенное время.

— Насколько я знаю, — лицо Питера посуровело, — люди в большинстве своем стараются не ввязываться в подобные истории. Сколько раз вы слышали о том, что кого-то избили на улице в присутствии сотен свидетелей, но никто даже не позвонил в полицию. А стоит вмешаться, так какой-нибудь одурманенный наркотиками идиот, не задумываясь, застрелит вас.

— Майк предупредил, что этот тип вооружен.

— А зачем мы едем к вашему художнику?

— Тьюзди — удивительный человек. Если он не рисует жену, то ходит по лесам. Специалист по диким орхидеям. Люди приезжают черт знает откуда, чтобы проконсультироваться с ним о цветах и растениях. К тому же он — охотник. Думаю, три четверти мяса, которые они съедают, он добывает сам с помощью винчестера. Попадает в голову дикого кабана с трехсот ярдов. Вам доводилось есть жаркое из лесного сурка, мистер Стайлз?

Питер покачал головой.

— Кого Тьюзди не любит, так это нарушителей границ

его поместья. Ему принадлежат с полтысячи акров вокруг «Причуды». А треск обломившегося сучка он слышит за полмили, — Саутворт хохотнул. — Пару лет назад сюда приехал охотник из Нью-Йорка. Он не знал ни о Тьюзди, ни о поместье. И внезапно раздается выстрел, сбивающий шляпу с его головы, а из-за куста вылезает Тьюзди и призывает охотнику катиться куда подальше. Тот, естественно, разъярился. Вернулся в Барчестер и пожаловался мне на Тьюзди. Заявил, что тот хотел его убить. Пришлось мне поехать с ним в «Причуду». Тьюзди мы нашли во дворе, он возился с растущими в горшках растениями. Он отрицал, что пытался убить охотника. Просто сбил с него шляпу, чтобы тот не ходил, где не следует.

— Со ста ярдов! — завопил охотник. — Просто чудо, что вы не вышибли мне мозги.

— Тьюзди бросает на него презрительный взгляд. Берет со скамьи винчестер. «Видите деревянные грабли у сарая?» — спрашивает он. А до сарая не меньше двухсот пятидесяти футов. Поднимает ружье и отстреливает все зубья. Затем кладет ружье на скамью и снова начинает возиться с горшками. «Если я говорю, что целился в вашу шляпу, значит, так оно и есть».

— Оригинал, — откликнулся Питер.

— Вы совершенно правы. Думаю, если похититель тащил Линду через землю Тьюзди, тот мог их услышать. Не зная, что происходит, Тьюзди мог просто прогнать его со своей территории. Но, если они прячутся неподалеку от «Причуды», Тьюзди их найдет. Он замечает каждую помятую травинку или сорванную ягоду. И тогда мы здорово сократим время поисков.

От первого взгляда на «Причуду» у Питера перехватило дыхание. ОТЕЛЬ возник внезапно, после почти кругового участка дороги, рядом с вершиной горы. Когда-то от «Причуды» открывался прекрасный вид на южный Вермонт, но деревья выросли, и расчищенная площадка оставалась лишь перед самым зданием. Оно поражало размерами. Три жилых этажа, не меньше сотни комнат. В Вермонте мрамор столь же привычен, что и кирпич. Отель возводился только из мраморных глыб. Первый хозяин отеля, как узнал потом Питер, добывал мрамор в каменоломне в сотне ярдов от строительной площадки. Сооружение отеля чуть ли не пять лет обеспечивало процветание Барчестеру. Каждый желающий мог получить высокооплачиваемую работу. Шиферная крыша и сейчас выглядела как новенькая. Когда-то лужки вокруг «Причуды» занимали добрый десяток акров,

но лес взял свое. И лишь поляна перед отелем радовала глаз луговым разноцветьем.

«Ягуар» еще не остановился, когда Питер увидел Тьюзди Рула. Ростом в шесть с половиной футов, крепкий, как гора, на которой стоял отель, загоревший дочерна, с могучими руками. Густая, щедро тронутая сединой борода, тяжелые черные брови, нависшие над глазами. Берет на стальных волосах, порванный, заляпанный красками халат. Он, должно быть, возился с растениями, высаженными в горшки, когда услышал шум подъезжающего автомобиля. Приезд незваных гостей явно рассердил его. Питер огляделся в поисках престарелой натурщицы, но та, похоже, не пожелала выйти из дома.

— Привет, Тьюзди! — крикнул Саутворт, вылезая из кабины.

— Я сегодня никого не жду, Эрни, — голос старика напоминал рокот далекого грома.

— А разве бывают дни, когда вы кого-то ждете? — улыбался Саутворт. — Это Питер Стайлз. Он подвез меня к вам.

Большая коричневая рука старика была крепкой, но холодной как лед.

— Вы пишете для «Ньюсвью».

— Виновен, — признался Питер.

— Конформистский журнальчик.

— Мой босс опечалится, услышав ваше мнение. Он-то считает нас независимыми либералами.

— Ерунда, — пробурчал Тьюзди. — Рекламодатели держат вас за горло. Вы должны печатать то, что им нравится.

— С удовольствием обсудил бы с вами эту тему, — Питер посмотрел на растения в горшках. — «Королева Мария»?

Кустистые черные брови взметнулись вверх.

— Вы разбираетесь в орхидеях?

— Не очень. Моя мама выращивала их как комнатные растения. Я запомнил «Королеву Марию» за ее, как говорила мама, багряный отблеск.

— Ну, вы не ошиблись. Готовлю их к осени, когда придется перенести горшки в дом.

— У нас неприятности, Тьюзди, — вмешался Саутворт. Коротко пересказал историю похищения Линды Грант. Старик слушал внимательно, с закаменевшим лицом.

— Линда — хорошая девушка. Ужасное происшествие.

— Мы подумали, что вы могли что-то слышать или видеть.

— Посторонних здесь не было,— ответил Тьюзди.
— Он мог пройти рано утром, в четыре, пять часов.
— Я каждый день встаю в четыре утра,— Тьюзди чуть склонил голову набок.— Прислушайтесь.

Лишь щебетание птиц да далекое карканье ворон.

— Знаете, почему они так расшумелись?

— Кто? — не понял вопроса Саутворт.

— Птицы. Я узнал, что вы едете, за десять минут до вашего появления. Если бы они оказались около дома ранним утром, птицы сообщили бы мне об этом. Ваш человек, вероятно, обогнул гору по склону. Зачем ему карабкаться на вершину, если есть более легкий путь.

— Если он знал, куда идет,— возразил Саутворт.— А для нездешнего, да еще с пленницей на веревке, ваша дорога могла показаться очень привлекательной.

— Значит, он устоял перед искушением,— отрезал Тьюзди. И пронзил Питера взглядом.— Ваша мать подкармливала орхидеи?

— Да, конечно.

— Она, наверное, предпочитала смесь опилок с древесной золой или торфяной мох?

— Я как-то не обращал внимания.

— А мы используем все, что есть под рукой. Любую гниющую дрянь, что попадает к нам.

— Кажется, она пользовалась листовым перегноем,— порывлся в памяти Питер.

Старик скрипнул зубами.

— Все, что попадает к нам,— яростно прорычал он, словно этими словами решался вопрос жизни и смерти.

Саутворта, однако, интересовали не орхидеи.

— Смотрите в оба, Тьюзди,— попросил он.— Если вы засечете этого типа, помните, что Линда где-то неподалеку,— полицейский улыбнулся.— Если он попадет вам на прицел, я ему не позавидую. Я рассказал мистеру Стайлзу о деревянных гроблях.

Старик отвел взгляд.

— Я помогу Линде, если сумею. Она хорошая девушка. Продала три портрета Эмили. Правда, не обнаженной. Похоже, Барчестер еще не подозревает о существовании женского тела.

— Надеюсь, мы еще увидимся, мистер Рул,— Питер было повернулся вслед за Саутвортом, направившимся к «ягуару».

Старик достал из кармана закопченную трубку, поднес спичку к остатку табака.

— Мир ушел вперед и оставил меня на вершине этой горы. Для человека вашего возраста общение с революцией пятидесятилетней давности бессмысленно.

Питер не понял, что хотел сказать Тьюзди, но прочитал горечь во взгляде старика.

Утренняя тревога вновь навалилась на него. Бежать, бежать, и с горы, и из Барчестера. Саутворт уже сидел в машине.

— Потрясающий старик,— Питер оглянулся на седовласого гиганта, склонившегося над горшками с орхидеями.

Саутворт хмыкнул.

— Даже учитывая его возраст я не хотел бы схватиться с ним. Говорят, по приезде сюда он сгибал подковы. И этими же ручищами мог изготовить замысловатую блесну для ловли форели или нарисовать бабочку.

Заурчал мотор, и они покатались вниз по петляющему среди деревьев проселку. В зеркале заднего обзора в последний раз мелькнуло огромное мраморное сооружение.

Они проехали примерно пятьдесят ярдов, когда слева донеслись выстрелы.

— Притормозите! — попросил Саутворт.

Питер остановил машину и заглушил двигатель. Пальба продолжалась.

— Пойду взглянуть, что там такое,— Саутворт открыл дверцу, вылез из кабины, поправил кобуру.— Вы можете ехать, мистер Стайлз. Местность здесь очень пересеченная,— вновь деликатный намек на его протез.

— Удачи вам,— крикнул Питер.

Саутворт спустился с невысокого откоса и исчез в подлеске. Несколько минут Питер слышал треск ломаемых веток. Выстрелы прекратились. Только теперь Питер заметил, что его руки, сжимающие руль, мокры от пота. Все его существо требовало: вниз, только вниз.

За пятнадцать лет работы репортером Питер пришел к твердому убеждению, что возникающее у него чувство страха редко вызывалось разыгравшимся воображением. Стремление бежать четко указывало на близость реальной опасности.

Питер сидел, не шевелясь, лишь сжимая да разжимая занемевшие пальцы. Затем достал трубку, набил ее табаком из кисета, зажал чубук зубами, но раскуривать не стал.

Потянулся к ключу зажигания, передумал. Ему вспомнилось леденящее рукопожатие Тьюзди. В ушах зазвучал рокошущий голос: «Мы используем все, что есть под рукой. Любую гниющую дрянь, что попадает к нам». Речь шла об

удобрениях для растущих в горшках орхидей. Или нет? Может, старик имел в виду совсем другое?

Ответ он мог получить лишь вернувшись назад.

Места для разворота «ягуара» не было, да и вообще имело смысл пойти пешком и осмотреть окрестности.

Питер вышел из машины, открыл багажник, вытащил чемодан. Из-под аккуратно сложенной стопки рубашек он достал маленький пистолет, сунул его в карман пиджака, закрыл чемодан и багажник и повернулся к вершине горы. Предупредят ли птицы Тьюзди о его приходе, подумал Питер. Сам он не понимал их языка.

Шесть или семь минут Питер поднимался по проселку, а достигнув последнего поворота перед отелем, свернул в лес. Шел он очень осторожно, стараясь не шуметь. Наконец он приблизился к опушке и сквозь редкие деревья увидел мраморное здание и цветочную поляну перед ним.

Тьюзди Рул уже не возился с орхидеями. Рядом с горшками стояла женщина. С длинными, почти до талии, черными волосами. В джинсах, облегающих полные бедра. Босиком. В ярко-алом бюстгальтере. С кожей цвета лесного ореха. С классической фигурой периода Боттичелли: большие бедра, большая грудь, уже тронутые возрастом. Натурщица Тьюзди, догадался Питер.

И тут что-то твердое и холодное уперлось ему в шею.

— Ты, похоже, забыл, что уезжать надо вовремя, старичок,— раздался спокойный голос.— Быстро подними руки и сложи их на голове... если ты хочешь, чтобы у тебя осталась голова.

Питер поднял руки. Тут же из кармана пиджака вынули пистолет.

— А теперь, марш к отелю,— приказал тот же голос.

Питер двинулся вперед, не онуская рук. Натурщица наблюдала за ним. Ее загорелое лицо хранило следы былой красоты. Увидел Питер и других, троих молодых людей с ружьями и дробовиками наперевес и рыжеволосую девушку в ярко-зеленом выше колен платье, стоящую у парадной двери «Причуды». Она широко улыбалась.

— Дурак,— услышал Питер, подходя к натурщице.

Глава 3

— Иди в дом,— последовало новое указание.

Питер подчинился. Давным-давно, в колледже, он по праву считался одним из лучших полузащитников в фут-

больной команде¹. Перед самой игрой нервное напряжение становилось непереносимым. И только после первого столкновения с соперником нервы успокаивались, и он мог показать все, что умел. То же самое имело место и сейчас. Встреча с опасностью произошла, реальной опасностью. И тревога, от которой потели руки и немели мышцы, исчезла. Ее заменила холодная, расчетливая злость, особая злость, готовность к бою.

Он прошел мимо пожилой женщины. Почувствовал запах ее экзотических духов. Когда он приблизился к парадной двери, девушка отступила в сторону.

— Привет, красавчик,— ухмыльнулась она.

Питер вошел в дом, вооруженные мужчины последовали за ним. Переступая порог, он замешкался, и ему тут же наподдали ружьем.

— Пошевеливайся!

Он оказался в огромном холле. Мебели не было, но стены до самого потолка, высотой не меньше пятнадцати футов, были увешаны картинами. С девяти из каждого десятка на Питера смотрела женщина, которую он только что видел у горшков с орхидеями. Но гораздо более молодая. В картинах не было ничего сексуального. Остальные изображали детей и животных. Почти на всех находилось место вазам с фруктами и овощами, четко выписанными, необычных цветов. Тьюзди Рул, возможно, не стремился к разнообразию сюжетов, но рисовал он мастерски. Питеру еще не доводилось видеть так много хороших картин, собранных в одном зале.

— К двери в дальнем конце,— не унимался голос.

Питер шел медленно, не отрывая глаз от экспонатов этой удивительной галереи. Вновь его подтолкнули.

Дверь вела в большую комнату, уставленную полками с книгами. На столе посреди комнаты высилась груда детских моделей самолетов, легковых автомобилей, грузовиков, танков, орудий. Перед огромным окном, выходящим на север, стоял мольберт с незавершенной картиной. Та же женщина, только на тридцать лет моложе. Палитра блестела свежими красками, десятки тюбиков разных цветов ждали на рабочем столике у мольберта.

— Ладно, старичок, можешь опустить руки и обернуться.

Питер опустил руки, повернулся к своему врагу.

¹ Имеется в виду американский футбол. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Мужчина, отдававший приказы, улыбался. Моложавый, черноволосый, с мягкими кошачьими движениями, решительными серыми глазами. Дуло его винчестера смотрело Питеру в грудь.

— Не следовало тебе возвращаться.

Позади застыли еще трое мужчин, с ружьями на изготовку. Худые, жестокие лица. Не старше двадцати двух, двадцати трех лет, подумал Питер. Появилась рыжеволосая девушка, того же возраста, источающая какое-то животное возбуждение.

— Этот совсем другой, К. К.

Черноволосый кивнул, не сводя глаз с Питера.

— Ты прибавил нам хлопот, старичок.

Те трое олицетворяли грубую силу, но этот, названный девушкой К. К., отличался грациозностью танцовщика. Умный, резкий, решительный. Остальные — обычные громылы. Главная опасность исходила от К. К.

— Мы должны решить, что с тобой делать, старичок, — продолжил К. К. — А пока мы будем решать, прими к сведению, что девушка, которую ты ищешь, здесь, в этом дворце, в другой комнате, под надежной охраной. Если кто-либо попытается выбраться отсюда, ей расшибут голову, как, впрочем, и этой потрясающей старушенции, что смотрит на нас со всех стен. Три шага вниз по проселку и им конец. Ясно?

— Ясно, — спокойно ответил Питер.

— Я попрошу маэстро объяснить тебе ситуацию, потому что мы должны следить за округой. В лесу полно идиотов, мечтающих о том, чтобы нажать на спусковой крючок, — он повернулся к мужчинам. — Бен, пригони «ягуар» и поставь его в гараж.

Высокий блондин вышел из комнаты.

— Труди, пригласи сюда маэстро.

Девушка последовала за блондином.

— Дьюк, присмотри за мамашей, пока маэстро будет излагать нашему другу-журналисту историю, которую ему никогда не удастся напечатать.

Ушел и второй мужчина, гибкий, черноволосый, с мертвенно-бледным лицом.

— А нам пора на наблюдательный пост, Джейк, — обратился К. К. к гиганту с чуть рыжеватыми волосами. — Не думай, что мы так уж беспечны, Стайлз, оставляя тебя одного. Если ты попытаешься удрать, произойдет то, что я тебе обещал. Старик сейчас придет. До встречи.

И Питер остался один.

Из глубин дома донесся перезвон гитарных струн, чуть гнусавый голос затянул популярную песенку. Мраморный пол в холле гулко отзывался на каждый шаг К. К. и его спутника.

Питер подошел к большому окну. Лес подступал прямо к зданию, расстояние до ближайших деревьев не превышало пятнадцати или двадцати ярдов. Зеленая листва манила к себе. Тридцать секунд, и его уже не найти... Возможно, до него долетел бы звук выстрелов, обрывающих жизнь Линды Грант и натурщицы Тьюзди Рула. Он не сомневался, что К. К. выполнит свое обещание. Они попали в руки молодых маньяков.

— Полагаю, я виноват в том, что вы здесь,— от неожиданности Питер вздрогнул.

За спиной стоял Тьюзди Рул. В потрепанных шлепанцах, он ходил совершенно бесшумно.

— Вы? — переспросил Питер.

— Только я,— в этот момент он напоминал Питеру старое дерево, готовое рухнуть при следующем порыве ветра. Черные глаза, прятавшиеся под кустистыми бровями, переполняли боль и печаль.— Я затеял с вами игру в слова, упомянул о гниющей дряни, которая попадает к нам. Честно говоря, я не хотел, чтобы вы меня поняли.

— Тогда зачем?

— Чтобы потом сказать себе, что пытался спастись,— старик отвернулся к незаконченному портрету.

— Я думаю, пока у вас есть такая возможность, вы должны рассказать мне, что здесь происходит.

— Мы все ждем смерти. Эмили, и я, и та девушка, которую они притащили из города. Линда.

— Вы довольно спокойно описываете совершенно безнадежную ситуацию.

— А что мне делать, рвать бороду клочьями? Мое время уже прошло. Мне семьдесят восемь лет, Стайлз. Но не Эмили. Не Линды.

— Саутворт мог бы помочь.

— Вы удивляетесь, почему я молчал? Потому что один из них, Джейк, стоял в холле, приставив дуло ружья к голове Эмили, а другой, Джорди, держал на мушке Линду. А где Саутворт? Вы вернулись без него.

— Началась стрельба. Он пошел узнать, что там такое.

— Ему известно, что вы решили вернуться сюда?

— Нет. Я подумал об этом после его ухода.

Тьюзди кивнул.

— Поэтому мы до сих пор живы. Когда вас начнут искать?

Питер задумался.

— Видите ли, я собирался уезжать, когда стало известно о похищении Линды Грант. Я жил в доме приятеля. С экономкой я попрощался. Все мои вещи в багажнике «ягуара». Я предложил Саутворту подвезти его. Он отдал кому-то свою машину. Если я не появлюсь в городе, все подумают, что я уехал.

— А если вы не приедете домой?

— Меня там ждут еще через месяц. Так что никто не хватится.

Тьюзди достал трубку и начал неторопливо набивать ее табаком.

— И Саутворт, скорее всего, больше не приедет сюда. Он уверен, что я смогу постоять за себя. Смех, да и только.

— Как это произошло, мистер Рул?

— Пожалуй, нам пора обращаться друг к другу по именам. Чтобы отличаться от этих крыс и...

— Пожалуйста, к делу, Тьюзди, — оборвал его Питер.

— Они пришли три недели тому назад. Четверо парней и эта рыжая. Столкнулись с нами, мной и Эмили, в лесу. Никакого оружия, ничего опасного. Просто пятеро голодных людей.

— Но сейчас они все вооружены.

— Мои ружья, мои патроны, — Тьюзди печально покачал головой.

— Значит, вы встретили их в лесу?

— Они сказали, что получили повестки и убежали от призыва. Не хотят служить в армии. Думайте обо мне, что хотите, Питер, но я проникся к ним сочувствием. Будь я в их возрасте, никто не смог бы заставить меня участвовать в этой идиотской войне во Вьетнаме.

— Девушка?

— Они зовут ее Труд. Где-то они ее подцепили. Она спит со всеми, маленькая потаскушка. Моя беда, Питер, в том, что я всю жизнь выступал против общепринятого. Только в мое время, как я понимаю, это было гораздо проще. Я убежал в Париж, чтобы стать художником. Я читал Лоуренса. Я решил, что секс никак не должен увязываться с бракосочетанием, и так далее. Я бунтовал против признанных художников. Сегодня я так же устарел, как они — в те годы. Я участвовал в демонстрациях протеста против тех, кто хотел запретить произведения таких писателей, как Джеймс Джойс и Генри Миллер. Теперь по их

книгам ставят фильмы. О, я был революционером. Эмили и я живем в грехе пятьдесят лет! Бунт против обывательства. И мы ближе и дороже друг другу, чем девять десятых семейных пар всего мира. Мы всю жизнь проговорили о нашей свободе. Верность, утверждали мы, совсем не важна. Она для глупых конформистов. Но Эмили и я никогда не изменяли друг другу. Мы напоминали себе каждый день, что никто не заставляет нас хранить верность, но не хотели ничего иного. Все эти годы мы любили друг друга, хотя говорили себе, что любовь — буржуазная выдумка. Бунтарство вам по душе, Питер. Эмили бунтовала против ханжества. Она была натурщицей. Когда в нашу парижскую квартиру приходили гости, она приносила еду и напитки обнаженная. Сегодня на ней гораздо больше одежды, чем на девушках на пляже.

— Думаю, вам лучше вернуться к К. К. и его приятелям.

— Я и говорю о них. Они пришли сюда, бунтуя против войны, насилия. Так они утверждали. Мы пригласили их в дом. Казалось, мы вновь окунулись в прошлое. Молодежь восстала против заведенного порядка. Они сказали, что их ищут. Я обещал им помочь. Девушка, как мы уже поняли, принадлежала им всем. Мы думали, что это та самая свобода, о которой писал Лоуренс полвека тому назад. У нас с Эмили все было по-другому, но мы решили, что одобряем и такие отношения. Свобода есть свобода.

Возникли трудности с пропитанием. Но я нашел выход. Теперь я ездил за продуктами не только в Барчестер, но и в окрестные городки, так что никто не догадывался, что я покупаю их больше, чем обычно. Несколько дней мы млели от счастья, слушая их рассказы об ужасном мире, в котором им довелось жить. В одну из поездок я купил батарейки к моему транзисторному приемнику. Я подумал, что музыка придется очень кстати. Тем более что один из них, Джордж, вы его еще не видели, упомянул в разговоре, что очень любит народные песни. Он все время сокрушался о том, что гитару пришлось оставить дома.

В тот же вечер после обеда мы включили радио. За столом мы сидели при свечах, электричества у нас нет. Парни по очереди танцевали с Труды. Все веселились. И тут музыкальная передача прервалась специальным выпуском новостей. Полиция сообщила, что банда из пяти молодых людей, терроризировавшая маленький городок неподалеку от Бреттлборо и хладнокровно убившая там семью из шести человек, судя по всему, сумела обойти

выставленные на дорогах кордоны и покинула территорию штата.

Вновь зазвучала музыка, но никто не пошевелился. Тут я понял, кого приютил у себя. Неделей раньше все только и говорили об этой трагедии.

— Я помню, — у Питера дернулась щека.

— Членов семьи ограбили, избили, искололи ножами, девушку-подростка изнасиловали, а затем всех облили бензином, и они сгорели заживо, — зубы Тьюзди впились в чубук. — Вот какими оказались мои юные революционеры! — по телу его пробежала дрожь. — Я встал из-за стола и направился к маленькой комнате, где хранились мои ружья. Но не дошел до двери, как вся свора набросилась на меня.

К. К., его зовут Карл Крамер, разобъяснил мне что к чему. Да, подтвердил он, это их дело. Они намеревались оставаться в «Причуде», пока полиция не прекратит поиски. Они взяли мои ружья и патроны. Только теперь они собирались охотиться не на животных. Мне приказали каждый день ездить за продуктами и прислушиваться к разговорам. И я ездил, потому что Эмили была в их руках. Как бы вы поступили на моем месте, Питер?

— Не знаю.

— Я не сомневаюсь, что они убили бы Эмили. Стоило хоть одному полицейскому появиться в «Причуде», мы бы умерли. Если б я обратился к властям и в Барчестер прислали бы всю национальную гвардию штата, Эмили рассталась бы с жизнью до того, как первый гвардеец вышел бы на опушку. Когда приехали вы с Саутвортом, мы были на волоске от гибели.

— А эта девушка, Линда Грант?

— Слабое звено в их цепи — Джордж, Джордж Мангер. Мне кажется, он наркоман. Он никак не мог успокоиться, что не взял с собой гитары. Прошлой ночью он спустился в Барчестер. В полночь городок уже спал. Насколько я могу догадаться, он увидел рекламное объявление в местной газете о продаже гитары в магазине Линды. Я привозил для них газеты. Убийца, бредящий музыкой! Он попытался проникнуть в магазин. Линда, вероятно, услышала шум и вышла посмотреть, что там творится. Джордж схватил ее, связал, разбил витрину, взял гитару, а затем вернулся сюда, вместе с Линдой.

— Почему?

— Они считают, что Джордж струсил. Ему следовало убить ее на месте. Но он твердил, что привел Линду для себя. Я подумал, что К. К. его пристрелит. Но нет. Они,

однако, сообразили, что начнутся поиски Линды. И поняли, что кто-нибудь обязательно придет в «Причуду». Их единственный шанс состоял в том, что мне удастся отделаться от незваных гостей.

— А если бы нет?

— Они убили бы Линду и Эмили, затем — меня и отстреливались бы до конца. Разумеется, они не стремятся к этому. Наоборот, еще мечтают о том, чтобы уйти безнаказанными. Чем дольше они просидят здесь, тем вернее их шанс ускользнуть от правосудия.

— Разве они не боятся, что вы и Эмили расскажете обо всем полиции?

— Не будьте наивным. Нас не оставят в живых. Они покончат с нами, как только решат, что пора уходить. Да и вас ждет та же участь.

— Если вам это ясно, почему не обратиться к Саутворту? Разве сегодня умереть труднее, чем завтра?

— Да, — старик смотрел на мольберт. — Нам с Эмили дорога каждая минута. Пара часов, несколько дней. Саутворт ничем не поможет ни нам, ни вам с Линдой.

— Время — единственный оставшийся у нас шанс.

— Время есть время, — покачал головой Тьюзди. — Шансов у нас нет. Извините, но таковы обстоятельства, — черные глаза уставились на Питера. — Разумеется, вы можете попытаться бежать. Возможно, вам это удастся. Возможно, что нет. Но для остальных ваш побег будет означать смерть. Нет нужды беспокоиться о нас, если вы уверены в успехе. Я вас винить не буду.

— Тут есть над чем подумать, — насупился Питер. — Если шансов у нас нет, неплохо позаботиться о том, чтобы их не осталось у наших новых «друзей».

— Я мог предпринять этот шаг давным-давно. Могу пойти на это завтра, когда поеду за продуктами. Саутворт окружит «Причуду». Это будет конец как для нас, так и для них.

— Давайте подумаем об этом.

— Я думал, — мрачно ответил Тьюзди. — И решил, что я и Эмили не будем торопить события, — он повернулся к двери. Слух его не подвел. В комнату вошла любимая им женщина.

Она принесла поднос с кофейником и двумя чашками. Грациозные движения тела, почти обнаженный торс. Морщины на загорелом лице, вызванные частым смехом и лучами солнца. Ее спокойствие передавалось окружающим. Что бы ни маячило впереди, Эмили не боялась.

— Я подумала, что ты хочешь кофе,— она поставила поднос на стол, ее пальцы пробежались по бороде Тьюзди.

Гигант наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

— Они отпустили тебя?

— О, они всем довольны,— Эмили повернулась к Питеру.— Мы еще не представлены друг другу, Питер. Я — Эмили Уилсон Рул.

В действительности, просто Эмили Уилсон, но все уверены, что мы с Тьюзди расписались пятьдесят лет тому назад и мне проще получать почту на его фамилию.

— Рад видеть, что вы не напуганы.

— О, еще как напугана,— Эмили радостно улыбнулась.— Я совсем не хочу умирать. Благодаря Тьюзди я с нетерпением жду каждого следующего дня нашей жизни,— она посмотрела на старика.— А что было до Тьюзди, я не помню.

— Вы можете объяснить, каким образом им удастся контролировать ситуацию?

— До сегодняшнего дня они держали меня заложницей, чтобы заставить Тьюзди ездить за покупками. Один из них постоянно находился рядом со мной, направив на меня ружье. После возвращения Тьюзди, они охраняли нас обоих. Появление Линды все изменило. Казалось бы, им требуется еще один сторож, но для юного Карла наши с Тьюзди мысли — открытая книга.

— Как это?

Гигант откашлялся. Обнял Эмили за плечи.

— Он знает, как драгоценна для нас жизнь. Но не сомневается в том, что мы не бросим Линду ради собственного спасения.

— И в то же время вы уверены, что они убьют вас, если вы откажетесь выполнять их требования?

— Тех людей они убили ради забавы,— ответила Эмили.— Они украли двадцать два доллара да дешевенькое ожерелье. Они убили бы и нас, чтобы поразвлечься, но мы им нужны. Пока они не могут уйти отсюда, они должны есть.

— Если я не появлюсь в городе день или два, кто-нибудь придет в «Причуду», чтобы узнать, не случилось ли чего с нами. В Барчестере живут добрые, порядочные люди. Если мы вдруг исчезнем, они забеспокоятся. И при этом они знают, что мы не жалеем посторонних. Так что, пока я приезжаю за продуктами, табаком, вином и прочими мелочами, никто не станет искать их в «Причуде». Пока они прячутся, им без меня не обойтись.

— Как обращаются с девушкой?

— С Линдой? — Эмили пожала плечами. — Джордж Мангер, тот парень, что притащил ее сюда, свихнулся, Питер. Он поет ей целый день! За исключением того момента, когда приехали вы с Саутвортом. Тогда он отложил гитару и приставил дуло ружья к ее голове.

— Рано или поздно они набросятся на нее, — добавил Тьюзди. — Они заскучают и разорвут ее на куски. Линда очень красивая.

— И вы это допустите?

— Вы сумасшедший, Питер? — вмешалась Эмили. — Если мы только пикнем, они заставят нас смотреть на то, что будут вытворять с Линдой.

— А потом вы с нетерпением будете ждать прихода следующего дня, Эмили?

— Хватит, Питер, — прорычал Тьюзди. — Не будем об этом.

— Я только пытался показать вам, Тьюзди, что у вас есть хоть маленькая, но власть, во всяком случае, пока вы им нужны.

Глава 4

Кофе оказался крепким и горячим. Он как бы напоминал о существовании реального мира, из которого они так внезапно выпали.

Сейчас они сидели и разговаривали, а пять секунд спустя могли, по чьей-то прихоти, лежать на полу, изрешеченные пулями. Слишком деликатным выходил баланс сил. К. К. и его дружки не могли обойтись без Тьюзди, но существовала черта, перейдя которую, они не смогли бы заставить старика помогать им и тогда из охотников они превращались в добычу. Пока Тьюзди мирился со своей совестью, оставались в живых и пленники. Но стоило ему взбрыкнуть, и началась бы кровавая бойня.

Питер глянул на северное окно и узкую полоску лужка, отделявшую «Причуду» от леса. Двадцать секунд — и он уже меж деревьев. Реальная возможность побега. Если по нему откроют огонь, выстрелы привлекут внимание поисковой группы Саутворта. Но, добравшись сюда, они найдут лишь трупы старика, Эмили и Линды.

Крамер, должно быть, знал, что делает, оставляя Питера одного, или надеялся, что тот решится на побег? Может, он притаился за углом, с ружьем наготове? И хотел таким

образом обосновать необходимость убийства журналиста перед Тьюзди, чтобы старик продолжал ему служить? Или Карл сразу раскусил его? Он знал, что Тьюзди не обратится в полицию, отправившись за покупками. Неужели он с первого взгляда понял, что и Питер не станет спасать свою жизнь за счет других?

Питеру уже доводилось искать ответ на тот же вопрос. Первый раз такое случилось в Корее, но ставки тогда были иными. Предстояло вырваться из окружения, чтобы передать важные сведения командованию. Оставшиеся на позиции не могли рассчитывать на спасение, но донесение могло предотвратить гибель сотен солдат. Сейчас настоящего выбора не было. В другой раз в маленьком южном городке зал собраний, в котором он находился с полудюжиной негров, окружила ревущая, жаждущая крови толпа белых. Тогда он мог уйти и избежать опасности только благодаря цвету своей кожи. Но он остался и боролся до конца.

И в сложившейся ситуации Питер не мог решиться на побег, зная, что его спасение станет причиной смерти хозяев «Причуды» и Линды Грант.

Но не признавал Питер и безысходных положений. Выход был, требовалось лишь время, чтобы найти его. Им могла помочь сама «Причуда». Он видел лишь холл да комнату, где рисовал Тьюзди. Но огромное здание вмещало десятки комнат, коридоры, чуланы, подвальные помещения. Завладев оружием, они могли бы вести настоящую войну, не покидая отеля, и продержаться достаточно долго, во всяком случае, достаточно для того, чтобы жители Барчестера задумались, а почему Тьюзди не приезжает за покупками. Но все оружие и патроны находились у Крамера. Допустим, он раздобудет ружье, что весьма и весьма проблематично, но требовалось еще собрать всех пленников по одну сторону баррикады. Противник был грозен, но «пока есть жизнь, есть...».

— Я прямо-таки слышу, как ворочаются твои мозги, старичок, — раздался от двери голос Крамера. Он улыбался, небрежно покачивая ружьем. — Тьюзди, вам и мадам пора заняться ужином. Сегодня будем есть по очереди. Какой-нибудь кретин может забрести к «Причуде». И я хочу поговорить со Стайлзом наедине.

Тьюзди беспомощно пожал плечами и вместе с Эмили вышел из комнаты.

Крамер достал сигарету из нагрудного кармана, закурил.

— Мы можем побеседовать и сидя, старичок, — он взгромоздился на краешек стола, не сводя глаз с Питера. — Я все знаю о тебе, Стайлз. Великий борец за справедливость, народный герой. Известно мне и о твоей металлической ноге, и о том, как это случилось. Какая из них? Или я должен выяснить это сам?

— Правая, — побледнев, ответил Питер. Гулко забилося сердце.

— Садись, садись. Старики будут возиться с ужином не меньше получаса. А мы можем получше узнать друг друга.

Питер присел на вращающийся стул перед мольбертом. Пахло масляными красками и скипидаром.

— Тьюзди объяснил тебе, что к чему? — сигарета ходила вниз-вверх между губами Крамера.

— Да.

— Но ты не собираешься сдаваться, не так ли, старичок? Я хочу кое-что добавить к его рассказу.

— Я слушаю.

— Скажу тебе о том, чего Тьюзди, скорее всего, не знает. Я здесь главный, но мое слово не является законом. Полагаю, ты и сам это видишь. Я бы никогда не согласился отпустить Джорджи в город за этой проклятой гитарой. И уж тем более не разрешил бы привести сюда эту девицу. В общем, меня не так уж и слушают. Это ясно?

— Да.

— Если ты начнешь изображать героя, не в моих силах предотвратить то, что может случиться с тобой, даже если б я этого и захотел. Даже если б я решил, что это не в наших интересах. — Пепел упал на воротник рубашки, но Крамер словно этого и не заметил. — Чтобы правильно оценить свое положение, тебе нужно знать, что это за парни.

— Меня больше интересуют вы.

— Лесть не поможет, старичок, — улыбнулся Крамер. — Но одно я тебе скажу. Я хочу выбраться отсюда целым и невредимым и постараюсь осуществить свое желание. Ни ты, ни старики, ни девушка не смогут мне помешать. Я полагаю, что для нас лучше всего оставаться здесь еще две-три недели. Мы ушли бы и раньше, если б этот бес толковый Джордж не переполошил всю округу. Теперь они еще долго будут искать девушку или ее тело. И обращать внимание на каждого незнакомца. Он осложнил нам жизнь.

— Мы постараемся убедить его. Думаю, нам это удаст-

ся, если я дам волю мальчикам с Эмили или Линдой. Но если я ошибаюсь, нам придется уходить отсюда, хотим мы этого или нет. А если нас заставят уйти раньше, чем нужно, мальчики захотят поквитаться. Однажды они вкусили крови и вновь мечтают об этом.

— Семья около Бреттлборо?

Крамер нахмурился, кивнул.

— Я не могу держать их в узде. Мы зашли на ферму, чтобы раздобыть немного денег и еды. Хозяин плеснул горячим кофе в лицо Джейку Телицки. Что там началось. В мгновение ока они разодрали шесть человек на куски, — серые глаза блеснули. — Словно произошел взрыв. Казалось, им дали ЛСД. Они обезумели.

Во рту Питера пересохло.

— Они только и ждут, чтобы сорваться вновь, — продолжал Крамер. — Им это понравилось. И мне их не остановить.

— Даже если б вы этого хотели.

— Даже если б хотел, — Крамер раскурил новую сигарету, окурок бросил на каменный пол. — Пути к спасению нет ни для кого, старичок, за исключением, возможно, меня. Думаю, я сумею добраться до Мексики, а оттуда уехать в какую-нибудь страну, где даже не слыхивали о США. Остальным для этого не хватит ума. Они слишком жаждут крови.

— Но почему не попытаться уйти одному?

— Потому что они набросятся на меня. Четверо против одного, да кошачьи когти впридачу.

— Кошачьи когти?

— Я про рыжую. Она присоединится к ним, потому что я нахожу, что она не в моем вкусе. Как видишь, я жонглирую бомбой на острие ножа, старичок. Они признают, что я умнее, поэтому и слушают меня. Но, если я пойду им наперекор, церемониться со мной не станут. В душе они ненавидят меня, потому что для них я ассоциируюсь с властью. В старике они видят папу, а папа — это враг. Эмили — мама, значит, тоже враг. В конце концов, когда нужда в них отпадет, мои парни сожрут их живьем.

— А Линда Грант?

Крамер облизал губы.

— Лакомый кусочек. Право первого принадлежит Джорджи Мангеру, который привел ее сюда, а потом наступит их очередь, и они ее не пощадят, потому что она не получит наслаждения от общения с ними, — он засмеялся. — Джорджи — чокнутый, знаешь ли. Он полон безумных

грез. Он хочет, чтобы Линда отдалась по своей воле, потому что мнит себя неотразимым. Он провел с ней целый день, говорил, пел. Ухажер! И будет говорить и петь, пока не поймет, что этим ничего не добьется. Тогда он начнет мстить, братец.

— И вы не шевельнете пальцем, чтобы удержать его?

— Не в моей власти, старичок. Даже домашняя собачонка кусает хозяина за руку, если тот заденет ее за живое.

— Как вы собрали эту банду?

— Долгая история о кривой дорожке, — Крамер нахмурился. — Да и какое это имеет значение? — он глубоко затынулся. — Блондин, Бен Мартин, и долговязый чернявый, Дьюк Лонг, — из Нью-Йорка. Дети окраин. Они познакомились еще подростками и с тех пор вместе. Отец Бена был портовым грузчиком. А Дьюк не знает, кто у него отец. Его мать жила в двухкомнатной квартире неподалеку от Норт-Ривер с десятью детьми от разных папаш. Бен перенял воровские приемы у своего старика. Мне говорили, что грузчики богатели на мелких кражах. Мальчики росли без присмотра. Хулиганили на улицах, грабили в подземке. Девчонка у них была одна на двоих, Труды Гаррет, эта рыжая. Ночевали они в подъездах да на пристанях. Какой-то умник приучил их к наркотикам, и они ударились в грабежи, чтобы расплачиваться за необходимое им зелье. Как-то вечером Бен покусился на добычу отца. Завязалась драка, и Бен пырнул папашу ножом. Из дома пришлось уйти. Однажды, приняв изрядную дозу, они попали на митинг протеста. Какие-то парни обличали войну во Вьетнаме и жгли повестки. Они также решили выразить свое несогласие с действиями администрации. Все как раз говорили о самосожжении буддистов в Сайгоне. Вот и они нашли какого-то бродягу, облили его бензином и сожгли живьем, — серые глаза внимательно разглядывали Питера. — Не тошнит, старичок?

— Есть немного, — холодно ответил Питер.

— Кто-то заметил рыжую, пока бродяга горел, как свеча, и им пришлось сматываться из Нью-Йорка. На попутном грузовике они добрались до Коннектикута. Днем прятались, ночью воровали. Думаю, они направлялись в Канаду. Где-то подцепили Джейка Телицки. Самый здоровый из нас. Прошлого у него примерно такое же. Боролся на ярмарках, зарабатывал на жизнь своими мышцами. Сила — все, что у него есть, и лишь жестокостью он может доказать миру, что он — мужчина. Он присоединился к Бену, Дьюку

и девке. Думаю, он тоже спит с ней. Потом они нашли Джорджи Мангера. Плохой мальчик, не такой грубый, как остальные, но достаточно испорченный, чтобы восхищаться их независимостью и безжалостностью.

— Но теперь они в опасности, потому что их слишком много. Питерым прятаться сложнее, чем одному. Они потеряли бдительность. То тут, то там находился свидетель, общавший полиции приметы кого-то из них. Сейчас их ищут по всей Новой Англии. Как-то ночью шестеро полицейских загнали их в угол, и вот тут появился я.

— Вы тоже в бегах? — спросил Питер.

— Да, — коротко ответил Крамер, соскочил со стола, налил холодного кофе в чашку Тьюзди, выпил. — Эмили варит кофе, которым можно дубить шкуры.

Питер пристально наблюдал за Крамером, пока тот пил кофе и возвращался на свое место. Первое впечатление о нем не изменилось. Чувствовалась железная воля. И в то же время Питер не мог совместить Крамера с его чудовищным рассказом. На ум пришло нужное слово — разборчивый. Разборчивость Крамера не оставляла сомнений в том, что он не имеет ничего общего с бессмысленной жестокостью, насыщавшей его рассказ. И все же он входил в банду и являлся ее мозговым центром.

Питер взглянул на руки Крамера, поглаживающие ружье. Чистая кожа, ухоженные ногти. Рыжеволосая Трудя, легко доступная каждому из них, по словам Крамера, его не интересовала. Это, да и другие мелочи выделяли его из остальных.

Крамер засмеялся.

— Пытаешься понять, что я за птица, старичок?

— Разве на моем месте вы поступили бы иначе?

Улыбка сползла с лица Крамера.

— Желание познать людей и привело меня в «Причину» Тьюзди. Прелестное название для этих катакомб, не так ли? Старик всю жизнь боролся за личную свободу, не шел на компромиссы, никого ни о чем не просил, разве что не совать нос в чужие дела. Первый раз он решил кому-то помочь и попал впросак. Ему не надо ничего, кроме свободы, и мне нужна свобода, и парням, и Трудя, и тебе с Эмили, и этой девушке из города. Все мы хотим быть свободными. Но тут есть подвох.

— О?

— Свободу мы понимаем по-разному.

— Мы хотим жить, как нам хочется.

— Любой ценой, — продолжил Крамер. — Но мир жаж-

дет видеть нас муравьями. Или ты будешь, как все, или...

— Вы бежите, потому что не хотите становиться муравьем?

— Какая вам разница, почему я бегу?

— Есть разница,— ответил Питер.— Если однажды вас заставили бежать, не исключено, что это может повториться.

Крамер кивнул, словно слова Питера ему понравились.

— Мудро. Но помни, старичок, волноваться тебе надо не только из-за меня. Я кое-как держу их, но один неверный шаг, и они вцепятся тебе в горло. Ты знаешь, почему я бегу? Потому что мне, как и тебе, нравится отыскивать причины, побуждающие людей к действиям.

— Я стараюсь отыскать путь с спасению собственной жизни,— возразил Питер.

— А я пытался найти возможность сделать сносной свою жизнь. Одно и то же.

— Что же случилось? — спросил Питер.

— Я пожадничал.

— Деньги?

— Ты не так умен, как я ожидал, старичок. Я хотел стать богом!

Питер замер. Одно лишнее слово, и Крамер не скажет ему, возможно, самое важное из того, что он мог услышать. Он понял, что Крамер хочет выговориться, хотя бы для того, чтобы оправдаться перед самим собой. Должно быть, его замучила совесть из-за того, что произошло и продолжает происходить. Если сейчас разрушить чары, он может не заговорить вновь.

— Карл Крамер, выпускник тысяча девятьсот шестьдесят пятого года безымянного университета. Шел на диплом с отличием, специальность — психология и социология. Удивил тебя, старичок?

— Огнюдь. Какой университет?

— Мой секрет. Нет смысла раскрываться. Информация — сила, это я понял еще в школе, старичок. Весь мир был моей лабораторией. Я мог пройти по студенческому городку, положить руку на любое из тысяч плеч и найти того, кем я мог манипулировать, лепить так, как мне этого хотелось. Неудивительно, что я захотел стать богом.

— И вы попытались.

Крамер помрачнел.

— Попытался. О, я провел на людях тысячи маленьких опытов, чтобы нащупать контролирующие рычаги. А затем начал большой эксперимент. Мальчик из влиятельной

и богатой семьи. Красавец с обворожительной улыбкой. Его я сделаю королем, сказал я себе. С его внешностью и моими мозгами мы взойдем на Луну, сказал я себе. И все время я посмеивался бы в душе, потому что он был бы королем с пустой головой, а я дергал бы за веревочки, заставляя его плясать.

— Но вы сдались?

— Он повесился на одной из стальных балок в университетском спортивном зале, — голос Крамера дрогнул.

— Почему?

Ему ответил невеселый смех. Питер затаил дыхание.

— Мы живем в век толпы. Массовое насилие. Массовые демонстрации. Одиному волку сейчас очень непросто. Его могут просто затоптать, не заметив. В наше время никто и не думает, за что борется. Черные хотят стать белыми. Белые хотят остаться белыми и в ужасе от того, что их будет меньше, если начнут считать черных. Но они несут чушь, старичок. Они твердят о добре и зле. Когда люди наконец достигнут вершины, они объявят вне закона различия между правдой и кривдой, добродетелью и грехом. Они перестанут быть конформистами, потому что им будет нечего примирять.

— Ваш приятель повесился, — напомнил Питер.

— Идиот. Я думал, он понимает, к чему мы стремимся. Но в конце концов выяснилось, что его интересовал только я. Меня чуть не вырвало от отвращения, и я сказал ему об этом. А он повесился.

— И вы убежали?

— Он оставил записку. Надо мной все смеялись. Они поверили, во что хотели верить, и посчитали меня таким же, как мой друг. И я убежал, чтобы найти место и время обдумать все заново. Тогда-то я столкнулся с нашими приятелями. Поначалу их компания показалась мне забавной. Они скрывались от полиции. Они учились премудростям ночной жизни. А потом эта бессмысленная резня на ферме, — рот Крамера дернулся. — Проливать кровь ради собственного удовольствия. Это даже возбуждало. На какое-то время. Им пришлось искать укрытия, и я поневоле стал их лидером. Я соображал лучше их.

— Это естественно.

— Мы набрали на этот сарай, идеальное убежище. И остались здесь.

Крамер достал еще одну сигарету, закурил.

— Пока Тьюзди служит нам, кормит и прикрывает нас, мы все нужны друг другу. Кто-то из нас должен бодр-

ствовать, пока спят остальные. Мы должны держаться вместе, чтобы у Тьюзди не возникло мысли напасть на кого-то одного в уверенности, что ему не придут на помощь. Но, когда мы уйдем...

— Оставив трупы ваших пленников,— вставил Питер.

— Да, убив вас, мы разделимся и пойдем каждый своей дорогой. Я думаю, мне удастся спастись. Им — нет, но они этого еще не знают,— Крамер покачал головой, словно не мог поверить в то, что ему стало известно.— Это безумие, старичок. Тьюзди понимает, что его ждет. Но для него лучше прожить еще несколько дней, неделю, чуть дольше, но не нарушать этого хрупкого равновесия. Он, конечно, прав. Надеяться нам не на что. Но трудно осознать такое яростное желание жить.

— Всегда остается вероятность того, что вы просчитаетесь.

— Не питай ложных надежд, старичок,— Крамер глубоко затынулся.— Я рассказал тебе обо всем, чтобы ты представлял реальное положение дел. У тебя более совершенный мыслительный аппарат по сравнению с Тьюзди и его мадам. И я нутром чувствую, что ты так просто не успокоишься. Занятно будет наблюдать за твоими попытками сорваться с крючка. Куда печальнее, если ты сам не поймешь их безнадежность.

— Значит, вы изображаете бога и со мной?

Крамер рассмеялся.

— Иначе скука станет совсем уж непереносимой.

Глава 5

Кухня «Причуды» Тьюзди, с выстланным мрамором полом, рассчитанная на многочисленных гостей отеля, имела внушительные размеры. Плита, в полном соответствии с техническим уровнем двадцатых годов, топилась углем, цища могла подогреваться в различных по размерам духовках. На стене висели медные сковородки и кастрюли. Некоторые, ими пользовалась Эмили, блестяли. Полки гигантского буфета заполняла посуда. Кухонный лифт мог поднять поднос с едой этажом выше, где находился обеденный зал. Из стен торчали старомодные переговорные трубки. По ним повара получали заказы официантов. Середину занимал длинный стол, предназначавшийся для приготовления блюд, которые затем отправлялись наверх. Там же стояла широкая деревянная колода для рубки мяса. Для хранения туш предназначался специальный ледник с герметично закрывающейся дверью.

Плита, разумеется, топилась не углем. Эмили предпочи-

тала дрова, которые Тьюзди заготавливал в хорошую погоду. Они всегда ели на кухне, рядом с большой плитой. Так было удобнее. Стену напротив украшал натюрморт Тьюзди — внушительных размеров полотно с фруктами и овощами, мертвыми кроликами и лесными птицами, сверкающими яркими красками. На дальней стене висел один из бесчисленных портретов Эмили, на этот раз с маленьким белым пуделем с синей ленточкой на шее. Пудель лежал, уткнувшись черным носом в пышное бедро Эмили. Повара двадцатых годов, возможно, сочли бы, что такая картина отвлекает от основного дела.

В огромной кухне Тьюзди и Эмили готовили ужин для врагов. Горели свечи в красивом бронзовом канделябре, разгоняя сумерки, спустившиеся на гору Барчестер. Огонь в печи, на котором Эмили жарила бифштексы, согревал воздух.

Они сидели за длинным столом: Крамер, светловолосый Бен Мартин, ударивший ножом отца, здоровенный Джейк Телицки, рыжая Труди и Питер. Дьюк Лонг, похоже, охранял здание снаружи. Не появились только Джордж Мангер и Линда Грант. О них и шел разговор.

— Джордж хочет, чтобы я принес ужин ему и его даме, — обратился Телицки к Крамеру.

— Пусть приведет девушку сюда, — ответил тот. — Я не хочу, чтобы сегодня мы разбрелись по всем этажам. Бог знает, кого к нам может занести. Лучше держаться вместе.

— Я ему скажу, — Телицки встал и вышел из кухни.

Как ни боялась Эмили, но ужин она приготовила превосходный. Бифштексы, коричневевшие поджаренной корочкой, жареный картофель с луком, большая чашка зеленого салата с огурцами, луком и помидорами. Питер догадался, что именно так любил ужинать Тьюзди.

Себе и Тьюзди она поставила тарелки в конце стола. От остальных их отделяло шесть футов пустого пространства. Старики и здесь, насколько возможно, хотели держаться особняком.

Крамер молчал. Мартин жадно ел. Труди Гаррет не притрагивалась к еде, наблюдая за Питером.

— У тебя роскошная телега. Никогда не ездила в «ягуре».

— Хороший автомобиль, — кивнул Питер.

Мартин поднял голову от тарелки.

— На ней можно удрать и от патрульной машины, так? Питер пожал плечами.

— Девяносто миль для «ягуара» — пустяк. Беда в том,

что для таких скоростей годятся только автострады,— он сухо улыбнулся.— Если вы думаете о том, как выбраться из Барчестера, то на здешних дорогах патрульные машины не уступят «ягуару».

Мартин глубоко задумался, острый стальной нож застыл над тарелкой.

— Я хотела бы прокатиться при луне,— гнула свое рыжая.

— Забудь об этом,— ожил Крамер.— Хватит с нас лунных прогулок. Мы уже могли бы уйти, если бы Джорджи не шлялся по ночам.

— Ты знаешь, что он весь день поет этой куколке? — засмеялась Труди.— Меня это не радует.

— Не всякую нужно бить, чтобы разжечь ее,— заявил Мартин и вновь принялся за бифштекс.

Крамер плотоядно улыбнулся.

— Трубадурский подход приносил успех во все века,— он повернул голову. На пороге возник Телицки. За ним шла девушка.

Питер почувствовал, как напряглись его мышцы. Никогда не доводилось ему видеть столь обнаженного ужаса. Линда Грант запомнилась ему спокойной, красивой, улыбающейся. Глянувшее на него лицо казалось чудовищной карикатурой на прежний образ. Черные круги появились под глазами, ставшими озерами страха. Она попала в руки безумца. Тот разрисовал ей все лицо. Темно-синие тени на веках, тушь на ресницах, широкие полосы помады на губах. Питер вспомнил, что в магазине она обходилась практически без косметики. Не вызывало сомнений, что под коротким, на несколько дюймов выше колен, ночным халатиком ничего не было. Линда едва передвигала ноги, придавленная стыдом.

Заметив Питера, она остановилась, обхватив себя руками, словно хотела спрятаться за них. Она никак не ожидала увидеть его здесь. Губы раскрылись, но ни единого звука не сорвалось с них.

— Заходи, крошка,— пророкотал Телицки.— Поешь, пока у тебя есть такая возможность.

Пронзительно захохотала Труди.

Питер встал.

— Здесь есть свободное место, мисс Грант,— он отодвинул стул рядом с собой.

— Джорджи это не понравится! — фыркнула Труди.

Линда быстро подошла и села на предложенный Питером стул, пододвинулась как можно ближе к столу.

Питер взглянул на девушку, а затем направился к плите, где Эмили наполняла тарелку Линды.

— У вас есть посудное полотенце?

Он чувствовал, что Крамер и остальные перестали жевать и смотрели на него. Эмили дала ему полотенце, Питер смочил его холодной водой над раковиной и принес Линде.

— Вытрите лицо.

Линда взяла полотенце и первым делом вытерла губы. На белом полотне помада выглядела, как кровь.

Питер повернулся к Труди Гаррет.

— Вы не могли бы принести ей что-нибудь из одежды?

— Джорджи это не понравится, — глаза Труди сверкали от возбуждения.

— Принесите ей что-нибудь, — властно повторил Питер.

Труди взглянула на улыбающегося Крамера.

— Чего не сделаешь ради смеха, — и она выпорхнула из кухни.

— Ты позволишь ему командовать парадом? — спросил Мартин Крамера.

— А отчего бы нам не поразвлечься? — ответил тот.

Питер сел рядом с Линдой.

— К несчастью, я тоже попал в плен. Вас не обижали?

— Физически — нет, — по ее телу пробежала дрожь.

— А что с ногами?

— Меня заставили подняться в гору босиком. О боже, мистер Стайлз, что с нами будет?

— Хорошего ждать не приходится.

— Мы не можем выбраться отсюда?

— Пока я не знаю как.

— Этот парень, что привел меня сюда, он же законченный псих!

— Такие теперь люди.

Пальцы Линды впились в стол.

— Меня ищут?

— Саутворт приезжал в «Причуду». Тьюзди дал ему от ворот поворот.

— Я не понимаю, — в отчаянии прошептала Линда.

— Если б он поступил иначе, нас всех убили бы.

Они говорили очень тихо, поэтому Крамер и двое его дружков, сидевших довольно далеко, могли их не слышать.

Вернулась Труди. Она принесла черные кружевные трусики, ярко-оранжевое платье. Подошла к Линде и бросила одежду на стол.

— Все, что я смогла найти для тебя, милашка.

— Идите переоденьтесь, — Питер повернулся к Линде. Та встала, прижимая трусики и платье к груди.
— Слева есть комната, — показала от плиты Эмили.
— Одну минуту, — раздался новый голос. — Что это ты задумала, крошка?

Питер услышал, как ахнула Линда. В кухню вошел высокий парень с чуть рыжеватыми длинными волосами, с перекинутой через плечо гитарой. Джордж Мангер.

— Ночной халатик оскорбляет вкус мистера Стайлза, — пояснил Крамер.

— Плевать мне на мистера Стайлза, — ответил Джордж.

— Я принесла ей красивое платье, Джорджи, — влезла Трудя.

— Мне она нравится такой, как есть, — упорствовал Мангер.

— Идите переоденьтесь, — повторил Питер.

Но Линда остолбенела, не в силах пошевелиться. Джорджи медленным шагом направился к ней. Тут Питер понял, что имела в виду Линда, называя Мангера психом. В его близко посаженных глазах не было ничего человеческого.

— Смена декораций нам не повредит, — заметил Крамер.

Джордж остановился в двух футах от Линды. Из уголка рта бежала тоненькая струйка слюны.

— Тогда пусть переодевается здесь. А мы все посмотрим.

— Идите, куда сказала Эмили, — приказал Питер Линде.

Джордж истерически засмеялся, протянул руку и сдернул халатик с плеча девушки.

Питер ударил его по лицу так резко и сильно, что Джордж тяжело опустился на мраморный пол. Треснуло ломающееся дерево — при падении Мангер раздавил гитару.

Джордж поднял голову. По подбородку текла кровь. Затем вскочил на ноги, выхватил пистолет, который забрали у Питера утром.

— Не стоит, Джорджи, — мягко остановил его Крамер. — На выстрел сбежится весь город. Конечно, ты можешь хорошенько отделать его, если хочешь.

— Я его отделаю, — голос Джорджа дрожал от ненависти. Не спуская глаз с Питера, он убрал пистолет, отшвырнул разбитую гитару.

— Идите переоденьтесь, — в который раз повторил Пи-

тер. Не видя Линды, он почувствовал, что та пятится к указанной Эмили комнате. Что-то щелкнуло, и в руках Джорджа появилась финка с выскакивающим из рукоятки лезвием. Сталь тускло блестела при свете свечей.

— Я тебе покажу! — выдохнул Джордж и прыгнул на Питера.

Давным-давно Питер служил в подразделении командос. К его немалому удивлению, рефлекс самообороны сработал автоматически. Координация, конечно, стала похуже, протез — не нога, но он даже не думал об этом. Ушел в сторону, схватил запястье Джорджа, повернулся и бросил длинноволосого парня через плечо. Пролетев над столом, тот врезался в стену. Нож запрыгал по мраморному полу. Питер обернулся. Джордж лежал у стены, как куча тряпья. Без всякого сожаления Питер подумал, что скорее всего сломал тому шею.

Мертвая тишина повисла в кухне, лишь скворчал жир на раскаленной сковороде. Тьюзди выскользнул из-за стола, подошел к Эмили и обнял ее за плечи.

Крамер не пошевелился. Тяжелые веки опустились, глаза превратились в узкие черные прорези.

Телецки и Мартин смотрели на Крамера, ожидая приказа.

Труди проскочила мимо Питера, упала на колени рядом с Джорджем, осторожно повернула его лицом к себе.

— Отключился! — она взглянула на Крамера. — Карл, я думаю, он мертв.

Крамер неторопливо поднялся, подошел к Труди, присел. Большим пальцем приподнял веко Джорджа. Затем встал и повернулся к Питеру. Холодная улыбка играла на его лице.

— Ты крут, старичок.

Случившееся потрясло Питера. Все произошло так быстро, что он не успел ни о чем подумать. Он хотел лишь избежать удара ножом. Во рту у него пересохло. Острая боль в правом плече свидетельствовала о растяжении, даже о разрыве нетренированных мышц.

— Вы думали, он даст себя ударить? — прогремел голос Тьюзди.

— Ничего я не ожидал, — огрызнулся Крамер. — Это единственный способ прожить в этом мире.

— Позвольте мне взглянуть на него, — неожиданно вмешалась Эмили. — Я умею оказывать первую помощь.

— Валайте, — Крамер задумчиво разглядывал Питера, затем повернулся к Телицки.

— Джейк, позови Дьюка. Мы должны решить, что делать дальше.

Телички чуть ли не бегом выскочил из кухни.

Эмили наклонилась над Джорджем. Пощупала пульс. Попросила у Труды пудреницу, приложила зеркало к губам Джорджа. Посмотрела на Крамера.

— Он жив,— поставила диагноз Эмили.

— Что же нам делать, мамаша? — спросил тот.

— Если вы хотите, чтобы он остался в живых, надо послать за доктором. Возможно, у него сломана шея. Или пробита голова. Я видела такое в армейских госпиталях во время войны.

— Вы же знаете, что мы не можем вызвать сюда доктора.

— Он — ваш друг. Нельзя оставлять его на полу. И ему нужно тепло.

В коридоре слышались шаги бегущих. Телички и Дьюк Лонг ворвались в кухню и застыли, глядя на Джорджа.

— Как там дела? — спросил Крамер.

— Вдалеке слышатся голоса,— ответил Лонг.— Они перекликаются на южном склоне.

— Они услышали бы выстрелы,— Крамер закурил.— Как нам перенести его, мамаша?

— Это не имеет значения, если вы не собираетесь посылать за доктором.

Крамер вновь повернулся к Питеру.

— Шустрый ты парень, Стайлз. Думаю, нам придется преподать тебе урок. Почему бы вам троим не заняться им, Джейк?

Телички кивнул. Мартин и Дьюк Лонг двинулись к Питеру.

— Нет! — воскликнула Линда.— Это моя вина. Он вступился за меня.

— Ваша очередь следующая,— хохотнул Крамер.— Если бы вы уступили Джорджи, ничего бы не произошло.

— Если вы не унесете вашего приятеля,— спокойно заметила Эмили,— он умрет прямо сейчас.

— Вы правы, мамаша,— кивнул Крамер.— Мы еще успеем заняться Стайлзом. Принеси большое одеяло, Джейк.

Скрипнув зубами, Телички направился к двери.

— В комнате, где переодевалась Линда, есть кровать. От плиты там тепло и в холодные ночи. Лучшего места для него не найти. Там есть и одеяла.

Телички принес одеяло.

— Постарайтесь подсунуть одеяло под него. Пусть кто-нибудь поддерживает его голову, — руководила Эмили.

— Голову держать вам, мамаша, — решил Крамер. — Вы знаете, как это делается. А потом вы останетесь и поухаживаете за ним.

Им удалось положить Джорджа на одеяло.

— Берись за один конец, Стайлз, — скомандовал Крамер.

Вчетвером с Эмили, поддерживающей голову Джорджа, они легко подняли его и перенесли в прилегающую к кухне комнату — темную, маленькую, с узкими оконцами на высоте глаз. Они опустили Джорджа на белую, с металлической сеткой кровать. Из уголка посиневших губ бежала струйка розовой слюны.

— Неважно он выглядит, — пробурчал Телички.

— Он совсем плох, — Эмили нашла второе одеяло и укрыла Джорджа.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Крамер Эмили.

— Лучше молитесь за него, если вам дорога его жизнь, — ответила та.

— Он выживет?

— Спросите об этом у бога.

Словно стальная клешня сомкнулась на руке Питера. Его буквально выволокли на кухню. Протез подвернулся и внезапно он оказался на четвереньках. Питер поднял голову. Крамер спокойно курил. Линда, объятая ужасом, вцепилась в стол. Питер повернулся к Тьюзди. Старик напоминал бородатую статую. Сбоку Питера ударили по ребрам.

Он распластался на полу, жгучая боль пронзила тело.

Его тут же подняли на ноги. Холодная ярость блеснула в желтоватых глазах Телички. Здоровенный кулак врезался в челюсть Питеру, тот отлетел назад, ударился о массивный стол и сполз на пол. Красный туман застилал глаза.

— Стойте! — взревел Тьюзди. Питер пытался разобрать, что говорит старик. Но мир вертелся со все возрастающей скоростью.

— Прежде чем вы убьете его, задумайтесь о последствиях.

— К черту последствия, — прорычал то ли Мартин, то ли Дьюк.

Питер изо всех сил пытался не потерять сознание. Его переполняла злость, жажда мести.

— А последствия таковы,— продолжал Тьюзди.— Мы знаем, что вы не оставите нас в живых. Но мы продолжаем надеяться... а вдруг? Но, если вы убьете одного из нас, все изменится. Вам не нужны живые свидетели преступления. И мы не сможем примириться с совестью, если будем спокойно смотреть, как вы убиваете его. Убьете его, и я больше не поеду в город, а Эмили перестанет готовить вам еду. Вам придется сегодня же убить и остальных.

— Не искушай нас, старик,— процедил Крамер.

— Утром меня ждут в городе. Я не могу не приехать, чтобы узнать, как идут поиски Линды. Поэтому, если я не появлюсь, они приедут сюда. Для вас это конец. Вы не сможете выбраться из этих лесов, пока они ищут Линду. А поиски могут затянуться и на неделю. Сейчас мы вам нужнее, чем когда бы то ни было.

— Мы не собираемся торговаться с тобой, старик,— ответил Крамер, но в его голосе слышалась озабоченность.

Телички, впрочем, не прислушивался к их разговору. Он наклонился, чтобы схватить Питера за лацканы пиджака и еще раз как следует врезать ему. Питер изо всех сил лягнул Телички в пах. Вопль боли огласил кухню. И тут же Мартин и Дьюк набросились на Питера. Закричала Линда. Кто-то сорвал с него протез. Удары, крики, проклятия... Пока свет не померк в глазах Питера.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Питер открыл глаза в почти полной темноте, и сразу же волна жгучей боли прокатилась по телу. Где-то недалеко медленно двигался яркий красный кружок. На мгновение Питеру подумалось, что удар по голове повредил ему зрение и, кроме красного круга, он уже ничего не видит.

Но запах табачного дыма подсказал, что этот круг — кончик горящей сигареты не далее как в пяти футах от него. И темнота не являлась следствием травмы.

Он лежал на кровати под легким, как гагачий пух, одеялом. Его перенесли сюда из кухни после того, как он потерял сознание. Тут же вспомнилось, как эти три парня набросились на него, и Питера перекосило от злости.

Его рука медленно двинулась вниз по правой ноге, к месту крепления протеза. Но нет, протез сорвали. Питер чувствовал себя совершенно беспомощным. Простое дви-

жение руки причиняло адскую боль. Он попытался повернуться и не смог сдержать стона.

Красный огонек метнулся к нему.

— Ты проснулся? — прошептал голос Труды. Холодная рука коснулась лица. — Лежи тихо. Я должна сказать им, когда ты очнешься, — она присела на кровать.

— Что они сделали с моим протезом? — Питер скрипнул зубами.

— Джейк разломал его на куски. Ты же ударил его, сам знаешь куда, — ее рука скользнула под одеяло к культе ниже колена. — Больно?

Стыд и раздражение охватили Питера.

— Позови их!

— Извини. Я не знала, — прошептала Труды. — Не поднимай шума. Хочешь сигарету? И у меня есть пинта ржаного виски, если оно может помочь.

— Почему вы не зовете их?

— Не кипятись. Ты долго не продержишься. А они с удовольствием примутся за тебя, только попроси. Бери.

Его пальцы коснулись стеклянной бутылки. Он услышал скрип отворачиваемой пробки.

— «Джек Даниэльс», — пояснила Труды.

Выпить хотелось, очень хотелось. Он поднес бутылку к губам и дернулся от боли. Какие же они разбитые и опухшие. Виски обожгло их, как огнем. Но глоток спиртного придал бодрости.

— Сигарету? — спросила Труды.

— Спасибо, — он тянул время, чтобы подумать.

Она прикурила сигарету от своей и вставила меж его губ, вновь провела рукой по лицу.

— Джорджи? — спросил Питер, глубоко затянувшись.

— Еще дышал, когда они послали меня побыть с тобой. Эмили думает, что он умрет, если не вызвать доктора.

— Где мы?

— В спальне на втором этаже. Это моя комната. Разве ты не чувствуешь запаха духов? Шанель номер пять. Бен стащил флакон в каком-то магазине и отдал мне. Такими духами я никогда не пользовалась. Потрясающий запах, правда?

Питер не ответил. Он всматривался в темноту, пытаясь собраться с мыслями. Теплое бедро Труды прижалось к нему.

— Еще глоток? — предложила она.

— Не откажусь, — виски явно пошло на пользу.

— Никак не могу тебя понять, — Труды взяла у него бутылку. — Разве ты не представлял, что произойдет, когда ударил Джорджи?

— Догадывался.

— Так зачем ты напросился на это?

— Он собирался унижить Линду.

Красный круг исчез в пепельнице. Огонек зажигалки освещал Труды, пока она раскуривала новую сигарету. Жестокость слетела с ее лица. Он видел перед собой озадаченного, испуганного ребенка.

— Она не хотела стоять перед нами голой?

— Не хотела.

— И ты решился на драку, чтобы этого избежать?

— Вы, наверное, не поймете, если я скажу, что действовал инстинктивно. Поступить иначе я просто не мог.

Последовала долгая пауза.

— Что будет теперь? — спросил Питер.

— А меня так никто не защищал, — Труды, казалось, и не услышала вопроса. — Парни дрались из-за меня, но не для того, чтобы не дать мне раздеться, — она горько рассмеялась. — Как раз наоборот.

— Вы выросли вместе с Беном и Дьюком?

— Если так можно сказать.

— Неподалеку от нью-йоркского порта?

— Отец Бена был грузчиком. Бен ударил его ножом.

— Крамер мне говорил.

— Я не понимаю отношения к тебе К. К. Если б он не остановил их, они забили бы тебя насмерть.

— Как ему это удалось?

— Он убедил их, что старик не шутит. Им нужен Тьюзди.

— Я думаю, он не шутил.

— Я не хочу умирать, — неожиданно воскликнула Труды.

Питер чуть повернулся к ней, скривившись от боли.

— А кто хочет?

— Когда они решат уходить, меня не возьмут. Они захотят путешествовать налегке. Я лишь игрушка, обуза. — Они привели вас издалека. Зачем им бросать вас теперь?

— Потому что баловство кончилось. Сейчас они думают только о спасении.

— Но Бен и Дьюк — ваши друзья. Вы выросли вместе.

— Когда припирают к стенке, кто вспоминает про друзей? Ты знаешь, кто я для них?

— Кто?

— Красный флаг. Я выдаю их с головой. Полиция знает, что среди них есть рыжеволосая девушка. Они не рискнут появиться в моей компании. Они говорят, что возьмут меня с собой, но я-то знаю.

— Вы — в их команде, — сухо заметил Питер.

— Когда корабль тонет, каждый стоит за себя. Я для них опасна, — внезапно она улеглась на кровать рядом с Питером. Он чувствовал на щеке ее дыхание. — Помогите мне, Питер. Пожалуйста, помогите мне.

Питер лежал, не шевелясь. В бок ему гулко стучало сердце Труды.

— Моя милая девочка, как мне тебе помочь? Я не могу даже встать с этой кровати и пройти в соседнюю комнату. Я должен скакать, как мячик. Я не могу никому помочь, даже себе. Я не думаю, что они бросят тебя, но, если они это задумали, я для тебя ничего не смогу сделать.

— Ты что-нибудь придумаешь, — упорствовала Труды. — Найдешь выход, спасешь себя, остальных... и меня. Я не умею думать. Никогда не умела. Всегда шла за кем-то. Ты не такой, как я. Ты — выдумщик.

— Ну, я хотел бы задать тебе один вопрос. Как я и Тьюзди можем добраться до оружия?

— Никак, — без малейшего колебания ответила Труды. — Один ваш шаг, и Эмили мертва. Ее постоянно держат под наблюдением. Тьюзди тебе не помощник.

— А как насчет тебя?

Дрожь пробежала по ее телу.

— Я не хочу умирать, Питер. Ты видел, что происходит, когда в человека стреляют четыре или пять раз. Он подпрыгивает и падает, как куль. Я не хочу этого, Питер. Не хочу!

В коридоре послышались шаги. Мгновенно Труды вскочила и плюхнулась на стул, на котором сидела до того, как Питер пришел в себя.

— Спи! — яростно прошептала она. — Не шевелись!

Луч фонаря пробежался по комнате. Задержался на Питере. Тот лежал, закрыв глаза.

— Никаких признаков жизни? — спросил Крамер.

— Похоже, он без сознания, — ответила Труды.

— Чертов болван!

— Что ты собираешься с ним делать, К. К.?

— Стараюсь сохранить ему жизнь. Старик уперся. Он нам нужен, следовательно, нельзя подпускать парней к Стайлу.

— А потом?

— Не думай об этом, Трудити,— посоветовал Крамер.

— Они не возьмут меня с собой.

— Нельзя менять правила в разгаре игры.

— Какие правила? Какая игра, К. К.?

— Игра называется выживание, крошка. А правила таковы: никто и ничто не должны стоять на пути к спасению. Когда приблизится развязка, мне будет грозить такая же опасность, что и тебе.

— Они рассчитывают на тебя,— возразила Трудити.

— В критических ситуациях им рассчитывать не на кого. Даже друг на друга. Твой догадливый приятель, что лежит на кровати, знает об этом. Иначе зачем затевать драку, в которой нет надежды на победу? Я сказал им, что Стайлз должен жить, иначе Тьюзди нам не поможет. Они-то хотят учинить ему долгую и мучительную смерть. Но они уже начали задумываться, нужен ли им Тьюзди. Если кто-то из нас ошибется, сюда сбежится целая армия, и нам не уйти. Увлекательная перспектива, не правда ли?

— Нам действительно нужен Тьюзди?

Крамер шумно вздохнул.

— Мы должны знать, когда прекратятся поиски Линды в этих местах. Какой-нибудь идиот наверняка забредет сюда за кружечкой воды. И только Тьюзди может представить все так, будто здесь ничего не изменилось. Отправить незваного гостя куда подальше, не вызывая подозрений. В этом он незаменим. Если мы уйдем прямо сейчас, нам не выбраться из лесов. В поисках задействованы сотни людей. Мы должны сидеть тихо, как мышки, и ждать, пока они не покинут леса. Или...— он смолк на полуслове.

— Или что?

— Ты знаешь, какую свинью подложил нам Джорджи? — продолжил Крамер. — Он уволок не ту девушку. Эмили рассказала мне о ней. Почтенная семья, всеобщая любимица. Представляешь, что это значит? Он превратил всех мужчин города в убийц, таких же жестоких и неутомимых, как твои друзья, Трудити. Они разорвут нас на куски, если найдут. Нам не устоять против штурма, узнай они, что мы в «Причуде». Раньше нас искали два-три полицейских. Теперь против нас армия. Вот что сделал Джорджи. Тьюзди — наш единственный шанс, — луч фонаря упал на кровать. — Постарайся привести его в чувство. Утром у нас будет военный совет. Он мне там нужен.

— Он не сможет спуститься на одной ноге.

— Тогда придется притащить его.

Луч погас, в коридоре затихли шаги Крамера. Девушка вновь присела на кровать. Ее холодные пальцы нащупали руку Питера.

— Утром все решится,— прошептала она.— Он прав насчет Бена, Дьюка и Телички. Они могут взбеситься в любую минуту и первым делом набросятся на тебя.

— Для вас это не имеет значения.

— Еще как имеет,— с жаром возразила Труди.— Не стану обманывать тебя, Питер. Главное для меня сейчас — остаться в живых. И в этом я могу рассчитывать лишь на тебя, Тьюзди и двух женщин.

— Тогда вернемся к оружию. Где они хранят ружья и патроны?

— Есть специальная комната... с подставками для ружей. Там их держал Тьюзди. Но они забрали ружья и спрятали их в другое место. Я не спрашивала, куда, потому что ни разу не стреляла из ружья.

— Вот и спросите. Это естественно. Если люди Саутворта начнут осаду «Причуды», вы должны иметь возможность защитить себя. Спросите.

— Хорошо, я спрошу. А что потом?

— Не знаю...

После того как его избили, Питер был без сознания несколько часов. Слабый серый свет начал просачиваться в окна спальни. Питер лежал смирно, наблюдая за рассветом, каждое движение причиняло боль. Он прекрасно понимал, что, возможно, наступал последний день его жизни.

Даже мысль о сопротивлении казалась абсурдной. С одной стороны четверо вооруженных до зубов парней, ни в грош не ставящих человеческую жизнь, пьянеющих от насилия. С другой — едва передвигающийся, одноногий калека, старик со старухой, мечтающие лишь о том, чтобы прожить лишний час или день, и перепуганная женщина, знающая, что на нее могут наброситься в любой момент. И Труди, даже если будет и дальше заботиться о собственном спасении, едва ли могла считаться надежным союзником. Слишком уж неравны силы.

Питер задумался, а так ли он отличается от Труди, сидевшей на краешке кровати в предрассветном полумраке? Волновался ли он о ком-либо, кроме себя? Боялся ли он умереть? Сотню раз говорил он себе в прошлом, что без страха встретит смерть, когда придет его черед. Это случается с каждым. Но разве таким представлял он свой конец? Такая смерть не несла печать неизбежности. Эти

четыре жаждущих крови подонка не представляли никакой ценности ни для самих себя, ни для всего мира. Кто дал им право решать, кому жить, а кому умереть? Тьюзди прожил достаточно, чтобы примириться со смертью. Эмили, скорее всего, не захочет жить без Тьюзди. Но он, Питер, не готов к смерти. Сколько еще надо сделать! И у Линды Грант впереди целая жизнь, любовь, семья, дети. Тьюзди по-прежнему может творить, и Эмили не дает угаснуть его таланту. Нельзя допустить, чтобы бесчувственные мясники оборвали их жизни. Но как остановить их? Сидеть и ждать, потому что борьба кажется бесполезной, или сопротивляться до последнего момента, пока палец не нажмет на спусковой крючок и кусочек свинца не пошлет тебя в вечность?

Философствовать нечего, сказал себе Питер. Или он сможет овладеть оружием, или нет. Или получить помощь извне, или рассчитывать на нее не придется. Он не мог думать о грехе и добродетели, бессмертии и несправедливости. Надо было решать, что делать дальше, как нанести ответный удар.

Но с чего начать? Ружье нацелено в Эмили. Другое — в Линду. Если Эмили будет грозить опасность, Тьюзди не сдвинется с места. Лежа в кровати, на холодной заре, Питер понял, что для Тьюзди Эмили олицетворяла красоту. Он рисовал ее в молодости, потому что та была красавицей, и с тех пор она для него не изменилась. Эмили являла ему совершенство. Старый художник не замечал, что годы берут свое. Красота служила движущей силой его жизни, и символом красоты была Эмили. Никакая цена, никакая победа не заставили бы Тьюзди принести красоту в жертву.

Через несколько часов Тьюзди поедет в Барчестер. Оттуда может прийти помощь, целая армия спасения. И тем не менее старик закупит продукты, задаст несколько вопросов о поисках Линды, заверит Саутворта, что около «Причуды» посторонних нет, и вернется один, чтобы ждать, пока Бен Мартин, Дьюк или Телицки не выстрелят в него. Раз уж это неизбежно, почему бы не рискнуть? И, задавая себе вопрос, Питер знал, что Тьюзди уже искал на него ответ. И решил, что ни единым действием не может подвергнуть опасности жизнь Эмили, даже если сам переживет ее лишь на несколько минут.

Сможет ли Эмили убедить его рискнуть? Захочет ли?

— Труд!

— Да,— прошептала та.

— Что мешает Тьюзди купить в городе ружье или

пистолет, пронести его в дом и перебить всех четверых? Насколько я понял, он отлично стреляет.

— К. К. подумал об этом перед тем, как Тьюзди первый раз поехал за продуктами. К. К. встречает его на проселке. Обыскивает Тьюзди и все пакеты. Если Тьюзди убьет К. К., выстрел услышат в «Причуде» и прикончат Эмили. Старый козел прекрасно это понимает, — по телу Труды пробежала дрожь. — Не так-то легко обыграть К. К.

Да, Крамер постоянно оказывался на шаг впереди. Пленникам оставалось рассчитывать лишь на беспечность кого-то из бандитов. Такая возможность могла представиться. Но в какой момент? Как подгадать, чтобы ухватиться за эту соломинку?

Вспомнился тот жуткий день у Дарлбрука, когда его отец крутанул руль и они сверзились в пропасть. Отец повернул руль влево. Поверни он руль вправо, и шутников размазало бы по каменной стене. Такая вот мелочь. Шесть дюймов вправо вместо шести дюймов влево. Столь же малым был и их шанс на спасение. Вновь Питер оказался лицом к лицу с давним врагом — шутниками-убийцами. Другие тела, другие лица, но то же бессмысленное насилие. И он не мог допустить их победы.

Глава 2

Серый свет на востоке сменился кроваво-красным заревом. Красный восход — к перемене погоды, автоматически подумал Питер. Испуганная, как в воду опущенная Труды все еще сидела рядом с ним. Пришло время платить по счетам, и она лучше других понимала, что ее ждет. Она выросла с этими убийцами, жила, спала с ними и полностью осознавала, что пощады не будет. И единственной ее надеждой оставался Питер.

— Попробую встать, — решил тот. — Не хочется, чтобы ваши друзья волокли меня по ступенькам.

— Давай помогу, — предложила Труды.

— Я сам. Почему бы вам не спуститься вниз и не посмотреть, как идут дела? Скажите Крамеру, что я буду на его военном совете.

Присутствие Труды стесняло Питера. Еще со школьных лет он не любил, чтобы кто-то видел его слабость.

— Заодно постарайтесь узнать, где они держат ружья. Без них мы пропадем, Труды.

— Я постараюсь, — кивнула девушка.

Питер остался один. Золотые солнечные лучи уже заливали спальню. Занялся жаркий, душный августовский день. Возможно, последний для большинства из них.

Питер откинул одеяло, и оно сползло на пол. Приподнялся на локтях, сцепив зубы, чтобы не закричать от боли. Жарким огнем полыхнуло по ребрам, в голове застучал паровой молот. Свесил левую ногу, сел. Комната пошла кругом, постепенно замедлила вращение, остановилась. Он закатал правую брючину. Культи, с которой сорвали протез, покраснела. Питер отстегнул ненужную теперь подвязку и бросил на пол. Давным-давно он научился поддерживать равновесие, скача на одной ноге. Оттолкнулся от кровати, встал, покачиваясь из стороны в сторону. Заныла здоровая нога. В драке досталось и ей. Скрипя зубами, Питер запрыгал к ванной комнате. Несмотря на почти невыносимую боль, он уже начал верить, что ни одна кость не сломана. Когда он добрался до двери, по лицу обильно катился пот. Вот наконец и раковина. Собственное лицо ужаснуло Питера: щетина на щеках, разбитые, опухшие губы, заплывший синяком левый глаз. Он повернул вентиль. Умылся. Ледяная вода бодрила.

Взгляд Питера упал на руки. Костяшки пальцев сбиты в кровь. Должно быть, он успел отвесить пару хороших тумаков, прежде чем потерял сознание.

В кармане порванного пиджака Питер нащупал пачку сигарет. Из другого выудил зажигалку. Закурил. Чем дольше он стоял, вглядываясь в свое отражение в зеркале, тем быстрее приходил в себя. И, когда Труди позвала Питера, к тому уже полностью вернулось самообладание.

Повернувшись, он запрыгал обратно в спальню, где ждала девушка. Положение калеки злило его, Питер стыдился, что у него одна нога. Почему-то он ожидал, что над ним будут смеяться, чего, впрочем, никогда не было.

— Ловко ты управляешься, — заметила Труди.

— Научился. Вы узнали что-нибудь насчет ружей?

— Еще нет. Я не могла, Питер. Мне велели помочь тебе спуститься вниз, но, похоже, ты справишься сам.

— Попробую. Пошли.

Он запрыгал вслед за Труди в коридор. Ряды закрытых дверей по обеим сторонам. Широкая лестница, ведущая вниз, с массивными перилами.

— Помочь? — Труди задержалась на верхней ступеньке.

— Нет!

Долгие месяцы он учился подниматься и спускаться

по лестнице на одной ноге. Ставить ее боком, ухватившись обеими руками за перила.

Внизу его поджидал Тьюзди. Старик осунулся, его глаза напоминали два уголька на сером одеяле. Питер тяжело дышал, когда расправился с последней ступенькой.

— Как вы? — спросил старик.

— Отлично.

— А у меня для вас сюрприз,— Тьюзди нырнул под лестницу и вернулся, катя перед собой инвалидное кресло.— Здесь есть все, что угодно, надо только поискать.

Волна благодарности захлестнула Питера. Неприятно прыгать на одной ноге даже среди друзей. А слушать гогот, которым встретили бы его появление Крамер и компания? Он уселся в кресло, только теперь почувствовав, что силы его на исходе. Старик укрыл его правую ногу пледом. На мгновение их лица оказались рядом.

— Будьте осторожны,— попросил Тьюзди.— Дело наше пропащее, зачем эти мучения?

— Спасибо вам за кресло.

Старик выпрямился.

— Я отвезу вас на кухню.

В кухне было тепло, пахло только что сваренным кофе. Крамер и его братия уже ели. Под рукой лежало оружие, два дробовика и два ружья. Эмили возилась у плиты. Линда Грант, уже не такая испуганная, выполняла обязанности официантки. Все повернулись, когда Тьюзди вкатил в кухню Питера. Крамер чуть улыбнулся.

— Ты, похоже, крепкий орешек, старичок,— из уголка рта свисала неизбежная сигарета.— Принеси этой боксерской груше кофе, Линда.

Тьюзди подкатил кресло к другому концу стола. Питер чувствовал на себе злобный взгляд Телицки. Судя по всему, тот еще не утолил жажду мести.

— Раз уж все в сборе, давайте присядем и поговорим. Вы располагайтесь рядом со Стайлзом,— Крамер посмотрел на Линду и Эмили. Ему не хотелось, чтобы кто-то из пленников мог дотянуться до оружия. Питер смаковал кофе. С каждым глотком в его тело вливалась энергия. Линда присела рядом.

— Простите меня за вчерашнее,— ровный, спокойный голос. Никаких признаков страха.— Виновата только я.

— Естественная реакция на бешеную собаку,— ответил Питер.

— О'кей, приятели! — Телицки выскочил из-за стола.

— Сядь, Джейк! — рявкнул Крамер. Ты займешься им позже. Сейчас не время.

Телицки нехотя сел. Его рука поглаживала лежащее рядом ружье.

— Какими смелыми мы становимся, когда у нас все козыри, — бросил Питер, не отрывая взгляда от Телицки.

— Не советую злить нас, старичок. Это ни к чему.

— Трудно стать более мертвым, чем просто мертвым.

Рука Линды легла рядом с его рукой. Питер повернулся к ней. Впервые он заметил, что у Линды серые глаза. Не вызывало сомнений, что она сумела перебороть истерию. Мужества ей не занимать, отметил про себя Питер.

— Вам удалось поспать? — спросил он.

— Эмили и я по очереди дежурили у Джорджи. Каким-то чудом он еще жив.

Эмили поставила перед Питером тарелки с яичницей и гренками. Она по-прежнему сохраняла олимпийское спокойствие. В чем-то они похожи, Эмили и Линда, подумал журналист.

— Самое время обсудить создавшуюся ситуацию, — прервал короткое молчание Крамер. — Довожу до вашего сведения, на случай, если это заинтересует брата Стайлза, что я этой ночью не спал. Я сидел на крыше. Гора напоминала рождественскую елку. Сотни фонарей и факелов. Даже в темноте мы не прошли бы и пятисот ярдов, не наткнувшись на осиное гнездо, — он оглядел своих дружков. — Так что, пока продолжаются поиски Линды, нам отсюда не уйти.

— У нас достаточно ружей, чтобы схватиться с целой армией, — подал голос Бен Мартин.

— Отсюда. Из-за этих стен. Но не на открытой местности. Там нас изрешетят пулями. Если ты мне не веришь, Бен, бери Дьюка и Джейка и прорывайтесь самостоятельно. Я не могу приказывать вам. Скажу лишь, что шансов на спасение у вас нет. Если же мы останемся здесь, рано или поздно они уйдут с горы. Они подумают, что Джорджи удалось утащить Линду куда-то еще. Все-таки он опережал их на десять часов. В конце концов они придут к мысли, что похититель усадил Линду в машину и умчался. Нам нужно только знать, о чем они думают и когда откажутся от поисков. Старик — ключ к информации и пище. Ваши возражения?

Парни заерзали на стульях, но промолчали.

— Оставаясь здесь, мы тоже рискуем, но другого пути

нет,— продолжал Крамер.— Тьюзди — хороший актер, но, возможно, ему не удастся одурачить всех и каждого. У кого-то могут зародиться подозрения, и он начнет следить за «Причудой». Кто-то другой может забрести сюда, как наш приятель Стайлз. Разница между Стайлзом и любым участником поисков состоит в том, что Стайлза никто не ищет. Он заехал сюда по пути из города, так что все уверены, что он покинул Барчестер. Пропавшего местного жителя будут искать. Если они навалятся на нас всем скопом, нам не устоять. Мы будем сопротивляться, но исход предельно ясен. И спасти нас могут только регулярные появления Тьюзди в городе, чтобы все думали, что в «Причуде» ничего не изменилось.

— Как долго они будут прочесывать гору? — спросил Дьюк.

Крамер взглянул на старика.

— Ваше мнение, Тьюзди?

Горящие черные глаза буравили Крамера.

— По-моему, у жителей Барчестера не возникнет и мысли о том, что Джорджи куда-то увез Линду. Они приняли его за сексуального маньяка. Следовательно, он напал на Линду, надругался над ней, убил и бросил где-то в лесу. Поиски тела будут продолжаться очень долго. Приличные люди займутся о своих мертвых.

— Я так и думал,— кивнул Крамер.

— Нужно прочесать тысячи акров леса.

— Но вы сможете отвести поиски от «Причуды». Если нужно, мы останемся здесь до первого снега.

— И переберемся в этой конуре,— пробурчал Телицки.

Крамер перевел взгляд на Линду.

— Мы найдем способы поразвлечься, когда у нас будет для этого время. Сейчас его нет. Сегодня гора будет кишеть людьми. Подоспеет помощь из других городов. Завтра их ярость еще не угаснет, и они будут надеяться на успех. Неделю спустя на горе останутся лишь несколько лесников. А теперь слушайте меня внимательно. Выстрелы в «Причуде» соберут тут толпу. Если кто-то будет выступать,— он улыбнулся Питеру,— сверните ему шею. А если вы что-нибудь отчудите, Тьюзди, мы так отделаем Эмили, что вы ее не узнаете.

Старик закаменел. А Крамер посмотрел на часы.

— Отправляйся в город, Тьюзди... за обычными покупками.

— Магазины откроются через полтора часа,— сухо возразил тот.

— Никто не удивится, если вы приедете пораньше. Вам же небезразлично, как идут поиски. Уверьте их, что ни Линда, ни Джорджи не заглядывали в ваши владения. Выясните, какие у них планы. И внимательно прислушайтесь ко всем разговорам.

Тьюзди взглянул на Эмили, его лицо дернулось, он медленно кивнул.

— Узнайте также, не ищут ли они Стайлза. Скажите, что вы держите свою территорию под неусыпным контролем. Ясно?

— Куда уж яснее,— пробормотал Тьюзди.

— Что же касается остальных... вас всех. Из дома не выходить. В воздух уже подняты самолеты и вертолеты. Вы, возможно, думаете, что они могут засечь вас, когда находитесь прямо над головой. Это не так. Пилоты будут смотреть во все глаза. Тьюзди приедет не раньше чем через три часа. Вы проведете их вместе, в этой кухне. Я не хочу, чтобы вы разделялись, не хочу создавать братцу Стайлзу условия для раздумий. Он не должен уединяться ни с Линдой, ни с Эмили. И вот что, Джейк. Не трогай его до возвращения Тьюзди.

— Если он не будет возникать,— процедил Телицки.

— Естественно,— кивнул Крамер.— После отъезда Тьюзди я пойду на проселок и подожду его там. Как обычно, общу его и пакеты. Если вы услышите выстрелы, значит, игра кончена. Делайте с этими людьми, что хотите, и сматывайтесь.

— Вы, я вижу, пользуетесь исключительным доверием,— вставил Питер.— Знаете, что я сделал бы на вашем месте, Крамер?

Тот усмехнулся.

— Просвети нас, старичок.

— Я направился бы к ближайшей поисковой группе. Вас они не знают. Тут полно народа из разных городков. Я сказал бы им, что Линда мелькнула в одном из окон «Причуды». А когда армия двинулась бы к отелю, выскользнул бы из ловушки. На вашем месте я сейчас думал бы только о спасении собственной шкуры... старичок!

— Интересная идея,— кивнул Крамер.

— И практически беспроблемная. Вы свободны, ваши дружки мертвы, то есть расквитаться с вами будет некому. Будь я в вашей банде, я бы не отпустил вас одного.

— Да, как насчет этого? — спросил Телицки.

— Если кто-то из вас хочет пойти со мной, я не возражаю,— холодно улыбнулся Крамер.— Полагаю, что двое

мужчин при случае справятся с этим калекой и парой женщин.

— По-моему, будет лучше, если с тобой пойдут двое,— заметил Бен Мартин.

Крамер рассмеялся.

— А может, попросить Стайлза распланировать нам весь день?

Питер жадно ловил каждое слово. Пусть чуть-чуть, но ему удалось повлиять на планы Крамера. Баланс сил между его собственной волей и полным подчинением сместился на доли миллиметра. Если они и Труды останутся только с одним тюремщиком... Главное сейчас не пересурдствовать.

Он чувствовал нарастающую нервозность. Крамер и его дружки с нетерпением ждали отъезда Тьюзди. А тот не спешил.

Крамер повернулся к Труды.

— А ты побудь с Джорджи.

— Кто я тебе, сиделка? — отгрызнулась девушка.

— Не хочу оставлять его одного. Он может прийти в себя и заорать во всю глотку. Места тут тихие. Крики разносятся далеко. Кто-нибудь может оказаться рядом с «Причудой».

— Пусть с ним сидит Эмили,— упорствовала Труды.— Она знает, как ухаживать за больными.

— Эмили останется здесь, на кухне, под дулом ружья. Эмили — гарантия возвращения Тьюзди.

Старик достал из углового шкафа две большие сумки. Медленным шагом вернулся к столу. Эмили, в потертых джинсах и красном бюстгальтере, встретила его спокойной улыбкой.

— Я вернусь, дорогая.

— Я знаю,— она коснулась бородатого лица.

Они говорили, не пытаясь скрыть смысла сказанного от присутствующих. Питер понимал, что недели заточения представляются вечностью. Их лишили права на уединение, но они стараются вести себя так, будто ничего не изменилось. Гораздо важнее сказать то, что нужно, не думая о том, что разговор услышит кто-то еще.

— Если с тобой что-нибудь случится...

— Не волнуйся,— прервала его Эмили.— Мы тебяждемся.

Его сильные руки обняли Эмили. Он прошептал ей на ухо что-то нежное. Питер отвел взгляд. Почувствовал, как напряглась рука Линды. Эмили подняла когда-то прекрас-

ное лицо, и Тьюзди поцеловал ее в губы. Расправил широкие плечи и повернулся к Крамеру.

— Да покарает вас бог, если вы обманете меня.

— А что ты сделаешь, старик? Поднимешься из могилы? — грубо ответил Крамер. — Пошли, — он оглядел остальных. — Не зарывайтесь. Сейчас не до забав.

Сначала Питер не понял, почему Крамер и Бен Мартин решили уехать вместе с Тьюзди. Ведь тот собирался вернуться через три часа. Но быстро догадался в чем дело. Старенький «шевроле» Тьюзди стоял в гараже, примыкавшем к кухне. Там могли свободно разместиться и двадцать автомобилей. Сейчас их было только два — «шевроле» и «ягуар». Крамер и Мартин забрались в кабину и сели на пол за спинками передних сидений. Таким образом Тьюзди мог провезти их через открытое пространство, не опасаясь, что их заметят. А уж в лесу Крамер и Мартин могли спокойно вылезти из машины.

Тьюзди сел за руль. Заурчал мотор. Сквозь открытую дверь, соединяющую гараж и кухню, старик взглянул на Эмили, и «шевроле» неторопливо выкатился на лужайку. Телички захлопнул дверь. Повернулся к Питеру, зажав подмышкой ружье. Питер буквально читал его мысли. Телички искал предлога разделиться с ним.

— Иди к Джорджи, — приказал Дьюк Лонг Труди.

— Послушай, Дьюк, не хочу я сидеть целый день с покойником.

— Делай, что велел К. К., — отрезал Лонг.

— Я хочу кофе, — Питер поймал ее умоляющий взгляд. Труди как бы говорила, что не сможет узнать, где хранятся ружья, если будет привязана к Джорджу. Но он ничем не мог ей помочь.

— Налей себе кофе и вали к Джорджи, — решил Дьюк.

Труди подошла к плите.

— Рукоятка горячая, — предупредила ее Эмили.

Девушка нашла державку, налила себе кофе.

— Не пойму, почему именно я должна сидеть с этим недоумком, — проворчала она.

— Не тяни резину, — прикрикнул на нее Дьюк.

Труди прошествовала через кухню и исчезла за дверью. Дьюк повернулся к Питеру и двум женщинам. Его глазки-пуговицы впились в Линду.

— Сидите тихо, и вам ничего не будет, — изрек он.

— Не забывай, одноногий — мой, — Телички поднялся, чтобы налить себе кофе. Затем он и Лонг пересели на

дальний конец стола, выложив перед собой ружья. Потекли первые минуты трехчасового ожидания.

— Хотите еще что-нибудь съесть? — спросила Эмили Питера.

— Нет, благодарю.

Линда чуть повернулась. Дьюк не отрывал от нее глаз. Должно быть, она знала, что ждало ее, во всяком случае, в воображении Дьюка. Все более отчетливо ощущал Питер близость с обеими женщинами и стариком. Опасность рождала единение, привязанность, сплачивала людей, не имевших ранее ничего общего. То же самое испытывал он и на войне.

Питер взглянул на Линду. Внешнее спокойствие давалось ей нелегко. Мечта фотографа: высокие скулы, гладкая кожа, выразительные, все понимающие серые глаза. И он, беспомощный, одноногий калека.

— Бедный Тьюзди, — внезапно прервала молчание Эмили. — Прожить всю жизнь, следуя определенным принципам, и в самом конце предать все, во что верил, обмануть друзей, склониться перед ненавистной силой. Интересно, как бы он поступил, если б не было меня.

— И что бы он сделал? — откликнулась Линда.

Они разговаривали, словно не замечая присутствия Телицки и Лонга.

— У него был бы выбор. Я отняла у него эту возможность.

— Я наблюдала за вами и завидовала.

Темные брови Эмили поползли вверх.

— Завидовали?

— Как бы все это не закончилось, вы столько лет любили друг друга. Такое достается немногим.

— У вас есть в городе кавалер?

Линда покачала головой.

— Тот, кого я любила, погиб во Вьетнаме.

— Вам повезло. Разумеется, не в том, что его убили, а потому, что он не ждет вас в Барчестере, не находя себе места, думая о том, что с вами случилось или случится. На себя Тьюзди наплевать. Но он боится за меня, и это убивает его.

Рука Линды с такой силой впилась в край стола, что покраснела кожа под ногтями.

— Я стараюсь оставаться такой же невозмутимой, как и вы, Эмили.

Взгляд Эмили скользнул по бандитам.

— И правильно. Наш страх только порадует этих дьяволов.

Телицки ухмыльнулся.

— Ты еще помолишь о пощаде, когда придет срок, мамаша.

— Они ждут нашей смерти, как нормальные дети — прихода гостей на день рождения. Что произошло с ними, Стайлз? Что случилось с нынешней молодежью? Я допускаю, что наша ситуация — это крайность, но юность что-то утерjala. Никаких традиций, никаких грез, ничего из того, что было в наше время.

— Возможно, то же самое говорили и о вас, Эмили, когда вы были натурщицей в Париже, — ответил Питер. — Позировали художникам без одежды, жили в грехе с Тьюзди. В те дни тоже спрашивали, что случилось с молодежью.

— Вы говорите о социальных нормах, — возразила Эмили. — Тьюзди и я их нарушали, но Тьюзди — самый нежный, самый добрый мужчина из встреченных мной. Он всегда ненавидел насилие. Он никому не причинял зла. А сегодняшние подростки наслаждаются насилием. Они сбиваются в толпы вместо того, чтобы становиться личностями. Перед ними открыты все пути: образование, работа, творчество. Но это не для них. Знаете, как они развлекаются? Поджигают людей и смотрят, как те горят. Но даже эту забаву они придумали не сами. Вычитали в газете и повторили у себя.

— Кончай, мамаша, — лениво бросил Телицки.

— Жить мне осталось недолго, мальчик. Не зря же ты сидишь передо мной с ружьем. Возможно, единственное удовольствие, оставшееся у меня, — высказать все, что я думаю о тебе и о твоих друзьях.

— Я же сказал, заткнись!

— Было время, когда я могла читать о таких чудовищах, как ты, мальчик, и испытывать к ним жалость. Можете ли представить? Я говорила себе, что у них не было дома, не было любящих родителей, заботящихся о том, чтобы они выросли порядочными людьми. Никто из вас не нашел цели в жизни. Кто в этом виноват? Войны, бомбы, что-то еще? Но знайте, те же преграды стояли и перед Тьюзди. Первая мировая война, вторая — и, будь у нас дети, их послали бы в Корею и во Вьетнам. Отец Тьюзди участвовал в испано-американской войне, дед — в гражданской. Всем доставались и войны, и бомбы. Но никто из них и представить не мог, что насилие станет развлечением. Они боролись за правое дело и отдали плоды побед вам, а вы надругались над ними. Вы приняли образ врага, мальчики, да и, клянусь богом, вы стали нашими врагами! Но придет день, когда всех этих

доброжелателей и болтливых теоретиков, утверждающих, что детям дисциплина не нужна, отодвинут в сторону, а вас как следует высекут, и поделом. А может, бог пошлет нам еще один потоп, ибо он знает, что мы должны начать все заново.

— И этот потоп будет называться водородной бомбой,— вставил Питер.

Эмили с силой поставила чашку на стол.

— Я не уверена, что мне полегчает, если я выговорюсь, но в одном можете не сомневаться, мальчики,— мне вас не жаль. Умрете ли вы здесь, на этой горе, или, если вам сейчас повезет, позже, в газовой камере, где бы я ни была, вы услышите мою благословенную молитву.

Дьюк захлопал в ладоши.

— Жаль, что вы не сможете выступить на сцене, мамаша. Ваш монолог украсил бы любой водевиль.

Но Телички не думал смеяться. Он наклонился вперед, на шее вздулись вены.

— Ты слишком много говоришь, мамаша. Когда придет время, я с радостью заткну тебе пасть.

— Может, ты хочешь рассказать нам о своем трудном детстве, мальчик,— подлил масла в огонь Питер.

— Может, и хочу! — взревел Телички.— Я скажу, почему мне плевать на любого из вас. Знайте, что я уважаю только свои мускулы и умение уломать любую девчонку, что попалась мне на пути. Возможно, я заставлю эту бледнолицую фригидную неженку относиться ко мне с должным почтением. Все, что мы получали от вас, так это разговоры. Кто из вас пытался облегчить нашу жизнь? Слова, слова, слова. Вот этот старик только и делал, что рисовал толстую задницу своей бабы! Вы ничего не давали нам, никогда. Вы живете в своем уютном мирке и покрикиваете на нас. Что ж, таким, как я, это надоело, и мы еще возьмем власть и в городах, и в деревне, везде. И погоняем вас перед смертью, но даже этим вы не расплатитесь с нами за те условия, в которых нам приходится жить. Хотел бы я иметь бомбу, о которой вы говорили. Я отлично знаю, как ей распорядиться.

Тяжело дыша, Телички вскочил со стула, и на мгновение Питеру подумалось, что он бросится на них. Но светловолосый здоровяк, не выпуская из рук ружья, отошел к окну.

На кухне воцарилась тишина. Питер взглянул на часы. Крамер и Мартин давно уже притаились у проселка, а Тьюзди, должно быть, уже приехал в Барчестер.

Разум и логика были здесь не в чести. Единственное, что им оставалось,— ответить на силу силой. Но как?

Солнечные лучи били в окно. Эмили мыла грязную посуду, скопившуюся после завтрака. Питер с восхищением наблюдал за ней. Ни разу не упомянула она о страхе за собственную жизнь. Ее волновали лишь терзания Тьюзди. Линда права. Эти старики познали истинную любовь.

— Я никогда не пыталась определить для себя, что такое мужество,— прошептала Линда.— Я не принимала его как должное. У хороших людей оно есть, у плохих — нет. Не знаю, как мне встретить грядущее, Питер,— дрожь пробежала по ее телу.

— Еще неизвестно, что нас ждет.

— Известно. Я знаю, что они приготовили для меня.

— Не думайте об этом,— едва ли Питер мог дать более бесполезный совет.

— Ребенком я боялась идти к дантисту. Говорила себе, что пробуду у него не больше часа, потому что придет следующий пациент, но зато мне вылечат зуб и он не будет беспокоить меня. Можно выдержать все что угодно, если знаешь, что испытание кончится и тебе станет лучше.

— Это позиция религии,— Питер думал о том, как отвлечь Линду.— Ад — на земле, рай — на том свете.

— Допустим, я это переживу,— голос Линды звучал чуть громче.— Смогу ли я взглянуть на себя в зеркало? Позволю ли подойти ко мне порядочному человеку? Как...

— Прекратите,— оборвал ее Питер.

Линда невесело рассмеялась.

— В книгах и кинофильмах всегда находится выход. Таблетка, вшитая в подол юбки, нож, спрятанный под матрасом.

— Или морские пехотинцы, ворвавшиеся в последний миг,— поддакнул Питер.

— Они ворвутся?

— Боюсь, что нет.

— О боже, Питер,— она склонила голову, скрывая охвативший ее ужас.

— Не замыкайтесь на этом.

— А что нам делать? Обсуждать достоинства пьес Бернарда Шоу или критиковать иностранную политику президента? Не принимайте меня за ребенка, Питер.

Тот искоса взглянул на Дьюка Лонга. Бледный, черноволосый юноша не спускал с них глаз, Телицки беспокойно ходил вдоль окон, наблюдая за лугом перед отелем, словно ожидая возвращения Тьюзди. А тот уехал лишь час назад.

— Когда я училась в колледже,— начала Линда,— после занятий мы частенько собирались у кого-нибудь в комнате и подолгу говорили о том, что предпринять, если на тебя нападут. Предлагались очень смелые способы защиты. Мужчину есть куда ударить, чтобы причинить ему боль. Но кое-кто утверждал, что лучше всего не сопротивляться. В этом случае оставался шанс остаться в живых. Теперь я понимаю, что это была бравада. В душе мы мечтали о том, что на нас кто-то нападет. Но когда это происходит наяву...— вновь она вздрогнула.— Вы не представляете себе, что я вчера пережила.

— Если это поможет, расскажите.

— Он совсем чокнутый.

— Джорджи?

— Да.

— Но вы не уступили ему.

— Я тут ни при чем. Я ничего не делала, только молилась. Я уже давно отвыкла молиться, а тут всей душой обратилась к богу.

— В городе не знают, с чего все началось.

— Я спала. Возможно, вы помните, ночь была жаркая, без единого дуновения ветерка. Я проснулась, вероятно, от постороннего шума. Вам знакомо это чувство? Я не смогла определить, откуда он донесся, но больше ничего не слышала. Взглянула на часы. Начало второго. Попыталась заснуть, но не смогла. И продолжала прислушиваться. Однажды птица залетела через трубу и билась о стекла изнутри. Наконец я решила посмотреть, что там, внизу. Мне и в голову не приходило, что столкнусь с незнакомым человеком. В крайнем случае, я ожидала увидеть птичку или какого-нибудь зверька.

Было так жарко, что я не накинула даже халата. Просто спустилась вниз, босиком и в ночной рубашке. Свет я не зажигала, так как прекрасно знала, где что стоит. Войдя в зал магазина, я заметила тень у витрины. Затем она исчезла. Возможно, по моему поведению этого не скажешь, Питер, но по натуре я не труслива.

— Я в этом не сомневаюсь.

— Я решила, что соскочила защелка и тень упала от ставня. Помнится, я подумала, что нельзя выходить из дома в ночной рубашке, но успокоила себя тем, что в такой час в Барчестере все спят. Я открыла дверь, вышла на крыльцо и увидела его. Этого обросшего парня! А я стояла перед ним чуть ли не голая. В ночной рубашке выше колен. «Что вы хотите?» — спросила я, отступая к двери.

Он схватил меня за запястье. Тут я заметила ружье, брошенное в траву у витрины.

«Одну минуту, мисс,— говорил он очень вежливо.— Мне нужна гитара, выставленная в этом окне».

«Пожалуйста, отпустите мою руку,— попросила я.— Мне больно. Если вас заинтересовала гитара, приходите утром, после открытия магазина». Он еще сильнее сжал мне запястье. Его глаза сверкали безумием. Внезапно я перепугалась. «Отпустите меня. Можете взять гитару, если хотите». Он ничего не ответил. Лишь пожирал меня безумными глазами.

«Я бы хотел, чтобы вы пошли со мной»,— без угрозы, мягко, даже застенчиво предложил он. «О чем вы говорите?» — изумилась я. «Я хочу, чтобы вы пошли со мной. Далеко-далеко. Туда, где никого нет. Пожалуйста».

Да, да, он сказал «пожалуйста», словно обращался ко мне с какой-то обычной просьбой. Тут я поняла, что имею дело с сумасшедшим. «Чтобы пойти с вами, мне нужно вернуться в дом и одеться»,— ответила я. В доме я могла запереть дверь и по телефону вызвать подмогу.

«Нет! — впервые в его голосе прозвучали резкие нотки.— Такой, как сейчас. Вы прекрасны!»

Паника охватила меня, и я допустила ошибку. Я попыталась вырваться. Что случилось потом, я не знаю. Скорее всего, он ударил меня ребром ладони по шее,— пальцы Линды коснулись едва заметного синяка.— Должно быть, я потеряла сознание, потому что очнулась, лежа в высокой траве. Он... он был рядом, а его руки ощупывали меня. Я рванулась от него, закричала. Одной рукой он закрыл мне рот, другой — прижал к земле.

«Не бойтесь, я не причиню вам зла».

Я похолодела от страха. Его ружье и гитара лежали в траве в нескольких футах от нас. Мне удалось оглядеться, и я поняла, что мы далеко, чуть ли не в миле от моего дома. На руках или волоком он притащил меня чуть ли не к подножию горы.

«Всю жизнь я мечтал о такой, как вы,— продолжал он,— славной девушке. Славной, утонченной, красивой. Мы будем нежно любить друг друга. Как вас зовут?»

От ужаса я едва могла шевелить языком. Я ответила, что меня зовут Линда. Сказала, что он совершает преступление. Что он может угодить в тюрьму на долгий, долгий срок. Не уверена, что до него дошли мои слова. Он уставился на меня безумными глазами и продолжал осторожно поглаживать меня свободной рукой. У меня... мне каза-

лось, что по телу ползают паразиты. «Мы пойдем на гору,— шептал он.— Мы будем в безопасности и одни. У меня там друзья. Вы будете счастливы с нами и поймете, что я никому вас не отдам,— говорил он, словно избалованный ребенок, не терпящий отказа». — «Я не могу пойти с вами,— возразила я.— Я никуда не пойду, пока не вернусь домой и не переоденусь. Отпустите меня, а потом...» — «Нет,— будто отрубил он.— Вы пойдете добровольно или мне придется тащить вас. Я хочу дать вам время, Линда, чтобы вы полюбили меня. Но вы должны понять, что отныне принадлежите мне».

Он отпустил меня и встал на колени. «Вы пойдете сами или я должен заставлять вас идти?»

Питер, я не могла пошевелиться. Не могла бороться с ним и не могла идти. Меня парализовало. Думаю, он этого не замечал. Вытащил из кармана веревку и связал мне руки. «Жаль, что вы упрямитесь. Но нам пора».

Веревка впилась в запястья, и он поднял меня на ноги. Свободный конец он привязал к поясу, подхватил ружье и гитару и пошел. Я упиралась. Споткнулась, упала, он тащил меня по дороге, по камням и гравию. Я умоляла отпустить меня, но он даже не обернулся. В конце концов мне пришлось встать и идти за ним.

— Вы знаете, что вас видели? — спросил Питер.

Серые глаза широко раскрылись.

— Видели?

— Местный парень, Майк Миллер, оказался со своей девушкой неподалеку от проселка.

— С Молли Донахью?

— Да. Они видели, как вас тащили в гору.

— О боже. Питер. Если они...

— Юноша пришел к Саутворту только после полудня. В нем заговорила совесть.

— Но если Майк видел меня, почему не помог?

— У Джорджи было ружье. Они испугались. А потом не решались рассказать обо всем Саутворту, чтобы не вызвать гнева отца Молли.

— Это невероятно!

— Но факт.

Линда долго молчала.

— Наверное, они поступили правильно. Думаю, Джорджи убил бы их, попытайся они помешать ему.

— Они находились так близко, что видели пот на лице Джорджи, когда он протаскил вас мимо них. И реальность такова, что они остались в живых, так же, как и вы. Если б

они подали голос, вполне возможно, что Джорджи перестрелял бы вас всех.

— Мы сидим здесь, боимся шевельнуть и пальцем, зная, что кто-то другой заплатит за это жизнью,— продолжала Линда.— Имеем ли мы право требовать друг от друга такого самопожертвования?

— Если вы предложите способ вырваться отсюда целыми и невредимыми, я готов прикрыть вас.

— Такого способа нет,— она покачала головой.

— Что произошло после того, как Джорджи привел вас в «Причуду»?

— Я не поверила своим глазам, когда увидела, куда он меня привел. Я давно знала Тьюзди и Эмили. Я продала несколько его картин. На мгновение во мне затеплилась надежда. Этот сумасшедший не знает, кто здесь живет, подумала я. Сейчас нас встретит Тьюзди и освободит меня. Вместо этого я узнала, что Тьюзди и Эмили — пленники банды.

Джорджи притащил меня в кухню, и тут же началась ссора. Крамер прямо-таки разъярился. Они же понимали, что меня начнут искать. Но деваться было некуда. Отпустить меня они не могли. Какое-то время Крамер втолковывал им что к чему. А потом... потом Эмили сказала, что найдет мне какую-нибудь одежду и поможет смыть кровь и грязь. Как мне хотелось уйти с Эмили, не видеть голодные, безумные глаза Джорджи. Я подумала, что Эмили скажет мне, как вести себя. «Я вымою ее,— возразил Джорджи.— Она — моя, и я сам позабочусь о ней».

Помнится, Крамер рассмеялся и сказал: «Мальчик становится мужчиной».

Я чуть не сошла с ума от страха. Я молила Тьюзди помочь мне. Но прочла отказ на его окаменевшем лице. «Не сердитесь на старика,— улыбнулся Крамер.— Один шаг, и его мадам отправится на тот свет»,— он указал на Бена Мартина, нацелившего ружье на Эмили. Рука Джорджи вновь сомкнулась на моем запястье, и мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Линда глубоко вздохнула.

— Через холл с картинами Эмили он провел меня в свою комнату. Закрыл дверь, запер ее на ключ, и мы остались одни. Вся обстановка состояла из кровати, стула с прямой спинкой и обшарпанного комода. К комнате примыкала ванная.

Джорджи осторожно уложил меня на кровать. «Сейчас мы умоемся, Линда». Прошел в ванную и тут же вернулся

с мокрым полотенцем. Не могу передать, Питер, что я пережила. Я решила, что лучше не сопротивляться, во всяком случае, до того, как он набросится на меня. Я все еще думала, что смогу убедить его остановиться... потому что он был таким кротким, когда я не перечила ему. Он сел на кровать рядом со мной. «Лежите тихо». И начал вытирать мне лицо мокрым полотенцем. Нежно и ласково. А затем плечи, руки... тело, сбитые в кровь ноги. И все время нашептывал: «Видите, я не хочу причинять вам боль... я хочу нравиться вам, любить вас я хочу...»

И все-таки мне казалось, что я смогу как-то вразумить его. Я пыталась объяснить ему, как ребенку, что не могу вызвать в себе эти чувства, потому что полумертва от страха. Он слушал внимательно, с напряженным лицом, вроде бы вникая в смысл моих слов. А слушая, продолжал поглаживать меня, и я едва сдерживалась, чтобы не закричать. «Торопиться нам ни к чему», — кивнул он. Затем спросил, нравится ли мне музыка, и я ответила, что да. Только для того, чтобы хоть как-то отвлечь его. В это трудно поверить, но он взял с комода гитару, сел на стул и запел. Старые песни — «Молли Мэлони», «Блутейл флай» и тому подобное. Он обхаживал меня, Питер! А я хвалила и поощряла его, потому что, играя на гитаре, он не мог прикоснуться ко мне. Он пел и пел, но я знала, что все это лишь затяжка времени. И не находила выхода. Наконец он положил гитару на комод, пересел на кровать, и я вновь ощутила на себе эти ужасные, мягкие руки. «Видите, я не хочу причинять вам боль. Но я не могу долго ждать, Линда, вы это понимаете, не так ли?»

Тут я сжалась в комок. Взмолилась. Повторяла снова и снова, что этого не будет, не должно быть. И его глаза похолодели. В них я увидела не злость, но жестокое разочарование. Без единого слова он встал и вышел из комнаты, заперев за собой дверь. Я села, дрожа от ужаса. Скажите, Питер, что заставляет женщину обожествлять свое тело? Осознание того, что надругательство над ним уничтожает душу?

Питер промолчал. Он думал о своей ноге и о тех долгих месяцах, когда считал себя объектом насмешки. Кому охота ощущать себя увечным. Тот же страх испытала и Линда.

— Я ждала неизбежного, — продолжала Линда. — Я спросила себя, не отдаться ли ему добровольно, чтобы по возможности избежать боли, и чуть не задохнулась от отвращения. Пойти на это я не могла, ни за что на свете.

Джорджи вернулся, запер за собой дверь. Он принес карандаш для век, тушь, помаду, румяна. Сел на кровать. «Если не вы, пусть будет кто-то другая», — сказал он.

Сначала я не поняла, о чем он говорит. А потом он... занялся моим лицом. Наложил тени на веки, румяна — на щеки, помаду — на губы, тушь — на ресницы. Я не сопротивлялась. Все что угодно, лишь бы занять его. Закончив, он взял меня за руку, поднял с кровати. Нежность исчезла. Он потащил меня в ванную, к зеркалу над раковиной. «Смотрите! — он подтолкнул меня к зеркалу, чтобы я увидела, в какую нелепую маску превратилось мое лицо. — Видите, теперь вы — уже не вы, так что это не имеет значения. Пока это не вы, все будет нормально, не так ли, Линда?» Из уголка его рта появилась струйка слюны. Он выволок меня из ванной и буквально швырнул на кровать. Он приближался ко мне и... я закрыла глаза и до крови закусил губу, чтобы не закричать.

Но тут забарабанили в дверь. Телички прокричал, что Крамер приказывает спуститься вниз. Я думала, Джорджи откажется. Он стоял, не сводя с меня глаз, и дрожал с головы до ног. Затем повернулся, медленно подошел к двери и открыл ее. Телички взглянул на меня, ухмыльнулся. Вероятно, гадая, когда наступит его очередь. «Отведи ее вниз», — буркнул Джорджи. — Я приду следом».

Я быстро поднялась и метнулась к двери. Лишь бы выбраться из этой комнаты, думала я, а там хоть трава не расти. На пороге я обернулась. Джорджи лежал на кровати лицом вниз и рыдал, как ребенок.

Питер взглянул на Линду. Рассказ утомил ее. В каждом из нас, даже в извращенном сознании Джорджа Мангера, глубоко внутри, теплилось неутолимое стремление к недостижимому. Но игры кончились, и скоро остальные обратят свое внимание на эту милую девушку. Запас времени таял, как весенний снег на опушке.

Внезапно в проеме двери возникла Труды.

— Джорджи приходит в себя, — взвизгнула она. — Пришлите к нему кого-нибудь, кто знает, что нужно делать.

Из-за ее спины раздался полный смертельной боли крик. Питеру приходилось слышать нечто подобное на войне. Крик повторился. Он повернулся к Эмили, склонившейся над раковиной.

— У нас есть что-нибудь болеутоляющее, Эмили?

Та покачала головой.

Вновь закричал Джордж. Телички взглянул на Дьюка.

— Отведи-ка к нему мамашу, и пусть она присмотрит

за ним. Лишний шум нам ни к чему. Ты знаешь, что сказал Крамер?

Дьюк махнул ружьем.

— Пошли, мамаша. Посмотрим, что ты сможешь для него сделать?

Эмили смочила водой полотенце и спокойно прошествовала в комнату, где лежал Джордж. Дьюк сопровождал ее с ружьем наперевес. Линда встала.

— Не могу ли я помочь?

Никто не ответил, и она последовала за Эмили. Труди осталась на кухне.

— Он горит в лихорадке. Не понимает, что с ним. Все время зовет ее.

— Линду? — спросил Питер.

— Да. Похоже, втюрился по уши, — Труди глянула на Телицки. — С меня хватит. Пусть за ним присматривает кто-то еще.

— Не канючь, — буркнул Телицки. — Налей мне кофе.

— Чего это ты такой нервный? — Труди направилась к плите.

— Не нравится мне все это, — ответил Телицки. — Этот умник, — он взглянул на Питера, — не зря говорил, что К. К. может смыться, а расхлебывать кашу придется нам.

— Бен его не упустит, — Труди принесла чашечку кофе светловолосому здоровяку. — Послушай, Джейк, а что случится со мной, если вся эта свора двинется на нас? Как мне защищаться? Дайте мне ружье.

Телицки рассмеялся.

— Да ты с ярда не попадешь в корову горстью риса.

— Я имею право на защиту! — запротестовала Труди. — Где мне взять ружье?

— Спроси меня, когда мы будем вдвоем. Если хочешь, можем прямо сейчас подняться к тебе.

— У тебя только одно на уме, — Труди повернулась к Питеру. Ее взгляд говорил, что она старается выполнить его поручение. — Принести тебе кофе?

— Спасибо, — ответил Питер, — но я хочу посмотреть, как работает эта детская коляска.

Он ухватился за обода колес, отъехал от стола. Телицки весь подобрался.

— Куда это ты?

— Хочу выпить кофе.

— Один тип плеснул мне кофе в лицо. От него осталась лишь горстка пепла.

— Я знаю.

— Так что наливай кофе и тут же возвращайся к столу.

Каталка легко подчинялась движениям рук. Но, подкатившись к плите, Питер понял, что ехать с чашечкой кофе на коленях ему не удастся. Он взглянул на часы. До возвращения Тьюзди еще далеко.

— Удивительная девушка, — Эмили подошла к Питеру. — Ее присутствие успокоило мальчика, и она хочет облегчить его страдания. Даже после того, что она пережила из-за него.

— Вы слышали ее рассказ?

Эмили кивнула.

— Который час?

— Половина одиннадцатого.

— Тьюзди вернется через полчаса, — она взглянула на Дьюка, о чем-то шептавшегося с Телицки, и понизила голос. — Я тут подумала...

— Мы все только этим и занимаемся.

— Мы с Тьюзди пожили на свете в свое удовольствие. Можно ли желать чего-то большего? Вы сможете вытащить отсюда Линду, если мы согласимся остаться и дать им выместить на нас всю злобу?

— Я не уверен, что мы пошли бы на это даже если б и представилась такая возможность, — ответил Питер. — К чему вы клоните, Эмили?

— Мы отжили свое, — спокойно ответила Эмили. — Надо дать такой же шанс вам и Линде.

Питер коротко взглянул на бандитов.

— Шансов у нас нет, если только мы не добудем оружие. Вы знаете, где оно?

— Заперто в спальне на втором этаже. Ключ у Крамера.

Можно выломать дверь?

— Мореный дуб.

— Эй, вы, прекратите, — крикнул Дьюк. — Говорите так, чтобы мы слышали.

— Все равно, что сейф, — пояснила Эмили.

Томительно текли минуты. Питер, нахохлившись, сидел в кресле, пытаясь найти путь к спасению. Ничего не складывалось. Если б каким-то чудом его оставили одного, на второй этаж он мог взобраться лишь прыжками. На это ушло бы слишком много времени. Да и как добыть ключ у Крамера? Но признать поражение Питер не мог. И бесплодные поиски продолжались.

Питер вытащил из кармана сигарету, закурил. Табак

пах соломой. Должен же он перехитрить этих четырех мерзавцев! Но в голову не приходило ничего путного.

— Старик опаздывает на десять минут,— пробормотал Телички.

— Подумаешь, десять минут,— пожал плечами Дьюк.

— Возможно, Крамер и Мартин заставили его увести их подальше отсюда,— предложил Питер.

Телички побагровел.

— Это возможно. Машину старика не стали бы проверять. Его все знают. Я пойду на проселок и посмотрю, что там творится.

— Ты останешься здесь,— бросил Дьюк.— Незачем сходить с ума из-за десяти минут,— он повернулся к Питеру.— А тебе лучше помалкивать, старичок.

В кухню влетела Трудя. В новом платье, с сигаретой в руке. Ее глаза ярко блестели. Питер понял, что она прикончила бутылку виски. Она подошла к Дьюку и Телички. Говорили они тихо, и Питер не мог разобрать ни слова.

«Не отель, а пороховая бочка,— думал Питер.— Они не доверяют друг другу. И кто-то из них может в любой момент перестрелять всех остальных. В этом их слабость, но как ею воспользоваться?»

Время никак не убыстряло свой бег. Эмили, готовившая еду к ленчу, прислушивалась к каждому звуку, с нетерпением ожидая возвращения Тьюзди. Он опаздывал уже на полчаса. Питер догадывался, что ранее такого не случалось. Тьюзди, несомненно, стремился как можно дольше находиться рядом с Эмили.

А Телички, заметил Питер, уже на грани срыва.

— Старик выкинул какой-нибудь фортель,— сказал он Дьюку и Трудя.

— У него что-то случилось,— возразил Дьюк.— Наверное, сломался мотор. Уж больно древняя у него колымага.

— Нас окружают!

— Крамер и Бен дали бы нам знать.

— Если они на посту! — Телички даже охрип.— А может, они давно удрали, как предположил этот умник. Или их схватили без единого выстрела.

— У них есть глаза и уши.

— Допустим, нас осталось бы двое. Что будем делать? Взгляд Дьюка скользнул по Эмили и Питеру.

— Уберем лишних и забаррикадируемся в комнате с ружьями и патронами. Будем отстреливаться до последнего.

— Мы не сможем попасть в эту чертову комнату. Я же не хотел, чтобы ключ хранился у К. К. Следовало положить его в доступное для нас место.

— Замок мы вышибем парой выстрелов.

— А как же Джорджи?

— Ему уже не поможешь. Напрасно ты волнуешься, Джейк. Старик просто опаздывает. По одной из дюжины самых элементарных причин. Поверь мне, он никогда не оставил бы мамашу. Он же не хочет, чтобы ее изрезали на куски.

— Кажется, я слышу шум мотора! — воскликнула Труди.

Они сгрудились у окна, прислушиваясь. Телички обернулся. Рукавом стер с лица пот. Ухмыльнулся.

— Старый дурак заставил меня нервничать.

До Питера донесся шум подъезжающей машины. Затем голос Дьюка разорвал машину, как пистолетный выстрел.

— С ним люди! Чертов полицейский и еще двое мужчин. Он нас предал! — Дьюк развернулся, наставил ружье сначала на Питера, затем на Эмили.

Питер подкатился к окну, прямо под дуло ружья Дьюка. Джейк и Труди смотрели на лужок.

Тьюзди остановил «шевроле» в двадцати ярдах от дома. Саутворт и два его вооруженных помощника вылезли из кабины. Старик откинул назад голову и проревел во всю мощь.

— Эмили! К нам гости!

Телички поднял ружье и прицелился в Тьюзди. С такого расстояния он бы не промахнулся.

— Подожди! — вмешался Питер. — Разве ты не видишь, что он пытается предупредить нас. Привез бы он этих людей на открытое место, где вы перестреляете их за десять секунд, если б они подозревали, что вы прячетесь здесь? Они подсели к нему в машину где-то по дороге. Он не собирается выдавать вас. Возможно, они хотят выпить чашечку кофе или плотнуть воды.

— Эмили! Где ты? — ревел Тьюзди. Он тянул время. Питер видел, как старик указал Саутворту на растения в горшках и все четверо заговорили об орхидеях.

— Стайлз прав, — подал голос Дьюк. — Он дает нам возможность спрятаться. Значит, так, все в комнату к Джорджи и Линде.

— Вы лучше отпустите меня, — заметила Эмили. — Я задержу их разговорами.

— Как бы не так,— восторженно Телицки.— Ты — наша заложница.

— Если Эмили не выйдет, у них возникнут подозрения,— пояснил Питер.

— Если она выйдет, старик тут же все выболтает и они смоются! — взорвался Телицки.

— Крамер и Мартин держат их на мушке,— напомнил Питер.— Отпустите Эмили.

— Мне это не нравится,— ворчал Телицки.

— Чем больше мы спорим, тем меньше у нас остается времени.

— Это точно,— Дьюк принял решение: — Иди к ним, мамаша. Задержи их на поляне.

— Мне это не нравится,— упорствовал Телицки.

— Смерть тоже никому не нравится,— Питер развернул кресло.— Идите, Эмили,— и покатил в заднюю комнату, ожидая немедленного выстрела в спину. Едва ли кто мог предсказать реакцию Телицки.

Но они двинулись вслед за ним, двое мужчин и Труди. Забились в маленькую комнатку. Линда сидела в изголовье, обтирая лицо Джорджи влажной тряпкой. Дьюк закрыл дверь. Постепенно глаза привыкли к полумраку.

— Тьюзди вернулся с друзьями — Саутвортом и двумя его помощниками,— ответил Питер на немой вопрос Линды.— Он им ничего не сказал. Мы останемся здесь, пока они не уйдут.

— Эмили?

— Ей пришлось выйти к ним, чтобы создать видимость, что все в порядке.

— Но...

— Ни слова больше, если хотите жить,— прошипел Дьюк.— Если что-то пойдет не так, обещаю, что первые две пули достанутся тебе, крошка, и старичку. Закрой тряпкой рот Джорджи и позаботься о том, чтобы он не разорался.

Питер застыл, не шевелясь, вцепившись в обода колес. Казалось, что затрудненное дыхание Джорджа разносится на мили вокруг. Дьюк стоял позади Линды, нацелив ружье на ее черноволосую головку. Телицки находился в футе от Питера. Питер понимал, что у него еще есть шанс схватиться с Телицки до того, как тот выстрелит. Но у Линды такого шанса не было. Труди прижалась к дальней стене, закрыв лицо руками. Казалось, она не хотела видеть неминувшее. Питер чувствовал, как по груди текут холодные струйки пота. «А каково сейчас Крамеру и Мартину? —

думал он.— Они же видели, что в стареньком «шевроле» Тьюзди сидят трое мужчин. Крамер наверняка сразу смекнул что к чему. Тьюзди никогда не повез бы их в открытую, если б хотел выдать бандитов. Крамер правильно определил намерения старика. Но как ему узнать о реакции Дьюка и Телички? Если тем хватит выдержки, незваные гости уедут. Если Телички и Дьюк сорвутся, никому не миновать смерти. Они могли убить тех троих, но на выстрелы сбежались бы сотни людей, участвующих в поисках. Так что и Крамер небось сейчас весь мокрый от пота, не ведая, что натворят его ненадежные дружки».

С поляны доносились голоса: веселое щебетание Эмили, басистые раскаты Тьюзди, добродушный смех Саутворта. Дернулся на кровати, застонал Джордж.

— Джейк, накрой ему голову одеялом,— шепотом приказал Дьюк.— Не вздумай шевельнуться, Стайлз, а не то я расшибу голову этой крошке.

Телички опустился на колени у кровати, скатал одеяло и накрыл им лицо Джорджа. Тот подергался и затих.

— Дайте мне пять минут, чтобы приготовить вам кофе,— раздался на кухне голос Эмили.

— От кофе мы не откажемся,— ответил Саутворт. Отодвинул стул, сел, с шумом выдохнул воздух.— Ну и устал же я, не спал с прошлой ночи.

— Как и почти все мужчины в городе,— этот голос Питер не узнал.

Грохнула заслонка печи: Эмили подложила в огонь поленья.

Питер взглянул на Дьюка. Тот держал дуло ружья в дюйме от головы Линды. Телички прижимал одеяло к лицу Джорджа, настороженно прислушиваясь к разговорам на кухне. Серые глаза Линды, широко раскрывшиеся от страха, не отрывались от Питера.

— Сколько людей участвует в поисках? — спросила Эмили.

— От двухсот до трехсот,— ответил Саутворт,— Точно никто не считал.

— Похоже, этот парень увел Линду с горы до того, как вы начали их искать,— заметил Тьюзди.

— Мы надеемся найти тело Линды. Не мог он далеко утащить полуголую девушку на веревке. Сам он, должно быть, удрал, но не с ней.

— Не могли ли они спрятаться в каком-то амбаре или брошенном доме? — спросила Эмили.

— Мы обыскали все строения в пяти близлежащих

городках. Конечно, не хотелось бы думать об этом, но мы склоняемся к выводу, что бедняжку Линду убили. А найти ее тело в этих лесах — задача не из легких. Можно пройти в футе от него и ничего не заметить. Сегодня из Фейетвилла привезут собак. Не знаю, правда, возьмут ли они след?

— Нельзя ли поймать преступника по описанию Майка Миллера?

Саутворт рассмеялся.

— Ему надо подстричься, и мы никогда не узнаем его. Спасибо, Эмили. Кофе преотличный.

— Растворимый, но неплохой, — ответила та.

— Послушайте, Тьюзди, когда это вы перешли на сигареты? — удивился Саутворт. — Вы же всегда курили трубку.

Питер буквально увидел стоящую на столе пепельницу с горкой его окурков.

— Пришлось сменить привычку. Трубочный табак пахнет теперь как сухой коровий навоз.

— Добавить в кофе молока, мистер Томас? — радушно предложила Эмили. — Ты привез из города молока, Тьюзди?

— Оно в машине.

— Можно и без молока, — ответил незнакомый Питеру мистер Томас.

— Жаль, что у вас нет телефона, Тьюзди, — заметил Саутворт. — Я бы перенес сюда штаб-квартиру.

— Я специально купил этот отель, чтобы Эмили не досаждала мне болтовней с соседками.

Слова гиганта, естественно, восприняли как шутку, и все вежливо рассмеялись.

— Не приготовить ли для вас несколько сэндвичей, мистер Саутворт? — гостеприимство Эмили не знало границ.

— Спасибо, Эмили, они нам не помешают.

Сколько же мы тут просидим, думал Питер. Все уже на пределе. По лицу Телицки струился пот. Дьюк застыл, словно статуя. Как, впрочем, и Линда. А если кто-то кашляет или столкнет что-нибудь на пол? Долго еще выдержит Труд, чтобы не разрыдаться?

— Почему-то, — Питер узнал голос Томаса, — самые тяжелые испытания выпадают на долю хороших людей. Не думаю, что в городе есть вторая такая милая девушка, как Линда. Да, нынешние девицы ей в подметки не годятся. Никогда ни с кем не путалась. Не строила глазки чужим мужьям. Она имеет право на все самое лучшее, а жизнь распоряжается иначе. Сначала убили ее жениха, а теперь

вот это. Не стал бы я искать целые сутки какую-нибудь потаскушку. Ну почему он выбрал именно Линду?

— Потому что в витрине ее магазина была гитара,— ответила Эмили.— Ветчины и сыра достаточно, мистер Саутворт?

«Ну и актриса эта Эмили,— думал Питер.— Судя по голосу, общество Саутворта и его помощников ей весьма приятно. Но сэндвичи готовы и, стало быть, им пора уходить».

— Куда вы теперь? — спросил Тьюзди.

— Поднимемся на вершину и поглядим, как идут поиски на северном склоне,— ответил Саутворт.

— Я заверну их в фольгу, и они останутся свежими до самого вечера. Еще кофе, мистер Томас?

— Премного благодарен, Эмили, но больше не могу. Вот еще что, у Линды нет близких родственников. Никого, кто бы ждал и надеялся.

— Если не считать всего Барчестера,— поправил его Саутворт.

Последовала короткая пауза.

— А где тот репортер, что приезжал сюда с вами, Эрни? — голос Тьюзди чуть дрожал.— Стайлз, так, кажется, его фамилия?

— Уехал. С этими местами у него связаны малоприятные воспоминания. Из-за каких-то хулиганов он попал в автомобильную аварию неподалеку от Дарлбрук-Лодж. Лишился ноги, а его отец сторел заживо. Новый всплеск насилия, наверное, напомнил ему о прошлом. Поэтому он и уехал. Да и с его ногой он ничем не смог бы нам помочь.

— Теперь уж вы не умрете от голода, мистер Саутворт.

Эмили передала полицейскому сверток с сэндвичами. Подошло время прощания. Питер все так же сжимал обода. Его рубашка промокла насквозь.

— Ну, пожалуй, нам пора,— подвел черту голос Томаса.— Большое вам спасибо, Эмили.

— Всегда вам рады.

— Послушайте, Тьюзди, не могли бы вы показать нам кратчайший путь к северному склону? — попросил Саутворт.

— С удовольствием.

Шарканье ног, отодвигаемые стулья, удаляющиеся шаги, едва слышные пожелания доброго пути. Телички начал подниматься.

— Не спеши,— прошептал Дьюк.— Вдруг они что-то забыли и вернутся.

У Питера гулко стучало сердце. От напряжения болели все мышцы.

— Вы можете выходить,— нарушил тишину ровный голос Эмили.

Телиcki, с ружьем в руках, буквально выпрыгнул в кухню. Дьюк последовал за ним. Трудн, как тряпичная кукла, рухнула на пол и разрыдалась.

— Ну и выдержка у тебя, мамаша,— услышал Питер похвалу Дьюка.— Я думал, Тьюзди нас заложит.

— Он стоял перед трудным выбором, ответила Эмили.— Он знал, что они убьют вас, но понимал, что при этом могут погибнуть невинные люди.

— Пусть он и дальше помнит об этом,— прохрипел Телиcki.

Не сразу удалось Питеру разжать пальцы. Линда убрала одеяло с головы Джорджа и закрыла лицо руками. И она держалась из последних сил. Не так-то легко сжиться с мыслью, что город считает ее мертвой. Питер подкатился к девушке и положил руку ей на плечо.

— Представляете, стоило мне закричать, Эрн и другие перебили бы их всех. Я знала, что меня убьют, но это не имело значения. Меня остановили только вы. Я не могла рисковать вашей жизнью.

— И Эмили, и Тьюзди.

— Второго такого случая, возможно, и не представится,— Линда подняла голову, ее серые глаза наполнились слезами.— Эмили и Тьюзди могли остаться в живых. Я думала только о вас и о себе.

— Не забывайте, что Крамер и Мартин могли перестрелять их со спины.

— Я так похожа на Тьюзди. И мне дорога каждая лишняя минута.

— Самопожертвование — не выход.

— А он есть?

— Должен быть. А я лишь сижу и потею! Не могу ничего придумать.

Из кухни донеслись новые голоса: вернулись Крамер и Мартин.

— Где остальные? — нервно спросил Крамер.

— В задней комнате, с Джорджи,— ответил Дьюк.— Мы висели на волоске, К. К.

— Очень тонком волоске. Бен и я чуть не открыли огонь, увидев их в машине Тьюзди. Лишь в последний

момент я понял, что старик не стал бы везти их в открытую, если б хотел обмануть нас. Вы сидели в задней комнате, пока они были на кухне?

— Да,— кивнул Телицки.

— Умнику и девице пришлось решать, хотят ли они умереть сразу же или чуть попозже,— добавил Дьюк.— Они выбрали второе.

— А что теперь? — спросил Телицки.

— Подождем, что нам скажет Тьюзди. Он проводит их до вершины и вернется.

Питер успокаивающе похлопал Линду по плечу и покати-л на кухню. Его поразила неестественная бледность Крамера. Тот задумчиво оглядел Питера.

— Нас они не ищут,— заметил Дьюк.— Только Джорджа и девуку. Об остальных они не упоминали.

— Об этом я и хочу поговорить с Тьюзди,— Крамер повернулся к Эмили.— Кофе еще есть, мамаша?

— Наливай сам,— Эмили смотрела в окно, ожидая появления Тьюзди.

Крамер закурил, подошел к плите, налил кофе.

— Бен и я обдумали ситуацию. Раз они не знают, что мы здесь...

— О нас они не упоминали,— повторил Дьюк.

— Если они найдут тела Джорджи и девушки, поиски прекратятся,— сделал вывод Крамер.— Они сойдут с горы и откроют нам путь.

По спине Питера пробежал холодок. Дьявольски простая идея. Мертвый Джордж и мертвая Линда действительно положат конец поискам.

— Джорджи вам убивать не надо,— голос Линды изменился до неузнаваемости.— Джорджи мертв,— ее взгляд уперся в Телицки.— Его убил ты. Ты задушил его!

ЧАСТЬ III

Глава I

Первой очнулась Эмили. Пересекла кухню и исчезла в задней комнате. Питер развернул кресло и покатился за ней.

Эмили, склонившись над Джорджем, старалась нащупать пульс. Труди, сжавшаяся в комочек, смотрела на нее с пола. Наконец Эмили выпрямилась. Ответ легко читался на ее лице. Взяв одеяло, она накрыла голову Джорджа.

Питер коснулся руки Линды, так и застывшей на пороге. Линда не отреагировала. Смерть Джорджа словно парализовала ее.

Эмили направилась к Питеру.

— Они действительно перебьют нас. Питер,— прошептала она.— Мы должны остановить их.

— Но как? — Питер не находил ответа.— Как?

— Хватит думать только о себе,— и мимо него Эмили прошла в кухню. В этот момент появился и Тьюзди. Не подозревая о смерти Джорджа, он подошел к Эмили и обнял ее.

— Извини, что заставил тебя поволноваться, дорогая. Саутворт остановил меня на проселке. Я не мог не подвести его,— тут он ощутил необычное напряжение.— Что случилось?

— Мы думаем, что нашли выход, Тьюзди,— Крамер сидел на столе, сигарета свисала из уголка рта.

— Джорджи мертв,— пояснила Эмили.— Телички задушил его, чтобы он не стонал в присутствии Эрни. Наш юный мыслитель полагает, что поиски прекратятся, если он подсунет им пару тел — Джорджи и Линды.

— Тогда мы сможем спокойно уйти,— добавил Крамер.— Ваши друзья ищут не нас.

Эмили отвернулась к плите.

— У вас, разумеется, ничего не выйдет.

Глаза Крамера сузились.

— Почему же, мамаша? Они найдут тела и прекратят поиски. Мы позаботимся о вашем молчании и уйдем с горы. Никто не станет искать нас, пока они не хватятся Тьюзди. Мы опередим их на добрых двадцать четыре часа, а то и больше.

— Они могут даже подумать, что вас перебил Джорджи,— ухмыльнулся Мартин.

Эмили смотрела на Крамера.

— Вы не могли не подумать о том, что мы попытаемся принять определенные меры, чтобы вы не ушли безнаказанными, не правда ли?

— Конечно, я думал об этом,— ответил Крамер.— Но что вы могли сделать? Ничего.

— О, мы знаем, что вы собираетесь нас убить,— продолжила Эмили.— Мы знали об этом с самого начала. Но вас будет искать вся полиция Соединенных Штатов. Мы позаботились об этом.

Питер искоса взглянул на Тьюзди. Старик уставился на Эмили, у него даже отвисла челюсть. Он понятия не имел,

о чем ведет речь Эмили. Но никто не смотрел на Тьюзди. Взгляды бандитов скрестились на Эмили.

— Как же вы позаботились об этом? — вкрадчиво спросил Крамер.

— Нас вы убьете, помешать этому мы не сможем. Но до вас доберутся после нашей смерти, — и Эмили наклонилась к плите, чтобы посмотреть, достаточно ли дров в топке.

Крамер в три прыжка подскочил к Эмили, развернул ее лицом к себе. Глухо зарычал Тьюзди, но не сдвинулся с места.

— Как вы позаботитесь об этом? — повторил Крамер.

— Тьюзди не мог привезти помощь из города, не ставя под угрозу наши жизни. Но сделал все, чтобы вы далеко не ушли, — она взглянула на старика. — Находясь в городе, он подробно записал ваши приметы, не забыл упомянуть и о ваших шалостях. Бумага эта, в запечатанном конверте, находится в банке, у мистера Свенсона. Он должен вскрыть конверт, если с Тьюзди что-нибудь случится. Мистер Свенсон думает, что в конверте — завещание, но, прочитав послание Тьюзди, узнает правду. Так что, мальчики, можете убить нас, но от расплаты вам не уйти.

Крамер повернулся к Тьюзди.

— Это правда, старик?

Тьюзди раскрыл рот, но не смог вымолвить ни звука. И лишь кивнул.

— Он не решился бы на такое! — подал голос Мартин. — Он знает, что будет с Эмили.

Та улыбнулась.

— Неважно, что будет с Эмили, мальчик. Главное для меня и Тьюзди — заставить вас заплатить за содеянное. И вы заплатите.

— А ты говорил, что нам ничего не грозит, — сердито бросил Телицки, взглянув на Крамера.

— Я как раз думаю, так ли это существенно? — Крамер словно рассуждал сам с собой.

— Еще как существенно, — поддакнул Питер. — Полиция будет знать, кого искать.

— Рано или поздно они сами дошли бы до этого.

— Раньше они могли положиться лишь на предположения да на неточные приметы. Теперь они будут знать все, — сердце гулко колотилось в отбитые ребра. Питер ни на йоту не сомневался, что Эмили все выдумала. Но нужно заставить их верить в ее слова до тех пор, пока Тьюзди

не придет в себя. Крамер достаточно умен, чтобы прочесть правду по лицу и глазам старика.

— А не заставить ли его забрать бумагу из банка,— черные глаза Дьюка сверлили Эмили.— Мы можем немножко поработать над его дамочкой и я чувствую, что он скоренько смотается в банк и притащит эту бумажку.

— Или ее копию,— вставил Питер.

— Тебе бы лучше помалкивать, старичок,— посоветовал Крамер.

Питер следил за Тьюзди. Сейчас, подумал он, старик начнет все отрицать. Можно представить, что они сделают с Эмили. Нужно остановить их.

У Эмили оказалось больше мужества, чем у остальных, но какую пользу можно извлечь из ее слов? Времени мало. Совсем мало, пока Крамер думает, отмахнуться ли от угрозы Эмили или принять ее во внимание. Но в конце концов бандиты попытаются вырваться на свободу независимо от того, поверили они в существование письма или нет. А перед тем как уйти, разделаются с пленниками.

Застыв в инвалидном кресле, вцепившись в обода, Питер понял, что речь уже идет не о жизни и смерти, а о доле страданий, которая могла выпасть каждому из них. Как спасти Эмили от пытки на глазах Тьюзди, как оградить Линду от этих насильников, которые, надругавшись над ней, хладнокровно убили бы девушку и бросили в лесу, чтобы поисковые группы, обнаружив тело, ушли бы с горы.

И ответ пришел сам собой. Прямая атака на бандитов вызовет ответный огонь. Выстрелы кто-нибудь да услышит. Саутворт и его помощники недалеко, они могут быстро вернуться. Линда и Эмили будут спасены от мучений. Их всех убьют, но лучше быстрая смерть, чем безжалостная пытка. Имеет ли он право, думал Питер, брать на себя решение, не посоветовавшись с остальными? Но как он мог посоветоваться? Нет, решать он должен сам и молиться, чтобы Тьюзди и женщины поняли его замысел и содействовали ему.

«Мне осталось жить не больше трех минут»,— сказал себе Питер. Он раскачивал каталку взад-вперед на один-два дюйма, готовясь к последнему броску. Вспотели ладони. Не хотелось думать, что никогда больше не увидит он солнечных лучей, бьющих в большое окно, не вдохнет аромата только что сваренного кофе. И не оставалось времени подвести итог жизни, вспомнить успехи и неудачи. А нужно ли подводить итоги? Или подсознательно он стремился оттянуть миг, за которым начиналось неизведанное?

И тут Дьюк Лонг невольно облегчил ему выполнение задуманного.

— Давай-ка поглядим, насколько хватит Тьюзди,— процедил он. Положил ружье на обеденный стол, достал из кармана нож, раскрыл его.— Для начала я вырежу на тебе свои инициалы, Эмили,— и двинулся к ней. Глянул на Тьюзди, ухмыльнулся.— Будет тебе новая краска, старик.

— Нет! — воскликнул Тьюзди.— Подождите. Я ничего не...

Питер изо всех сил крутанул колеса. Кресло накатилось на Дьюка со спины и чуть сбоку. Крамер что-то крикнул, предупреждая об опасности.

Удар пришелся по ногам. Дьюк взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие, но Питер схватил его сзади и потянул на себя. Бандит буквально рухнул к нему на колени. Правая рука Питера сомкнулась на шее Дьюка. Тот взмахнул ножом, и Питер почувствовал резкую боль в бедре. Он закрыл глаза и все сильнее сжимал горло Дьюку.

Кресло развернулось спинкой к плите. Теперь Дьюк защищал его от ружей Крамера, Мартина и Телички. Заведя левую руку под затылок Дьюка, Питер рванул правую вверх, задирая бандиту подбородок. Что-то хрустнуло, и Дьюк сразу обмяк.

Но к ним уже рванулся Телички. Питер увидел его перекошенное яростью лицо, тянущиеся к нему громадные кулаки. Но, к изумлению Питера, Телички не вырвал Дьюка из его рук, а отпрянул назад. Лишь потом Питер узнал, что Эмили огрела здоровяка кочергой. Удар пришелся в висок.

— Заставьте их стрелять! — заорал Питер.

Телички шатало из стороны в сторону. Он обхватил голову руками, из-под пальцев показалась кровь.

Тело Дьюка соскользнуло с колен, и тут Питер увидел, как Крамер медленно поднимает ружье. Услышал утробный рык Тьюзди. Эмили стояла прямо за Питером, на линии огня. Старик заслонил собой обоих и двинулся на Крамера.

Раздался выстрел, гигант покачнулся, словно срубленное, готовое упасть дерево. Жалобно вскрикнула Эмили.

Краем глаза Питер заметил Мартина. Тот бежал вдоль стола, чтобы занять более удобную позицию для стрельбы. Прогремел еще один выстрел, и Мартин схватился за шею. Третий выстрел, четвертый, пятый. Мартин рухнул на морморный пол.

Питер обернулся. У стола стояла Линда. Стреляла она

из ружья Дьюка. Вот оно выскользнуло из ее рук. А Линда, как зачарованная, смотрела на лежащего Мартина.

— Джейк! — проревел Крамер.

Телицки шагнул к нему, все еще держась за голову. Крамер мог бы перестрелять всех, но вместо этого попятился к двери. Схватил за руку еще не пришедшего в себя Телицки и потащил за собой. Тут Питер понял причину столь странного поведения Крамера. Тьюзди, на коленях и на локтях, дотянулся до ружья, брошенного Телицки. И, едва Крамер успел захлопнуть за собой тяжелую дверь, ее обдало свинцовым градом. Затем старик упал лицом вниз.

А заполненную пороховым дымом кухню огласил безумный смех. Труды забила в истерику.

Питер смотрел на свои дрожащие руки. Он остался в живых...

Кухня напоминала поле боя. Убитые Дьюк и Мартин, тяжело раненный Тьюзди. Питер не мог двигаться, думать. Он не понимал, почему Крамер так поспешно ретировался. Правда, его ружье могло дать осечку, а в грохоте выстрелов Линды он не услышал щелканье затвора. Впрочем, он не сомневался, что через несколько минут Крамер и Телицки притащат со второго этажа новые ружья и патроны. Выстрелы могли сослужить пленникам добрую службу, если их слышали в лесу. Но что предпримут Крамер и Телицки? Попытаются уйти с горы или, поняв, что надежды на спасение нет, вернуться на кухню, чтобы прикончить пленников?

Тело Дьюка навалилось на ногу Питера. Он откатился назад, чтобы освободиться от груза.

— Как он, Эмили? — спросил Питер.

— О, мой бог, — прошептала та, склонившись над Тьюзди.

— Жив?

— Да, но пуля в груди, — она подняла на Питера испуганные глаза. Ее невероятное самообладание дало трещину.

— Здесь мы оставаться не можем. Они перестреляют нас через окна, как куропаток. Перенесем Тьюзди в заднюю комнату.

Эмили попыталась сдвинуть Тьюзди с места. Тот застал.

— Линда! Труды! Помогите ей! — приказал Питер. — Я не могу.

Линда смотрела на него, словно увидела впервые в жизни. Казалось, она приросла к полу.

— Делайте, что вам говорят, черт побери! — рявкнул Питер.

— Пожалуйста! — вымолвила Эмили.

А Труды смеялась и смеялась, ничего не видя и не слыша.

Полное отчаяния «пожалуйста» Эмили проняло Линду. Неверной походкой она подошла к Тьюзди, и вдвоем они потащили его к задней комнате.

Питер сполз с кресла и опустился на колени у тела Дьюка. Обшарил карманы кожаного пиджака и нашел то, что искал: пригоршню патронов к ружью, из которого стреляла Линда. Кое-как он доковылял до двустволки Телицки. Магазин был пуст. Тьюзди нажал на оба курка. Питер перебрался к телу Мартина. Вытащил из-под него ружье, «итак» двенадцатого калибра, достал из кармана два запасных патрона.

Теперь и у них было оружие.

Усевшись в кресло и положив оба ружья на колени, Питер покатил к задней комнате. Он понимал, что это западня. Дверь вела только в кухню. Но перенести Тьюзди они могли лишь туда. Линда и Эмили втащили старика в комнату. За ними, спотыкаясь на каждом шагу, следовала Труды. Питер осмотрел дверь. Засов, естественно, находился со стороны кухни. Запереться изнутри они не могли. Как не могли и стрелять не показавшись в дверном проеме.

Ловушка. Но шансы на спасение неизмеримо возросли. При удаче они могли продержаться до прихода подмоги.

Питер вкатился в комнату. Дверь открывалась в кухню. Он мог охранять ее, не закрывая, но тогда его расстреляли бы, как в тире, через окна в дальнем конце кухни. Мог закрыть дверь, но в этом случае Крамер и Телицки подкрались бы вплотную. Питер даже растерялся. Любое, самое маленькое его решение становилось вопросом жизни и смерти. Все тело болело и дрожало от напряжения недавней борьбы с Дьюком.

Линда и Эмили сняли с кровати Джорджа, чтобы положить на нее Тьюзди. Старик тихонько стонал.

— Подтащите его как можно ближе к кровати, — распорядился Питер. — Я сяду на край и подниму его голову и плечи. А вы — ноги.

Женщины, похоже, только и ждали четкого приказа. Питер на одной ноге допрыгал до кровати, подхватил Тьюзди под руки. Им удалось поднять старика с пола и осторожно положить на кровать. Тут же Эмили присела рядом, расстегнула рубашку, чтобы осмотреть темно-крас-

ную дыру в груди старика. Затем взглянула на Питера, застывшего на одной ноге в изголовье. Ее губы дрожали.

— Я должна вернуться на кухню. Рану надо промыть и мне нужны тряпки или бинты, чтобы остановить кровотечение.

— Рискованно, — ответил Питер. — Им хватило времени, чтобы перевооружиться. Возможно, они только и ждут, чтобы подстрелить нас одного за другим.

— Почему они убежали? — спросила Эмили.

— Я думаю, у Крамера заклинило патрон. В тот момент мы могли покончить с ними. Если бы Тьюзди дотянулся до ружья на несколько секунд раньше... — Питер запнулся. — Как насчет моей рубашки? Не сойдется ли она на бинты?

Эмили рассеянно кивнула. Питер снял пиджак, рубашку, протянул ее женщине. Та склонилась над Тьюзди, осторожно стирая кровь, а Питер надел пиджак и в два скачка добрался до кресла-каталки. Перезарядил оба ружья. Линда не отрывала от него глаз.

— На шум кто-нибудь придет, не так ли? — спросила она.

— Будем надеяться. — Питер примеривался к винчестеру Дьюка.

— Не больно рассчитывайте на это, — подала голос Эмили, не глядя на них. — Кухня ниже уровня земли. Это единственное место в «Причуде», откуда звуки далеко не разносятся.

— Но Крамер запретил им стрелять, чтобы не привлечь внимания! — воскликнула Линда.

— Мы не стали разубеждать его.

Только теперь Питер заметил, что окно маленькой комнаты и кухни находятся на высоте глаз, а пол — на пять футов заглублен в землю.

— Я убила Мартина, так? — загробным голосом спросила Линда.

— Вы были великолепны, — подтвердил Питер.

— Не знаю, как это вышло. Я увидела лежащее на столе ружье и подумала, что смогу передать его вам или Тьюзди. А потом он метнулся ко мне, и я начала жать на курок, пока... пока он не упал. Я никогда не стреляла из ружья, Питер. О боже!

— Если б не вы, нас бы уже не было в живых, — Питер прицелился.

— Что они сейчас делают? — спросила Линда.

— Можно только догадываться, — он всмотрелся в бледное, испуганное лицо. — Они наверняка взяли новые ружья

и, я думаю, поднялись на последний этаж или на крышу, чтобы заранее увидеть незваных гостей. Если кто-то появится, им придется вступить с ними в бой. Если нет...

— Что тогда?

— Тогда они вернутся.

— Зачем? Мы им не нужны. Тьюзди уже не сможет поехать для них в город, даже если бы и захотел. Не привезет он и письма из банка.

— Письма нет. Эмили выдумала его.

— Эмили! — недоверчиво воскликнула Линда.

— Я просто хотела попугать их, — ответила та. — Пожалуй, единственное, что мы могли сделать, так это сбить с них спесь.

— Вам не кажется, что они сбегут? — Линда повернулась к Питеру.

— Нет. Если через несколько минут никто не придет, они поймут, что в лесу выстрелов не услышали. Уйти из «Причуды» они могут только ночью. Они знают, что у нас два ружья. Если кто-то из нас сможет проникнуть на более высокий этаж, разбить окно и выстрелить, тогда люди наверняка сбегутся к «Причуде». И Крамер с Телицки примут все меры, чтобы этого не случилось. Сейчас они как раз думают об этом. Они вернутся сюда. Крамер — потому что очень умен, Телицки — чтобы отомстить.

— Мы сможем... мы сможем сдержать их?

Питер пожал плечами.

— У нас есть восемь патронов для двух ружей.

— Но, если вы не будете стрелять, если заставить их подойти к этой двери, а потом...

— Вам бы быть генералом, — чуть улыбнулся ей Питер.

Он подкатился к двери, справа от проема, выглянул на кухню.

— Вы и Труды станьте у боковой стены, — он посмотрел на Линду. — И постарайтесь как-нибудь привести ее в чувство. Из-за ее идиотского смеха ничего не слышно.

Линда подошла к сидевшей на полу Труды. Та то ли смеялась, то ли плакала.

— Прекратите, Труды, — твердо сказала она.

Ее слова вызвали новый приступ истерического смеха.

И тогда Линда ударила девушку по щеке. Голова Труды качнулась назад.

— Замолчи! Мы должны слышать, что происходит за дверью.

Труды подняла голову, всхлипнула, ее рот раскрылся.

— Так-то лучше,— и Линда вернулась к кровати.— Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Эмили покачала головой.

— Пуля проникла глубоко. Если нам не помогут... Если не придет врач...

— Прислушайтесь! — напомнил Питер.

Но тишину нарушало лишь тяжелое дыхание Тьюзди. Каменные полы «Причуды» не пропускали сверху ни звука. Все, что делалось там, оставалось тайной. Из леса доносилось пение птиц. Питер успокаивал себя, думая о том, что поисковая группа не будет афишировать своего приближения. А Крамер и Телицки могли затаиться за дверью кухни, чтобы звуки за ней подсказали, чем заняты пленники.

Эмили глубоко вздохнула.

— Помощь к нам не придет,— и ласково погладила бородатое лицо Тьюзди.— Дорогой,— прошептала она.— Дорогой! — ее хладнокровие испарялось на глазах.

Питер посмотрел на часы. До ночи еще далеко. Не меньше восьми часов. Темнота им на руку, как, впрочем, и Крамеру с Телицки. Игра в прятки в темноте могла закончиться успешно. Но не для Тьюзди, прикованного к постели, не для Эмили, которая осталась бы со стариком до последнего. Главное сейчас — разгадать мысли Крамера.

В кухне из неплотно закрытого крана мерно капала вода.

— Сейчас он ничего не чувствует,— Эмили продолжала гладить лицо Тьюзди.— Но как же он будет мучиться, придя в себя.

— Он выдюжит,— ответил Питер.

— Он прыгнул на Крамера, чтобы спасти вас... и меня.

— Если б не он, мы бы говорили об этом под музыку ангелов,— сухо заметил Питер.

А вода все капала.

— Он часто думал о личной храбрости, готовности на героический поступок.

— Вы же говорили, что он участвовал в двух войнах.

— Я, бывало, напоминала ему об этом. Он отвечал, что на войне нет иного выхода. Надо воевать, есть у тебя храбрость или нет.

— В армии до самого боя человека мучает страх,— заметил Питер.— Но стоит начаться сражению, эти мысли вылетают из головы. На них просто не остается времени. Подчиняешься только своим инстинктам, какими бы они ни были. То же самое произошло и на кухне. Тьюзди не гадал,

боится он или нет. Он шагнул вперед, инстинктивно, чтобы защитить вас.

— Он такой большой,— Эмили оглядела неподвижное тело, распластавшееся на кровати.— В дни нашей молодости... в Париже... по вечерам мы частенько ходили в ресторанчики, выпить немного вина, поболтать с друзьями. Иногда возникали и ссоры. Но никто не цеплял Тьюзди. Он казался таким сильным, таким здоровым, что с ним предпочитали не связываться. Думаю, лишь сегодня его сила и храбрость прошли настоящую проверку.

— И выдержали ее.

— Он не боялся смерти, знаете ли.— Эмили подняла глаза к потолку.— Когда они пришли и мы поняли, кто они на самом деле и чего хотят, он испугался из-за меня. Он не думал, что нам удастся выжить, но надеялся, что смерть будет скорой, если мы сделаем все, что им хочется. Выполняя их указания, мы могли избежать мучений и чуть дольше побыть вместе. Но, если кто-то из нас выживет и обо всем станет известно, пойдут разговоры, что он трусил.

— Люди, не встречавшиеся лицом к лицу с опасностью, всегда воображают себя героями,— Питер настороженно оглядывал окна.— И только в редких случаях становятся ими, когда их припирают спиной к стене.

— Сможем ли мы прожить хоть день, если не сумеем убедить себя, что не подведем в критический момент? — Эмили печально покачала головой.— Знаете, я все время думала, а что они могли бы сделать со мной, откажись Тьюзди выполнять их указания? Я... я намного старше Линды, так что едва ли они захотели бы развлекаться со мной. Они... они могли бы причинить мне боль, чтобы услышать крик Тьюзди.

— Но не ваш? — спросил Питер.

— Я продолжаю убеждать себя, что вынесу все, кроме крика ужаса Тьюзди. Пусть они меня бьют, ломают мне кости, думала я. Режут ножами, которые они вытаскивают по любому поводу. Пусть... пусть даже вырвут мне глаза... — она помолчала, и Питер услышал судорожный вздох Линды.— Они могли облить меня бензином и сжечь заживо. Сожгли же они целую семью. Я... мне казалось, что мне это нипочем, лишь бы не слышать бессильного крика Тьюзди, полного ярости и отчаяния. Можете вы это представить?

Питер взглянул на Линду. Та прижалась к стене, ее милое лицо стало бледным, как мел.

— И то же самое, по-моему, происходило с Тьюзди, — похоже, выговариваясь, Эмили постепенно брала себя в руки. — Если бы не мое присутствие, он бы не ударил для них пальцем о палец. Не привозил бы им продукты, не покрывал их. Он схватился бы с ними, не заботясь о том, что его ждет. Понимаете, что я хочу сказать, Питер? Я боялась за него, а он — за меня.

— Не так много людей думают не только о себе.

— Ну, этого я не знаю, — продолжала Эмили. — Вчера, когда вы впутались в это дело, Питер, и Тьюзди оставили с вами в студии, чтобы он разъяснил вам, что к чему, помните? Когда же Крамер отправил нас готовить ужин, Тьюзди долго ломал голову над вашим поведением. Вы могли убежать через лес. Но вы остались. Почему?

— Потому что расплачиваться пришлось бы вам, Тьюзди и Линде.

— Но вы не знали никого из нас. Мы вам совершенно незнакомы. Какая вам разница, что случилось бы с нами?

Питер заставил себя улыбнуться.

— Вы — хорошие люди, они — плохие. Я уже давно борюсь с плохими людьми и не мог допустить, чтобы они вновь праздновали победу. Возможно, в этом все дело. А может, я не поверил Тьюзди, когда тот сказал, что наше положение безнадежно. Есть и третье объяснение. Я просто круглый дурак.

— Вы — порядочный человек, Питер, и вели себя, как должно вести себя порядочному человеку. Вот и все, Питер.

— Не захваливайте меня попусту, Эмили. Мои шансы на побег были невелики. Возможно, это меня и остановило.

— Но вы влезли в ловушку, потому что вернулись, чтобы помочь Тьюзди. Вы могли этого не делать. Вы ничего ему не должны. Так же, как и Линде. Но вам безразлична участь людей, которых вы совсем не знаете. О, я не пытаюсь превращать вас в героя, Питер. Суть в том, что сегодня остается все меньше и меньше людей, которые могут принять к сердцу беду соседей, даже лучших друзей. Этим дьяволам наверху плевать на всех и вся. Людская боль доставляет им радость. Может, мы отстали от времени, Питер? И мир, в котором, как нам кажется, мы живем, уже в прошлом? Если так, то какая разница, что случится со мной, — ее голос дрогнул. — А если Тьюзди не выживет, то и мне нечего задерживаться на этом свете.

В комнате тихо, прохладно. Эмили подтянула одеяло под самый подбородок Тьюзди и сидела на кровати, покачиваясь взад-вперед.

Из крана капала вода.

Питера уже не волновали мотивы, приведшие его сюда в определенный момент времени. Он здесь, на одной ноге, а двое убийц готовятся к атаке. У них лишь восемь патронов, у Крамера и Телицки — неограниченные запасы оружия. И как знать, что они предпримут? Ворвутся через дверь, через одно из четырех окон кухни, через окно над кроватью Тьюзди или через гараж, где стоял никому не нужный «ягуар»? Рядом с окном над кроватью Тьюзди Питер заметил свисающий шнур от штор. Если задернуть шторы, подумал он, комната погрузится в полумрак, но их не будет видно снаружи. И бандиты не смогут подстрелить их через окно. Тут же ему пришла в голову мысль о том, что шторы можно задвинуть и на окнах кухни, да еще запереть гаражную дверь. Тогда Крамеру и Телицки останется лишь один путь для нападения: дверь, ведущая на верхние этажи. Да, шторы не защитят от пули, но стрелять бандитам придется наугад. Чтобы раздвинуть шторы, надо разбить стекла, влезть на подоконник. Не привлекая внимания, сделать это невозможно, тем самым они подставят себя под пули. Они не знают, насколько тяжело ранен Тьюзди, но им известно, что стрелок он отменный. Они не знают, как хорошо владеет оружием Питер, но наверняка думают, что неплохо, исходя из того, чего он добился, голыми руками.

— Линда, — позвал Питер, — вдоль стены доберитесь до окна и задвиньте шторы.

Линда ответила ничего не выражающим взглядом, но приказание выполнила, потянула за шнур, и шторы сдвинулись. Тьюзди глухо застонал, словно изменение освещенности повлияло на его самочувствие.

Питер поделился с женщинами намеченным планом: быстро нырнуть в кухню, задернуть шторы, запереть гаражную дверь и тут же вернуться.

— А если они только и ждут, чтобы вы вышли из комнаты? — спросила Эмили.

— Надо рисковать, — ответил Питер. — Но полагаю, что они все еще следят за лесом с крыши.

Эмили взглянула на Тьюзди и встала.

— Я вас прикрою. Тридцать лет я стреляю с Тьюзди

по консервным банкам. Думаю, мальчикам не поздоровится, если я увижу их отвратительные рожи.

Питер протянул ружье Эмили, а дробовик оставил себе.

— Не стреляйте абы как,— предупредил он.— У нас только восемь патронов, и едва ли нам удастся пополнить запасы.

— Мне не нужно больше одного выстрела на каждого из них,— спокойно ответила Эмили.— Поверьте мне, Питер, если они полезут в кухню, рука у меня не дрогнет.

У Питера заняло под ложечкой. Если он ошибся, и Крамер с Телицки затаились у одного из окон, они тут же прикончат его.

— Справа от плиты, в первом шкафу бутылка бренди,— прервала молчание Эмили.— Тьюзди оно понадобится, когда он очнется.

— У меня будет для этого целый день или ни секунды,— нервно ответил Питер, глубоко вдохнул и крутанул колеса.

Кресло выкатилось на кухню. Ему пришлось маневрировать между тел, чтобы подъехать к окнам. Питер глянул на дверь, ведущую в отель. В дюжине мест толстый дуб расщепили выстрелы Тьюзди. Запереть ее изнутри не представлялось возможным.

Казалось, прошла вечность, прежде чем он задвинул шторы на всех четырех окнах. Чтобы дотянуться до шнура, он слезал с кресла и вставал на здоровую ногу. Краем глаза он заметил, что Эмили застыла в дверном проеме с ружьем у плеча.

Покончив с окнами, Питер покатил к гаражной двери. Запер ее на замок и на засов и направился к шкафу, о котором говорила Эмили. Достал из него непечатую бутылку бренди. Двадцать пять футов от плиты до задней комнаты превратились в мили. Ехал он спиной к незапертой двери и зашторенным окнам, не спуская глаз с Эмили. Любое ее движение означало бы, что мгновением позже сзади прогремят выстрелы.

Когда Питер вкатился в комнату, он дышал, как бегун, закончивший трудную дистанцию. Протянул Эмили бутылку бренди. По телу струился пот.

— Нельзя ли попасть сюда как-то еще? — спросил он Эмили.— По какой-нибудь лестнице, о которой я не знаю?

— Только через кухонный лифт. Полагаю, в него может втиснуться человек. Мы редко им пользовались, только в тех случаях, когда Тьюзди привозил из города что-то очень тяжелое. Привод у него ручной и при движении он

ужасно скрипит. Так что они не застанут нас врасплох, если решат спуститься на нем.

— Значит, будем сидеть и ждать,— подвел черту Питер.

Линда пересекла комнату и встала рядом с креслом-каталкой.

— Вы не сомневаетесь, что эти двое остались в отеле?

— Нет.

По ее телу пробежала дрожь, словно от порыва холодного ветра.

— Я все думаю, что бы произошло, если б вы не вернулись.

— Из моего путешествия на кухню? — он взглянул на Эмили, вновь склонившуюся над Тьюзди. — Мне кажется, что Эмили действительно отлично стреляет.

Питер не отрывал глаз от большой дубовой двери. Сдвинься она на четверть дюйма — и столкновение неизбежно. Неустойчивое равновесие могло затянуться надолго, до тех пор, пока горячее августовское солнце не скроется за западным склоном горы. А уж с наступлением темноты Крамер почти наверняка начнет действовать.

Питер попытался представить, о чем думает сейчас Крамер. Должно быть, он находится под впечатлением случившегося на кухне. Гибель Дьюка и Мартина, конечно, не вызвала в нем никаких эмоций. Разве что он пожалел, что баланс сил изменился не в его пользу. Он мог даже расценить их смерть, как явление положительное. Вдвоем уйти легче, чем вчетвером. Холодный аналитический ум Крамера не опустился бы до мести. Телички — совсем другое дело. А Крамера заботило лишь собственное спасение.

Теперь-то у него не осталось сомнений, что выстрелы в кухне никто не услышал. Следовательно, если Питер и остальные останутся там, они не смогут привлечь к себе внимания. Знал Крамер и о том, что у них мало патронов. То есть в окна пленники стрелять не будут, чтобы не остаться беззащитными. Получается, что Крамер должен позаботиться о том, чтобы не выпустить их из подвала. Тьюзди он подстрелил. Рана тяжелая и, если старик не умер, едва ли он сможет ходить. Эмили никогда не покинет его. Наверное, Крамер с пренебрежением подумал о том, что и Питер с Линдой не бросят старика.

Ясно представил Питер и решение, к которому должен прийти Крамер. Пленники не должны звать на помощь, а лучше всего, если они замолчат навсегда. Он и Телички не могли покинуть отель, зная, что после их ухода Питер и остальные поднимут тревогу. Телички убил бы их из

ненависти, Крамер — потому, что их смерть гарантировала бы его собственную безопасность.

Он перестал контролировать ситуацию. Час назад, до того как пленники завладели оружием, он мог войти в комнату и хладнокровно перестрелять их всех. Теперь же пленники могли сопротивляться. Пусть не нападать, но защищаться они будут упорно. С наступлением темноты он мог воспользоваться окнами. Днем он едва ли рискнул бы выйти из отеля. Ночью ему ничего не грозило. Но он понимал, что Питер и женщины не будут зажигать свечи, чтобы не выдать своего местонахождения. Не мог он захватить Линду или Эмили, чтобы, используя их как заложниц, выторговать выгодные условия.

Итак, не без удовольствия отметил Питер, Крамеру есть о чем подумать.

Его так увлекли проблемы Крамера, что он не заметил, как Линда уселась на пол у кресла и прислонилась к нему, словно ощущение близости с собратом по несчастью придало сил. Питер опустил руку на плечо Линды. Та посмотрела на него и улыбнулась.

— Вы были где-то далеко?

— Пытался проникнуть в голову Крамера.

Она не хотела, чтобы он убирал свою руку.

— А со мной что-то не так. Ни о чем не могу думать, только о себе. Вам не кажется, что где-то существует злой рок, заставляющий нас платить за совершенные глупости?

— Нет.

— Я подумала об этом, когда приходили мистер Томас и Эрни Саутворт. Томас еще удивлялся, почему такое выпадает на долю хороших людей? Но если бы кто-то решил наказать меня за мои грехи, то не мог бы додуматься до лучшего способа, чем послать Джорджи, чтобы тот притащил меня сюда и надругался надо мной.

— О чем вы говорите? Какие грехи?

— Я всегда была такой порядочной, такой выдержанной. Жила по правилам.

— Это плохо? — спросил Питер.

— Думаю, что да.

Питер убрал руку, и она вскинула глаза.

— Пожалуйста, если вы не возражаете. Я чувствую себя не такой одинокой, когда вы прикасаетесь ко мне.

Питер широко улыбнулся.

— С удовольствием, — от плеча Линды шло приятное тепло. — Расскажите мне о ваших грехах.

— Я была помолвлена. С Фредом Уиллоби.

— Это не преступление.

— Фред был отличным парнем, из хорошей семьи. Мы выросли вместе, вместе ходили и в обычную, и в воскресную школы. Он пригласил меня на мой первый танец. Потом я поступила в Смит, а он в — Амхерст¹. Нас разделяло лишь несколько миль, и мы виделись каждый уик-энд, а иногда и на неделе. Все думали, что мы поженимся, и мы сами принимали это как должное. В наших... в наших отношениях не было страсти, Питер, ее заменяли тепло души, доброта... и благополучие.

— Я часто думал о слове «благополучие», — заметил Питер. — Может ли употребить его по отношению к себе калека, оставшись в живых после катастрофы? Но, сидя здесь, понимаешь, как хороша жизнь.

— В те дни я над этим не задумывалась, — продолжала Линда. — Нам с Фредом нравились одни и те же книги, спектакли, мы могли делиться самыми сокровенными мыслями. Мне нравилось танцевать с ним. В кино мы держались за руки. Он целовал меня на прощание и при встрече после короткой разлуки. Мы часто говорили о поведении наших приятелей: об объятиях, сексе, связанных с этим тревогах. Моя соседка по общежитию в колледже забеременела на первом курсе. Это был ад, который я пережила вместе с ней. Таблетки не помогали, свадьба явилась бы публичным признанием позора, внезапно она поняла, что не любит парня, ставшего виновником всех бед, и с все нарастающим страхом ждала она дня визита к этому ужасному доктору в Бруклине. У нас с Фредом такого быть не могло. Мы откровенно говорили об этом. Мы не собирались создавать себе трудностей, чтобы потом их преодолевать, — Линда горько рассмеялась. — Нам было легко, потому что никто из нас еще не проснулся.

Питеру вспомнились долгие споры о сексе, в которых он принимал участие в молодости, такие напыщенные, столь далекие от реальной жизни.

— На последнем курсе колледжа перед самыми рождественскими каникулами я на несколько дней поехала в Нью-Йорк. Среди прочего я собиралась на бал к своей подруге. Она была из богатой семьи, и бал давали в одном из залов отеля «Бомонт». В Нью-Йорк я приехала одна, поэтому на бал мне нашли кавалера.

Свидание с незнакомым человеком редко доставляет

¹ Смит, Амхерст — известные учебные заведения.

удовольствие, но в тот вечер меня ждал приятный сюрприз. Ему было около тридцати. Работал он в большом рекламном агентстве, и знаний и опыта у него было куда больше, чем у моих знакомых. Высокий, стройный, очень интересный внешне, он танцевал, как ангел. Я, конечно, не подозревала о том, что на бал для студенток колледжа он явился, чтобы найти ту, кто согласится поехать после танцев к нему домой. И его выбор пал на меня.

Свою партию он вел блестяще. Ни разу не обмолвился о том, что задумал. Только следил, чтобы у меня под рукой всегда был полный бокал шампанского. А как мы танцевали! Он прижимал меня к себе нежно, но решительно. Я этого не понимала, но он обольщал меня на глазах у сотни танцующих пар. А я... ну, я не оставалась в долгу. Всегда я говорила себе, что меня несколько не интересуют мужчины, в которых я не влюблена. А тут, я впервые услышала его имя, ничего о нем не знала, но... но каждым движением показывала ему, что испытываю те же чувства, что и он. «Давайте уедем отсюда», — предложил он в перерыве между танцами. «Я думала, что никогда не услышу от вас этих слов», — ответила я, словно получала подобные предложения по три на день. Внезапно мне захотелось показать ему, что для меня это вполне естественно. Фреда я даже не вспоминала. Так же, как и жизненные правила, которых я всегда придерживалась. Я не узнавала себя. Я хотела, чтобы случилось все, что могло случиться.

Мы вышли из отеля, сели в такси. Он жил, как сказал мне, в особняке, разделенном после реконструкции на отдельные квартиры, в Ист-Сайде. «Мы будем одни, — обещал он, — хоть целую вечность». А потом он начал целовать меня, страстно целовать. Я дрожала с головы до ног. Когда мы подъехали к дому, ему пришлось чуть ли не занести меня на крыльцо.

В квартире, в маленькой прихожей, он снял с меня пальто и бросил на пол. Начал... начал раздевать меня. И все время шептал: «Ты прекрасна, как ты прекрасна!»

Я никогда не забуду того странного выражения, что появилось на его лице. «Неужели для вас это вновь?» — спросил он. «Да, да», — уверила я его.

К моему изумлению, он отпрянул от меня и ушел в гостиную. Я не понимала, что происходит. Поправила платье, подобрала с пола и надела пальто. Тут меня охватил стыд.

Он наливал виски, стоя спиной ко мне. «Извини, крошка, — услышала я. — Я не знал».

Не помню, как я оказалась на улице. Больше мы не перемолвились ни словом. Я... я никогда не видела его с тех пор.

— Он не хотел лишних хлопот,— нарушил наступившую паузу Питер.— Девушка, которую лишают невинности, может «качать права».

— Он растоптал меня. Я была в ужасе от той легкости, с которой переступила собственные принципы.

— Вы проснулись не в том месте и не в то время,— пояснил Питер.— Такое случается со многими.

— И все так страдают? — отозвалась Линда.— Много месяцев мне казалось, что на меня показывают пальцами. А как я боялась Фреда. Уж он-то, думала я, должен догадаться, интуиция не могла подвести его. Я же стала совсем другой. Теперь прикосновения его рук жгли меня, как раскаленное железо. Я не могла расслабиться ни с Фредом, ни с кем-то еще.

— Вы все еще не рассказали мне о своих грехах,— напомнил Питер.

— О, были и грехи, а кара пала на Фреда. После окончания колледжа его взяли в армию, и мы оба знали, что его отправят во Вьетнам. Пройдя курс начальной подготовки, он приехал в короткий отпуск, после которого его часть отплывала за океан. Тогда мы всерьез заговорили о свадьбе. Он с детства мечтал о том, что мы поженимся, но сейчас для этого был самый неподходящий момент. Вдруг он вернется из Вьетнама покалеченный, недвижимый, слепой? Он не хотел становиться мне обузой. И не хотел заранее связывать меня. «Такая уж ты есть, дорогая. Ты же останешься со мной, какие бы тяготы не выпали на твою долю».

Если бы он сделал мне предложение, Питер, я бы стала его женой. Не потому, что я этого хотела, но в силу того, что он имел право на мое согласие. Но я не смогла дать ему то, о чем он попросил меня. Он молил меня об этом так нежно, с такой страстью, но я отказала ему. Я поступила нечестно, отправив его на войну ни с чем. В этом мое преступление, Питер. Он умер в полной уверенности, что я отвергла его из-за какого-то присущего ему недостатка, хотя я просто смалодушничала, так жестоко поступив с ним. Из Вьетнама он присылал мне письма, в которых просил прощения за то, что потребовал от меня слишком многого. Он не просил многого. Просто я могла дать ему очень мало. Для Фреда я оценила себя чересчур дорого, а незнакомцу чуть не отдалась задаром. В этом мое преступление.

Она долго молчала. Питер прислушивался к падающим

каплям воды. Болели глаза, не отрывающиеся от дубовой двери, из-за которой в любой момент мог возникнуть Крамер.

— Я спросила, верите ли вы в злой рок,— продолжила Линда,— потому что чей-то голос нашептывал мне, когда Джорджи тащил меня в гору, что это наказание. И у меня возмут силой то, что я могла с любовью и по доброй воле отдать Фреду. Все взаимосвязано.

— Это романтическая чушь,— отрезал Питер.— В Нью-Йорке вы пережили сильнейшее эмоциональное потрясение. Оно выбило вас из колеи именно в тот момент, когда вам требовались все силы, чтобы найти наилучшее продолжение в отношениях с Фредом.

Линда помолчала.

— Если мы выберемся отсюда, Питер, я смогу еще раз поговорить с вами об этом? Самое трудное уже сказано.

— Возможно, это все, что вам требовалось. Вы излили душу и теперь свободны.

Глава 3

Слова, слова, слова. Похоже, это единственное спасение человека в минуту опасности. Питеру вспомнились корейские джунгли, затаившиеся в темноте враги. Его солдаты всегда обращались к словам, но говорили они не о том, что их ждет, а о себе, о далеком от войны: воспоминания детства, вкусном, когда-то съеденном, обеде, любимой девушке, оставшейся за океаном. Признавались в дурных деяниях, словно кто-то из слушавших был священником и мог отпустить грехи. То же повторялось и на кухне «Причуды». Слова удерживали Эмили от отчаяния. Слова отвлекали Линду от грядущего. А день медленно тянулся к вечеру, падающие из крана капли отсчитывали секунду за секундой.

С того дня, как он потерял ногу, а его отец сгорел заживо, внутренний голос твердил Питеру, что придет время, когда он проиграет бой с насилием. Он всегда представлял, что героически встретит этот миг. Погибнет достойно, и кто-то еще, вдохновленный его смертью, подхватит факел, выпавший из его рук. Питер тяжело вздохнул. Кухня — не бастион, куда можно ворваться с мечом и криком «вперед». Снова хорошие люди стали жертвами плохих, без всякой на то причины. Сообщение об их смерти промелькнет в газетах и забудется, как забывается все, что случается с теми, кого никто не знает. Не будет новых борцов за идею. Лишь жители Барчестера будут крепко запирать двери на ночь.

Некоторым людям небезразлично, что остается после них на Земле. А он, что оставит он? Книгу, которую никто не прочтет, газетные статьи, написанные за десять лет, похороненные в старых подшивках, которые никто не пролистнет вновь. Главное достояние человека — дети, решительные и сильные, стоящие грудью за правое дело. Как он хотел иметь таких детей. Но после автокатастрофы отказался от этих мыслей.

Подсознательно его рука коснулась культи правой ноги. Он так и не убедил себя, что женщина, вышедшая замуж за калеку, не будет испытывать к нему жалость или невольное отвращение. Он не смог бы вынести ни того, ни другого. Питер взглянул на черную головку Линды, прильнувшую к его здоровой ноге. Могла ли такая девушка забыть о его увечье?

Громкий, пронзительный свист оторвал Питера от дальнейших размышлений.

Вскочила Линда. Поднялась с кровати Эмили. Закрутила головой Труди.

Разрывающий уши свист повторился.

— Кто-то пытается дать нам сигнал снаружи! — воскликнула Труди.

Вновь свист, резкими короткими всплесками. Может, Саутворт действительно окружает «Причуду»?

— О господи, это подмога! — истерично взвизгнула Труди.

— Это переговорная трубка с верхнего этажа, — ответил густой бас. Тьюзди!

Голос старика потряс их куда сильнее, чем свисток. Эмили метнулась к кровати, следом за ней — Линда, подкатил Питер. Глубоко посаженные глаза Тьюзди повернулись к Эмили.

— С тобой все в порядке, дорогая?

— О, Тьюзди, — Эмили прижалась щекой к его бороде. — Очень больно?

— Ужасно, — старик взглянул на Питера. — Что происходит?

Питер коротко обрисовал их положение.

— По-прежнему в мышеловке, — пробурчал Тьюзди. Свист продолжался. — Они хотят, чтобы вы поговорили с ними.

Питер вспомнил медную переговорную трубу, выступающую из стены, полвека назад считавшуюся вполне совершенной системой связи.

— Может, предложат сделку?

— Скорее, им хочется выманить вас на кухню. Дверь откроется, и они изрешетят вас пулями.

— Не ходите,— Линда положила руку Питеру на плечо.

Старик скрипнул зубами, преодолевая боль.

— Посмотрим, не смогу ли я сесть.

— Нет,— запротестовала Эмили.

— Помоги мне,— рыкнул Тьюзди.

Эмили подсунула руку ему под плечи и осторожно подняла старика. На его лбу выступил пот.

— Слаб, как младенец,— пробормотал Тьюзди.— Я... думаю, мне не дойти,— тяжело дыша, он лег на кровать.— Раз доктор сюда не придет, мне, скорее всего, не выкарабкаться. Так что вам лучше забыть обо мне и думать о собственном спасении,— он взглянул на Эмили.— Жаль, что я упустил шанс пристрелить их, дорогая. Перед глазами стоял туман. Я не видел их. Выстрелил наугад.

— Вы спасли нас всех,— возразил Питер. Достал из кармана сигарету, закурил.— Я все думаю о вашей машине, Тьюзди. Она стоит на лужке перед домом. У вас есть ключи?

Старик покачал головой.

— Они у Крамера.

— Но Крамера не было, когда вы вернулись с Саутвортом?

— Он взял их у меня после того, как я показал Эрни северную тропу.

Перед мысленным взглядом Питера возник большой стол в студии Тьюзди, заваленный моделями и инструментами.

— Но вы знаете, какие контакты нужно соединить, чтобы завести мотор без ключа зажигания?

— Конечно. Но как я доберусь до машины?

— В этом кресле, после наступления темноты.

— Они просто перестреляют нас всех,— возразил Тьюзди.

— Возможно, я смогу их отвлечь, пока вы и женщины усядетесь в машину.

— Нет! — воскликнула Линда, ее пальцы впились в плечо Питера.

— Вы выйдете через гараж,— продолжил Питер.— Я задержу их на лестнице.

Старик ответил долгим взглядом.

— Мне все равно не жить, Стайлз. Садитесь с женщинами в «ягуар», благо он в гараже, а отвлеку их я. Стоит ли спасать меня, если я все равно помру по дороге?

— Я ничего не понимаю в электрических схемах, Тьюзди. Понятия не имею, как завести мотор.

Вновь засвистела переговорная трубка.

— Надежда на успех невелика,— продолжал Питер, видя, что старик молчит.— Думаю, надо сразу признать, что нам всем не спастись. Если вы сможете завести одну из машин, я сделаю все, что в моих силах, чтобы дать вам уехать.

— Кто сядет за руль? — спросил Тьюзди.— Я не смогу вести машину, Эмили — не умеет.

— Линда,— ответил Питер.

— А я? — вмешалась Трудя.— Вы возьмете меня, а? Вы не оставите меня с ними?

Новый звук ворвался в кухню — падающей воды. Питер развернул кресло и покотил к двери. И не поверил своим глазам. Из вентиляционной решетки в потолке хлестала вода. Не тоненькая струйка, а мощный поток.

Питер вернулся к кровати.

— Вроде бы лопнула труба. Вода льется из вентиляционной решетки.

Тьюзди взглянул на него.

— Наверху умывальная. В «Причуду» вода поступает из специального резервуара. А тот наполняется из артезианской скважины. Вода может литься до судного дня. Похоже, они решили нас утопить.

— Сколько на это уйдет времени?

— Вода будет поступать быстрее, чем вытекать из-под двери в гараж.

— А если мы откроем ее?

— Если вы сможете добраться до нее. Возможно, это тоже отвлекающий маневр.

Вода падала на пол с высоты пятнадцати футов. Питер понял, что Крамер и Телицки не просто открыли кран, но выломали трубу. Требовалось время, не один час, чтобы вода поднялась до опасного уровня, но рано или поздно им пришлось бы переносить Тьюзди. Но куда? Питер смотрел на решетку, прикидывая, нельзя ли ее заткнуть. Если сдвинуть обеденный стол и встать на него, то можно дотянуться до решетки, но вода смое любую преграду.

Маленький ручеек, извиваясь по мраморным плитам, подобрался к креслу Питера.

— А что будет с гаражом? — спросил он.

— Пол там на фут или два ниже. Если открыть дверь, вода сначала потечет туда.

— У нас есть выбор.— Питер мрачно улыбнулся.—

Открыть дверь и выйти под пули или утонуть. Чему вы отдаете предпочтение?

— Я бы выбрал бой, если б мог в нем участвовать,— не колеблясь, ответил старик.

Питер помнил, что обе двери в кухню, из гаража и из отеля, открывались вовнутрь.

— Времени на раздумья у нас мало. После того, как вода поднимется на пару футов, двери нам не открыть. Когда это случится, Тьюзди?

— Судя по звуку, воды льется много. Думаю, что за час ее уровень поднимется минимум на фут.

— Значит, ваш «шевроле» исключается. Днем нам на лужок не выйти. Вы справитесь с «ягуаром»?

Рукавом рубашки Тьюзди смахнул пот со лба и скривился от боли.

— Попытаюсь.

— Другого не остается. Попробуем переправить вас в гараж. Тут вода работает на нас: заглушает все звуки. Они не услышат, что тут делается. Если кто-то из них стоит за дверью в холл, ему придется приоткрыть ее, чтобы заглянуть на кухню. Я смогу прикрыть вас.

— А если они ждут нас в гараже? — спросила Эмили.

— Думаю, они не рискнут выходить из отеля. Насколько я помню, выезд из гаража и так у них под контролем. Один из них следит за лестницей, другой через окно — за воротами гаража. Тем самым они перекрывают нам оба пути к спасению. Но в гараж они заходить не станут.

— Если Тьюзди и заведет вашу машину, Питер,— продолжала Эмили,— они перестреляют нас, едва мы покажемся из ворот.

— Придется рискнуть. Вы должны сразу же набрать скорость. Кто знает, смогут ли они попасть в движущуюся цель. Если они прострелят вам колесо, вы все равно доберетесь до леса, если бензобак — значит, не судьба. Но стрелять будет только один из них.

— Почему один? — переспросила Эмили.

Питер оперся о стену.

— Потому что я отвлеку внимание второго.

— Вы решили пожертвовать собой ради нас?

— Я решил прикрыть вас,— поправил ее Питер.— Может, мне даже повезет.

Эмили повернулась к Тьюзди.

— Мне кажется, это надо обсудить.

Взгляды стариков встретились. Затем веки Тьюзди дрогнули и опустились.

— У вас с Линдой впереди целая жизнь. Так что уезжать надо вам,— заявила Эмили.

— Давайте смотреть правде в лицо,— гнул свое Питер.— Только Тьюзди знает, как завести мотор без ключа зажигания. Ему нужны добрый глоток бренди и ваша поддержка. В кабину «ягуара» сядут только трое, четвертого можно засунуть лишь в багажник. Значит, кто-то должен остаться. Лучше остаться тому, кто может отвлечь на себя одного из бандитов. Тем самым возрастут шансы на спасение у тех, кто уедет. Вы с Тьюзди — единое целое, Эмили. Поэтому, кроме меня, оставаться некому, и довольно об этом,— он посмотрел вниз. Ручеек превратился в озеро, быстро раздвигающее свои границы.— А теперь за дело. Давайте попробуем усадить Тьюзди в кресло. Дайте ему бренди, Эмили, оно приглушит боль.

— Я на это не пойду,— коротко ответила Эмили.

— Объясните ей, Тьюзди!

Старик открыл глаза.

— Прежде всего, надо выяснить, дорогая, смогу ли я завести мотор. Я в этом не уверен. Сначала мне надо посмотреть, какая там система зажигания. Так что помогите мне перебраться в это чертово кресло.

Снова Эмили подсунула руку под плечи Тьюзди и усадила его. Крик боли вырвался из его сжатых губ.

— Бренди,— напомнил Питер.

Линда взяла бутылку, отвернула пробку. Передала бутылку Эмили, та поднесла горлышко к губам Тьюзди. Старик жадно выпил. Линда поставила кресло вплотную к кровати. Подскакал и Питер, поднял ноги Тьюзди и перенес их через край.

— Подождите... Подождите одну секунду! — попросил старик. Ступни его ног коснулись мокрого пола у самого кресла.— Когда я скажу: «Давай!» — казалось, он собирался с последними силами.

— Давай!

Ему удалось оторваться от кровати, и Линда с Эмили осторожно опустили его в кресло. Минуту-другую он сидел, уронив бороду на грудь. Питер уже подумал, что Тьюзди потерял сознание, но тот поднял голову.

— Теперь будет легче,— пророкотал он.

Питер изложил свой план.

— Первым делом вы должны пересечь кухню и попасть в гараж. Тьюзди, вы возьмете дробовик. В нем два патрона. Вы сможете хоть как-то защититься, если они кинутся на

вас. Я буду держать на прицеле дверь на лестницу. Сколько времени уйдет у вас на провода, Тьюзди?

— Пять минут, если я смогу их соединить.

— Хорошо. Когда все будет готово, Линда даст мне сигнал,— он повернулся к Труди.— Вот тут понадобится ваша помощь. Когда мы получим сигнал Линды, я хочу, чтобы вы подошли к переговорной трубке и попытались вызвать кого-то из бандитов. Куда выведен второй конец трубки, Тьюзди?

— В обеденный зал.

— Если кто-то из них ответит, поговорите с ними,— продолжал Питер.— Попросите их пропустить вас наверх. Как можно дольше задержите их. Скажите, что хотите присоединиться к ним. Как только кто-то заговорит с вами, я влезу в кухонный лифт, чтобы подняться на второй этаж. После того как лифт оторвется от пола, вы, Труди, бегите в гараж, ныряйте в машину и немедленно уезжайте.

— Они услышат кухонный лифт,— встала Эмили.

— Они не смогут быть везде одновременно. Наблюдать за воротами гаража, за дверью в кухню, говорить с Труди. По меньшей мере, я смогу подстрелить одного из них. В худшем случае кто-то отвлечется на меня, и по «ягуару» будет стрелять только одно ружье. Ваши шансы возрастут сразу в два раза.

— Вы идете на верную смерть,— голос Линды дрожал.

— Она ждет нас всех, если мы будем тянуть время. Отправляйтесь в гараж. По сигналу Линды Труди идет к переговорной трубке. Если они отвечают, я поднимаюсь в кухонном лифте.

— А если не отвечают?

— Все равно поднимаюсь. Как только лифт пойдет вверх, Линда и Эмили открывают ворота, вы все забираетесь в кабину и выезжаете из гаража.— Питер чуть улыбнулся.— Если сможете, сразу вызывайте подмогу,— он взглянул на мраморный пол кухни, уже покрытый водой.— Пора. Удачи вам.

Питер прислонился к дверному косяку, ружье застыло у плеча, взгляд уперся в дверь на лестницу. Эмили выкатила кресло на кухню. На его плечо легла рука Линды.

— Я хотела бы остаться с вами, Питер.

— Кто будет вести машину? — Питер, не отрываясь, смотрел на дверь.

— Питер, я...

— Не спорьте со мной,— резко оборвал он Линду.—

На спуске сразу же нажимайте на гудок. Возможно, они совсем близко от «Причуды».

Он почувствовал на своей щеке губы Линды, и она ушла.

Никто не ворвался в кухню с лестницы. Линда и Труды лишь вдвоем смогли открыть дверь в гараж. Эмили выкатила кресло из кухни.

Питер запрыгал к лифту, держась у стены, чтобы в любой момент опереться о нее. Тяжело дыша, он добрался до квадратных, на уровне пояса дверок кухонного лифта. Вода падала совсем рядом, обдавая его брызгами с головы до ног. Прошла целая вечность, прежде чем из глубин гаража возникла Линда и Труды. Первая подняла руку и сложила пальцы буквой «о»¹, показывая, что все в порядке.

Тьюзди разобрался с проводками.

Девушки о чем-то заспорили, затем Труды неохотно направилась к Питеру.

— Они не хотят брать меня с собой.

— Чушь, — отрезал Питер. — Идите к переговорной трубке.

— Они оставят меня здесь! — истерично взвизгнула Труды.

— Делайте, что вам говорят! — заорал Питер.

Она отступила к медной трубке в стене, взглянула на Питера. Тот нетерпеливо взмахнул рукой.

Побледневшая Линда так и стояла у двери в гараж.

Труды приникла к трубке и дупула. Подняла голову. Питер знаком приказал ей дуть еще. Внезапно она заговорила, энергично жестикулируя.

Питер открыл дверцы лифта. Там едва хватало места, чтобы втиснуться самому и взять с собой ружье. Он уже залез в лифт, когда Труды бросилась к двери на лестницу.

— Дура! — заорал Питер ей вслед.

Бандиты предложили ей присоединиться к ним, и она согласилась. Питер махнул Линде рукой, схватился за веревку и начал тянуть лифт вверх. Раздался громкий скрежет. На половине подъема Питер услышал выстрел и крик.

Труды ошиблась в выборе.

Тут же заурчал мотор «ягуара».

Веревка вшивалась в ладони. Наконец лифт остановился. Перед ним были закрытые дверцы. Питер уперся в стену спиной, ударил ногой. Дверцы распахнулись.

И в то же мгновение громкий гудок «ягуара» огласил окрестности.

¹ О'кей — все нормально.

— Они удирают! — завопил Телицки.

Питер выскользнул из лифта, увидел спину Телицки, бегущего через обеденный зал к выходящим на лужок окнам.

Он выстрелил дважды, не целясь. Телицки покачнулся и исчез в дверном проеме. Должно быть, раненный, но, насколько тяжело, Питер определить не мог.

Гудок «ягуара» стих вдали. Питер глубоко вздохнул. Они спасены.

— Не двигайся, старичок, — холодный голос Крамера вернул его к действительности. — Один шаг, и я снесу тебе полголовы. Брось ружье.

Питеру потребовалось две секунды, чтобы понять, что его песенка спета. Ружье упало на пол.

— Я не могу попросить тебя отбросить ружье ногой, так что отпрыгай подальше. Быстро.

Питер в несколько скачков добрался до стены. Повернулся к Крамеру. Как всегда, из уголка рта свисала сигарета. Черные глаза возбужденно блестя. Дуло автоматического карабина смотрело Питеру в грудь.

— Джейк! — позвал Крамер.

Ответа не последовало.

— Похоже, ты отлично стреляешь с бедра, — Крамер шагнул вперед, подобрал ружье Питера. — Ну, старичок, выходит, мы подошли к последней остановке. Так?

— Так... — вырвалось у Питера.

Он не мог броситься на бандита, схватиться с ним. Одноногий...

Крамер вдавил окурочек в пепельницу.

— Ты полагаешь, что удача всегда на стороне ангелов?

— Кому же сопутствует удача? — ответил Питер вопросом на вопрос.

— Тебе. Если бы мое ружье не дало осечки... — Крамер пожал плечами. — Как Тьюзди?

— Плох. Но ему хватило сил, чтобы соединить в моей машине нужные проводки и завести мотор.

— Пойдем к окнам на луг. Я хочу знать, когда появятся твои спасители.

Питер запрыгал через зал к двери, за которой исчез Телицки. Здоровяк распростерся на полу в нескольких футах от нее. Противоположную стену занимали окна, выходящие на подъездную дорожку.

— Наглядный урок, — прокомментировал Крамер. — Естественный конец для человека, поступками которого движет ненависть, а не логика. Он покинул свой пост у этих

окон, потому что хотел расквитаться с Трудю. Он думал, что она взяла вашу сторону. Готов поспорить на новую шляпу, переговорная трубка — твоя идея?

— Я надеялся, что она отвлечет одного из вас.

— И отвлекла, старичок, отвлекла. Вы там внизу не теряли времени даром. Я сознательно привлек ваше внимание к переговорной трубке перед тем, как мы начали заливать кухню. Подумал, что вы захотите обсудить условия вашего спасения, когда вода поднимется достаточно высоко. Джейк оказался ближе к трубке, когда Трудю дунуло в нее. Вероятно, она попросила пустить ее наверх. Чтобы отвлечь наше внимание как раз в тот момент, когда ты поднимался в лифте. Так?

— Да.

— Джейк сказал Трудю, чтобы она шла к нам. Полагаю, она никак не могла решить, кто же победит. И ошиблась. Джейк убил ее, едва она ступила на лестницу. Знаешь, почему? Трудю стояла рядом с Линдой, но не помешала ей выстрелить в Бена. Вот Джейк и отомстил Трудю за смерть друга, — Крамер глянул в окно. — Интересно, когда же появится армия? Им понадобится грузовик, чтобы вывозить трупы.

Ладони Питера вспотели. Проживет он секунды или минуты, зависело лишь от прихоти Крамера.

— Это здание... «Причуда»... так похоже на меня. Построено на века, оборудовано на все случаи жизни... включая появление одноногого постояльца. Подумать только, в нужный момент появилось инвалидное кресло. Тот, кто строил «Причуду», похоже, предусмотрел все... кроме такой мелочи, что у него кончатся деньги и отель никогда не откроется. Вот и я подумал обо всем, чтобы подготовить себя к лидерству, стать вождем, за исключением того, что в нужный момент не нашел способа контролировать своих сторонников. Теперь мне остается лишь бежать, а оригинального в этом мало.

Кровь пульсировала в висках Питера. Опять одни слова! Крамер знал, что спастись ему не удастся. Охота началась. Сотни людей спешили к «Причуде». И Крамер решил выговориться единственному человеку, который мог его выслушать. «А я, — думал Питер, — такой же, как Тьюзди. И мне дорога каждая лишняя минута жизни».

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, — продолжал Крамер. — Гадаешь, не появится ли у тебя шанса на спасение, если поддержать разговор? А может, стоит молить меня о пощаде, Стайлз? Я бы с удовольствием выслушал твои аргументы.

— А что мне вымаливать? Одну минуту или две?

— А разве ты не собираешься доказать, что твое убийство ничего мне не даст? Что Тьюзди и женщины описали меня в мельчайших подробностях?

— Так стоит ли меня убивать? — Питер облокотился спиной на стену, нога болела от напряжения.

Странное выражение мелькнуло на лице Крамера.

— Я зашел в тупик. Поэтому вариантов у меня немного, старичок. Если бы не ты, Стайлз, завтра или послезавтра я бы спокойноенько смылся отсюда. Знаешь, в чем твоя беда, Стайлз?

— Я кусаюсь.

— Ты не прекращаешь борьбы. Не обращаешь внимания на реальное соотношение сил. Ты не имел ни единого шанса, когда на кухне наехал на Дьюка. У тебя не было ни единого шанса, но тридцать секунд спустя двое из нас умерли, а у тебя появилось оружие и надежда на спасение. У тебя не было шансов, когда мы начали заливать кухню. А в результате трое пленников на свободе, Телицки убит, да и мне осталось жить не больше получаса. Вот чем кончается твое нежелание считаться с обстоятельствами, старичок.

— Вы все усложняете, — ответил Питер. — Просто я не терплю пассивности. Если уж умирать, так в движении.

— Более того, — Крамер смотрел на далекие деревья. — Твой последний выверт — подняться сюда на кухонном лифте. Неужели ты рассчитывал остаться в живых? Ты же знал, что я услышу, как поднимается эта чертова развалюха. Ты знал, что попадешь под пули, когда будешь вылезать из нее. Что заставило тебя пойти на это?

— Отвлекающий маневр. Я надеялся, что Труды у переговорной трубки и я в лифте уведем вас от выходящих на гараж окон и остальные смогут уехать на машине. Мой замысел удался.

— Ты мог не подниматься сюда, — возразил Крамер. — В машине нашлось бы место и для тебя.

— Чтобы вы и Телицки расстреляли бы нас? А так «ягуар» пересек лужок без помех. Я разработал неплохой план.

— И воплотил его в жизнь, хотя кто угодно поставил бы тысячу долларов против одного, что ты не выберешься из лифта живым. Зачем тебе это геройство?

— В моем решении не было ничего героического. Один должен был отвлечь вас, чтобы дать уехать остальным. Вполне логично, что в лифт полез я.

— А почему не Тьюзди? Он свое отжил.

— Тут как раз все ясно. Он не мог ходить. Я не мог завести мотор. Выбора не было.

— Знаешь, что бы я сделал на твоём месте? Заставил бы Тьюзди завести мотор и уехал один.

— Я могу сказать, к чему бы это привело. Телички положил бы ружье на подоконник, прицелился, и первая же пуля угодила бы в бензобак, превратив «ягуар» в огромный костер,— Питер попытался улыбнуться.— Вас следовало отвлечь.

Глаза Крамера сузились. Он смотрел на лес, начинающийся за лужком. Кого он там увидел?

— О чем ты думал, когда пришел сюда и понял, что рано или поздно мы вас уьем? — спросил Крамер.

— О том, чтобы это не произошло,— сухо ответил Питер.

— Но ты сам лез на рожон. Ударил Джорджи, чтобы лишить нас небольшого развлечения.

— Я думаю, объяснять тут нечего. Вы не поймете. Я старомоден. Старомодные мужчины инстинктивно встают на защиту своих женщин.

— Но Линда — не твоя женщина. Ты никогда не видел ее раньше.

— Я же сказал, вы не поймете.

— Ты думал о том, что хотел бы сделать, но уже никогда не сделаешь?

— Да, и мне жаль умирать ради того, чтобы вы продолжали жить.

— А мне на это наплевать. Ты должен умереть, и меня это несколько не волнует.

— Я знаю.

— На твоём месте я подошел бы с такой меркой и к Тьюзди, после того как он завел мотор. Ну и черт с ним, подумал бы я.

— Я знаю.

Крамер весь подобрался.

— Взгляни вон на ту рощицу. К северу от лужка. Что-нибудь видишь?

Питер взглянул. Лучи опускающегося к западу солнца отражались от чего-то блестящего, то ли ружейного ствола, то ли металлической бляхи.

— Они готовятся к штурму,— Крамер повернулся к Питеру.

Тот сжал руки в кулаки. Его время истекло.

— Готов к расплате, старичок? — спросил Крамер.

— Лучше умирать в хороший день, — Питер с трудом подавил рвущийся из груди крик.

— А ты оказался самым хладнокровным, старичок. Для меня это большой сюрприз. С самого начала ты так и не поддался панике. Не знаю, поверишь ли ты мне, но я восхищаюсь тобой.

Разве это имеет какое-то значение? — Питер не сводил глаз с пальца Крамера на спусковом крючке. Сейчас он согнется, и все будет кончено.

— Посмотрим, сохранишь ли ты хладнокровие до конца.

Случившееся в следующее мгновение оказалось столь неожиданным, что застало Питера врасплох. Крамер перехватил ружье за ствол и приклад и легонько бросил его Питеру. А сам повернулся и направился к выходу.

Питер как-то растерялся, и, пока поднимал ружье и приставлял его к плечу, Крамер успел пересечь комнату. У двери он обернулся, его губы расплылись в широкой улыбке.

— До встречи, старичок, — и шагнул в дверь.

Питер поймал в прицел черноволосый затылок, но не смог заставить себя нажать на курок. Из холла донеслись гулкие шаги Крамера, тот шел, а не бежал. Открылась и закрылась парадная дверь. Выглянув в окно, Питер увидел Крамера, спокойно закуривавшего сигарету. А затем тот неторопливо двинулся к рошце, в которой мелькнуло что-то металлическое.

Дюжина выстрелов слились в один. Крамера подбросило в воздух, швырнуло на землю. Со всех сторон на лужок высыпали мужчины. Меж них мелькало ярко-оранжевое платье черноволосой девушки, бегущей к отелю. Питер высунулся из окна.

— Линда! Линда!

Она замерла, оглядела окна. Заметила Питера, помахала рукой, крикнула что-то мужчинам и помчалась к парадной двери.

Питер отвернулся от окна. Медленно сполз на пол. Сил больше не осталось.

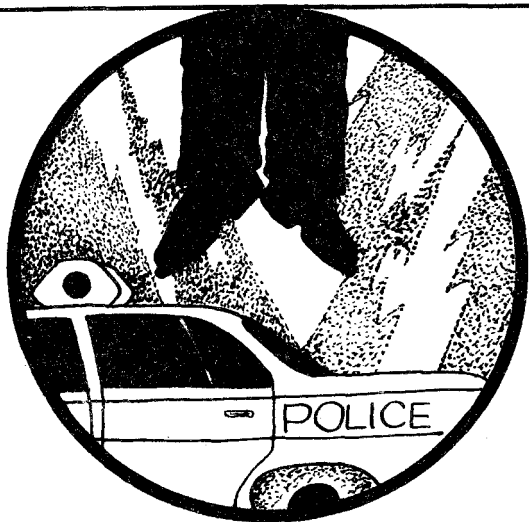
И тут влетела она, опустилась на колени, обняла, прижалась щекой к щеке.

— Как ты, Питер, — раз за разом повторяла она. — С тобой все в порядке?

Навалившаяся слабость туманила сознание.

— Все хорошо, — услышал Питер свой голос. — У меня все хорошо.

ПО
КРИВОЙ
ДОРОЖКЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1

Телефон упорствовал. Измотанный Питер Стайлз, наконец добравшийся до постели, притворился, будто не слышит. Вот трубку положили, но тут же снова набрали этот не значившийся в справочнике номер. Целую неделю Стайлз, попав в горнило греко-турецкой войны на Кипре, не мог уснуть под бесконечные перестрелки и бомбардировки. Он улетел с Кипра британским самолетом, потом пересел на американский до Нью-Йорка. Чуть не ползком добрался до своей квартиры на Ирвинг-плейс, позвонил в «Ньюсвью» (в этом журнале он работал), узнал, что его начальник Фрэнк Деверн в Вашингтоне, и, попросив бодрую и деловитую секретаршу Элли Уилсон, чтобы его не трогали сутки, провалился в сон. Звонки буравили нервы, точно бормашина.

Наконец ради самозащиты Питер потянулся к столику и снял трубку.

— Алло?

— Питер, прости, что звоню...

Женский голос. Незнакомый.

— Да кто это, черт возьми?

— Это я, Элли.

— Какая такая Элли? — туго соображал он.

— Элли Уилсон.

— А-а. Просил же тебя, Элли...

— Питер, у меня огромная неприятность... — Голос звучал сбивчиво, перепуганно, совсем непохоже на Элли Уилсон, всегда собранную и уверенную в себе.

— Элли, завтра я для тебя на все готов. Но сейчас никаких нету сил...

— Питер, я... мне совсем худо!

— А сколько сейчас времени?

— Три часа.

— Ночи?!

— Да. Но ты, умоляю, приезжай! Я у знакомых, на углу четырнадцатой и Парка. Не так уж далеко от тебя.

— Ох, но, ей-богу, Элли...

— Питер!!! — То был вопль отчаяния.

Он знал ее достаточно хорошо и, прочухавшись, уже не сомневался: произошло что-то серьезное. Элли Уилсон умела одолевать любые сложности и никогда не паниковала. Теперь же вроде как одурела от страха.

— Ладно, приду, коли так уж важно, — буркнул он.

Она назвала номер дома.

— Фамилия — Вордвел.

— А Джордж-то где? Он не сгодится?

Джордж был муж Элли.

— Нет! Только не Джордж!

— Минут через двадцать буду, — пообещал Питер. — Если не явлюсь, звякни еще, а то вдруг засну стоймя.

Будто лунатик, Питер доковылял в ванную, ополоснул лицо. Увидел в зеркале субъекта, мечтающего лишь поспать. Волосы перьями, под глазами круги. Не худо бы побриться и влезть под душ, но, похоже, медлить нельзя.

Питер вернулся в спальню, подобрал себе одежду — серые брюки, летняя коричневая твидовая куртка, черная водолазка. Деньги, документы, трубку и кисет рассовал по карманам. С вожделием глянув на кровать, чертыхнулся и вышел на улицу. Надо отшагать три с лишним квартала до ночной закусочной, куда заглядывают таксисты пожевать и глотнуть кофе. Он помахал пятидолларовой бумажкой перед носом пившего кофе сердитого шофера, чтобы тот проехал семнадцать кварталов.

Дом оказался современным, многоквартирным. В вестибюле восседал швейцар.

— К Вордвелу, — сообщил ему Питер.

— К доктору?

— Сколько их тут у вас? Сообщите им всем: приехал Стайлз.

Швейцар подошел к коммутатору. Ответили сразу же:

— Можете подняться. Пятый этаж, квартира пять-три.

Когда Питер вышел из лифта, в дверях квартиры его уже поджидала седая женщина в бледно-голубом халате.

— Фрэнсина Вордвел, — назвалась она. — Хорошо, что вы пришли.

— Как тут Элли? Заболела, что ли?

— А она вам не рассказала по телефону?

— Да нет.

— Я вас к ней отведу.

Врачебный кабинет явно помещался где-то еще, здесь только жилые комнаты. Хозяйка привела Питера в спальню для гостей. В постели, откинувшись на грудку подушек, сидела Элли. Халат был велик ей, наверное, хозяйкин. Элли — женщина маленькая, складненькая, лет тридцати. Приятный овал лица подчеркнут четкими линиями крупного рта. Ее волосы — золотисто-рыжие — сейчас разметались по подушке. Питер припомнил, что прежде ни разу не видел ее без очков в роговой оправе, и прическа всегда была строгая, волосы собраны узлом на шее. Сейчас она выглядела мягче, ранимее.

Чуть взглянув на Питера, Элли отвернулась. Он нахмурился: рот у нее вроде бы распух с одного боку.

К Питеру подошел симпатичный седовласый человек в шелковом халате.

— Фред Вордвел, — представился он, крепко пожав Питеру руку. — Могу вас заверить, серьезных повреждений — физических — нет.

От двери Фрэнсина Вордвел спросила Питера, не хочет ли он кофе. Питер с радостью согласился, сказал, что хоть немного разгонит сон.

Доктор взглянул на него с удивлением:

— Думаю, сон и так с вас слетит.

И Питер остался наедине с Элли. Она все не оборачивалась.

— Ну что же случилось, детка? — спросил Питер.

— Меня из-на-си-ло-ва-ли, — по слогам выговорила Элли и, прикрыв лицо руками, стала плакать.

Питер присел на край кровати. Собрался погладить Элли по щеке, но передумал. Пусть сама заговорит. А в нем накопал гнев: в каком же поганом мире мы обитаем! Он только что вернулся из той части этого мира, где простых, ни в чем не повинных людей сваливали в братские могилы, а убийцам доставляло удовольствие убивать. Но там хоть каким-то слабым подобием объяснения служит религиозная истерия. А насилие, когда один против одной, это дикость, это зверство.

Впрочем, на сей раз оказалось против одной — двое. Чуть погодя Элли, запинаясь, рассказала обо всем. Она допоздна задержалась в «Ньюсвью»: Фрэнк Девери хотел иметь ее под рукой на случай, если в Вашингтоне объявится что важное. Около одиннадцати позвонил, что дальше сидеть не надо, извинился, что задержал. Она пошла домой,

а живут они с Джорджем близко от редакции. Какие-то двое, она их толком и не разглядела, набросились на нее и затащили в проулок. Один приставил ей нож к горлу, а другой, порвав на ней платье и белье, надругался над ней грубо и зло. Сделав это, он перенял нож, и тогда второй совершил насилие над беспомощной женщиной.

— Я подумала... если сопротивляться... убьют, — задыхаясь, выговорила Элли. — Я не хотела умирать. А теперь не знаю... лучше бы уж убили. — Она так и не подняла глаз на Питера, но схватилась за его руку, будто за спасательный круг.

— А как ты здесь очутилась? — спросил Питер.

— Доктор Вордвел лечит меня с детства. Он мне как друг.

— В полицию звонили?

— Нет!

— Ведь на то есть особый номер.

— Ни за что!!! — яростно, протестуя, вскрикнула она.

Питер начал понимать, почему тут нет Джорджа и почему от него надо таиться. Всего год как они с Элли поженились. Джордж немного моложе Элли. В «Ньюсвью» он ведет полицейскую хронику. В журнал его рекомендовал один из друзей Девери, выпускающий провинциальную газетку где-то в Огайо. Новичка следовало ввести в курс дела, растолковать, что к чему, и первым его наставником была Элли Сондерс, сосредоточенная и опытная секретарша главного. Элли, которой до сих пор никто не приглянулся, которая, подозревали, подобно многим секретаршам, влюблена лишь в своего шефа и которой грозило остаться старой девой, вдруг видит, что за ней пылко ухаживает молодой Джордж Уилсон. Питеру в жизни не попадался человек, так страстно и безоглядно влюбленный. Поначалу Элли удивилась, может, даже постаралась убедить себя, что такое не про нее, что Джордж слишком уж молод и наивен, но внезапно сработала какая-то пружинка, рухнула внутренняя преграда, и она столь же безоглядно влюбилась в него. Потом свадьба. Девери был посаженным отцом, а Питер — шафером жениха. Молодые, подозревал Питер, впервые были близки в первую брачную ночь, как это ни старомодно в наш век и в их возрасте. После медового месяца нечего было и спрашивать, все ли гладко. Оба сияли, точно огни рождественской елки. Счастливые до смешного.

А теперь вот это.

Нет, Джордж не стал бы винить ее, что не сопротив-

лялась, пусть ценой жизни, объяснила Элли. Но не о прощении речь.

— Но узнай он, и ему уже никогда не забыть, что я... что мной овладели эти два животных, что меня...— Она запнулась, усмехнувшись почти истерически.— Нелепое слово — овладели. Точно в рапорте полицейского. Эти двое подонков взяли принадлежащее только Джорджу. Я никогда не стану для него прежней, сколько бы он ни старался забыть. Если узнает... что угодно, только не это. Кроме тебя и Вордвелов, никто не знает. И знать не должен. Ни Фрэнк, ни другие.

— А меня, детка, почему подключила? — ласково осведомился Питер.— Я, конечно, сделаю, как ты скажешь. Только сначала послушай, что я думаю. Но зачем тебе именно я?

— Затем, что... я еще не все рассказала.

Питер, недоумевая, ждал продолжения.

— Когда... когда они покончили со мной,— Элли из всех сил старалась держать себя в руках,— второй, который еще... еще... он прошептал мне: «Передай своему боссу, пускай отвяжется, иначе это только начало».

— Отвяжется в каком смысле?

— Понятия не имею, Питер. Я... я была почти без сознания. Когда мерзавец этот шептал, не было сил спросить, про что он. Да и скрылись они быстро. Бросили меня там, в проулке. Я кое-как прикрылась и вот... пришла сюда. Такси взять побоялась, еще заметит шофер, что на мне все порвано.

— А лица их ты совсем не разглядела?

— Там была крошечная тьма. И очки... мне очки сбили сразу.

— А голоса узнаешь?

— Нет. Первый тут же приставил мне к горлу нож — такой, знаешь, лезвие выскакивает, чуть нажмешь. И зашептал, что вспорот мне глотку, посмей я шелохнуться. Другой шептал уже в конце. Я, по сути, и не слышала их голосов. Какие-то животные звуки, когда они... О господи!

— Но что же ты Джорджу скажешь?

— Вот почему нужна твоя помощь, Питер.

— А именно?

— Прошу, соври. Может, потребуется много врать.

— Всегда пожалуйста.— Гнев Питера не утихал.— Ну подонки...

— Ты бы позвонил Джорджу,— продолжала Элли.—

Скажи ему: вернулся, мол, из Греции сегодня вечером... вчера вечером.

— Так оно и есть.

— Позвонил мне в редакцию. Это тоже правда. И попросил — ну что-то сделать для тебя.

— Опять правда. Попросил не звонить мне! Извини, Элли, шучу глупо.

— Попросил меня поехать куда-то на два-три дня. Раньше мне не оправиться, Питер, не хватит смелости встретиться с ним. Ты будто собирался позвонить Джорджу и объяснить ему, но так измучился, что уснул, не застав его сразу. Проснулся — вот только что — и вспомнил. Ты очень огорчен, Джордж-то, наверно, сейчас с ума уже сходит. Наверняка звонил в редакцию и узнал, что я ушла около одиннадцати. Пять часов назад.

— Заставлю его поверить. И если желаешь, действительно отправлю тебя из города. На Кипре я познакомился с одним американцем. Зовут парня Гаролд Мэррит. Он сражается в греческом отряде и просил меня на словах передать кое-что семье — в Филадельфии. Съезди туда на пару дней, найди Мэрритов. Так что все будет четко — на случай проверки. Скажу Джорджу, что не знаю, где ты остановилась, ты мне утром сообщи по телефону. Поручение настоящее. И хоть как-то отвлечет тебя.

Элли повернулась к Питеру, на секунду прильнула щекой к его руке.

— Счастливо, Питер.

Вордвелы сидели на кухне, где на столе стояли три чашки и кофейник.

— Я решила не носить кофе туда, — сказала Фрэнсина Вордвел. — Элли начала рассказывать, я и побоялась, что появлюсь некстати.

Доктор Вордвел посмотрел на Питера добрыми усталыми глазами.

— Управитесь с Джорджем?

— Если разрешите воспользоваться вашим телефоном.

— Разумеется. Вон на стене висит, и в гостиной есть, если желаете поговорить наедине.

— Нет, вы тоже послушайте, — возразил Питер. — Чтобы мне не объяснять вам все заново. Только вот — вы говорите, физических повреждений нет?

— Повреждения-то есть, — ответил доктор. — Ее словно колошматили. Вся в синяках. Но насколько я могу судить...

— Может, ей лечь в больницу?

— Она — ни в какую. Ведь тогда все откроется. В кабинет-то ко мне не пошла, медсестры побоялась.

Питер подошел к телефону. Отыскав в справочнике, набрал номер Уилсонов. Трубку сняли с первым гудком.

— Джордж? Это Питер.

— Господи, Питер! Что с ней? — отрывисто спросил Джордж Уилсон.

— С ней полный порядок, Джордж. Ничего не случилось. А вот я перед тобой должен крепко извиниться.

— Уже пять часов как она ушла из редакции. Даже больше! Почему же она не позвонит? Что происходит?

— Понимаешь, я только вчера из Греции. Вернулся совсем поздно, — пустился в объяснения Питер. — А мне нужно было послать кого-нибудь в Филадельфию, к родителям парня, который сражается в Греции. Элли и согласилась поехать. Ты мотался где-то, она никак не могла поймать тебя. Мы договорились, что дозвонюсь я. Чтобы ты не беспокоился.

— Ничего себе, не беспокоился! Да я тут чуть не рехнулся, Питер!

— Могу себе представить! И все из-за меня. Я суток пять толком не спал. Звонил тебе, звонил, а потом вмиг отключился. Как лампочка. Проснулся вот только что и вспоминаю: тебя-то так и не поймал. Уж постарайся простить меня.

— Но где же Элли?

— В Филадельфии. А где остановилась, не знаю. Скорее всего в каком-нибудь отеле в районе вокзала на Брод-стрит. Позвонит мне утром. Тебе она звонить не собиралась, считая, что ты в курсе. Моя тут вина. Еще раз извиняюсь! Давай спи, Джордж. Как только Элли позвонит, скажу, пусть и тебе звонит. Может, она и сама утром звякнет. Когда решит, что ты уже проснулся.

— Лезет тут в голову всякое, — пожаловался Джордж, словно ничего не слыша. — Авария, убийство, изнасилование. Бог знает что!

— Ну, кончай сочинять, — сказал Питер. Щека у него дернулась. — Филадельфия — город братской любви. — Он повесил трубку.

— Купился? — спросил доктор.

— Почему бы и нет? Но, как вы понимаете, Элли придется отправиться в Филадельфию. Эти люди живут там на самом деле. И ей какое-то занятие, пусть в себя малость придет, прежде чем Джорджу показываться.

— Вот с платьем беда,— посетовала Фрэнсина Вордвел.— Ее — все в клочьях. А мои вещи ей велики.

— Заверните ее во что-нибудь и отправьте ближайшим поездом. Туда идут с Пенсильванского вокзала, по-моему, каждый час.— Питер вытащил бумажник. От заграничной поездки у него осталось много денег, гораздо больше, чем носишь с собой обычно.— Как приедет туда, купит себе что-нибудь.

— А Джордж не удивится, что на ней все новое?

— Он до того обрадуется встрече, что ничего и не заметит. Спасибо за кофе. Пойду успокою Элли, расскажу про Джорджа, и пора.

Хмурый шел он по коридору.. «Скажи своему боссу: если он не отвяжется...»

Элли встретила его тревожным взглядом.

— С Джорджем поговорил,— сообщил он.— Переволновался он здорово. Видно, очень тебя любит. Ух, как разозлился на меня, что я заснул, не дозвонившись. Не предупредил я, понимаешь, что уехала в Филадельфию. Утром, надеется, ты позвонишь.

— Спасибо тебе, Питер. Спасибо, огромное спасибо.

Он взял ее за руку. Пальцы были ледяные.

— Я отсутствовал почти месяц из-за этих греческих дел. От чего должен отвязаться Фрэнк?

— Не знаю, Питер, ничего не знаю. Может, всего-то хотели, чтобы в журнале не печатали про то... что случилось со мной.

— Может, и так,— хмуро ответил Питер. «Передай своему боссу...» велели они. Значит, кто ее босс, им известно. А если приказ для Девери, стало быть, караулили они именно ее, поджидали, пока выйдет из редакции.

— Скажу Фрэнку: мне позвонили среди ночи и велели передать, чтобы он отвязался, а то ему плохо будет.

— И что толку? — спросила Элли.

— Может, выйду на этих двух подонков, а уж если выйду, покажу я им проулочек!

— Они... они прямо звери, Питер.

— Я и сам не очень-то добренький, когда меня заведут. А уж сейчас, детка, меня завели!

Он передал ей длинное и довольно путаное поручение к родителям Гаролда Мэррита. У парня все было ладно, когда Питер виделся с ним, но в боях никто не застрахован. У парня были заботы, о которых полезно знать родителям — на всякий случай.

Кончив наставления, Питер наклонился и поцеловал Элли в щеку.

— Приходи в себя, детка. Это не конец света. Ну, попала в аварию. Аварии приключаются каждый день. Ты цела и невредима, а остальное все пройдет и забудется.

— Может, наступит день, и мне все представится тоже в таком вот свете,— произнесла Элли и отвернулась, пряча слезы.

Глава 2

Фрэнк Девери, главный редактор и идейный вдохновитель «Ньюсвью» — еженедельника, обгонявшего сейчас по тиражу своих ближайших конкурентов,— был ростом мал, коренаст, а глаза его пронзительно блестели. Сторонний наблюдатель принял бы Девери за крутого, настырного, властного типа. Сотрудники же знали: Девери — человек бесконечной чуткости и доброты. Вся редакция, начиная с ведущего очеркиста Питера Стайлза до новичка-рассыльного, не моргнув глазом, пошли бы за Фрэнком Девери на битву и на пир в любое время дня и ночи. Девери и Стайлз, искренне уважая профессиональные достоинства друг друга, были еще и близкими друзьями.

Девери каждый день начинал так, ровно шлея под хвост попала: вопил приказания, требовал объяснений, почему не сделано то-то и то-то, а если сделано, то уж-то не умели справиться получше? С год назад он бросил курить — раньше у него уходило по четыре пачки в день, и теперь почти все время или жевал незажженную сигару (сигар он терпеть не мог), или грыз черенок трубки. Этим утром он беспрестанно выкрикивал вопрос, который эхом перекачивался по всем четырем этажам редакционных и издательских помещений «Ньюсвью»:

— Куда, к черту, делась Элли Уилсон?

Его секретарша да опаздывает. Случай неслыханный. Без нее ему не обойтись, дел накопилось неуправляемое: ведь накануне Девери целый день провел в Вашингтоне. На работу Элли ходит пешком, так что задержка из-за транспортной пробки, крушения в метро отпадает. Он позвонил Уилсонам, ответил сонный Джордж.

— Куда, к черту, подевалась Элли? — рявкнул Девери.

— В Филадельфию,— отвечал Джордж.

— Интересно, чего это она там забыла?

— Питер ее послал. С каким-то поручением.

— С каким?!

— Не знаю, мистер Девери. Питер собирался позвонить мне и все рассказать, но вконец умотался в этой поездке и заснул. Я уж на стену лез, когда он, наконец, позвонил — в три ночи, извинился и сказал, что послал Эмили в Филадельфию. Вот сижу жду ее звонка.

— Спасу нет! — совсем взъярился Девери. — Почему это посылают мою секретаршу, а мне ни слова! И она хороша! А Питер, так тот вообще свихнулся!

— Я передам ей, чтобы позвонила вам.

— Ах, какое одолжение! Премного благодарен! — Девери хлопнул трубкой и зарычал, перепугав девушку из фототеки, присланную ему в помощь: — Разыскать Стайлаз!

Но накручивать телефон не пришлось, потому что в эту минуту Питер как раз появился в дверях кабинета. Он стоял за спиной у девушки и улыбался. Девери увидел его, поперхнулся очередной своей тирадой и произнес четко и очень спокойно:

— Сукин ты сын.

— А продолжение вам, пожалуй, лучше не слушать, — кивнул Питер девушке.

Облегченно вздохнув, та выскользнула, прикрыв за собой дверь.

Питер был не в духе. Раздражение Девери вполне справедливо. Нельзя же, в самом деле, не спросясь, отсылать из редакции ключевого работника. Знай Девери правду, он, конечно, согласился бы отпустить Элли, дать ей время прийти в себя. Поручение к Мэрритам — предлог жидковатый, но Питер все-таки дал Девери этот вариант.

— И когда прикажешь ждать ее обратно?

— Через пару дней.

Девери не взорвался, а, наоборот, сказал очень спокойно:

— Брось меня дурачить. Мы, Питер, уже пятнадцать лет знакомы. Я же тебя насквозь вижу.

— Да нет, этот Мэррит существует по правде. И его семья тоже. И поручение к ним.

— Только незачем посылать туда Элли. Ты спокойно мог снять трубку и передать все сам.

— Мог бы, но...

— У Элли аборт, и она хочет скрыть от Джорджа.

— Мимо.

— Ладно! Ну и сиди на этом, как курица на яйцах, если тебе охота, — бросил Девери. — Обычно у тебя веские

причины для твоих выкрутасов. В конце концов сам скажешь, в чем тут дело.

— Спасибо, Фрэнк. Надеюсь, ты понимаешь, я молчу, потому что не имею права говорить.

— Репортер оберегает источники своей информации, — заметил Девери, глаза его сузились. — Ну и что же дальше?

— Я хотел рассказать тебе об одной странной штуке. Сегодня меня среди ночи разбудил телефон. Анонимный звонок.

— Анонимный?

— Да, голос даже не опознать. Шепот. Не то мужчина, не то женщина. Велено передать тебе, чтобы ты «отвязался», не то жди неприятностей.

— От чего же именно я должен отвязаться?

— Он — или она — не объяснил.

— И тогда ты отослал Элли в Филадельфию, — заметил Девери.

— Ну при чем тут Элли!

— Ох и здоров враты! — почти весело воскликнул Девери. — Телефона-то твоего в справочнике нет. Откуда же его узнать кому-то? Может, выложишь все начистоту, Питер?

— Да не могу я, Фрэнк! Но скажи мне, что ты стряпашь? Какой гвоздь? Кто что готовит? Меня, как тебе известно, не было больше месяца.

Девери взял с пепельницы свою сигару и уставился на изжеванный кончик.

— Лучше ты мне ответь. Элли похитили? Речь идет о выкупе?

— Нет.

— Но есть же какая-то связь между твоим вопросом о гвозде и отъездом Элли?

Питер ответил лишь взглядом.

— Хорошо, поверим тебе до поры. Но только запомни, старик, я не вчера родился.

— Не зря же ты лучший редактор в журнальном мире.

— Лестью меня не купишь, — Девери откинулся на стуле и сказал: — Бракстон Клауд.

— Финансовый маг и волшебник, мультимиллионер?

— Он. Недавно ему предъявили обвинение во взяточничестве, нарушении антитрестовских законов и еще куче всяких преступлений. Ему и президенту одной из его компаний — «Синее небо», Томпсону Клингеру. Клауд смылся из Америки и прячется где-то в Коста-Рике. Там не действует закон о выдаче. А вот Клингер должен пойти под суд. Кри-

стиан Элсворт, судья, предоставляет отсрочку за отсрочкой. Прокурор по особым делам, который прямо полыхал против Клауда и Клингера, ни с того ни с сего остыл. Некто Лестер Стронг. Адвокат у Клингера — Уинстон Грейвз. Златоуст семидесятых годов. Только проконсультироваться с ним — и то целое состояние отдай. В общем, все это дело с запашком.

— Поэтому ты и отправился в Вашингтон?

— Махинации, сделки, лоббисты сомнительные политиканы. — Девери стукнул кулаком по столу. — Где-то в недрах зреет большущий скандал.

— Кому поручена тема?

— Ведет ее Джейк Джекобс. Джорджу Уилсону поручено разузнать все возможное о Лестере Стронге, прокуроре. Стронг — нью-йоркский. Я рассчитывал, и ты, как вернешься, то подключишься. — Девери прищурился. — Элли угрожали? Требовали, чтобы Джордж бросил заниматься Стронгом? Поэтому ты ее усла?

— Сам же говорил, что лгать тебе бесполезно.

— Берись за тему. И, ради бога, с оглядкой. Вдобавок к лоббистам и политикам замешаны еще профсоюзники во главе с Майком Тоски. Из Вашингтона я вывез ощущение, что за каждым моим шагом следят. Порой крайне неумело. Значит, хотят, чтобы я заметил слежку. Помогите мне, Питер. Если кто-то обидел Элли, потому что она из «Ньюсвью», я Брактсона Клауда и всю его вонючую империю разнесу в клочья.

— В пиковом положении можешь смело рассчитывать и на меня, — сказал Питер.

Пройдя к себе, Питер изучил последние номера «Ньюсвью» и папку с вырезками из других газет, приготовленную Джейком Джекобсом. Джейк, или Джон, Джекобс — лучший репортер-детектив «Ньюсвью», тощий парень, волосы по плечи, взирает на мир сквозь дымчатые очки. На вид легкомысленный, на деле же характер у парня железный, а его хватке позавидовал бы мангуст. Джейк Джекобс числил Девери и Питера в своих почитателях. Писать бойко так и не наострил, но это его ничуть не заботило. Когда-то он работал шифровальщиком в армии, головоломки и ребусы точно орешки колет, а разок и ему довелось стать газетной сенсацией — он победил бывшего русского чемпиона по шахматам в неофициальном матче. Когда Джейка бросали на расследование, он добывал факты, проверяя и перепроверя информацию: Девери не принимал на веру ни единого слова. Покончив с расследованием, Джейк

вываливал материалы на стол Девери и хватался за следующее. Статью в журнал писали другие.

Сейчас Джейк притащил свою специальную папку по делу Бракстона Клауда и его сообщников. Он примостился на краешке стола, без передыха дымя сигаретами и прихлебывая холодный кофе.

— Что ж, Питер, присоединяйся, не стесняйся, как говаривал мой папочка, спец по рекламе. Бракстон Клауд посеял, прости за каламбур, бурю ¹, синее небо чернеет на глазах. — Он наблюдал, как Питер роется в фотографиях, заметках, вырезках, и время от времени комментировал: — Вроде бы Джордж Пирпонт Морган изрек: если вас интересует цена, значит, не по карману яхта. У Клауда целых три, и, уверен, ему в голову не влетает спросить, сколько они стоят и во что обходится их содержание.

Питер разглядывал цветную фотографию Бракстона Клауда из «Эсквайра»: рослый, темноволосый мужчина, сочной смуглоты загар, лицо чуть ли не целиком прячется за огромными темными очками — виден только твердый тонкогубый рот. Узкие синие брюки, тенниска. Окружен стайкой красоток, едва прикрытых узенькими ленточками бикини.

— Любитель обнаженного тела наш Бракстон, — заметил Джейк. — По-моему, это его образ на публику. Этаким беззаботный прожигатель жизни. А фактически он слишком занят, времени у него хватает, только чтобы наскоро заняться первой попавшейся девочкой. Деньги и подарки он швыряет щедро, так что сентиментальностями можно себя не утруждать. Стоит ему заикнуться, и любая к его услугам.

Еще одна фотография Клауда.

— Джейк, он что, всегда в темных очках?

— На фото — да. А в жизни, как сам понимаешь, не имел чести встречать. К его логову в Коста-Рике не подберешься и на сотню миль. А с остальными причастными к делу я виделся и разговаривал. С Уинстоном Грейвзом, правда, не особо разговорились. Знаменитость. Я к нему: «Доброе утро, мистер Грейвз», а он отрезал: «Убирайся, парень» — и конец беседы. С остальными же потолковал.

— И с этим тоже? — поинтересовался Питер. Он держал в руках фотографию судьи Кристиана Элсворта из апелляционного суда. Типичный судья — седовласый, кустистые нависающие брови, глубоко посаженные глаза, умный взгляд.

¹ Клауд — облако, туча (англ.).

— Продался со всеми потрохами, — сказал Джейк. — Доказательства? Попробуй раздобудь. Со времен Уотергейта ребята научились обращаться с деньгами. В ходу красивенькие, без пятнышка наличные.

С фотографии на Питера взглянул толстяк с бледно-желтыми волосами и широкой ухмылкой. Дж. Томпсон Клингер. Вид заурядного администратора, не в меру потребляющего за ланчем martini.

— Вот и Томми. Смеется сквозь слезы, — прокомментировал Джейк. — Этот перепуган до обморока. Трясется — ну как схлопочет срок за Клаудовы мошенничества. Уинстону Грейвзу с помощью Элсворта, пожалуй, и удастся затянуть дело. Только бы печенка нашего Томми не сдала. Внимание! Внимание! Кто победит? Печень или закон?

— Прокурор. — Питер всматривался в смуглое напряженное лицо Лестера Стронга, федерального прокурора по особым делам.

Джейк скривился, хлебнув холодного кофе, и бросил в чашку сигарету, как бы оберегая себя от оплошности глотнуть ненароком еще.

— Для меня Лестер Стронг — начальное звено.

— А может, больше похоже на конец, а? Прокурор, который наконец-то настиг злодеев.

— Только что-то он ослабил хватку, — возразил Джейк. — Вдруг начинает соглашаться на все отсрочки. Позавчера судья Элсворт предоставил еще одну. На месяц. Уже третью. И Стронг вроде бы нехотя, но уступил. Грейвз, который явился, чуть ли не пламя из ноздрей пуская, выразил удивление. Так, слегка.

— Считаешь, Стронга купили? — поинтересовался Питер.

— Месяц назад, когда он еще не пятился, я бы поклялся, что Стронг честен, как господь бог, и так же жаждет правосудия. — Джейк покосился на дым сигареты. — Я уж подумываю даже, может, у него что личное стряслось. К примеру, врач сказал, что жить ему осталось всего полгода, и все стало безразлично. Или, может, с женой какие неприятности. Его жена — особа очень даже с большими причудами — Корал Трейн, писательница.

Питер поднял голову.

— Так Корал Трейн и есть миссис Стронг?

— Вот именно.

Питер отвернулся, стараясь не выдать себя. Давным-давно, только что приехав в Нью-Йорк, и познакомился там с Корал Трейн. Она тоже жила в Виллидж и тоже

пробовала писать романы. Какое-то время Питер и Корал сочиняли роман вместе — роман своей любви, но тот оказался совсем коротким, и оба не без сожаления пошли каждый своей дорогой.

— Ты что, знаком с ней? — насторожился Джейк.

В проникательности этот сукин сын не уступал самому Девери.

— Был когда-то. Хороша была девушка.

— И до сих пор недурна. Но неуловима. Что грызет Лестера Стронга? — спрашиваю я себя. Куда подевалось его рвение? Кому и знать, как не его жене. Прелестной женушке, которая всюду с ним ходит, не пропускает ни одного его выступления в суде. Но последнее время ее совсем не видно, и в суд не пришла, когда он выступал — очень вяло — по делу Томпсона Клингера.. Разыскать бы ее да и поговорить, подумал я. Мнение популярной романистки об империи Бракстона Клауда. Но дамочки нет дома. Дамочки нет нигде. Миссис Стронг, говорит мне прислуга, уединяется, когда пишет книгу. Ты, Питер, меня знаешь. Я начинаю копать. И выясняется, прежде Корал никуда не уезжала, когда садилась писать книгу. Так, возможно, Стронг сдал, потому что у него нелады с женой? Очень кстати, что ты знаком с ней, может, заштопаешь для меня эту дырку?

— Попробовать можно, — согласился Питер. — Папку оставишь?

— Само собой. И как я уже говорил, Питер, рад работать с тобой.

Питер взглянул на часы и нахмурился. Почти одиннадцать, а от Элли ничего не слышно.

Оставшись один, Питер поймал себя на том, что вспоминает Корал Трейн. Тогда оба жили только будущим. Проводили долгие часы за машинкой. Вечером встречались, выпивали по мартини и шли обедать во французский ресторанчик на Шеридан-сквер. Гуляли по летним улицам, вели долгие споры о литературе, забредали в маленькие сумрачные картинные галереи, в лавчонки подержанной мебели, к букинистам. Когда-нибудь в счастливом будущем они купят книг и картин для красного дома в Виллидже, для своего дома. Все эти месяцы они любили друг друга и спали вместе в огромной кровати Корал. То были беззаботные, чудесные времена.

А потом с первым романом к Корал пришла известность — Лучшая Книга Месяца, экранизация, хвалебные рецензии. Питер, не преуспевший в романах, нанялся в

«Ньюсвью» и очень скоро добился популярности как журналист. Успех разлучил их. Корал разъезжала по стране, рекламируя свою книгу. Питера забросило в Каир, он писал репортажи о кризисе на Ближнем Востоке. Любовь кончилась. Ни упреков, ни сцен — расстались, по-прежнему симпатизируя друг другу. Изредка Питеру вспоминалась Корал — ее стройное красивое тело, темные волосы на подушке, мягкий податливый рот. Но без грусти. Было очень приятно, но все прошло. Итак, миссис Стронг, а для публики по-прежнему Корал Трейн — блестящая писательница, романы которой идут нарасхват.

Питер потянулся к телефону. У Стронгов ответили, что миссис Стронг в отъезде. Секретарша, решил Питер. Наверное, слава обязывает, и без секретарши Корал теперь не обойтись — отвечать на письма, назначать встречи.

— Это Питер Стайлз, ее старый друг, — назвался Питер.

— Ах, Стайлз, — чуть смягчился голос. — Миссис Стронг ваша горячая поклонница.

— Мне необходимо связаться с ней.

— Извините, мистер Стайлз, но давать адрес миссис Стронг не велела. Знаете, иногда она уезжает поработать над книгой в тишине. На критической стадии.

— Но вы-то имеете с ней связь? Пожалуйста, поинтересуйтесь, нельзя ли мне ее увидеть. Или, может, она позвонит мне.

— Хорошо. Только за скорость не ручаюсь. Понимаете, надо ждать, пока позвонит она.

Едва Питер положил трубку, как дверь распахнулась настежь. В кабинет ворвался Джордж Уилсон, курносое мальчишеское лицо до неузнаваемости искажала бешеная ярость, он метнулся к Питеру.

— Подлец! Трепач! — заорал он и влепил Питеру оплеуху, тот не успел и прикрыться, кое-как выбрался из-за стола, а Джордж висел на нем, молотя головой. В самозащите Питер был не новичок, но атака оказалась столь яростной и ошеломляющей, что поначалу растерялся. Короткий удар плашмя по шее Джорджа — и драка мгновенно кончилась. Джордж упал на четвереньки и ошалело мотал головой. Питер коснулся рукой губ: на руке осталась кровь.

Джордж поднял голову, и Питер, смутившись, увидел, что по лицу парня катятся слезы.

— Наврал мне про Элли, — выговорил тот.

— Она в Филадельфии. Поехала туда по моему поручению.

— Опять врешь! — выкрикнул Джордж. Он с трудом поднялся на ноги и оперся о стол Питера: драться ему больше не хотелось. Он сгорбился, плечи тряслись от плача. Питер молча ждал, страхась худшего: с Элли что-то случилось. Звонка от нее так и нет.

— Ее изнасиловали! — задыхаясь, выкрикнул Джордж.

— С чего ты взял?

— Человек. По телефону. Сказал мне, что ее изнасиловали. Двое. И что она ходила к доктору Вордвелу. И за тобой послала. Я звонил Вордвелу. Все правда. Он сам ее осматривал. И ты говорил с ней. Подлец!

— И человек этот?..

— Один из них! — Голос у Джорджа сорвался. — Если мы не отвяжемся, пригрозил он, они... нам отомстят и похлестче. Ну почему она позвонила тебе? Не мне? К чему весь этот бред про Филадельфию?

Глубоко вздохнув, Питер промокнул губу платком.

— Утром она тебе не звонила?

— Нет, зачем? Кто я ей? Муж всего-навсего! За помощью она кинулась к тебе и Вордвелу.

Питер подошел к шкафу и налил два стаканчика «Джека Даниэла», подвинул один Джорджу и проглотил залпом свой: разбитую губу зажимало.

— Возьми себя в руки и выслушай, что произошло. — Он рассказал Джорджу о телефонном звонке среди ночи и о том, как пошел к Вордвелам, где узнал обо всем.

— Но почему ты? — в обиде выкрикнул Джордж.

— Джордж, она же любит тебя. Ей казалось, узнай ты, и у вас все сломается.

— Думала, стану винить ее?

— Нет, не то. Элли чувствовала себя опозоренной, нечистой. Боялась, что, как бы ты ни старался, тебе никогда не забыть. Вот и решила не видеть тебя несколько дней, оправиться немного...

— О боже, Элли!

— Ну что я мог поделать, Джордж? Она же просила! Элли очень мужественная. Я предложил ей съездить в Филадельфию, там и в самом деле есть работенка. Пришлось наврать тебе. Я понимаю ее, Джордж, и мне ее очень жалко. А вот сейчас я испугался.

Джордж посмотрел на него покрасневшими глазами.

— Звонок тебе, — пояснил Питер. — Тот тип расстался, лишь бы ты узнал. Ясно зачем — через тебя известить Девери. Но хоть что-то объяснил? От чего все-таки мы должны «отвязаться»?

— Ничего не сказал. Лично я работаю по Бракстону Клауду.

— Знаю. И Джейк тоже. И с сегодняшнего утра я. Меня пугает, что Элли все молчит.

— Вордвел сказал, в Филадельфию она уехала пяти-часовым.

— Значит, уже пять часов как там,— взглянул Питер на часы.— Уж давно пора бы позвонить.

— А Девери ты говорил?

— Нет. Но теперь ты все равно знаешь — надо. Ему решать: отвязываться или нет?

— Обязательно разыщу этих подонков,— чуть ли не деловито заявил Джордж.— И проучу! Уж я их измордую!

Лицо Девери точно окаменело, когда он слушал рассказ Питера и Джорджа. В мире журналистики угрозы не в новинку. Каждую неделю, стоило журналу появиться в киосках, редакцию захлестывал поток писем — угрожающих, оскорбительных. Иные писавшие были настоящими шизофрениками, притом агрессивными. Но обычно репортеры все-таки были в безопасности. Правительственные чиновники, служащие крупных корпораций, преступники подпольного мира понимали, что нападать или угрожать газетчикам опасно. Слишком велик риск. Возмездие последует не только от газеты, на которую работает журналист, но и от всей прессы страны. Ни газеты, ни журналы не публикуют известную им информацию полностью. Ударь журналиста — и с тобой покончено. Но семья репортера? Тут уже таится шанс остановить газетчиков, которые подобрались опасно близко к горячей точке. Доказательство — Девери. Еще никому не удавалось запугать его, но теперь он подумывал, не уступить ли. Джордж Уилсон, совсем крохотный винтик в машине. Ради того, чтобы сломать его, не стали бы так суетиться. Девери не сомневался — поручение предназначалось ему. «Передай своему боссу» — приказали Элли, а не «скажи своему мужу».

— На такой риск отважатся только из-за одного,— заключил Девери.— Из-за Бракстона Клауда. Кто-то из наших подобрался опасно близко. Джейк? Он сейчас в бегах, его не разыскать. Ничего особо горяченького он мне не сообщал. А у тебя, Джордж?

Джордж сидел, измочаленный вконец.

— Я под началом у Джейка,— ответил он.— Расследование его.

— Расследование «Ньюсвью», — поправил Девери.

— На мне Лестер Стронг, — продолжал Джордж. — Выясняю, почему он вдруг остыл. Джейк выдвинул версию, что прокурор болен — страшное что-нибудь. Рак. Или с женой неприятности. Она куда-то исчезла с горизонта. Про здоровье я ничего не сумел разведать. Нашел врача Стронга. Но он, вполне понятно, распространяться не пожелал. Ни да, ни нет. Миссис Стронг, она же Корал Трейн, писательница, работает, говорят, над новым романом.

— Корал — моя старая приятельница, — вмешался Питер. — Мне Джейк уже про нее говорил, и я сразу же попробовал дозвониться. Где она, мне не сказали, но секретарша обещала передать.

— Самое странное, — покачал Джордж головой, — что раньше ничего такого не бывало. Никогда она не уезжала. Работает дома. Везде с мужем. Это что-то новенькое. Мне не повезло: так и не разыскал ее. А может, ее отъезд и не имеет никакого касательства к нашей истории.

— Все может быть, — сказал Девери. — Но твоя жена уже пострадала. Неизвестно, Стронга, может, тоже припекло. Может, и его жена в опасности!

— Господи! — воскликнул Джордж.

— Оставь Стронга, — велел Девери. — Питер — друг Корал Трейн. И насколько мне помнится, очень близкий.

— Угу, — подтвердил Питер, избегая чуть насмешливого взгляда Девери. В те старые времена Девери знал об их отношениях и даже, как вспомнил Питер, иногда обедал с ними.

— Вообще, Джордж, — продолжал Девери, — дела Клауда больше не касайся. Подыщу тебе что-нибудь еще. И всюю раструбим об этом. И тебя и Элли отошлю из Нью-Йорка. Перемените обстановку.

На селекторе замигал огонек, и Девери снял трубку.

— Тебя! — бросил он Питеру.

Может, Корал, подумал тот. Но тонкий испуганный голосок на другом конце провода принадлежал не Корал. Звонила Элли Уилсон.

— Питер?

— Куда же это ты запропастилась, детка? — воскликнул он. — Мы тут за тебя переволновались.

— Питер, за мной еще в Нью-Йорке начали следить, не успела я от Вордвелов выйти.

— Погоди-ка, — прервал Питер. — Я у Девери. И Джордж тут, рядом. Он все знает, Элли.

— Ох, Питер, тебе пришлось?..

— Нет, не я. Анонимный звонок. Теперь Джордж знает. И Девери тоже. Так что, пожалуй, я включу микрофон, и мы все будем тебя слушать.

Питер нажал кнопку, и голос Элли раздался в квадратном микрофоне на столе Девери.

— Элли! — воскликнул Джордж.

— Милый... — Голос дрожал.

— Элли, как ты могла вообразить... хоть на минуту... будто я...

Того гляди разрыдаются оба, подумал Питер и вмешался:

— Так, говоришь, Элли, за тобой следят?

— Доктор Вордвел вызвал для меня такси, — ответила Элли. — В такую рань больше ни на чем не доедешь. Я заметила, у тротуара стоит машина. Она тут же тронулась и вроде поехала следом. Но я как-то не придавала значения. А на вокзале, когда покупала билет, увидела человека — такой sereneкий, незаметный, вертится неподалеку. Но сам понимаешь, я была как в лихорадке и особо не обратила внимания, пока вдруг не заметила его в поезде: сел через купе от меня. Когда я вышла в Филадельфии, он затерялся в толпе: как раз был наплыв служащих из пригородов. Но заказываю я номер в «Хилтоне», смотрю, опять он тут как тут... Я... я позавтракала у себя в комнате, и около девяти вышла купить платье. Фрэнсина одолжила мне свое, но мне все велико. А в вестибюле опять он. И вышел следом. Вот тут, Питер, я струхнула не на шутку.

— Элли? Это Девери. Можешь описать его поподробнее?

— Около пяти футов семи дюймов росту. Толстый. Седоватый. Серая шляпа, серый костюм. И очки в стальной оправе.

— Умница! — похвалил Девери. — Элли, мне очень жаль... что так все получилось.

— Спасибо, мистер Девери.

— Итак, ты вышла за покупками, — вмешался Питер. — Три часа назад. Чего же ты тянула со звонком?

— Я забежала в маленький магазинчик одежды на Уолнат-стрит, — продолжала Элли. — Меня трясло. Сквозь витрину я видела, что этот сторожит. Купила платье и вышла. Хотела вернуться в отель и позвонить. А он, серый этот, точно прилип. И следил в открытую. Питер, я психанула. Решила оторваться от него. Металась по всему городу: такси, автобусы, но куда мне! Такого не перехитришь. Он как из-под земли вырастал — впритык у меня за спиной,

на другой стороне улицы, выныривал навстречу из-за угла.

— А сейчас ты где?

— В «Хилтоне»! — Элли засмеялась истерически. — А он меня внизу поджидает. В вестибюле.

— Может, через служебный прощмыгнешь? — спросил Джордж.

— Попытаться-то я попытаюсь, но что-то...

— Сиди и не шевелись, — вмешался Девери. — Пришлю к тебе репортера из филиладельфийского филиала. Минут через десять придет. Повезет тебя в Нью-Йорк.

— Спасибо, мистер Девери. Питер, так я и не сумела зайти к Мэрритам. Может, пока жду, позвонить им?

— Забудь. Управлюсь сам.

— На двухчасовой успеешь, — опять вмешался Девери. — Ждем тебя после четырех.

— Я люблю тебя, Элли, — сказал Джордж.

Тут она все-таки не выдержала. Все услышали, как Элли расплакалась.

Девери выключил микрофон и с минуту сидел неподвижно, поглядывая на Питера и Джорджа, расчеркивая блокнот сердитыми петлями.

— Да, напрашиваются определенные выводы, — наконец произнес он. — Звонок тебе, Джордж. Доложили в подробностях об Элли: что с ней случилось, об ее отъезде, о Питере, о Вордвеллах. Совершенно ясно: Элли — не случайная жертва хулиганов. Ждали именно ее. Потому что она работает здесь, потому что ее начальник я. Кто-то следил за ней и потом: «довели» до самого дома Вордвеллов. И узнали Питера, когда он туда приехал. Дом многоквартирный, и даже в такой поздний час кто-то уходит, кто-то приходит. Итак, за нами, получается, давно следят и знают наших в лицо.

— И за тобой в Вашингтоне следили, — прибавил Питер.

— И не скрывали слежки, — подтвердил Девери. — Я позвонил Элли около одиннадцати и разрешил уйти. Наверняка она ушла сразу же... и на нее напали. А за мной в то время следили. Стало быть, это не одни и те же люди. Теперь — серый толстячок в Филадельфии, который прицепился к Элли еще здесь, в Нью-Йорке.

— Какие же неумехи эти наглецы! — заметил Джордж. — И вы, мистер Девери, легко углядели свой «хвост». И Элли.

— Ну не стоит их недооценивать, — возразил Девери. — Элли старалась стряхнуть надоеду, да не тут-то было. А прятаться он и не прятался. И мой соглядатай в Вашинг-

тоне не таился. По-моему, они хотят, чтобы мы знали. Предупреждение своего рода.

— Считаешь, орудут профессионалы высокого класса? — осведомился Питер.

— Да.

— У таких, как Бракстон Клауд, у власть имущих, есть целые отряды. Своя личная армия, — вставил Джордж.

— Непонятно, — мрачно заметил Девери, — ведь я опознал бы своего «хвоста». И Элли наверняка узнает серенького преследователя. Сильно подозреваю, что, поймай мы кого из них, след не приведет ни к Бракстону Клауду, ни к «Синему небу», ни к Томми Клингеру.

— А куда? — поинтересовался Джордж.

— К профессионалам. И невозможно будет доказать, что они на службе у Клауда.

— Хороши профессионалы! — побледнел Джордж. — Насилуют женщин! Помогите же мне...

— Успокойся, Джордж, — прервал Девери. — Встретишь Элли в четыре на Пенсильванском вокзале и привезешь сюда. Поговорим с ней, выясним все досконально. Потом закажем для вас билеты на Акапулько и комнату в гостинице. Отдохнете в Акапулько за счет журнала, а мы тут немножко разберемся, что к чему. Твоей жене, Джордж, сейчас нужны забота и ласка.

Временная секретарша сунула голову в кабинет и объявила, что Питера зовут к телефону.

— Поговорю отсюда, — и Питер снял трубку.

— Питер, милый, — произнес хрипловатый женский голос. — Надеюсь, не помешала твоему общению с музами?

Уж сколько лет прошло с тех пор, как он в последний раз слышал голос Корал Трейн, но вот, оказывается, не забыл.

— Мне передали, ты меня разыскиваешь, Питер. Представляешь, я так вдруг разволновалась, стало так приятно! Кокетничала Корал всегда очень изящно.

— Где ты сейчас? — небрежно поинтересовался он.

— Ой, Питер, это тайна. Жуткая-прежуткая. Но тебе я, так и быть, открою. Я живу у моего издателя в Дарьене, это в Коннектикуте.

— Хотелось бы повидать тебя. Побеседовать.

Она засмеялась грудным волнующим смехом, его он тоже хорошо помнил.

— И как я, глупая, не догадалась, что твой интерес ко мне чисто профессиональный. Не воспоминания толкнули тебя искать встречи, любовь моя.

— Знаешь, наш разговор весьма жадно слушают,— предупредил Питер.— Поговорим на эту тему чуть позднее. В более интимной обстановке.

— С удовольствием,— сказала Корал.— До дома Барри Слейда миль сорок-пятьдесят. У тебя есть машина?

— Да.

— Так приезжай. И поскорее. Ты напомнил о себе, и мне уже не написать ни строчки.

— Выезжаю через полчаса,— пообещал Питер.

— Чудесненько. Жду не дождусь, милый.— Обращение «милый» она пускала в ход в разговоре с любимым, будь то друг или враг, не вкладывая в слово ни малейшей интимности.

— След, может, и ложный,— повернулся Питер к Девери.

— А проверить не мешает. Как только что прояснится, сразу звони.

Глава 3

Встречи после долгого перерыва — в данном случае, в десять лет — с женщиной, которую когда-то любил, человек и ждет, и боится. Она, конечно, изменилась: постарела, очерствела, утратила живость и привлекательность молодости. Наверно, умудрена жизненным опытом, а ты для нее — неудачник. В общем, на такое свидание спокойно не отправишься.

Приехав в Дарьен, Питер без труда разыскал дом Барри Слейда. А издательство, похоже, штука прибыльная, подумал он. Высокие каменные ворота отгораживали владения, и к дому вела мощеная подъездная дорожка. На пригорке стоял массивный каменный дом. Оттуда, конечно, открывается прекрасный вид.

Питер притормозил и спросил у садовника, лениво подстригавшего самшитовые кусты, как проехать к коттеджу. В парне было что-то диковинное, и Питер все гадал, что же, пока тот пространно объяснял ему, где дом для гостей:

— Как повернете — все направо, не то выедете к особняку.

Питер уже пустил машину, когда его осенило: да ведь парень страшно обгорел! Лицо, руки, шея — все. Значит, новенький тут. Сейчас уже середина лета, а сгореть так можно, только жарясь на солнце день, ну два.

Коттедж для гостей напоминал сказочный домик. Маленький, белый, без особых архитектурных ухищрений, но стоит на опушке леса, в саду, пестрящем цветами. На каменной террасе ждала Корал. Он знал, ей сейчас лет тридцать пять. Питер всегда считал, что это лучшая пора для женщины — полный расцвет, все поняла, уже постигла, что ей лучше всего подходит.

Какая красивая! Темные волосы распущены по плечам, как и десять лет назад. Чуть пополнила. Голубые глаза блестят от возбуждения. Корал шагнула ему навстречу и молча протянула руку. Окинув его цепким взглядом, произнесла хрипловато:

— Боже мой, Питер, да ты великолепно выглядишь!

— А уж ты! Нет слов.

— Страшилище, да?

— Ослепительно эффектна.

Руки их встретились и отдернулись с неожиданной стыдливостью, точно в прикосновениях крылась опасность. Корал взяла его под руку, и они медленно зашагали по тропинке, как хаживали давным-давно в Виллидже.

Она ввела его в комнату с низким потолком, с большим камином в углу. Комнату заполнили охотничьи трофеи, включая огромные ветвистые рога. Все выдавало, что Барри Слейд заядлый охотник и рыбак.

— Может, выпьем? — предложила Корал. — Или равновато?

— Ничего не хочется. Только смотреть на тебя.

— Питер, Питер, Питер, — она тронула его лицо прохладными пальцами и отдернула руку. — Так много чего наслучалось... Все твои статьи читаю. А вот ты, пари держу, ни одной моей книги не прочитал.

— А если все семь?

— Да знаю, не твой вкус. Но хоть одна тебе понравилась?

— Все, кроме одной. Там ты неглубоко копнула.

— Ты про роман об...?

— Ну помнишь, молодого парня увлекает шайка хулиганских ребят, — пояснил Питер. — Он просыпается в больнице и видит, нога у него ампутирована выше колена. Сюжетом ты взяла несчастный случай со мной. В газетах вычитала.

— Питер...

— Ты живописуешь мысли и чувства героя. Он-де полон решимости жить по-прежнему, не поддаваться беде, бороться с психологическими последствиями перенесенного

унижения. Но, Корал, все происходит совсем иначе.
— О!

— Когда я очнулся и обнаружил, что ступни у меня нет, мне хотелось лишь разыскать этих поганцев и убить. Куда девалась вся моя цивилизованность! Жаждал крови как дикарь. Прошло уже немало лет, Корал, но всякий раз, случись мне столкнуться с бессмысленной жестокостью, я готов убить. Совсем я не такой благородный, как твой герой.

— Но что... поразительно, — заметила Корал, — не знай я...

— Что, не хромаю и искусственная нога не скрипит? — Он невесело усмехнулся. — А знаешь, почему я не искал встречи с тобой? Да и с другими моими старыми друзьями... Боялся, еще начнут жалеть. А теперь — спасибо моей алюминиевой ноге — чуду техники — и складу моего характера — плевать, кто обо мне что думает. И не вспоминать. Но вот пришлось вспомнить. Снова преступление, бессмысленное, варварское. И снова я готов убить виновников. Из-за этого преступления я и приехал к тебе, дорогая.

Она отошла и присела на плетеный диванчик. В глазах у нее погасла радость, в уголках губ проступили морщинки.

— Какая же связь между мной и преступлением?

— Если ты и вправду читаешь «Ньюсвью», то знаешь что сейчас мы насели на Бракстона Клауда, — начал объяснять Питер. — Твой муж тоже на него ярился, да что-то вдруг взял и остыл.

— Бедняжка Лестер, — заметила она. — Он считал, что дело против Клингера у него в папочке, листочек к листочку. А оказалось, на полноценное обвинение не тянет. Он и скис.

— Ну я тебе не верю!

— Да что ты, Питер? Ведь это правда.

— Мы покопались и решили, что есть два вероятных объяснения. Стронгу стало известно, что у него неизлечимая болезнь, и он утратил всякий вкус к борьбе. Или же у него нелады с женой.

— Что за чушь! Лестер здоров, крепче некуда, и у нас с ним все отлично.

— По-моему, существует и третья версия, — прервал ее Питер. — Тебе угрожают.

— Ну уж, Питер, это ты загнул!

— Неужто? Ты здесь, а он в городе.

— Мне надо роман кончить.

— Раньше тебе для этого не требовалось уезжать. Позволь, расскажу тебе, с чем я приехал.— Голос Питера стал жестким: он кратко описал, что случилось с Элли, о приказе «отвязаться», о новых запугиваниях.

— Если решились на такое, что им стоит и жену прокурора припугнуть?

— Питер, милый, какие угрозы, что ты? Я пишу здесь. Хоть у Барри спроси. Сроки поджимают, вот и поселилась у него, пишу в тишине. Я тут одна, никто меня не охраняет. А ведь будь опасность, не бросили бы меня одну, сам посуди. По утрам из особняка приходит горничная — делает уборку, готовит мне завтрак, стелит постель. Но и все. Ты у меня первый гость. Да еще заходят — продукты и вино носят.

— И даже муж не приезжал?

— Нет. Лестер понимает. Когда я работаю...

— Но раньше ты не уезжала...

— Да ты себе, Питер, вообразить не можешь, что это такое — дело Бракстона Клауда! Лестер торчит у себя в конторе чуть не круглые сутки. Телефон как бешеный трезвонит. Из-за этого я и с романом опаздываю. Если вдруг нагрянет Лестер — это... это стихийное бедствие!

— А меня все-таки пригласила,— заметил Питер.

— Ну да, ну верно,— Корал натянуто улыбнулась.— Но мы же вечность не виделись... Вспомнилось прошлое... Я уж и сосредоточиться не могла. Вот и решила, лучше уж покончить разом. Увидимся — и уезжай себе. Тогда я спокойно засяду за роман.

— Очень, очень лестно. Но вот правда ли? Ты пригласила меня, чтобы сбить со следу.

— Питер, ты что? Зачем мне?

Он увидел, как ее пальцы вцепились в подлокотник диванчика. Не умеет выдержать роль, подумал он, напугана очень. Он присел рядом, прикрыв ее ледяную ладонь своей рукой.

— Корал, пойми, я вовсе не хочу, чтобы ты из-за меня пострадала. Как раз наоборот. В «Ньюсвью» мы ходим по минному полю. Если под тебя подведена мина, не в наших интересах взрывать ее. Мой шеф не отмечает вариант, что Стронга подкупили. Но если Стронг ослабил хватку, потому что в опасности, ты, все оборачивается по-иному.

— Все выдумываешь, Питер, выдумываешь,— почти прошептала она.

Питер оглядел комнату, прикидывая, не спрятаны ли тут микрофоны, а ей про них известно. Подошел к письмен-

ному столу в углу и на страничке блокнота написал «Комната прослушивается? Я буду писать вопросы, а ты отвечай: да, нет». И протянул листок Корал.

— Ну, ну, значит, ошибся. Известно, журналисты — народ подозрительный, — и он указал на бумагу. — Навесила наши места в Виллидж?

Она смотрела на него изумленно.

— Да, — она энергично закивала. Лицо ее было совсем близко, губы дрожали. Он обнял Корал и ласково прижал ее голову к своей щеке, запах ее волос одурманил его, совсем как встарь, пальцы ее впились в его рукав.

— Так Барри выручил тебя? — весело спросил он.

— Полезен ли он мне? Он великолепный редактор, — ответила Корал. На этот раз обычным тоном.

На том же листке Питер написал: «Слейд знает, что ты тут пленница?»

Корал покивала опять.

— Он мне во всем помогает.

— Тогда понятно, почему ты сбежала к нему. — И написал: «Он на твоей стороне или на их?»

Корал ткнула себе в грудь.

— Но случается, что и он ничего не может поделать. Я ужасно упрямая.

— Ладно, — встал Питер, — пора и двигаться. Извини за беспокойство. Эти мои глупые подозрения... — Он крепко обнял ее. Шепнуть что-нибудь ободряющее не рискнул.

Они вышли на террасу. Мускулы у Питера напряглись. Загорелый возился в саду.

— Домишко — прелесть, — громко и четко произнес Питер. — Не возражаешь, щелкну разок?

— Да пожалуйста!

— Камера в «ягуаре», — Питер пошел к машине и, достав маленькую «лейку», с которой не расставался, сфотографировал коттедж. — А теперь встань-ка у двери, дорогая, — попросил он, сфотографировал ее и перевел камеру на сад. Обгоревший поднял голову, и Питер щелкнул три раза. — Смотри береги себя! До скорого! — кивнул он Корал.

Она помахала ему вслед. Питер забрался в «ягуар». Чувствовал он себя поганно, не хотелось оставлять ее здесь одну. Но выбора не было: с него не сводил глаз загорелый шпион.

Доехав до Дарьена, Питер поставил машину у ресторана и пошел звонить. Набрал номер Девери, тут же соединили.

— Делишки паршивые, — сообщил Питер.

— Возвращайся, и побыстрее, — Девери говорил холодно и жестко. — Все обсудим на месте. Наш сотрудник в Филадельфии поехал за Элли. Но ее в «Хилтоне» уже не оказалось. Она не выезжала из отеля, но ее нет. Джордж кинулся в Филадельфию, хотя непонятно, на что он надеется. Разве что по улицам бегать будет. У нас нет и намека на след.

— А может, и есть, — ответил Питер. Пальцы его, сжимавшие «лейку», тряслись от гнева.

Было уже почти шесть, когда Питер приехал к Девери. Джейк был уже тут, попыхивая своей неизменной сигаретой. От Элли никаких известий.

Питер рассказал о своем свидании с Корал.

— Она без умолку трещала о романе и что ее муж по горло в делах, но я чувствовал неладное. Меня вдруг стукнуло: вдруг дом прослушивается? Я и решил, пообщаюсь-ка с ней письменно. Она тут же подхватила игру.

— А парень, которого ты щелкнул? — полюбопытствовал Джейк.

— Увидишь его, как проявят. — Первое, что Питер сделал, приехав в редакцию, отдал пленку в лабораторию. — Меня сразу удивило, еще когда я дорогу спрашивал, что парень красный как рак, но у меня ничего не увязывалось до разговора с Корал. Слейд, конечно, держит прислугу. У него сады, лужайки, живая изгородь — все требует ухода. А садовничек этот на солнце день, максимум два. Новичок. Тут-то я и смекнул, что его основное занятие — не кромсание кустарника.

— Взял бы да спросил Слейда, — буркнул Девери.

— Так он мне все и выложит. Его надо фактами припереть, — возразил Питер.

— Звонил я ему, он даже говорить со мной не пожелал. Завтра попробую вытащить его из издательства, побеседуем где-нибудь на воле. А сейчас надо разыскать Стронга.

Джейк глубоко втянул табачный дым.

— А если миссис Стронг в безопасности, только пока мы не действуем?

— Или не действует Стронг, — добавил Девери.

— Интересно, — размышлял вслух Джейк. — Фактически, она не пленница. Живет свободно. У нее есть телефон. Позвонила же она тебе, Питер.

— И телефон могут прослушивать, — сказал Девери.

— А почему, как думаешь, она все-таки пригласила тебя? — спросил Джейк.

— Могла ведь и проигнорировать.

— И сам удивляюсь. Скорее всего приказали. Велено было сбить меня с толку. Планировалось: я ее слушаю, верю и отбываю. Все мои подозрения тают как дым.

— Твоя затея с писаниной удалась?

— Разве что в окошко кто подглядывал.

— А, так, значит, ты не уверен? — спросил Девери.

— Не совсем. Смотреть я смотрел. Вроде никого не было.

— А записки где? Оставил там?

— Совсем уж меня в дураках числишь, — Питер вытянул из кармана смятую бумажку и перебросил на стол Девери.

Девери мельком взглянул на нее и, выбравшись из-за стола, принялся расхаживать по комнате.

— Надо решать — отвязаться или нет. И Элли, и Корал Трейн — обе в опасности. Стоит перешагнуть грань и... — Он вытащил из кармана трубку и принялся яростно жевать черенок.

Джейк Джекобс взглянул на него поверх очков.

— Но нам и печатать нечего, мистер Девери. Практически нечего. Подозрения, подозрения. А фактов-то пока никаких. Искать их нам не запрещено.

— Прямых приказов не давали, — согласился Девери.

— Не давали? — возразил Питер, у него дернулся подбородок. — А Элли? Ее изнасиловали и приказали: отвязитесь, не то будет хуже. Мы не послушались, и вот — Элли исчезла.

— Значит, надо отвязаться, — неуверенно произнес Девери.

Джейк все курил, наблюдая, как плывут к потолку кольца дыма.

— У нашего журнала миллионные тиражи, — заметил он. — Неужели мы позволим запугать себя каким-то бандитами?

— Напомни, порекомендую тебя при случае в скауты, — огрызнулся Девери.

— Элли, между прочим, живая женщина и мой друг. А мерзавцы эти прикончат ее не поморщась, если не перестанем мы терзать Клауда. Ну раскопаем все его подноготную. Что из этого? Обнародуем то, что известно всем и каждому: что в нашей стране существуют частные государства, которые плюют на все законы, этику и даже патриотизм.

Разве что-нибудь новое? Сейчас в центре внимания — суд над Томпсоном Клингером. Посадят его или оправдают? Ни для кого не секрет, Клингер — ставленник Клауда. Победит он, и всем будет понятно — его защиту щедро оплатил Клауд, может, и присяжных купил. Если же засудят, что очень сомнительно, Клауд сидит себе посиживает целехонек в Коста-Рике. Пусть даже Клингер выложит все, ему что?

— Пассивность прокурора играет на руку Клингеру, — сказал Джейк. — А прокурор боится за жизнь Трейн. Мы ищем готовых ее убить. Юридические хитросплетения не наша забота. Брось мы розыски, того гляди окажемся в соучастниках преступления.

— Имеется вопросик, — очень спокойно сказал Питер.

— Не тяни, давай! — повернулся от окна Девери, зубы у него впились в черенок трубки.

— Положим, мы отказываемся от всяких поисков. И Клингер выигрывает дело. Что ждет Элли и Корал? Расскажет ли Элли, что случилось с ней? И Корал? А может, их убьют? Или до конца жизни обе они будут жить под угрозой убийства?

— Не вопросик, а целый вопросник, — заметил Девери.

— Вопрос один. С вариациями, — возразил Питер.

— Слушайте, слушайте! — воззвал Джейк, не отрывая взгляда от легких колец дыма.

Дверь открылась, и вошел молодой парень в черном резиновом фартуке. Он выложил три снимка, еще влажных, на стол Девери.

— Вы просили только мужчину, мистер Стайлз. Вот фото. Удачно получились. Очень четко.

Питер и Джейк подошли к столу, разглядывая через плечо Девери снимки. Цветное фото показало ярко-красное лицо, узкие черные глаза, хищный нос, тонкую полоску губ.

— Киношный злодей, да и только, — заметил Девери. — Ишь, вылитый гангстер. Не встречался тебе, Джейк?

Джейк, которому при расследованиях приходилось захаживать в самые невероятные места, внимательно изучал фотографии: две в фас, одна — вполоборота. Наконец, покачал головой.

— Как вы правильно подметили, мистер Девери, типаж — гангстерский. Так и чудится, будто хорошо знаком. Тип уж очень расхожий, прямо из голливудских детективов.

— Отпечатаем побольше копий и распространим, —

решил Девери.— Кто-то да знает же его. Пари держу, он и в полиции зарегистрирован.

Глаза Джейка за дымчатыми стеклами сузились.

— Не отступаем, значит?

Девери снова сел и на минуту прижал пальцы к векам.

— Мне все представляется так,— наконец сказал он.— Даже уступи мы, ни Элли, ни Корал жизни не видать. Самое лучшее — расколоть дело как можно скорее.

— Юридическое дело нам не одолеть,— возразил Джейк,— не наш профиль.

— Наша цель — поймать подручных. Тех подлецов, которые изнасиловали Элли, и всех этих подонков-сыщиков. Добраться до них. И трясти, пока не откроют, кто их наниматель. От нанимателя выьем, кто платит ему...

— И выйдем в конце концов на Бракстона Клауда. А до него не достать,— процедил Джейк.

— Зато он хотя бы перестанет тогда угрожать половине мира,— вмешался Питер.— Но в яблочко мы должны попасть с первого выстрела. Стоит им пронюхать, что мы за них взялись, и нам не сладить.

— Твое предложение: выйти на улицу, поднять палец и идти по направлению ветра? — съехидничал Девери.

— Для начала прижму Лестера Стронга,— заявил Питер.— И выведу у Барри Слейда, кто же это устроил из его коттеджа тюрьму. Кто его за горло держит.

— А я поразузнаю про этого сукина сына,— ткнул Джейк в фотоснимок.

— Ну а я обеспечу дымовую завесу,— сказал Девери.

— Это как же? — полюбопытствовал Питер.

— Завтра печатается номер,— объяснил Девери.— Выброшу редакционную статью о Томпсоне Клингере. Вместо нее пушу обзор ситуации на Ближнем Востоке. Очерк неважнецкий, но, может, наши враги клонут: поверят, что мы послушались и отвязались.

— Еще какие указания? — спросил Питер.

— Между рюмками помолись за Элли.

Лестер Стронг. Высокий, темноволосый, лет сорока, с тонким аристократическим лицом. Спортивная фигура, костюм от дорогого портного. Наверное, решил Питер, вместе с Корал они смотрятся эффектно. Основа жизни Стронга — успех. Блестящая карьера, выгодная женитьба, победы в спортивных соревнованиях. Но сегодня вечером свет на этом экране успеха малость потускнел. Стронг

рассержен и напуган, изо всех сил старается унять раздражение и скрыть страх.

Своим глубоким и звучным голосом Стронг наверняка умело обыгрывал драматические моменты обвинительных речей на судебных процессах.

Они встретились у лестницы в «Плейрс», в клубе Питера, в Грэмерси-парк. На стенах «Плейрс» фотографии и рисунки прежних достославных членов клуба — Марк Твен, Лоренс Оливье и другие знаменитости. В зале никого, только за угловым столиком двое играют в триктрак. Обед уже кончился. За стойкой бармен в желтой куртке перелистывает журнал.

— Это что же, Стайлз, репортерский трюк? — осведомился Стронг. — Вы еще пожалеете.

— Нет, пожалуй, трюком все-таки не назовешь. Что будете пить?

— Ничего.

Договаривались они по телефону. Сначала опять секретарша. Питер поблагодарил ее, что устроила встречу с Корал, и попросил соединить со Стронгом, есть к нему поручение от жены. Мистера Стронга, ответила секретарша, приказано не беспокоить, он работает.

— Передайте ему, что у меня есть статечка для «Ньюс-вью» после встречи с Корал. Но хотелось бы прежде переговорить с ним: не то еще сорву ему дело Клингера.

Пришлось долго ждать, пока Стронг ответил.

— Слушаю, мистер Стайлз.

— Мне необходимо поговорить с вами.

— Ну пожалуйста! — сердито сказал звучный голос.

— Не по телефону.

— Боюсь, иначе не выйдет. Предупреждаю сразу, Стайлз, по делу Клингера мне нечего сообщить прессе.

— Пресса тут ни при чем. Я хочу, чтобы вы побеседовали со мной — я друг Корал.

— Про вас с Корал мне все известно.

— Наши отношения этого не касаются, — возразил Питер. — Сможете подойти в «Плейрс», Грэмерси-парк, 16? Там нам не помешают. Спокойно поговорим.

— А у меня нет никаких тайн.

— Зато у меня есть. Речь идет о безопасности Корал.

— Как интересно! Корал в опасности!

— Зачем лишние слова? Нам необходимо встретиться.

— Так приходите, — предложил Стронг.

— «Плейрс», Грэмерси-парк, 16. Жду вас через полчаса.

— Но послушайте, Стайлз!

Питер повесил трубку. И вот теперь они в ресторане клуба. Раздражение Стронга, догадывался Питер, напускное: его бьет от беспокойства.

Питер направился к самому дальнему столику.

— Двойной «Джек Даниэл» со льдом, Хуан! — крикнул он бармену. — Может, все-таки выпьете, Стронг?

Стронг точно обмяк, даже дорогим костюмом не замаскироваться.

— То же самое, — пробормотал он.

Сели за маленький круглый столик. Бармен принес коктейли. Заплатил Питер. Из кармана Питер извлек смятый клочок бумаги — записки к Корал. Стронг взглянул, руки у него дрожали, когда он расправлял бумажку.

— Сэкономит время, — пояснил Питер. — Скажу только, что Корал ответила «да» на вопрос, прослушивается ли комната. — Питер показал и фото краснолицего садовника. — Парень этот — садовник явно новоиспеченный. Видите, как у него обгорели руки и лицо? Он надзиратель, тюремщик. Знаете его?

Стронг медленно покачал головой.

— Давайте, Стронг, не будем терять время. Я только сегодня утром узнал, что вы муж Корал. Видите, мы с Корал прочно распрощались. Как вам известно, «Ньюсвью» пишет о деле Клингера. Мы считаем, оно тесно связано с Бракстоном Клаудом. У вас рвения, похоже, поубавилось. Мы в «Ньюсвью» не сомневаемся в вашей честности. Наш сотрудник, следящий за делом, считает, что судью апелляционного суда могли и подкупить, но подкупить вас нельзя. И выдвинул теорию: либо вы серьезно больны, либо ваша семья на грани развала.

— Надо же!

— Вчера вечером нас жестоко проучили. И предупредили. — Он рассказал историю Элли. — Тогда я выдвинул еще один вариант вашего отступничества. Может, замешана Корал — раньше она не имела привычки уезжать от вас. Может, ей угрожают. Я разыскал Корал. Съездил в Дарьен и поговорил с нею: все у нее превосходно, с вами тоже все в норме. Но я уже заметил обгоревшего садовника, и как-то мне не верилось. Вот я и написал ей пару вопросов, и что же оказалось? Да, сплошное надувательство. А сейчас, пожалуйста, не надо возмущаться и не надо отрицать. Вы спросите, зачем же тогда она открыла мне, где скрывается, отчего пригласила. Отвечу: ей, по-моему, приказали повиноваться со мной и угомонить.

Стронг уставился на стол, будто бы на волшебный

хрустальный шар, который подаст ему совет, как же поступить.

— И еще одно,— продолжал Питер.— Я репортер, и я иду по следу. Но жизнь Элли и Корал для меня все-таки важнее. Но остановись я сейчас, будет ли им спокойнее жить? Пожалуй, для них обеих будет лучше, если мы все раскроем. А моя единственная надежда — вы. Подскажите, где скрываются подводные камни. И еще — никаких ваших секретов не раскроем, пока сами не пожелаете.

Стронг не отрывал взгляд от стола. В дальнем конце зала громыхнули костяшки: игрок стряхнул чашечку. Питеру подумалось, что у них со Стронгом игра не в кости. Тут уж случаю доверяться нельзя. Любой ход должен быть точно рассчитан, безошибочен, иначе... да поможет им бог.

Стронг поднял глаза. Куда только девалась вся его агрессивность!

— Спасибо, Питер, что позвали меня.— Дружеское «Питер» значило — они больше не противники.— Вы не ошиблись. Женщина, с которой вы говорили по телефону, не секретарша Корал. Для любопытных — она мой специальный секретарь, выполняет для меня срочную работу. Только не я ее нанимал. Она поставлена в дом подслушивать и подглядывать. И кажется, кто-то из моих сотрудников — у меня большой штат — продался.

— А вы терпите?

— Но Корал на мушке! — вырвалось у Стронга.

— Да ведь она вольна уходить, приходить, видаться с друзьями.

— И я могу навещать ее,— Стронг потянулся к бокалу и отхлебнул виски.— Вы, Питер, так близки к разгадке, что доскажу вам и остальное. Покамест посвящены были только мы с Корал и Барри Слейд. Ну и они, разумеется.

— Они?

— Все в свой черед,— пообещал Стронг. Он хлебнул еще и поставил пустой бокал. Питер подал знак бармену.— Все началось три недели назад.— Голос у него слегка дрогнул.— Я вернулся из суда. Мы с Корал собирались пойти в театр. На «Лугу для пасынков судьбы». Но Корал дома не оказалось. Не вернулась она и к обеду. Уже пора выходить, а ее все нет. Подобное не в ее привычках. Исчезать без слова. Я напугался. Служба такая, приходится сталкиваться не только с овечками. Кто-то возжаждал отомстить за приговор, за наказание. Около десяти вечера звонок. Мужской голос. Себя не называет. Корал похитили. Дают трубку ей, чтобы я удостоверился, что она жива-

здорова. И тут же звонивший выложил: уже все продумано, жить она будет в коттедже у Барри Слейда, пусть работает там. Пусть видится с друзьями, со мной, но никуда не уезжать. За ней будут следить круглые сутки. Телефон прослушивается. Хоть словечко об истинном положении дел — и ей конец. Нигде не скрыться. Полиции не защитить ее. И человек назвался. Назвал тех, кого он представляет.

— И кто же это?

— С год назад до меня дошли кое-какие слухи. Я тогда занимался уголовным делом одного синдиката и был уверен, что у меня есть надежные улики против подсудимого, обвинявшегося в убийстве и соучастии в банде. Ко мне явился адвокат обвиняемого со своей версией. Он настаивал, что клиент его невиновен, и назвал мне имя настоящего преступника. Существует организация, сказал он, чей бизнес — убийства и преступления. За деньги. Не мафия, нет. Они не представляют никакой страны, секты или политики. Просто за деньги убивают. Вам надо убрать израильского дипломата? Посылают двух японцев. Желаете, чтобы похитили ребенка у миллионера и затребовали выкуп? На задание бросят гангстера, которого нет в картотеке местной полиции, из дальнего штата. Любое преступление за кругленькую сумму. Адвокат перечислил мне преступления, совершенные той организацией по всему миру. Ни одно так и не раскрыто. Я не поверил. Кстати, дело свое я проиграл: неожиданно вынырнул неизвестный по делу и сознался в убийстве. На официальном обеде я упомянул о байках адвоката, считая все выдумками, и мою речь опубликовали. — Стронг глубоко вздохнул. — Звонивший напомнил мне о ней. Организация, заверил он, существует. Через час Корал будет дома, а завтра ей придется поехать к Слейду. Если же она не...

— Слейд помогает им?

— Его тоже взяли в клещи. Ему не издать больше ни одного популярного автора, откажись он. Среди его прислуги поставят своего человека, малейший намек которого — и с Корал кончено. Он будет созваниваться со мной. И уже звонил.

— И все это ради того, чтобы вытащить Томпсона Клингера?

— Именно. — Стронг нетерпеливо потянулся за новым бокалом. — Некто — или целая группа — держит, можно сказать, агентство по убийствам. Разыщите оскорбителей Элли, они не приведут вас ни к Клингеру, ни к Клауду. Пу-

скай полиция арестует обгоревшего этого, стража Корал, тоже проку не будет. Приставят другого, и все тут.

— Нет никаких догадок, где гнездится это «агентство»? — осведомился Питер.

— Да где угодно! — пожал плечами Стронг. — Здесь, в Нью-Йорке, или в Лондоне. А может, в Берлине, Риме, Каире или в Токио. Где угодно. — Он жадно глотнул виски. — Крупные корпорации — многонациональные конгломераты типа Клаудовой, и даже правительства имели в прошлом свои отряды. И всегда висела опасность, что какое-то убийство приведет к ним. Теперь же это агентство по убийствам. Люди Клауда звонят, договариваются о цене — и ни малейшего риска. Никакой ниточки к клиенту.

Питера пробрал холодок.

— Эффективно и безлично, — заметил он. — И однако у меня есть фото моего загорелого знакомого. А Элли знает серого толстяка. И Девери помнит вашингтонского шпиона.

— Ну и что! Запомните, Питер, то что я рассказал вам, нельзя использовать. Арестуете парня в Дарьене — я отпрусь. Ни в чем не признается и Барри. Ставка — жизнь Корал. Садовник же выложит вполне правдоподобную сказочку, как ему подвернулась работа. Ничего в случае ареста не добьется и от следивших за Девери и Элли. Трогать они никого не трогали. И попробуйте докажите, что они вели слежку. Нет, арестовывать их — пустая затея.

— Так что же делать?

Стронг хватил кулаком по столику, бокалы зазвенели. Игроки в триктрак обернулись на них.

— Выход один — отвязаться. Подчиниться их приказу. Только это оставляет Корал хоть какой-то шанс. Таков единственный выход, если вам небезразлична судьба Элли Уилсон и Корал.

Питер нахмурился.

— А Корал, по-моему, настроена боевито. Не стала бы она отвечать на мои вопросы, если б сдалась. Не догадываетесь, почему?

— Она отчаянная, женушка моя.

— Предположим, — покачал головой Питер, — мы отступили, и Клингер торжествует победу. Как же обернется все для Элли и Корал, по-вашему? Их отпустят? Но если их освободить, они много чего порасскажут. История выплывает наружу, и Клингер снова в опасности. Пусть их и отпустят, но будут держать под прицелом до конца

жизни. Даже, подозреваю, никто не собирается их выпускать. Обе взрывоопасны.

— Боже! — прошептал Стронг.

— Корал утонет — ей вздумается поплавать при свете звезд в бассейне Слейда. Элли попадает под машину на тихой улочке в Филадельфии. Несчастные случаи. Две трагедии, в которых нет виноватых. Так что видите, куда ни кинь, всюду клин.

— Так что же?

— И «садовник» и «хвосты» — пешки в игре. Надо выйти на короля. Он, как вы говорите, может быть здесь, или в Лондоне, или в Берлине, в Каире, в Токио. А добраться до него поскорее.

— Ни малейшего шанса! Ни малейшего! Не успеть!

— Но выбора нет, — твердо сказал Питер.

Лейтенант Грэгори Максвил из манхеттенского уголовного отдела принадлежал к новому поколению полицейских: учился в колледже, теоретически подкован, да еще с дипломом юриста. Питеру пришлось встречаться с этим энергичным, решительным парнем при расследовании убийств, о которых он давал очерки в «Ньюсвью», и они подружились. Грэг Максвил был высококвалифицированный детектив, да и город знал как свои пять пальцев — высшее общество, политиков, влиятельных деятелей. Если требовалось разведать, что творится за широкой городской событий, можно смело обращаться к Максвилу.

Питер позвонил Грэгу из «Плейрс» и, к счастью, застал дома. Как только Стронг ушел, Питер отправился к Максвилу. Тот тепло встретил приятеля.

— Давненько не виделись, — заметил Максвил, приглашая располагаться в кресле. — Когда из Греции?

— Вчера.

— Выпьешь?

— Виски, если найдется.

— «Джек Даниэл», насколько помню.

— Память — позавидуешь.

Максвил исчез в кухоньке и вскоре появился с бокалами.

— Чувствует мое сердце, визит не просто дружеский. — Он уселся напротив Питера.

— И то правда.

— Ну-ка дай подумать. «Ньюсвью» я почитываю. Ага,

ясно. Ты хочешь выудить, что у меня есть на Лестера Стронга и почему он тянет с обвинением Клингеру.

— Промалхнулся,— ответил Питер.— Причину я уже знаю.

— Недурно, если б и меня просветил, потому что я не знаю.

— Ладно. Узнаешь и поймешь: об этом не следует распространяться.

Максвил сидел не шевелясь, щуя глаза на сигаретный дым, внимательно слушая Питера, пока тот рассказывал всю историю. Когда Питер договорил, Грэг закурил новую сигарету и отхлебнул виски.

— Как считаешь, рассказы Стронга про «агентство убийств» — фантазии? — поинтересовался Питер.

— Да нет. К сожалению, не фантазии. Мы с этим столкнулись в деле Чендлера. «Всемогущие убийцы» — называют они себя.

— Может, так, слухи.

— Но слухи-то держатся. И упорно. Впервые у «Интерпола» зародились подозрения, когда мы охотились за убийцей чиновника из Камбоджи в аппарате ООН. И потом мы наткнулись на них еще не раз.

— Выходы к ним?

— Никаких. Но я понемножку заполняю пустоты. «Агентство по убийствам», выразился Стронг? По-моему, метко.

— Так поставь себя на мое место! — воскликнул Питер.— Как действовать?

— Что бы ты ни предпринял, ты здорово рискуешь. Правильно, гоняться за пешками смысла нет. Но ударить тебе надо точно в центр паутины. И без проволочек. Иначе исход будет один — смерть обеих женщин. И тебя прикончат заодно.

— Но не шелохни я пальцем — беды все равно не миновать. Да и не в моем характере покойненько посиживать да поглядывать. Но, Грэг, чтобы атаковать, мне позарез нужна помощь. Толчок в нужном направлении. Не представляю, с чего начинать.

Максвил встал, взял бокалы и пошел на кухню.

— Начнешь тыкаться вслепую, попадешься в первую же ловушку, и кончен бал! — кинул он через плечо.

— Так что, по-твоему? Бросить?

Максвил вернулся с виски.

— Придумываю аргументы в пользу отступления.— Легкая улыбка тронула губы.— И сам знаю, что толку

от них чуть, а предупредить все-таки надо. Сиди смирно, глядишь, чудо какое, хоть одна, а то и обе выкарабкаются. Оступить на волосок — и конец обоим.

— Чудеса нынче не в цене, — отозвался Питер. — Обоих используют, а там убьют. Слишком многому Элли и Корал свидетели. — Питер опустил бокал. — Подтолкни же меня, Грэг.

Максвил помолчал.

— Последние три года «Интерпол» из сил выбивается, только бы выследить мерзавцев, — сказал он наконец. — Безуспешно. Очень уж преступники искусны. Мы тоже мельтешимся, чуть завидим проблеск этого «агентства». Никакого проку. Не знаю, куда тебя направить, Питер. Покажи-ка фото обгорелого «садовника».

— Типажный злодей, — заметил Питер, протягивая карточку.

— Нет, незнаком, — нахмурился Максвил. — Оставлю у себя, попрошу, пусть пороются в картотеке. Твоя единственная зацепка.

— То есть совсем ничего.

— Чтобы тебе лишний раз не высовываться, позволю сам своему приятелю из «Интерпола» в Париж. Скажу, опять наткнулся на прежнюю банду. Авось отыщется какая ниточка. У них наверняка накопилась по мелочам информация.

— Спасибо.

— Разница во времени пять часов, — взглянул на часы Максвил, — попробую звякну часа в четыре утра. А ты марш домой — и спать. — Максвил обнял Питера за плечи. — Официально пока мало чем могу помочь тебе. Вся прелесть моей работы — мы убийства раскрываем только после того, как их совершат. Медали на грудь — а людей-то уже не воскресить. Черт возьми! Но если понадобится — звони, помогу неофициально.

— Ниточку бы от «Интерпола»! — сказал Питер.

Но особых надежд на это Питер не возлагал. К себе домой, на Ирвинг-плейс, он добрался на такси. Грэг прав, выспаться необходимо. Голова как ватой набита. Ночью выспаться не удалось из-за Элли. Нет ясности и четкости в мыслях. Может, он все-таки ошибается? Может, в интересах Элли и Корал бросить все? «Отвязаться». Слишком уж много у противника живой силы и техники. Он один. На его стороне только «Ньюсвью» да Максвил — и то лишь как друг, а не как полицейский. Один против организации мирового масштаба, которая ни во что не ставит ни закон,

ни этику. Агентство наемных убийц всех национальностей и рас, готовое разить в любую секунду, в любом месте.

Тело ныло, когда он расплатился с такси и вошел в дом. Квартира была на первом этаже, позади дома симпатичный садик. Он открыл дверь и щелкнул выключателем.

Гостиная у него длинная и узкая, в дальнем конце — камин. Направо от камина дверь в кухню.

Неожиданно Питер как споткнулся.

В кухне горел свет. Питер его не включал. Когда уходил утром, было уже светло.

В центре дверного проема болталась пара ног. Башмаки высоко над полом.

Пересилив себя, Питер вошел в кухню. Ноги пришлось отодвинуть.

— Господи! — вырвалось у него.

На веревке, привязанной к трубе отопления, висел Джордж Уилсон: нелепо вывернута на сторону голова, сизый язык высунут, глаза навывкате. Кидаться обрезать веревку ни к чему: Джордж уже давно умер.

ЧАСТЬ II

Глава I

По квартире Питера сновали полицейские — уголовный розыск. Чуть опомнившись, он позвонил Максвилу. Питер ни на секунду не усомнился: Джорджа убили. Но уверенность держалась на интуиции, и только сейчас Максвил подтвердил: да, убийство.

— Ни на стул, ни на табуретку он не вставал, — рассуждал Максвил, сейчас собранный и деловитый, — их тут просто нет. А если, предположим, он забрался на кухонный стол и прыгнул оттуда, то разбил бы вдребезги дверцу буфета. С пола же до трубы не достать. Да и с кухонного стола туда, где привязана веревка, не дотянуться... Веревка? Бельевая? Ты что, Питер, устраиваешь постирушки дома?

— Нет. И бельевых веревок у меня нет. Ее принес Джордж. Или кто-то еще.

Они устроились в гостиной. В кухне полицейский снимал отпечатки пальцев. Питер набрал номер Девери. Звонил ли Джордж из Филадельфии? А Элли? Есть ли известия от нее? Девери, расстроенный, ответил: нет, не звонил никто. Сам он уже едет к Питеру. Но почему же Джордж вернулся в Нью-Йорк? Зачем, вернувшись, вдруг явился к Питеру?

Питер проверил в справочной телефонной службе. Нет, ему никто не звонил. Дозвониться до него Джордж не пытался.

Медицинский эксперт не сумел точно установить причину смерти. Смерть Джорджа последовала от удушения, здесь сомнений нет. Но причины удушения? Результат повешения? Или, может, Джордж — предположение Максвила — уже был мертвый, когда его повесили? До вскрытия сказать наверняка нельзя.

Тело Джорджа Уилсона увезли к патологоанатомам.

Один из людей Максвила доложил, что в саду обнаружены следы ног, сравнительно недавние, может, Питера или его друзей, заходивших к нему сегодня, вчера? Позавчера шел дождь.

— Больше месяца я провел в Европе, — возразил Питер. — Вернулся только вчера. И в сад не выходил. Гостей у меня тоже не было. Если там свежие следы...

Максвил приказал сфотографировать следы и снять слепки, где возможно. В квартиру могли проникнуть только через сад: вторых ключей от квартиры нет ни у кого, а парадная дверь в целости. Питер не помнил, запирали ли французские окна, выходящие в сад.

— Предположим, Уилсон вернулся из Филадельфии, сам, добровольно, — Максвил щелчком отправил окуроч в камин. — Тогда одно из двух: либо он бросил поиски жены, либо отыскивал какую-то ниточку, что-то новенькое, и ему потребовалась помощь.

— Но он же мог позвонить, — недоумевал Питер. — Зачем ехать в такую даль, терять время?

— Не смог поймать тебя. И не дозвонился до Девери.

— Если что срочное, Девери непременно разыщут. Он как врач. В редакции всегда известно, где он.

— И все-таки Уилсон приехал. Или его привезли, — Максвил закурил новую сигарету. — Вот-вот явится по молодости прыткий помощник прокурора. Он только и надеется, что тут самоубийство. На его уголовном отделе и так висит с избытком. Он выдвигает свою версию: жену Джорджа изнасиловали и похитили. Джордж надломился и кидается за утешением к другу. Но не застает дома. Тогда, совсем ошалев, он повесился.

— А бельевую веревку прихватил с собой? Так, на всякий случай. Неужели ты сам этому веришь?

— Нет. Но не забудь, мы не можем раскрыть помощнику прокурора все, что известно нам. Это погубит и Элли и Корал. Мне кажется, пусть юнец считает это самоубийством.

Пока. Пусть те, кто приволок сюда Джорджа и повесил, успокоятся немножко.

— Зачем им Джорджа-то потребовалось убивать?

— Очевидно, он вышел на след жены, а оттуда недалеко и до них,— Максвил угрюмо улыбнулся.— А если Джордж сумел разыскать что-то, так сильно их напугавшее, стало быть, и мы сумеем.

— Что ж, встать посреди Филадельфии и ждать, пока осенит? — съязвил Питер.

Максвил сердито прищурился.

— В Филадельфии мне помогут. Попробуем установить, что предпринимал там Уилсон. Но смерть произошла на моем участке. Убийство Уилсона — это уж моя загадка. Я мог ничего и не знать ни про миссис Уилсон, ни про Корал Трейн, ни про Стронга. Тут уже не дело Клингера, тут убийство и розыск преступников — мой прямой долг. Делай как знаешь, можешь отвязаться, но подлеецов, которые совершили убийство, я разыщу. Непременно.

— А тебе не показалось, Грэг, что Джорджа привезли сюда и повесили у меня на кухне с определенной целью? Новое предостережение?

— Показалось. Его свободно могли прикончить и в Филадельфии, и по дороге в Нью-Йорк. Запихнуть тело в канаву или в подворотню — и с концами. Однако его везут сюда. Подкрепляют свой приказ отвязаться. Но в игру вступили ребята из уголовного розыска. В «агентстве» знали, что этим кончится. Самый последний тупица полицейский не купится на такую симуляцию самоубийства, поразмыслив хоть минуту.

— А почему, как считаешь? Если Джордж наткнулся на что-то, ему могли заткнуть рот, и не разыгрывая столь замысловатый спектакль.

— Ну это задачка для детского сада,— ответил Максвил, все еще сердитый и злой.— Полиция кинется искать: убили журналиста. Искать убийцу ринутся все. И ваш журнал, и другие. Некрасиво убивать журналистов. Поднимутся крики о возмездии, но «агентство» уверено в своей неуловимости. А тебя уже дважды предостерегли: отвязись от Клингера, если дорожишь Элли и Корал. Тебе наглядно показали, что, если придется, они не остановятся ни перед чем.

К ним шел, расталкивая полицейских, Девери. Бледный и разъяренный.

— Его убили здесь, в квартире Питера? — спросил он.

— Проверим следы в саду, тогда станет ясно. Может,

он вошел сам. А может, затащили силком,— сказал Максвил.

— Зачем вообще понадобилось волочить его сюда от самой Филадельфии? — недоумевал Девери.

— Это по-вашему,— возразил Максвил.— Но разве мы знаем, как все произошло?

— Но помчался в Филадельфию, едва узнав, что Элли пропала,— объяснил Девери.

— Опять же вы не знаете наверняка, уехал он или нет,— резко возразил Максвил.

Брови Девери взлетели.

— Но он же побежал на трехчасовой!

— Неизвестно, успел на него или нет. Точно неизвестно, уезжал ли он из Нью-Йорка.

— Наш человек сообщил из Филадельфии: Элли исчезла,— сказал Девери.— Джордж пулей вылетел из комнаты, обещал позвонить нашему сотруднику, как только приедет.

— И что же, звонил?

— Я как-то и не сомневался. Позвонить можно?

— Пожалуйста. Телефон уже проверили на отпечатки.

Девери набрал номер. Филадельфийский филиал «Ньюс-вью», догадался Питер. Вечером редакция, конечно, закрыта. В отличие от нью-йоркской: та работает сутки напролет. Но служба справок там, похоже, есть, и Девери узнал телефон нужного сотрудника — Янсена. Еще поворот диска, Янсен оказался дома. Нет, Джордж ему не звонил, и вообще не звонил в редакцию, насколько Янсону известно. Новостей от Элли нет.

— Он обязательно позвонил бы в редакцию.— Девери положил трубку.

— А я так спорить готов, что он и не уезжал никуда,— заметил Максвил.— За вами за всеми следили. За вами в Вашингтоне. За Питером после звонка Элли. За Элли с момента насилия и до той минуты, как она исчезла. Конечно, и Стронги под присмотром. Вас всех накрыли одной сетью. Возможно, Джорджа схватили, едва успел он из редакции выйти. Вряд ли ему удалось добраться до Пенсильванского вокзала, а уж тем более до Филадельфии. Его схватили, убили и втащили сюда. Или втащили и тут прикончили. Это уж мне разбираться.

— Значит, приметесь ловить их, а как же Элли и Корал? — спросил Девери.

— Не расследование, а погоня за призраками,— сказал Максвил.— Но судьба женщин зависит от действий «Ньюс-вью».

— Оставь мы Клингера в покое, их все равно убьют. Только позже, — угрюмо заметил Девери. — Пойдем в атаку, и их убьют сейчас.

— У нас нет выбора, — сказал вполголоса Питер. — Мы атакуем. Это наш единственный шанс.

— Для меня они всего лишь имена, — заметил Максвил. — Для вас — друзья.

— Мы не знаем, где Элли, как ей помочь, — сказал Девери. — Предположим, выкрадем мы Корал Трейн и запрем в редакционном сейфе. В отместку убьют Элли. И Стронга могут убить. Любой наш шаг — и кому-то не миновать смерти.

Челюсти Питера словно окаменели, даже слова и те выговаривались с трудом.

— Выход должен быть, — произнес он. — Нас обскакали, но неужели они хитрее нас?

— А что, у тебя есть план? — поинтересовался Максвил.

— Выспаться надо, а там посмотрим.

Наконец Питер остался один. Максвил ушел, забот ему предстояло без счета: изучить протокол медицинской экспертизы, результаты снятия отпечатков пальцев, следов в саду. Девери собрался в редакцию, проверить еще раз все связанное с делом Клингера — его друзей, семью, деловых партнеров, хобби, связи с Бракстоном Клаудом. Все это, конечно, собрано служащими Стронга, но быстро их сведения не раздобыть: надо пускать в ход хитрости и уловки, обходить препоны и заслоны. Ладно, информация Джейка и журнальные вырезки о Клингере тоже сгодятся.

— Ключ ко всему — Клингер! — заявил Питер. — Это его так рьяно защищают, значит, их слабое звено он.

— Ты поспи, — посоветовал Девери. — Часов в девять позвонишь.

Но попробуй засни. Питер знал, что ему не сомкнуть глаз, пока он не выстроит хоть вчерне план действий. Он намешал себе коктейль и устроился в любимом мягком кресле в гостиной. Негнущимися от напряжения пальцами Питер набил черную вересковую трубку. Коктейль, раскуривание трубки, успокаивающий аромат терпкого сирийского табака расслабили нервы. Ну-ка поднатужься, приятель.

Невозможно изгнать из воображения лица двух женщин, которых он любил — Элли и Корал. Элли, над которой безжалостно надругались, ее потемневшие от пережитого оскорбления глаза. Она, конечно, в руках врагов. Будь она на свободе, непременно позвонила бы. Корал одна

в сказочном коттедже Барри Слейда. Пленница без цепей. Ей грозит смерть, если ее муж выполнит свой долг. И часы, такая, приближают время вынесения приговора по делу Клингера. А может, дело прекратят, если Стронг заявит, что оснований предъявить обвинение нет.

Какую выбрать контратаку? Как закрутить гайки на «агентстве убийств», чтобы отвязались они? У них численный перевес, никакой этики и покров тайны, который не сумели разорвать лучшие полицейские страны. Стоит только «Ньюсвью» обнародовать, что на Стронга давят, и мгновенно последует ответный удар: убийство Элли или Корал, если не обеих. Безликий, безымянный наемный убийца из отдаленного штата, не зарегистрированный в полиции, напугает Фрэнка Девери, что в «Ньюсвью» перестарались.

В памяти Питера всплыла круглая ухмыляющаяся физиономия Томпсона Клингера. И вспомнилась нелепая детская песенка:

Жил да был на свете кривой,
Он пошел по дорожке кривой...

Томми Клингер давно пустился в путешествие по кривой дорожке ради империи Клауда. Где-то в пути он набрел на опасную зону. Проследить бы петли кривой дорожки и определить опасную зону, тогда, может, и сыщется правда, страшная для Бракстона Клауда и наемных убийц «агентства». Шантажировать шантажистов. «Ньюсвью» и его сотрудники известны врагу, малейшее их движение стережет невидимое око, каждый шаг угроза для них самих.

Едва хлебнув, Питер оставил стакан. Трубка у него затухла. А в одиночку? Если уйти в подполье? Ускользнуть из-под их наблюдения? Вдруг удастся выйти на след?

Питер потянулся к телефону на боковом столике и набрал личный номер Девери.

— Отрабатываем Клингера, — сообщил Девери, когда Питер назвался. — У Джейка много чего набралось из его личной жизни.

— Хорошо. Теперь послушай, Фрэнк, и не кричи, дай до конца сказать. Наш журнал печатается завтра. Тисни в номер маленькое интригующее сообщение.

— Какое это?

— О моем увольнении.

— Ну, Питер...

— Слушай, Фрэнк, я только что вернулся из Греции. Там война. Вот я и ухожу из «Ньюсвью» — писать книгу о положении на Кипре. «Ньюсвью» выражает сожаление.

Хочешь, дай краткий очерк моей журналистской деятельности. Но должно быть совершенно ясно, что я не имею больше никакого отношения к «Ньюсвью». Я уволился, я пишу книгу.

— И не подумаю, пока...

— Тисни, тисни. В девять утра все объясню. И еще, Фрэнк...

— Ну?..

— Попроси какую-нибудь нашу блондиночку купить тебе флакончик краски для волос.

— Какого черта?..

— Не хочу покупать сам — увидят.

— Что за чушь! — взорвался Фрэнк. — Что ты, черт возьми, задумал?

— Выполни все, Фрэнк. Утром объясню.

— Нет, сейчас! — потребовал Девери.

Питер улыбнулся про себя.

— Отправляюсь, Фрэнк, прогуляться по кривой дорожке. Пока, в девять увидимся!

Через несколько минут, поставив будильник на восемь, Питер заснул.

Девери, небритый, с красными глазами, уставился на Питера. Джейк Джекобс, пепельница у его локтя была забита окурками, пристроился за столиком с пишущей машинкой. За дымчатыми стеклами свержвозбужденно поблескивали его глаза. Он, похоже, догадался, что задумал Питер.

— Сообщение в журнале даст мне время все приготовить, — развивал свой план Питер.

— И?.. — без энтузиазма поинтересовался Девери.

— И я уйду. Глубоко в подполье. Материала хватит, есть от чего оттолкнуться, — он указал на папку с бумагами на столике Джейка.

— А смысл?

— Мы пересеклись с гангстерами, для них закон — так, потеха. Я как сотрудник «Ньюсвью» вынужден играть по правилам. И это тормоз, да еще какой. Вот заявление об увольнении на всякий пожарный. — Он достал из кармана конверт и положил перед Девери. — Подонков побеждают их же методами. Закон не закон, двигай напролом.

— И попадешь в тюрьму или убьют, — сказал Девери.

— А можно еще спокойно посиживать, а потом пустить

слезу на похоронах Элли. Риск мой, Фрэнк. И я рискну, по вкусу тебе или нет.

Девери, любивший Питера, медленно покачал головой.

— Спятил, совсем спятил.

— Итак, перейдем к Томми Клингеру, — сказал Питер.

Джейк основательно перелопатил жизнь президента «Синего неба».

— Начать с компании, — приступил он. — «Синее небо» — компьютерная служба. Самая совершенная в стране. Ну, к примеру, «Ньюсвью» дает репортаж о новой знаменитости. Требуется месяц, чтобы собрать нужный материал. «Синее небо», нажав кнопку, выдаст вам его за тридцать секунд — во всех подробностях: образование, деловые связи, все — вплоть до бородавки на шее. Хотите знать о его предприятии? Извольте. Тридцать секунд — и вы знаете, сколько стоит его компания, размеры ее фонда, ее масштабы, ее долги и доходы.

— Ну а если у них нет человека или компании, которая интересует клиента? — осведомился Питер.

— Тысяча против одного, что есть. «Синее небо» существует пятнадцать лет. У них огромный штат, который занимается сбором сведений о людях и фирмах. У них даже есть информация о промышленных процессах, химических формулах. Чего только у них нет! Громадная энциклопедия жизни Соединенных Штатов. Да вдобавок деятели и фирмы зарубежных стран, хоть как-то связанные с американскими. Требуется тебе информация, платишь кругленькую сумму — и получай. Ты воображаешь, наше правительство располагает секретной информацией о гражданах? По сравнению с «Синим небом» это крохи.

— А кто же клиенты?

— Крупные корпорации и компании страны. Большинство платит за информацию вполне официальную.

— Официальную?

— Например, ты намечаешь кого-то на руководящую должность. «Синее небо» дает тебе обычные сведения о его прежней службе. Они нажимают, ну, скажем, синюю кнопку. Но, — улыбка Джейка стала язвительной, — если ты готов заплатить побольше, нажимают уже красную кнопку, и ты узнаешь, с кем он спит, и вообще все, что скрывают от чужих глаз. Короче, Питер, плати по прейскуранту — и приобретешь богатую информацию. Шантажируй себе на здоровье человека как тебе вздумается. И пожалуй что только из-за цены — очень уж высока! — клиенты в основном из мира политики. Президент, и вниз по служеб-

ной лестнице — сенаторы, конгрессмены, губернаторы, Пентагон, чиновники. Тебе понадобилась помощь в мире юриспруденции, или контракты, или правительственные дотации? Шагай в «Синее небо», плати за красную кнопку, и тебе выдадут тепленьким требуемого человека. Сам понимаешь, краснокнопочная информация хранится за семью печатями. Не сунешься. Дело против Клингера связано с информацией, которую использовали, чтобы притормозить введение закона, означающего крах для большого нефтяного синдиката в Венесуэле. Как-то все просочилось. Может, Клингер сболтнул лишнее, перепив мартини. Но как бы там ни было, под угрозой оказалось все краснокнопочное отделение «Синего неба». А значит, и Бракстон, владелец компании. Осуждение Клингера и компании — конец этого компьютерного заведения, произойдет грандиознейший скандал в нашей политической истории и истории корпораций. Речь идет о компьютерной грязи чуть ли не на миллиард долларов.

— Да, по крупной ведут игру, — заметил Девери.

Джейк заулыбался еще шире.

— Иной раз прямо удивление берет, как эти пареньки там, на самой верхушке, на мешках с деньгами, ухитряются оттяпывать этикие кусищи. Ну Клауд получил все через «Синее небо». Волей-неволей вспомнишь телевизионные дешевки: «Как вы думаете, каким образом такой человек, как я, стал таким, каков я есть?» Томми Клингер вывеска для Клауда. Положение в обществе, элегантная и богатая жена топчется как раз с теми, кого «Синее небо» не прочь присоединить к своей красной кнопке. Умом Томми не блещет. Возможно, вообще не участвует в делах компании. Знает многое, однако из него ничего не вытянешь: не болтать хватает ума. Понимает — опасно.

— А чего не кончат с ним, вместо того чтобы грозить Стронгу и «Ньюсвью»?

— Хм, исчезни он или кончи самоубийством, или с ним произойдет несчастный случай — начнутся толки, расспросы. Их самая верная ставка — его судят и выносят оправдание. Но оправдать Клингера должны во что бы то ни стало.

— Так нажми свою красную кнопку и расскажи о Клингере, — попросил Питер.

— О тайнах его, что ли? — засмеялся Джейк. — Заурядная грязь заурядной личности. Самое приятное время для нашего Томми — лето. На лето его жена — урожденная Флоренс Тейлор — уезжает в Ист-Хэмптон, на дачу. Томми

ездит туда только на уик-энды. А будни проводит с любовью. Некой Мэри Льюис. Ее он содержит в шикарной квартире на 63-й; Клингеры живут на Парк-авеню. Но летом он пропадает у Льюис. У него имеется телефонная служба, и, если звонит жена, ему перезванивают в другую квартиру. Верь не верь, больше на него ничего нет. Такой уж он простак. — Джейк протянул Питеру листок бумаги. — Его распорядок дня. В десять — работа; спортклуб в двенадцать. Там он каждый день играет в бадминтон. После сауны и массажа пьет martini. Столько, что набирает опять все, что сбросил. Завтракает или в клубе, или в каком шикарном ресторане. В «21» или «У Уилларда Бэкъярда». Кайфует до трех, до полчетвертого. Потом идет в контору. Так, показаться. К пяти они уже у Мэри Льюис. Обед им готовит прислуга-француженка, зовут ее Ивонна Шартье. Для француженки видеть такое сожительство — вопроса нету. Они редко куда выходят. На публике Томми не рискует показываться со своей Мэри. Летом выезжают на машине за город. Ночи Томми проводит у Мэри, а утром является в контору. В десять.

— Вот уж ей осточертел наверняка. Разве что любовник необыкновенный, — заметил Питер.

— Хоть на деньги не скупится. Ну а зимой Томми затевает настоящий маскарад. Ночи он с Мэри проводить не может — Флоренс в городе, и его любовные игры ограничиваются двумя часами — с четырех до шести. К семи надо домой, одеваться к обеду или в театр. Но он выдумал фокус, не поверишь! Существует некий Эрик Траск. Известен как биржевой маклер. Парень не промах. У Томми что-то есть на Эрика. Или он ему хорошо платит. И Эрик этот водит Мэри на обеды, куда приглашены Томми и Флоренс, в театр, когда на спектакль идут Томми и Флоренс, на приемы к Томми и Флоренс. Мэри и Эрик для Флоренс приятная, веселая пара. Флоренс частенько приглашает Мэри на вечеринки, когда собираются только женщины. Ей очень нравится любовница ее мужа, хотя она не знает, что Мэри его любовница.

— Мне что, пожалуй Флоренс?

— У Флоренс, похоже, нелегкие проблемы, — сказал Джейк. — Сдается мне, Флоренс по-своему нравится проводить лето вдаль от Томми. В Ист-Хэмптоне ей и так не скучно. Сюжет для французского фарса.

— Сюжет для красной кнопки, — возразил Девери.

— На этом листке у меня все нужные телефоны и адреса. Есть у них в штате один работник. Вряд ли ты о нем

слышал — Карл Баннерман, гений компьютера. Истинный мозг «Синего неба». — Джейк вытащил из папки фотографию и протянул Питеру. Четкий снимок рослого нескладного мужчины. Симпатичный урод. Линкольнширец. На высокий лоб падает прядь светлых песочно-желтых волос. Теплая, чуть мечтательная улыбка. — Заведует программированием. Читает газеты, журналы, биржевые отчеты, политические новости и поток сообщений от информационного отдела «Синего неба». Все годное закладывается в компьютер. Подозреваю, Питер, ты уже давным-давно в машине памяти. И вы, мистер Девери, а может, и я. И Джордж Уилсон. Да все мало-мальски заметные сотрудники «Ньюс-вью». Стронг уж точно там, и Корал Трейн, и Грейвз — все, имеющие отношение к делу. Самое любопытное в Баннермане — несметное количество информации в собственной памяти. Трудно даже вообразить! Думаю, и стратегию «Синего неба» определяет он. По-моему, нанять «агентство по убийствам», чтобы прижать Стронга, — его идея.

— Выходит, они, нажав красную кнопку, не извлекали ничего для шантажа Стронга. Честный человек, — сделал вывод Питер.

Джейк кивнул.

— И приходится заключить, что про судью Элсворта много чего всплыло. — Он закурил очередную сигарету. — Вот тебе, Питер, и задачка. Любая слабинка, каждая зацепка уже взяты на заметку, сохраняются «Синим небом».

— Тебе дозволят метаться по кругу вволю. И тебе не победить. Все твои наивные героические порывы напрасны, — заключил Девери.

— Стронг сдался не потому, что угрожали ему! — Щека у Питера дернулась. — Корал — причина его отступления. Мое предложение: использовать те же методы против Клингера, или Баннермана, или Клауда!

— Нашел, чем их пугать! — пожал плечами Джейк. — В них же нет ничего человеческого. Им хоть мать родную на кусочки режь, лишь бы ни на волос не поступиться своей властью!

— Достал краску? — повернулся Питер к Девери.

— Да, чтоб ее черти взяли! — Девери дернул ящик стола и вытащил маленький сверток. — Ты всерьез полагаешь, что сумеешь скрыться, перекрасившись в блондина?

— Это так, для начала. Теперь послушай, Фрэнк. Не разыскивайте меня. И я не буду звонить... пока уж совсем не припечет. Ни телефонам, ни секретаршам доверять нельзя.

— Вовсе не обязательно звонить наобум, — вставил Джейк. Он скосился сквозь дымчатые очки и клубы сигаретного дыма на Питера. — На Третьей авеню есть маленькая забегаловка, называется «У Салливана». Я там каждый вечер. — Джейк ухмыльнулся. — Мне туда часто звонят — с информацией. Если меня позовут там к телефону, никто и бровью не поведет. Давай, например, договоримся, с одиннадцати до половины двенадцатого каждый вечер. С чего ты начнешь?

— С краски для волос.

Глава 2

Выйдя из редакции, Питер ощутил странное одиночество. Он порвал все связи, хоть как-то защищавшие его. Изменив внешность, он затеряется в новом и чужом мире. Строить планы легко, не то что осуществлять их.

Не сделал он и трех шагов, как какое-то недавно обретенное чувство, внутренний радар, подсказало ему, что за ним следят. Два дня назад, идя к Вордвелам, он ничего не заметил. Не заметил и когда ходил в «Плейрс» на встречу со Стронгом. И сегодня утром по пути в редакцию. На этот раз он настороже, а преследователь чуть-чуть поспешил. Прохожий, ничем не примечательный, замахал такси чуть энергичнее, чем требовалось, забрался в машину, и та почти тут же притормозила у обочины.

Первый порыв Питера был ускользнуть, но он смекнул: уж если «Синее небо» за него взялось, квартира под наблюдением. Убежит он от этого, тут же подцепят на Ирвинг-плейс. А идти домой надо, так что устраивать сцену исчезновения нет сейчас никакого смысла.

Он подозвал такси, дал адрес «Плейрс», и оказалось, инстинкт его не обманул: за машиной неотступно скользила другая, до самого Грэмерси-парка. Он вылез и зашел в клуб, получил там по чеку и, переговорив с администратором, выписал второй чек на пятьсот долларов.

— Пойдете сегодня в банк, Клиффорд, будьте добры, получите по этому чеку. Мелкими банкнотами — по двадцать, десять, пять долларов. Деньги положите себе в сейф. Для мистера Пола Смита. Он мой друг, обещал приехать вскоре. Меня в городе не будет, а наличные ему нужны.

— Он спросит меня, мистер Стайлз?

— Возможно, если придет сюда. Или позвонит и попросит прислать деньги.

— А как я узнаю, что звонит он?

— Да ведь только мы и знаем, что деньги у вас.

Питер учитывал, что, если «Синее небо» примется после исчезновения разыскивать его, под наблюдение возьмут все: его банк, клуб, редакцию. И если ему понадобятся деньги, получить по чеку станет проблемой.

На улице, напротив его окон, какой-то парень читал газету, прислонясь к фонарному столбу. Питер вошел к себе. Ну и кавардак, сразу видно, полицейские побывали. Завтра миссис Шварц, жена смотрителя дома, придет и наведет порядок. Не забыть оставить записочку ей — и любому, кто вздумает сунуться сюда, что он ненадолго уезжает. Когда «хвост» обнаружит, что потерял Питера, то, конечно, примутся разнюхивать. Заметка, что он уехал писать книгу, появится в «Ньюсью» только в четверг, через два дня.

Он открыл флакончик с краской, заглянул в инструкцию: мелкие буквы заплясали перед глазами, так у него тряслись руки. Взгляд невольно остановился на кухонном проеме. Вчера ночью там болтались ноги Джорджа. А где-то Элли, больная, жестоко избитая, а может, и мертвая. На очереди Корал. Питера бил гнев. Много лет назад он видел, как его отец сгорел заживо в разбитом автомобиле — жертва бессмысленного зверского преступления. Тогда ему вот так же страстно хотелось одного — отомстить. При Девери и Джейке он напускал хладнокровие, но сейчас, оставшись один, уже не мог унять лихорадку, его цель — заставить преступников страдать за то, что пережила Элли, что пережил Джордж, что переживает в сказочном домике Корал. Необходимо добраться до подлеца, который нанял «агентство» и блокировал действия Стронга и «Ньюсью». Настигнуть главаря.

Зазвонил телефон. Грэг Максвил:

— Имеется кое-что новенькое. Возможно, тебя заинтересует...

— Мне интересно все связанное с Клаудом, — перебил Питер.

— Что с тобой, дружище?

— Ничего. А что?

— Голос у тебя диковатый. Один? Или кто выкручивает тебе руку?

— Нет. — Питер глубоко вздохнул, от гнева у него даже голос сел.

— Итак, — продолжал Максвил, — перейдем к фактам.

Следы в твоём саду — Джорджа Уилсона. Он пришел то ли добровольно, то ли под пистолетом. Его задушили: на шее следы больших пальцев. Убили его у тебя на квартире и потом уже повесили. Мертвого. Всякие версии насчет самоубийства отпадают.

— Ну что же, дело в хороших руках — твоих. — Питер старался говорить небрежно. — А я выхожу из игры. Двину куда-нибудь, надо писать книгу.

— Шутишь ты, что ли!

— И не думаю. Я уволился из «Ньюсвью». Поработаю для разнообразия на себя. У меня есть богатый материал для книги о Кипре.

— Ох и врешь! — чуть ли не весело воскликнул Максвил.

— Но, Грэг, я же все-таки писатель, а не детектив.

— Чтобы ты удрал при такой ситуации? Одного твоего друга убили, а двое других вот-вот сорвутся со скалы? Не пудри мне мозги, Питер. Желаете совет от дядюшки Грэга?

— Не нуждаюсь.

— Ладно, все равно слушай. В одиночку их не одолеть. Без информации и помощи увязнешь наглухо. Их много, они слишком сильны. И вездесущи.

Да, с Максвилем играть в прятки бесполезно.

— Но зато я смогу действовать без оглядки на закон, — заспорил Питер.

— А у них тоже есть закон. Закон джунглей, закон выживания сильнейших. Известны тебе, Питер, эти законы?

— Я служил когда-то в Южной Корее. Известны. И я сумею выжить.

— Ну, ну, нацепи на шляпу ветку для камуфляжа. Только не надейся, что поможет. Питер Стайлз знаменит как голливудская звезда.

— Питер Стайлз отключается. На войну пойдет Пол Смит.

— Ну и ладно. Я тебя слишком хорошо знаю, спорить без толку. Могу только подсказать тебе кое-что.

— Ну?..

— Я разговаривал с моим другом из «Интерпола». Там убеждены, что штаб-квартира «агентства» здесь, в Нью-Йорке. Но если требуются исполнители, их нанимают за тысячу миль. Не зарегистрированных ни в картотеке ФБР, ни в полицейских участках. Например, твой загорелый друг из Дарьена не фигурирует ни в одной картотеке.

— Итак, для начала нуль.

— Не совсем. В «Интерполе» считают, что имеется деятель, которому есть что поведать об «агентстве убийства». Он, по мнению «Интерпола», прибегает к их услугам.

— Кто же он?

— Карл Баннерман. Главный распорядитель «Синего неба».

— Есть и у меня в списке,— отозвался Питер.— Теперь номером первым.

— И еще, дружище. Потребуется морская пехота, вспомни мой телефон. Возьму денек отгула, коли понадобится расширенное толкование закона.

— Спасибо, Грэг.

— И все-таки ты ненормальный,— закончил Мак-свил.— Но я тебя все равно люблю.

План очень даже хорош, уговаривал себя Питер, начиная превращение в пепельного блондина. Питер Стайлз исчезнет, потайные ходы врага отправится разведывать Пол Смит. Первая помеха — соглядатай, подпирающий фонарный столб напротив. Проскользнуть мимо — и Стайлз-репортер испарится. Вот только надо для упрощения маневра дожидаться темноты.

Приготовления его были просты, но продуманны. Наденет темно-синий шерстяной костюм, черную водолазку. Прихватит еще костюм, башмаки и синие джинсы, голубую простую рубашку и кожаную куртку, на случай, если придется изображать рабочего. И свой пистолет 38-го калибра. На оружие разрешение у него есть. Портативный магнитофон — в карман куртки. Вещи сюда, в черный чемоданчик, лежащий пока на кровати раскрытым, на случай, если вдруг в последнюю минуту надумаешь положить что еще.

Несколько раз Питер наведывался в ванную, проверить, как высветляются волосы. Удивительно, до чего сразу меняется внешность. Когда стали густеть вечерние тени, он поджарил гренок с сыром и сварил кофе. Потом разделся: надо принять душ. Присев на край кровати, отцепил устройство, которое пристегивал на правую ногу — алюминиевый протез. Когда-то процедура казалась ему унижительной. За долгие годы он приучился вообще не думать о протезе. Пользовался машинально.

Горячие струи нещадно, долго хлестали тело; чуть отпустили гнев и напряжение. Наконец, Питер вылез из-под душа и яростно растерся махровым полотенцем. Взглянул в зеркало: волосы высветлились великолепно.

Допрыгав до двери, Питер вмиг замер, схватившись за дверной косяк: в спальне стояли трое. Натянутые на голову чулки превращали лица в гротескные маски. Один рылся в чемодане, и Питер увидел, что пистолет и магнитофон уже вытащили. Двое повернулись к нему — безликие.

— Красавчик на загляденье! — бросил один.

— Немудрено, что Максвил так его любит, — прибавил другой.

Питер похолодел. Он стоял перед ними голый и беспомощный. Ну и рястапа он! Чертов дилетант! Ему и в голову не пришло, что его телефон прослушивается, но шуточка насчет Максвила не позволяла в том усомниться. Его план, весь, целиком, стал известен. С ним покончат и в другом смысле. Джорджа повесили. А его? Стоявший у чемодана сунул пистолет Питера в карман, магнитофон грохнул об пол и раздавил ногой, потом обратился к Питеру бежевое лицо.

— Да, приятель, умником большим тебя не назовешь. — Говорил он с легким акцентом, но Питер не смог разобрать, с каким. Исполнителей «агентство» вызывает издали, вспомнилось Питеру. — Придется поучить тебя, чтоб ты запомнил раз и навсегда. В детские игрушки с профессионалами не играют. Предупреждали же, кажется, — отвяжитесь. Не послушались, сами виноваты и тебе придется худо, и твоим подружкам, а уж Уилсону, бедолаге, и совсем не повезло. Придется втолковать тебе, да подходчивее, — на наши предупреждения не плюют!

Путей к спасению нет. Позади Питера тупик — ванная. Все трое медленно наступали на него. У одного, как заметил Питер, в правой руке поблескивает кастет. Питер попытался защититься от удара железного кулака и, потеряв равновесие, свалился на кафельный пол ванной. Вихрем налетела боль, но через секунду-другую Питер, к счастью, потерял сознание под яростными ударами ботинок и тычками железного кулака и уже не чувствовал ничего. Перед глазами поплыла красноватая тьма, и он провалился в небытие.

В ушах гудело. Питер попробовал шевельнуться и закричал от боли. Свет везде выключен, кругом темно. В квартире мертвая тишина. Он ооченел от холода на кафельном полу. Все тело до последней клеточки болит. Застонав, перевернулся на живот. Опершись ладонями об пол, привстал на колени. Нашупав раковину и держаась за нее, встал на ногу. Включив свет, он уставился на серое лицо в зеркале. Послед-

нее, что ему запомнилось перед тем, как его смел вихрь ударов: он прикрывает голову руками. На лице синяков нет, но оно искажено от боли.

Питер дернулся, его вырвало.

Он спустил воду, прыгнул к двери в спальню — и опять упал. Боль жгла нестерпимо. Постанывая, пополз к кровати. В ладонь что-то вонзилось: осколок разбитого магнитофона. Подобравшись к ночному столику, Питер потянулся к выключателю и огляделся, ища протез. Эти подлецы унесли его! Душили слезы ярости и бессилия. Кое-как вскарабкавшись на кровать, он лег, тяжело отдуваясь. Дрожа от холода, прикрылся одеялом и, дотянувшись до телефона, набрал номер лейтенанта Максвила. Тот ответил сразу же.

— Питер говорит. Мне... мне нужна твоя помощь, Грэг.

— Само собой. Что случилось?

— Мой телефон подключен, — сказал Питер. — Весь наш последний разговор слышали. Давно мы с тобой разговаривали, Грэг?

— Что с тобой? Полтора часа назад.

Питер знал, что пробыл без сознания долго.

— Меня захватили врасплох, когда я из душа выходил. Трое гангстеров, на лицах чулки. На мне места живого нет!

— Еду! — бросил Максвил, голос его стал жестким.

— Грэг! Лезь через забор. Эти сволочи уволокли мою ногу. Не сумею открыть тебе — до двери не добраться.

— Ну мерзавцы!

Питер лежал на спине, плавая в море боли, его колотило даже под одеялом. Ясно, не от холода — летний вечер был теплый. Его трясло потому, что каждый нерв протестовал против зверского избиения.

Показалось, прошла вечность, когда наконец открылось французское окно, и Питера окликнул Максвил. Лейтенант вошел в спальню, и Питер увидел — сразу полегчало, — что тот несет протез.

— Кинули в сад, — сообщил Максвил. — Обезоружили тебя, побоялись, вздумаешь еще за ними гнаться.

Питер через силу сел. Максвил присвистнул:

— Чем это они тебя так, дружище? Железными прутьями, что ли?

— Кастетами.

С протезом Питеру стало чуть легче. Он встал, постанывая, и проковылял к шкафу, ухитрился натянуть брюки и накинул теплый халат.

— Выпить бы.

Он направился в кухню, на полпути передумал, почувствовал, как его поддержала сильная рука Максвила, и дотасился до кресла. Максвил без слов исчез в кухне и вернулся с бутылкой «Джека Даниэла» и двумя стаканами. Питер жадно выпил, ощущая, как растекается по телу тепло.

— Ну, рассказывай,— бесстрастным профессиональным тоном велел Максвил. Он чуть улыбнулся.— Слышал, люди седеют за одну ночь, но с тобой что?

— Мой блестящий план маскировки,— горько вздохнул Питер.

— Почему ты решил, что телефон подслушивают?

Питер объяснил: шуточка насчет привязанности Максвила. Пока он рассказывал, Грэг копался в аппарате.

— Хитроумный приборчик,— заметил он.— Наверное, такой же и в спальне.

— Мы раскрыли им все,— сетовал Питер.— Баннермана, конечно, уже предупредили. Весь мой план!

— Стало быть, надо придумать другой! Для начала неплохо бы сходить к врачу. Неизвестно еще, что у тебя внутри повреждено.

— Все в норме. Болит, но в общем порядок.

— Не будь дураком.

Питер не отреагировал.

— И пистолет стащили. Мне нужен другой.

— Зачем?

— Можешь быть уверен, Грэг, без штанов меня больше уже не застукают. Пусть-ка сунутся еще раз, им это не сойдет с рук.

— Откроешь пальбу — и Элли или Корал несдобровать.

— Тебе доводилось испытывать такое, Грэг: тебя избивают нещадно, а ты беспомощен? Абсолютно беспомощен!

— Не доводилось.

— Ну так тебе не понять, отчего мне до зарезу охота сквитаться!

— А ты в состоянии уразуметь, что и числом и силой они превосходят тебя? Черт подери, Питер! Да ты счастливчик, что вообще в живых остался!

— И это их первая ошибка. Они не убили меня. Где же все-таки раздобыть пистолет? И сегодня же вечером!

Улизнуть оказалось просто — друг помог. Максвил подошел к надзирателю Питера, несшему вахту у фонарного столба, и арестовал его, предъявив обвинение в бродяжни-

честве, а потом доставил в полицейский участок. Через несколько минут выскользнул из парадной двери Питер, одетый в темно-синий костюм, черную водолазку и прикрывший светлые волосы черной шляпой. В чемодане у него лежал запасной костюм. И у него был пистолет.

Споря и протестуя, Максвил все-таки согласился на первый шаг нового плана. В сущности, он стал соучастником предумышленного преступления. Даже пистолет, который Питер заткнул за пояс, специальный полицейский пистолет, принадлежал Максвилу.

Максвил, отменный профессионал, был реалистом. Он знал Питера. Знал, что нет способа остановить друга, переубедить его, разве что засадить под каким-нибудь предлогом в тюрьму. Но очень скоро его освободят адвокаты «Нью-свью». Максвил был тоже настроен воинственно, и ему также не терпелось добраться до «агентства», до убийц Джорджа, оскорбителей Элли, тюремщиков Корал. Что ж, если Питера нельзя остановить, надо его использовать. Пусть себе ведет игру на свой лад, отвлекает внимание «агентства», и тогда Максвилу, может быть, удастся, двигаясь за ним, захватить противника врасплох.

— Но я не желаю знать твои планы,— предупредил Максвил,— иначе я становлюсь твоим соучастником.

— Мне от тебя ничего не надо: только пистолет.

— Если потребуется, проси помощи, чертяка!

— Если успею.

— Так поспеши! И не рвись только мстить. Попробуй перехитрить их.

Было два часа ночи. Сонный механик гаража вывел Питеру его «ягуар», и через несколько минут тот уже мчался в Дарьен. Ночью, подумал Питер, дорогу до Слейда одолеть можно часа за полтора. Значит, приедет он около четырех утра. В запасе еще два часа до рассвета. Времени хватит.

Питер еще не совсем очухался, мысли плавали как в тумане, когда он свернул на Коннектикутскую автостраду. Досталось ему вволю, сплошные встряски, тут свихнется и самый хладнокровный человек. Избитое тело посылало адреналин в кровь, когда Питер мчался в темноте на опасной скорости, стиснув зубы. В луче света ему виделось лицо Элли, отчаяние и безысходность в ее глазах, слышался ужас в ее голосе; свисающие ноги повешенного Джорджа; три бежевых нейлоновых лица и дикое, беспощадное избиение.

Шины «ягуара» взвизгнули, когда он срезал поворот, и Питер понял, что надо срочно брать себя в руки, не то

разобьешься, ничего не успеешь. Надо сбавить скорость, иначе арестует первый же служака-полицейский. Сняв с руля руку, Питер размял ее, потом — другую. В руль он прежде вцепился с такой силой, что занемели пальцы.

В три часа ночи в Дарьене, конечно, пусто. Он проехал по боковой дорожке, шагов за триста до каменных ворот затормозил и выключил фары. Нашарив в чемоданчике лейкопластырь, Питер сунул его в карман. Выбравшись из машины, постоял с минуту — выжидал, пока отойдут затекшие ноги.

Бледная луна уже начала прятаться, но света еще хватало, он мог оглядеться, пробираясь через придорожный лесок. Двигался он очень медленно, сторожко, чтоб не треснула ветка, не хрустнул в темноте случайный сучок. Без конца останавливался, прислушиваясь, чувства были обострены до предела. Тишь мертвая, но вдруг резко вскрикнула ночная птица, да так близко, что от неожиданности он чуть оземь не грохнулся.

Наконец он подобрался к какому-то пригорку: с него уже видно крышу сказочного домика Корал. Он лег плашмя и некоторое время лежал, притаив дыхание, наблюдая. Где-то поблизости или загорелый садовник, или его напарник. Вряд ли бродит вокруг дома. В такой-то час. Корал пленница, в общем, добровольная. Она спит, а охранник устроился где-нибудь неподалеку от парадной двери. Питер выжидал, глаза у него слезились от напряженного взглядывания. Встрепенулся: вот он, признак жизни, — крошечная точка света, то вспыхивающая, то гаснущая. Это страж закурил сигарету, сидя именно там, где Питер и предполагал: у палисадника, напротив парадной двери коттеджа.

Питер поднялся и снова пустился в путь. Придется обогнуть дом. Подъездная дорожка просматривается с того места, где расположился страж. Когда тот затягивался поглубже, загоралась красная точка. Опять мучительно медленное бесшумное продвижение. Питеру понадобилось добрых двадцать минут, чтобы обойти сторожа сзади. Дюйм за дюймом он приближался. За несколько шагов он различил, что охранник сидит на раскладном стуле. Оставалось пройти всего ничего, когда под ногой у Питера треснула ветка. Охранник обернулся, увидел силуэт, вскочил и рванулся к кобуре. Рукояткой своего пистолета Питер стукнул его по лбу — точно в переносицу. Раздался тошнотворный хрустящий звук. Охранник свалился. И остался лежать лицом к бледному небу. Питер разглядел, что это не загорелый. Он вытащил лейкопластырь, оторвал кусок и заклеил

охраннику рот. Перевернув на живот, обмотал ему лодыжки и, заведя руки за спину, склеил запястья.

Он медленно, осторожно попробовал дверную ручку. Заперто. Но Питеру были знакомы деревенские привычки. Двери — и парадные и черного хода — запирают, но десять против одного — никто и не подумает запереть окна. Окна в комнате Корал наверняка не заперты.

Он обошел коттедж и увидел, что они, как он и предполагал, открыты, только жалюзи опущены. Подойдя поближе, Питер заглянул. Темные волосы Корал разметались по подушке, лежит она спиной к нему, одну руку закинув за голову, дышит ровно.

Питер осмотрел жалюзи и вздохнул с облегчением: задвижки прикреплены с внешней стороны. Он отодвинул их и попытался поднять жалюзи: не вышло. Достав ключ от автомобиля, он ухитрился поддеть из-под низу. Сработало: чуть скрипнув, жалюзи под напором поднялись. Корал не шевельнулась.

Осторожно подтянувшись, Питер перебрался через подоконник. Быстро подойдя к кровати, оперся о край коленом и зажал Корал рот.

Та проснулась и тотчас принялась вырываться. Борьба была короткой: в свете луны она узнала Питера. Он приложил палец к губам, призывая к молчанию. Корал замерла. Питер прилег рядом, совсем близко, его губы у самого ее уха.

— Ни звука, куколка, — шептал он. — Вставай, одевайся — и пойдем. Никаких вопросов, пока не выйдем. Тише. Мышкой.

Та кивнула опять.

Он встал. Корал откинула одеяло и вылезла из постели, обнаженная. Он вспомнил, что она всегда спала раздетая. Не стесняясь его, она пошла через комнату, не требуя никаких объяснений. Умница, подумал он. Через несколько минут Корал в синем легком платье уже стояла рядом, в глазах ее было удивление. Он указал на открытое окно и пошел вперед. Опять выбрался в ночь. Она послушно следовала за ним. Питер, взяв ее за руку, быстро повел в лес. Теперь они не в комнате, говорить не страшно.

— Объяснения потом. Уйдем подальше, — бросил он. Ее рука, теплая и доверчивая, лежала в его ладони.

— А охранник? — спросила она.

— Выведен из строя. Когда приходит сменщик?

— Часов в семь утра.

Они вышли на шоссе всего в нескольких шагах от

«ягуара», забрались в машину и с места взяли большую скорость.

Корал откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза на минуту.

— Питер, Питер, Питер! — шепнула она.

Питер взглянул на нее и опять перевел взгляд на дорогу.

— Длинная история, — отозвался он. — Потерпишь, пока выберемся?

— Конечно. Я же пошла с тобой, правда?

Скорее подальше от Дарьена. Кто-то может приметить и запомнить белый «ягуар». Около автострады он увидел телефонную будку. Оставив Корал в «ягуаре», Питер вышел позвонить. Отозвался сонный мужской голос.

— Бен? Это Питер Стайлз.

— Надо же?!

— Бен, слушай, дело очень срочное. Со мной женщина, ее требуется упрятать подальше, с глаз долой.

— Ах ты шалун! — захохотал Бен.

— Бен, да тут совсем не то! За ней следят, и надо найти местечко поукромнее.

— Вот мне везуха, если она вдобавок страшенная как черт!

— Твоя воля отказаться. Не буду скрывать: можно и обжечься. Но, Бен, мне нужна помощь. Я возле Дарьена, в Коннектикуте. Отсюда до Брустера миль шестьдесят, езды час с лишним.

— Меньше вроде бы. Приезжай. Сварю вам кофе, и выпить найдется.

— Спасибо.

Питер вернулся в машину.

— Едем к моему другу. Бен Мартин, художник по рекламе. У него старая ферма и мастерская в Брустере, отсюда миль шестьдесят. Отвезу тебя к нему.

— Ну, Питер, мне больше не вмоготу! Выкладывай побыстрее, как и что.

И он рассказал ей об Элли и Джордже Уилсонах, о своей встрече с ее мужем в «Плейрс» и как его избили вечером.

— И угрозы, угрозы! Их могут ведь осуществить, — закончил Питер. — Ты была пленницей по доброй воле, поскольку Лестер боялся, что тебя убьют, послушайся он их приказа. Следующий раз убьют и меня, если не отвяжусь. Без тебя их власть чуть-чуть уменьшится.

— Но как же Лестер?

— Его круглые сутки караулят полицейские.

— Он знает, что меня увез ты?

— Нет.

— Но мы ему позвоним, когда приедем к твоему другу?

— Нет.

— Питер, — ее голубые глаза раскрылись, — нельзя же так! Он с ума сойдет!

— Узнай он, где ты, из него выудят это.

— Ни за что!

— Заставят. Пригрозят, что убьют тебя, как только появишься — и все.

— О боже, Питер!

Чуть сбавив скорость, он оглянулся на нее.

— Еще слово — и я доставлю тебя обратно. Но как-то сомневаюсь, Корал, чтобы тебя оставили надолго в живых. Сейчас ты им полезна. Ты жива, и они заставляют Лестера плясать под свою дудку. Но как только будет кончено дело Клингера... Слишком ты много знаешь, видела слишком много лиц. Твой единственный шанс — и мой тоже — разбить их, прежде чем они кинутся подчищать следы.

— Но, Питер, держать Лестера в неведении бесчеловечно.

— Хочешь жить, а?

— Разве нет!..

Небо на востоке уже краснело, когда они затормозили перед домом Бена Мартина. Молодой художник, тощий, долговязый, в джинсах и голубой рубашке, показался, когда они выходили из машины. Мартин взглянул на Корал и улыбнулся.

— А я ошибся. Она вовсе не страшила.

— Благодарю вас, сэр, — улыбнулась Корал.

— Корал Трейн, Бен Мартин, — познакомил их Питер.

— Неужто автор всех этих зажигательных сексуальных романов! — воскликнул Мартин.

— Не пойму, это что, комплимент?

— В дом! Живее! — строго приказал Питер.

Дом Бена Мартина стоял на отшибе, но как знать, случайный охотник или рыболов могут и углядеть Корал, проходя ближней тропкой. Малейший намек — и «агентство» найдет ее.

Их ждали вино и кофе. Была также ветчина, вермонтский сыр, хлеб и масло. Питер почувствовал, что дико проголодался. Жуя хлеб с сыром, он рассказал все Бену. Давний друг, ему можно доверять. Карие глаза Бена загорелись.

— Ух ты, настоящий детектив! — ахнул он, когда выслушал Питера.

— Вот именно, настоящий. И опасность тоже не сочиненная,— охладил его Питер.— У тебя есть выбор, Бен.

— Не понял?

— Ты можешь — что разумно — отказаться. Одно твоё слово, и я увезу Корал. Мы поймем. Или ты вступаешь в игру и прячешь ее у себя. За нами не следили, за это поручусь. Типам из «агентства» пока невдомек, что ее увезли.

— Но кто ее умыкнул, они узнают?

— Их умственные способности, к сожалению, мне известны,— сказал Питер.— Охранник, которого я уложил... Он видел меня секунду, но мог и узнать. Но узнал или нет, охотиться за мной все равно будут.

Бен взглянул на Корал и улыбнулся:

— Я — за вас.

— Ни единая душа не должна видеть Корал,— велел Питер.— Ни посыльные, ни соседи, никто.

— Да ведь тут не знают, кто я!

— В компьютерах «Синего неба» есть мое имя,— возразил Питер.— Там, конечно, обо мне все сведения: дата и место рождения, школа, личная жизнь, военная служба, моя работа писательская и репортерская. Имеются и сведения о моих знакомых, о близких друзьях. Очень возможно, Бен, и ты в этом списке. В конце концов тебя вынюхают. И к тебе придут. Забредет прохожий спросить дорогу. Или в лесу заблудится турист. Нет, Корал не должны видеть. Если ее увидят, одна надежда на бога.

— Ясенько! — отозвался Бен. Он уже не улыбался.

— Понимаю, что у тебя душа не на месте,— Питер тронул Корал за руку.— Жалко мужа. Начнутся угрызения и терзания, и ты не выдержишь. Нельзя его мучить, решишь ты, надо сообщить, что ты в безопасности. Позвонишь — считай, что подписала себе смертный приговор. И не только себе. И мне. И Бену. Пока там неизвестно, где ты, меня не пристрелят, через меня их единственный путь к тебе.

— Обещаю...— Корал сжала руку Питера.

— И еще. Что бы ни случилось, какая бы ни возникла неотложность — не звоните мне. Мой телефон прослушивается. Я сам буду звонить. Раз в день. Не могу сказать точно, когда именно, но если не объявлюсь через полсуток, значит, влип в передрагу.

— И тогда?...— осведомился Бен.

— Вот вам телефон. Грэгори Максвил. Он из манхеттенского уголовного розыска. Мой друг. Ему я скажу, где ты, Корал. Он сделает что нужно, ежели ситуация обострится.

— Хоть какая-то подмога,— заметил Бен.

— Но,— продолжал Питер,— если позвонят и назовутся Максвиллом,— не верьте, пока не скажут, что звонят от Джорджа Уилсона.

— Но Уилсон убит! — воскликнул Бен.

— Это пароль. «Агентство» знает, что Максвилл мой друг. Его именем могут воспользоваться. Если не упомянут Джорджа — это звонит не Максвилл, а, значит, в «агентстве» всплыл ты, Бен.

— Они что, такие смекалистые? — засомневался Бен.

— Прямо до смерти,— подтвердил Питер.

Глава 3

Максвилл кончал завтракать, когда в дверь позвонил Питер. Белый «ягуар» Питер оставил в гараже в Бронксе, слишком уж машина броская, и приехал на такси. Пусть план уйти в подполье провалился из-за подслушанного телефонного разговора, все равно хотелось на время освободиться от слежки.

Налив Питеру кофе, Максвилл ждал: с чем тот пришел. Выслушав рассказ о ночной операции с Корал, полюбопытствовал:

— И что это тебе дает?

— Покамест Корал в безопасности. Почти наверняка они бросятся ее разыскивать,— сказал Питер.— Розыски отвлекут часть их сил.

— А тебе пришлют правое ухо Элли Уилсон. В напоминание, что козыри все равно у них полностью на руках.

— Если произойдет такое, мое существование на этой земле в качестве цивилизованного индивидуума кончено,— жестко сказал Питер.— Начну действовать по принципу «око за око»!

— Ну и дурачина,— заметил Максвилл.

— Клауд, Клингер и Баннерман, да вся их шайка посиживают в шикарных кабинетах и только приказывают — преступления совершают другие. Мы играем по правилам, тщимся обвинить их на законных основаниях, вот откуда разрыв в наших шансах. Остается одно, Грэг,— играть на их манер.

— Вот только армии гангстеров у тебя нет.

— Если уж на то пошло, сам гангстером стану. Можно позвонить?

— Ради бога.

Питер позвонил к себе в справочную службу. За последний час звонили несколько раз — все Лестер Стронг. Ход событий ясен: Стронгу сообщили об исчезновении жены. Угрожали опять. Пусть Корал немедленно вернется, иначе смерть. То ли «агентство», то ли сам Стронг догадался, что в бегстве замешан Питер.

— Для Стронга,— сказал Питер справочной,— я не показывался, не звонил. То же отвечайте всем.— Он положил трубку и вернулся к кофе.

— А ты сурово со Стронгом.

— Чересчур уж он уязвим, на все готов ради Корал. Узнает, где она и его заставят расколоться.

— И что теперь? — поинтересовался Максвил.

— Так глупо, ко мне прилип старый детский стишок: «Жил да был человек кривой, он пошел по дорожке кривой». Это про Клингера. Все события закручиваются вокруг него. Где-то на кривой дорожке, которой он шагает, споткнулся он о бугорок, и теперь готовы разить беспощадно, лишь бы скрыть этот бугорок. Попробую, Грэг, обследовать эту дорожку.

Максвил подошел к столу, достал из ящика ключ.

— Поживи здесь, пока тебя не подцепили, твою квартиру-то, конечно, караулят. Возьми, что требуется из одежды и вообще что надо.

— Спасибо, Грэг.

— Такой уж я идиот, подыгрываю тебе.— Лицо у Максвила стало строгим.— Но мне не меньше твоего охота разворошить их гнездо.— Он указал на утреннюю газету.— Напечатали об убийстве Уилсона. Убийство не самоубийство. У нас уже телефон оборвали. Звонят из газет, с радио. Нет журналиста, который не искал бы разгадку.

— Но ее не найти. Не стало бы «агентство» действовать в открытую без уверенности, что сработало чисто.

— Не знаю, Питер, не знаю — покачал головой Максвил.— Есть прореха и в их действиях.

— Интересно, какая?

— Ну это, в общем, ясно. Для чистого убийства они годятся на сто процентов. Но в данном случае их подрядили для игры другого рода — угрожать. Об убийстве речь не шла. Однако загоны наемных убийц в угол, и те реагируют автоматически. Убивают. Каким-то образом Уилсон припер их. И мгновенно: убийство; все интересующие нас лица — Клингер, судья, Баннерман, а может, и Уинстон Грейвз — могут теперь попасть в соучастники. Сумей доказать их связь с «агентством убийства» — и они у нас в руках. Вот

твоя задача, Питер. Мне по закону полагается искать преступников, исполнителей. Твоя цель — соучастники. Иди же и поймай их, если сумеешь.

На дверной табличке: «Эрик Траск». Питер нажал звонок. Минуты две спустя дверь открыл красивый парень очень хрупкого сложения. Прямо на голое тело накинута шелковый пестрый халат. Босиком.

— Я Питер Стайлз. Разреши войти?

— Журналист из «Ньюсвью»?

— Он самый. — Питер легонько толкнул дверь и вошел. Не квартира, а музей современного искусства. Сверхмодная мебель, коллекция каких-то, похоже восточных, фигурок. На стенах японские гравюры.

— Но, послушайте, Питер, — запротестовал Траск, — я уже и так опаздываю на работу.

— А если я скажу, что ты можешь помешать убийству? Рискнешь опоздать?

— Ну-у, миленький!

У Питера не было предрассудков, но ему пришлось на ходу перестраивать тактику беседы с Траском. Он ожидал встретить грубого стража бульдожьего типа.

— Кофе? — предложил Траск.

— Спасибо. Выпил уже чашек шесть. Мне нужно поговорить с тобой, Эрик.

— Ну присаживайся, — махнул на кресло Эрик и сам устроился на диване, покрытом лиловым атласным покрывалом, закинув ногу за ногу. — И все-таки, Питер, ты не туда попал. Какое убийство? При чем тут я?

— Сам, может, и ни при чем, — согласился Питер. — Зато тебе есть что рассказать о нужных мне людях. Утренние газеты читал?

— Так, финансовую страницу глянул. Вчера акции Доу Джонса упали на три пункта в среднем. Биржа в наши дни головоломка. Мистика. Еще спасибо, я пускаю в ход чужие деньги, не свои кровные.

— На первой странице сообщение об убийстве. Убили Джорджа Уилсона. У меня на квартире. — Он снял темные очки и протер их.

— Как печально! — пропел Эрик. — Но опять же при чем здесь я? Я никакого Джорджа Уилсона знать не знаю. Тебе вот, конечно, неприятность. А как его убили?

— Задушили. И повесили на трубе центрального отопления в кухне. Ты, может, и не знаешь — ты же читаешь

только финансовую страницу, но «Ньюсвью» регулярно дает сообщения о предстоящем суде над Томпсоном Клингером. Джордж наш репортер, он поставлял информацию. Мы считаем, он наткнулся на факт, опасный для Клингера.

Чуть-чуть правды тут было.

По тонкому красивому лицу Эрика пробежала тень.

— То есть ты намекаешь, что твоего друга прикончили по приказу Томми?

— Ну, если не сам Клингер, то кто-то, кого тревожит исход дела Клингера, позаботился, чтобы Уилсона убрали.

— Но, Питер, я-то тут каким боком?

— Мэри Льюис,— обронил Питер.

— Нет, Питер, про Мэри мне не пристало сплетничать.

— Ладно, Эрик, поговорим по-другому. Нам известны все обстоятельства. Ты для жены Клингера изображаешь поклонника Мэри. Знаем, Клингер щедро оплачивает твои услуги. Где-то в тайниках его жизни есть нужные нам сведения. Можно их раздобыть без шума. Но ведь можно подать всю историю с треском: Мэри Льюис — любовница Клингера! Траск — платный ухажер! Ширма для Клингера! Шантаж или деньги? Мы раздуваем скандал — и победа наша.

— И выгонят меня с работы к богу в рай,— опечалился Эрик.

— Ага, на самое синее небо,— пошутил Питер.— Но мы можем и договориться: проясни кое-что. Информацию мы не разглашаем.

Эрик — воплощение отчаяния — покачивал головой.

— Как случилось, что ты взялся за подобное поручение — служить ширмой для Клингера? — Питер снова надел темные очки.

Эрик потянулся за сигаретой на кофейном столике, уронил ее на пол, взял другую, кое-как зажег, руки у него дрожали.

— Я служу у «Носрапа и Фенимора», маклерская фирма на Стрит,— запинаясь, выдавил он.— Томми Клингер — наш клиент. Никаких особо крупных дел. Так, вложил несколько тысчонок и играет на бирже. Для забавы. Любит хвастать своей деловой сноровкой. Воображала. Дилетант. Но в общем, Клингер по-своему даже симпатичный. Смеется всегда, шутит. Я... я... проводил для него деловые операции, и он пригласил меня на обед. Почему бы и нет? Наш клиент. В тот вечер с ним пришла и Мэри.

— Пригласил тебя обедать и познакомил с любовницей? — прищурился Питер. — Не церемонился?

— Нет. Объяснил, что каждый нуждается в развлечении. Через несколько дней сказал, что они с женой устраивают званый вечер. Не приду ли я с Мэри? Причуда, конечно, и странная. Но как-никак — клиент.

— Притормози-ка на секунду, Эрик. Не к чему тратить время. Выкладывай сразу, что он предложил за услугу? Наличные?

— Нет, ну что вы! Он наш клиент, я...

— Брось, Эрик, это тянется и тянется. Разок услужить клиенту можно. Но почти два года — и просто из любезности?

— Ну... ну и он оказывал мне услуги.

— Например?

— Подсказывал, на какие акции ставить...

— Но профессионал-то ты. Он, ты же сам говорил, любитель.

— Нюх у него все-таки есть.

— Не сомневаюсь! У него достало проницательности открыть тебе, что в компьютерах «Синего неба» имеется на тебя.

У Эрика выпала сигарета, и он нагнул за ней, смахивая искры с пестрого халата.

— Пока, Эрик, я не пытаю тебя, что именно. Но что-то есть. Верно?

— Да, — тихо шепнул тот.

— Итак, два года ты служишь чем-то вроде платного партнера для Мэри?

— Да.

— Меня, Эрик, интересует эта девушка. Расскажи про нее.

Эрик раздавил сигарету в пепельнице.

— Мэри очень красива. Рыжие волосы — не крашенные, свои. Фигурка — блеск, чудо.

— А твои отношения с ней?

— Меня она на дух не выносит. Я же не для нее. — Эрик засмеялся. — Будь иначе, она бы и сошлась со мной. Томми не удовлетворяет ее запросов.

— А с тобой она откровенничает?

— Разговоров-то хватает. Стоит ей распалиться, удержу нет. Морской боцман — дитя перед ней.

— Где она познакомилась с Клингером?

— Стюардессой работала. Томми много путешествует. Где-то ее подхватил странствуя. Мэри, видно, не устояла

против соблазна: роскошная квартира, тряпки, бриллианты, деньги.

— Но она почти совсем никуда не выходит. Так его любит?

— Господи! — Эрик возвел глаза к потолку. — Любит, как же! Послушал бы! Честит его почему зря. Издевается, передразнивает. Увидел бы он хоть разок, кондрашка хватит. Бедняга на свой лад обожает девчонку.

— Как я понимаю, день у него расписан строго, — заметил Питер.

— Правильно.

— Так не подыскала ли она другого, кто ей больше по нраву?

— Если и нашла, то помалкивает. Ни намека. Не доверяет мне. Боится, сболтну ненароком.

— Но если Мэри такая красotka, как ты расписываешь, чего ж не подыщет себе другой мешок с деньгами? Чего держится за Томми? Как думаешь?

Эрик задумчиво закурил новую сигарету.

— Есть мужчины, которые добиваются своего обаянием и мужскими достоинствами, другие женщин покупают. Но есть такие, которые держат женщин их тайнами.

— Какая же здесь тайна? — спросил Питер.

— Непроглядный туман.

Питер изучал встревоженное лицо Эрика. Парень совсем сник. Открой он Питеру, что против него у Клингера, и на него насядут уже двое.

— А какие у тебя отношения с Клингером? — поинтересовался Питер. — Как он ведет себя? По-дружески? Или при случае и напомнит, кто хозяин положения?

— Ну, случая-то он не упускает. Но на людях держится ничего, любезный. Его забавляет, что жена дергается.

— Ей любовница действует на нервы?

— А иначе зачем бы Томми любовница? — изумился Эрик.

— До нас дошел слухок, будто его жене так даже удобнее.

— Секрет, известный всем ее знакомым.

— Тогда к чему так затейливо? Ширмы, прикрытия, партнеры?

— Думаешь, я сам не бился над загадкой? Сколько раз голову ломал.

— Стало быть, и разгадку нашел.

— Он — президент очень влиятельной компании «Синее небо». Всем известно, что главный держатель акций «Синего

неба» — Бракстон Клауд. Неясно одно: какой вес у Томми. Важная шишка, стержень, или всего лишь витрина для Клауда? Сам Томми изображает легкомысленного прожигателя жизни. Использует знакомства жены, чтобы тереться среди знатных и богатых. По виду делами он не перегружен, сплошные развлечения. Иногда мне кажется, и связь с Мэри — лишь маска, которую он цепляет: великосветский шалопай. Слишком уж широко она известна, и моя роль совсем не тайна. Может, мной прикрывают что посерьезнее? Меня давно сомнения берут: вдруг игра-то фальшивая, и его жена отлично осведомлена обо всем и у нее своя роль? — Эрик устало затушил сигарету. — Отчего они идут на крайние меры, защищая его? Убийство твоего друга, Питер, — не пустяк. Рискнули б они на убийство, защищая ничтожество? И шуточки его, и смех, и выпивки, и игра на бирже — это, может быть, все прикрытия влиятельной и могущественной персоны? Возникли у меня такие подозрения. Сумел же подвесить меня на веревочке. Прокурор, который не обвиняет. А ну как и его зацепили?

Питер промолчал.

— Знаешь что-нибудь о Клингере? — спросил он. — Откуда возник? С чего начал? Как стал президентом «Синего неба»?

— Так, слухи, сплетни, — пожал плечами Эрик. — Родился в Новой Англии, где точно, не знаю. Ходил в приличную среднюю школу — Эндовер, что ли. Отец — бухгалтер. Ни общественного положения, ни денег, но ухитрился-таки наскрести и послать Томми в Гарвард. В колледж бизнесменов. В Гарварде Томми познакомился с Флоренс Тейлор. Женится. Ту от денег аж распирало. Благодаря женитьбе Клингер быстро взметнулся вверх. Занимал престижные должности — банк, крупный промышленный комбинат. Биржа.

— Выходит, на бирже он не совсем уж дилетант, — вставил Питер.

— Дилетант, в смысле — вроде не соображает, какие акции подскочат, какие упадут. Но опять же это скорее его маска.

— Любопытная картинка, — Питер прищурил глаза. — Тебя служить он принудил шантажом. Ты считаешь, и Мэри «висит». В конце концов, именно таково назначение компьютеров «Синего неба» — шантаж на высшем уровне. А про обвинения против Клингера знаешь что?

— Только из газет, — ответил Эрик. — Томми про это не распространяется. Нарушение антитрестовских законов,

сговор с целью скрыть какую-то крупную сделку. Она могла повлиять на интересы национальной безопасности, как любит говорить Никсон. Все расплывчато и неопределенно.

— А заметно, что суд тревожил Клингера?

Эрик покачал головой.

— Суд он помянул только раз, совершенно не стесняясь, на своем званом обеде, я туда водил Мэри. Сказал, ничего серьезного. Мол, прокурор, рвущийся к славе, создает себе рекламу.

— Лестер Стронг?

— Да. Сказал нам, что Стронг на следующих выборах нацелился в губернаторы Нью-Йорка от республиканцев. Обвинение Стронга такое хилое, что до суда дело и не дойдет.

— Про судью Элсворта ничего не говорил?

— Обмолвился только, что на основании обвинений Стронга тот не даст ход делу. В худшем случае Томми грозит штраф, чисто символический.

— И, однако, они не останавливаются даже перед убийством.

— Не мне над этим биться. Выбраться бы живым да стряхнуть с себя Томми.

— Эрик, — Питер встал. — Зла я против тебя не держу и худого не желаю, но, коль придется, я пойду на все. Рот у Эрика пополз набок.

— Я же... я же рассказал тебе все.

— Ни слова Мэри или Клингеру, что я приходил. Вообще никому, — велел Питер. — Если услышу, что об этом прознали, сказал ты. И уж тогда я непременно раздобуду материал, что хранится у Клингера, и дам ему ход.

На лбу Эрика проступили капельки пота.

— Мне ни к чему... лишние неприятности.

— Так меня здесь не было, понял? Не то смотри, не расхлебашься, — посулил Питер.

Поплутав в путанице дворовых дорожек — ушел от Траска черным ходом, — Питер выбрался наконец на Лексингтон-авеню, кварталах в двух от дома Эрика. Он был уверен, что за ним до квартиры Траска не следили. Но, вполне вероятно, «агентство» следит за всеми имеющими касательство к делу. Тогда его могли засечь при входе к Эрику.

Из писчебумажного магазинчика Питер дозвонился по телефону-автомату до Девери и попросил позвонить в магазин.

— У меня не хватит монет рассказать подробности, Фрэнк.

Девери тут же перезвонил, и Питер посвятил его в бегство Корал.

— Считаешь, там она в безопасности? — спросил Девери.

— Пока компьютеры не выловят имя Бена Мартина, — сказал Питер, — да.

— Нужна помощь? — спросил Девери, не тратя времени на обсуждение действий Питера.

— Требуется гостевая карточка в клуб «Атлетик». Клингер ходит туда каждый день. Играет в бадминтон. Ты ведь член этого клуба?

— Через десять минут карточка будет у швейцара. — пообещал Девери. — Что еще?

— Мэри Льюис, подруга Клингера. Года два назад она служила стюардессой. На каких линиях? Есть ли какие особые обстоятельства ее ухода? Стюардессы ведь члены профсоюза. С этого и можно начать.

— Сделаем. Тебе в редакцию названивает Стронг.

— Могу себе представить. Он мне и домой раз десять звонил. Ребята, должно быть, сообщили ему, что Корал исчезла. Угрожают. Он небось извелся.

— Может, намекнешь ему?

— Не могу рисковать. Его заставят проговориться.

— Вот сцапает тебя «агентство», тоже проговоришься, — мрачно предрек Девери.

— Сначала пусть сцапают.

— На чье имя сделать гостевую карточку?

— Лучше на мое — на случай, если попросят удостоверение личности. Передай Джейку, постараюсь звякнуть сегодня.

— Питер?

— А?

— Ради бога, осторожнее!

— Спокойно, старик. Я еще не устал от жизни, как говорит Корал. Насчет Льюис перезвоню тебе. Если нет, я — в бегах.

И Питер вышел из магазинчика. Двинулся по Лексингтон-авеню, на ходу косясь на витрины. Вроде следом никого. Его еще не «повели». Подозвал такси и поехал в «Атлетик».

Удостоверившись, что «хвоста» нет, Питер прикрыл глаза. Примоститься в машине удобно никак не получалось: избили его зверски, как ни сядь, все больно. Перед глазами опять вставало мрачное зрелище — повешенный Джордж;

лицо Элли, потрясенное, перепуганное. Двое ни в чем не повинных людей жестоко поплатились только за то, что связаны с «Ньюсвью», с Питером. Виновные должны понести наказание. Человек, которого он ехал искать, — один из ответчиков. Или послужит хоть ниточкой к разматыванию клубка.

Девери не подвел. В вестибюле клуба уже ждала гостевая карточка. Питер заполнил графы: плавание, сауна и массаж, и его пропустили на верхние этажи. В раздевалке показали шкафчик, снабдили плавками и полотенцем. Он медленно разделся и вышел в зал. Прислуга и посетители с любопытством поглядывали на алюминиевую ступню и старались держаться тактично.

Поигрывая гириями. Питер выжидательно наблюдал. Наконец, появился тот, ради кого он пришел. Томпсон Клингер, в свитере, шортах и тапочках на резиновой подошве, вооруженный ракеткой, шагал к корту, махая на ходу друзьям. Рядом жилистый парень невысокого роста. Клубный тренер, догадался Питер. Когда они свернули в коридор, Питер, чуть выждав, последовал за ними. Заглядывая в окошечки в дверях залов, он наконец разыскал Клингера и поднялся на галерею над кортом.

Играл Клингер прилично, учитывая, что у него уже круглился животик. Но до противника ему было далеко. Под ударами тренера, занявшего позицию в центре, волан метался по всему корту, и следом, раскрасневшись, с высунутым языком бегал Клингер. Время от времени тренер давал Клингеру возможность отыгаться, как бы подогревая его азарт. Клингер вопил и хохотал, приходя в восторг от побед противника. Счастливый характер, жизнерадостная натура. И не подумаешь, что такой симпатяга способен на убийство.

Наконец Клингер приметил на галерее Питера. Подняв голову, усмехнулся.

— Таким манером, — выкрикнул он, — этот сукин сын гоняет меня каждый день!

Минут пятнадцать спустя Клингер, судорожно глотая воздух, навалился на веревку корта, светло-каштановые волосы слиплись от пота, руки подняты в знак поражения. Тренер открыл дверцу, и оба вышли, смеясь и пошучивая.

В раздевалку Питер вернулся как раз вовремя: Клингер ушел в парную. Сняв плавки и прихватив полотенце, Питер отправился туда же. В сауне поначалу жар охватывал невыносимо. Клингер растянулся на деревянной скамейке животом вверх. В воздухе слабо и приятно пахло эвкалипта.

липтом. Завидя Питера, Клингер поднял голову и, узнав зрителя с галереи, ухмыльнулся:

— Ах это вы! Кажется, побегаешь эдак — и весь багаж соскочит, — он похлопал себя по животу. — А он, как ни в чем не бывало, знай себе растет.

— Тренер чересчур уж хорош. Не по зубам вам.

— Да уж надеюсь! У него не то четвертый, не то пятый разряд. Гоняет великолепно. А что-то я ваше имя не припоминаю...

— Ваше, Клингер, я знаю. А меня зовут Стайлз. Питер Стайлз.

— Ох ты! — Клингер приподнялся.

— Решил встретиться с вами тут, без свидетелей и без подслушивания.

Клингер сел и отерся влажным полотенцем.

— Ну понятно, у вас своя работа. Но мой адвокат строго-настрого запретил мне говорить про суд. И уж тем более с прессой.

— Да я о своих делах, не о ваших. Уверен, мои дела вам прекрасно известны. Но если...

— Стайлз, дорогой мой, ну откуда же мне знать про ваши дела?

— Если успели прочитать газету, кое-что вам известно.

— Газету?.. А-а, так это у вас в квартире повесили человека!

— Да. Репортера. Он следил за вашим делом, Клингер. Ну вот видите, об Уилсоне вам известно. В «Ньюсвью» вами занимаются несколько репортеров, — объяснил Питер, — и кто-то, Клингер, все время нам угрожает. Два дня назад изнасиловали жену Уилсона и приказали передать боссу, редактору «Ньюсвью», отвязаться от вашего дела. Теперь ее похитили.

— Дела! — выдохнул Клингер.

— Жену прокурора тоже похитили и держали заложницей, а то Стронг слишком уж рьяно рвался обвинять вас. Зато теперь ваш адвокат легко добывается разрешения на отсрочку слушания дела.

— Нет, я своим ушам не верю! — дрожащим голосом выговорил Клингер.

— Все подтверждается фактами. И у нас есть все основания считать, что «Синее небо» подрядило некую организацию — мы ее называем «агентством убийств» — выполнять всю грязную работу, нужную, чтоб оттянуть предъявление вам обвинения. Но, Клингер, они переусердствовали. Рано или поздно, всем вам: и вам лично, и Баннер-

ману, и вашему адвокату, да и судье предъявят обвинение как соучастникам уголовного преступления. Я знаю, сейчас вы броситесь к своим друзьям трубить тревогу, известить, что мне все известно. Неважно. Они, пожалуй, даже решат, что пора кончать, и бросят вас, бой уж чересчур жаркий. Я пришел, чтобы дать вам шанс. Откажетесь — и я сам вас уничтожу.

— Но уверяю вас, я слушаю все как сказку! — воскликнул Клинггер. — Агентство какое-то! И слыхом не слыхал!

— Наверное, нет. Название придумали мы. А настоящее название вам известно?

Клинггер закрыл глаза трясущимися руками. В парной жарило неветрепех.

— Я хочу также знать, где держат Элли Уилсон, — потребовал Питер. — И знать как можно скорее. Не откроете, Клинггер, произведу над вами публичный стриптиз. Для начала ваша любовная связь: Мэри Льюис, ваши встречи с ней, открытые, на виду у жены, шантаж Эрика Траска. Я превращу вас в посмешище. Вы рады-радехоньки будете укрыться хоть куда — хоть в тюрьму отбывать наказание за нарушение священных законов бизнеса. Лишь бы не красоваться на потеху всем: мужчина, способный удовлетворять свои сексуальные запросы лишь шантажом и подкупом. Так что мой вам совет — ступайте к друзьям, ну хоть к тому же Баннерману и передайте ему: пусть отзовет своих овчарок и возвратит нам Элли в целости и сохранности, а не то им придется совершить еще одно убийство. Иначе меня не удержишь. Я расплачусь с вами той же монетой. Вам придется не слаще, чем Уилсонам. И вам покажется, что выгоднее отбыть наказание в тюрьме. Еще ведь не поздно признать себя виновным. Тогда и защищать вас не понадобится.

Клинггер был перепуган насмерть, по виду. Питер даже засомневался, вправду ли тот что-то значит в «Синем небе». Им воспользовались для прикрытия, но есть ли у Клингера власть приказывать?

— Ну почему вы мне не верите? — захныкал Клинггер. — Не знаю я, где ваша Элли Уилсон. И не слыхал даже о ней. Клянусь. И о Джордже Уилсоне не слыхал. Сегодня только в газетах прочитал.

Все может быть, подумал Питер. В технические подробности, допустим, Клингера не посвящают. Он, видимо, не из тех, кому доверяют секреты: не умеет их хранить. Раздобыли лучшего адвоката и приняли дополнительные меры для страховки, а Клинггер — ничто. Общительный, улыбки-

вый. Вешалка для дорогого костюма. Болтает с важными клиентами «Синего неба», играет с ними в бридж или гольф, угощает шикарными завтраками, шатается по элитным местам, где музыка, вино и красотки, ублажающие клиентов за большие деньги. Неужто он все-таки только вывеска? Или же блестящий актер?.. Как бы там ни было, передать поручение тем, кто управляет спектаклем, он может и должен.

— При чем тут моя личная жизнь, Стайлз? Не имеет она никакого касательства к суду. Какой вам прок разрушать мою семью? Ну да, есть у меня женщина на стороне! У вас же не бульварная газетенка! Копаться в грязном белье! Уверяю, не причастен я ни к Уилсонам, ни к миссис Стронг! И моя служба в «Синем небе» отношения к этому не имеет.

— Кого же так задевает ваша судьба, Клингер? Кто пускается во все тяжкие, оберегая вас от суда?

— И Бракстон Клауд, и Карл Баннерман хотят чтобы суд состоялся. Желают обелить мое имя и «Синее небо». Им проволочки невыгодны.

— Так кто же?

— Помилуй бог, Стайлз, да откуда мне знать? Служба у нас, сами понимаете, весьма деликатная. В наших компьютерах хранится информация о тысячах важных деятелей нашей страны и зарубежных. Скажем, кто-то боится, не выплывет ли что на суде. Но всего чуднее — у меня-то в голове нет никакой информации! Мои обязанности как президента «Синего неба» в основном — светское представительство. Какая через меня может просочиться информация? У меня ее просто нет!

— А у Баннермана?

Клингер засмеялся визгливо, истерически.

— Вот Карл — живой компьютер. Он выступит на суде свидетелем защиты. Без толку мучить меня, Стайлз. Мне и во сне не снилось, кто угрожает вам и вашим друзьям.

— Убийство, не забывайте о нем. Это уже не пустые угрозы.

— О боже! Ну что мне сказать? Какая вам корысть, если вы растрезвоните о Мэри?

— Я в любой момент могу пустить сведения в ход. Так делайте, что я вам велю, — сказал Питер. — Вы, конечно, не успею я уйти, свяжетесь с Баннерманом. Передайте ему: пусть вернет Элли Уилсон живой и невредимой. Сегодня же к вечеру, не то опубликуем все, что нам известно о вас, о Баннермане, о Клауде и об Элсворте. И каждая

газета в стране перепечатает статейку — прессе не нравится, когда убивают репортеров.

— А что вы о нас знаете? Про мой романчик — и все?

— Дагадайтесь. Я и сам не хуже компьютера. Мы уже давно собираем информацию обо всех вас.

Баннерман, пожалуй, не устрашит, ему-то известно, что можно раскопать о них и насколько компрометирует такой материал. Но из Клингера, может, что-нибудь и выжмешь? У него коленки дрожат от страха. Или Томми очень искусный лицедей.

В третьем часу Питер, приняв душ и одевшись, покинул клуб «Атлетик». Не прошел и квартала, как почувствовал: его «повели». Наверняка Клингер доложил о нем Баннерману. Питер продолжал шагать, не пытаясь отделаться от молодого парня, идущего следом; остановился дважды: раз завязал крепко завязанный шнурок, второй — поглазел на витрину аптеки. Оба раза парень замедлял шаг — сначала закурил сигарету, потом подобрал бумажку и бросил в урну.

Больше Питер не задерживался, пока не дошел до отеля «Плаза». Он вошел в вестибюль и отыскал телефон-автомат. Парень тут же очутился у киоска: покупал газету. Питер набрал номер Девери.

— Есть что полезное? — поинтересовался он.

— Так, чуть-чуть, — ответил Девери. — Мэри Льюис служила на международных линиях. Под конец летала на рейсе Нью-Йорк — Лондон.

— Ее личное дело?

— Сначала полный ажур, потом пошли темные пятна.

— Вот как?

— Перед уходом — а ушла сама, не увольняли — ее заподозрили в контрабанде наркотиков. Компания была рада обойтись без скандала. Льюис заинтересовались ребята из Федерального бюро наркотиков. Но она вовремя уволилась, улики для ареста еще не накопились. С той поры она наслаждается жизнью в роскошных апартаментах. Платит Томми Клингер. Очевидно, тут ей больше прибыли, чем от контрабанды героина.

— Или у нее не оставалось выбора.

— О чем ты?

— Я тут малость потолковал с Клингером. На финансового гения он непохож. Мазохист какой-то. Ему, например, нравится, когда из него тренер душу вытрясает. Он либо крайне слабovolен, либо блистательный актер. При-

кидывается, будто власти у него ни на волос, даже в семейной жизни, как говорит Трасс, а после встречи с Клингером мне кажется, он прав: Мэри остается с Томми не из-за любви и даже не из-за денег. Он знает, где собака зарыта.

— Наркотики?

— Похоже,— согласился Питер.— Лучше терпеть дурного любовника, чем проводить молодость в федеральной тюрьме.

— Вряд ли от нее чего добьешься,— заметил Девери.— Если уж у Клингера такая удавка, он словечка не обронит.

— Может, и так. Но, Фрэнк, смотри-ка, что нам светит: если бюро наркотиков забудет о ней, она, возможно, и рискнет поднять бурю.

— О, там о ней забыли. На свой лад. Стоит ей возникнуть, и дело снова откроют.

— Значит, у Клингера есть материал, каким не располагают в бюро. Сумей я убедить Мэри, что против нее не выдвинут обвинений...

— Постараюсь,— пообещал Девери.— Хотя тяжело. Мы ж не знаем, что у Клингера. Ну а Стронг? Может, он уговорит ее выступить свидетелем?

— И надеяться нечего. Он слепо повинуется им, пока Корал на прицеле.

— А так держать ее могут до бесконечности,— заключил Девери.— С бюро наркотиков переговорю.

— Ладно. Не знаю, когда вернусь. Меня опять «повели». Не успел выйти из клуба, как Клингер им звякнул.— Питер хмыкнул.— Первый раз довелось брать интервью в голом виде.

— Сильно сомневаюсь,— сухо бросил Девери.

— «Хвост» обрубить погожу, много времени уйдет.— Он повесил трубку и задержался в кабинке, просматривая заметки Джейка, он искал адрес Мэри. Наконец Питер пошел через вестибюль напрямик к киоску, где стерег парень в полосатом костюме. Разглядев его, Питер удивился. Совсем молодой, но таких холодных безжалостных глаз Питеру еще не доводилось встречать. Хорошо сложен, мускулист, очень светлый блондин. Если он и удивился, когда Питер заговорил с ним, то ничем этого не выдал.

— Слушай, кончай играть в кошки-мышки,— обратился к нему Питер.— Я еду в гости к Мэри Льюис. Хочешь, поедem вместе?

Мелькнула неуверенная белозубая улыбка и тотчас пропала.

— Как угодно,— ответил парень. Говорил он с акцентом, не то немецким, не то шведским, не разберешь.

— Как тебя зовут?

— Смит. А желаете — Джонс, или Браун,— отозвался парень.— На ваш вкус.

— Джонс сгодится,— сказал Питер.— Смитом я и сам зовусь при случае. Двинулись, Джонс?

Верх нелепости. Из отеля «Плаза» они вышли точно два добрых приятеля и взяли такси. Парень в полосатом костюме держался гораздо спокойнее Питера. В холодных голубых глазах мелькали насмешливые искорки.

— Вы можете и не поверить, но уже несколько лет я ваш постоянный читатель,— заявил он.

— Это что же, комплимент?

— Да. Я читал ваши статьи в немецком издании «Ньюсвью».

— Вы немец?

— Я думал, вы уже догадались. Мне так и не удалось выучиться говорить по-английски без акцента.

— А ваш наниматель тоже немец?

Быстрая мимолетная улыбка.

— Скажем так: у моего нанимателя служат немцы. Есть также финны, греки, русские, итальянцы, японцы. Он вербует работников во всех точках земного шара.

— А вы будто и не скрывали, что приставлены «хвостом».

— «Хвост» — значит преследователь? У меня указания вести слежку открыто.— Холодные голубые глаза оглядели Питера.— Надеюсь, до вас дойдет намек, мистер Стайлз. Время-то бежит.

— Объясните?

— Пусть дело Клингера идет своим чередом. Хватит вмешиваться. Вы доводите нас до крайности. Нам и самим нежелательно заходить так далеко. Хоть этот ваш Уилсон. Не было б ни убийства, ни насилия, но вы не в свои дела вмешиваетесь.

— Правда о преступлениях — мое дело,— возразил Стайлз.

— Зачем? Чтобы о ней читали за утренним кофе? Роскошь свободной страны. Вы — не полиция, мистер Стайлз. Пишете свою драгоценную правду для развлечения читателей. Они читают вашу писанину и воображают, будто их держат в курсе дела. А на самом деле ни черта не знают, потому что вы сами не имеете ни малейшего представления

о тайной подоплеке дела. Ваши попытки разнюхать уже очень дорого вам обошлись.

— Вам поручено мое идейное воспитание? — поинтересовался Питер.

— У меня приказание одно: следить за вами, — пожал плечами молодой человек. — Но вы сами запросились. Знаете, меня притягивает борьба за власть. Простите, если надоел вам, но хотите расскажу, к каким выводам я пришел?

— Если желаете.

— Исход, мистер Стайлз, не вызывает сомнений. Побеждают всегда сильнейшие. Это не футбол, где иной раз какая-то нелепая случайность — и верх одерживают слабаки. Кто-то упустил мяч, или ослушался тренера, или вдохновение какое нашло. В борьбе за власть сильная команда может допустить оплошность — хоть десяток — и все равно выиграет. Люди, сражающиеся против неодолимого, — герои. Но герои всегда проигрывают. Вы человек одаренный, мистер Стайлз. Толковый международный обозреватель. Для миллионов вы делаете жизнь богаче и занимательнее. Но сейчас вы пытаетесь противоборствовать смерчу. Он сотрет вас в порошок.

— Вы, Джонс, гангстер из необычных, — заметил Питер.

Парень улыбнулся, расстегнул пиджак:

— У меня даже оружия нет. Неумно было бы. Представляете, подходите вы к полицейскому и заявляете, что я вас преследую, а я вооружен. У вас-то на пистолет, конечно, имеется разрешение? — Он опять улыбнулся. — У меня указание — следовать за вами, чтобы вас нашли, если понадобится. И все. А все мои речи — дань вашему таланту. Мне неприятно, что вам и вашим друзьям приходится так дорого платить за участие в игре, которую вы все равно проиграете. Мне хотелось убедить вас. Борьбаться бесполезно, безнадежно.

— Передайте своему боссу, — рот Питера превратился в узкую щель, — что старались вы изо всех сил.

Такси остановилось у перестроенного богатого особняка.

— Если дама у себя, могу задержаться, — предупредил, расплачиваясь с таксистом, Питер.

— Она дома и ждет вас, — сказал парень. — Клиnger, конечно, позвонил и ей, не только моим хозяевам. На Клингера вам удалось нагнать страху. Но не торопитесь радоваться, мистер Стайлз. Кто его знает, Клиnger, может, не такой уж слабак, как кажется.

Питер вылез и оглянулся на парня в полосатом костюме.

— До скорого! — бросил он.

При входе Стайлз отыскал на медной дощечке указателя: «М. Льюис». Он замешкался на минуту все еще под впечатлением странной беседы с красивым молодым немцем в полосатом костюме. Все-таки гангстер необычный. Питер был убежден: такой разговор состоялся бы в любом случае. Даже не поддайся он дурацкому порыву пригласить парня с собой в такси! Мистера «Джонса» выбрали, чтобы пригрозить ему окольным манером.

Питер нажал звонок. Тут же щелкнул замок входной двери. Мисс Льюис не позаботилась спросить через переговорное устройство имя гостя. Питер открыл парадную дверь и вошел в полумрак вестибюля. Тут было необычно чисто, на полу толстый ковер, в вазе на маленьком столике свежие цветы.

— Входите, входите, — позвал хриловатый женский голос.

Дверь в конце коридора была открыта, там стояла очень красивая девушка с обжигающе рыжими волосами, в длинном черном нарядном халатике. Наманикюренные пальцы, держали сигарету.

— Входите, мистер Стайлз! — пригласила она и посторонилась, пропуская его.

— Вы ждали меня? — спросил он, сняв темные очки.

— Звонил Томми и предупредил, что вы можете зайти. — Она улыбнулась, в улыбке ее сквозила насмешка. — Я очень любопытна, а не то и дверь не открыла бы.

Эрик описал девушку не совсем точно. Натуральные рыжие волосы, стройная фигура — все верно, но он умолчал об особой наэлектризованности, притягательности девушки. Газельи глаза широко распахнуты и лучисты, будто Мэри постоянно пребывает в счастливом предвкушении приключений.

— Чего это вам вздумалось перекрашиваться? — удивилась она.

— На маскарад ходил.

— Раньше вам больше шло. Я вас видела. Мне вас показывали: то тут, то там. Я коллекционирую знаменитостей. Но даже и представить не могла, что вы вот так запросто придете ко мне.

Гостиная, куда Питера провели, была обставлена прак-

тично и удобно. Без претензий на особый стиль, но вкус явно недурной. На стенах теснятся фотографии с автографами: кинозвезды, спортсмены, политические и государственные деятели, есть и незнакомые; по виду все богачи. Летали на линиях, догадался Питер, где работала Мэри. Он отметил, что в этой галерее знаменитостей женщин не видно.

— Вы явились задать мне несколько вопросов, — все еще насмешливо продолжала Мэри. — На некоторые я ответа не знаю, а на другие нет охоты отвечать. Как же нам поразвлекчесь-то? Выпьете? — и, не ожидая ответа, направилась к маленькому, забитому бутылками бару, налила неразбавленного джина со льдом. — Ваш яд? — бросила она Питеру через плечо.

— Пока так.

Она вернулась, мешая джин со льдом, и примостилась в углу диванчика, скрестив стройные ноги.

— А вы не первый, знаете? — обронила она.

— Не первый в каком смысле?

— Не первый, кто захотел побеседовать со мной про Томми Клингера. — Она отхлебнула джин. — Первый — молодой человек из прокуратуры, приходил месяц назад. Потом явился сам прокурор. Ничего себе. Занудный, правда, малость. И еще парень из вашей редакции, Джейк какой-то. Этот забавный. Надеюсь, как-нибудь заскочит не по службе, а просто так.

— Как увижу, передам...

— Непременно. — Ее деланная улыбка стала еще ослепительнее. — Разве что у вас найдется предложить что получше.

— Подумаю.

— Уж пожалуйста. — Она нахмурилась. — А вы не очень лестного обо мне мнения, а, Стайлз? Считайте, я пушусь в откровенности насчет мужчины, который оплачивает мою квартиру. Это я не скрываю, это вы и так знаете.

— Иногда в силу обстоятельств поступаются и верностью.

— Ну уж. — Мэри потягивала ледяной джин.

— Хотите, расскажу вам одну историю? Впрочем, может, вы ее уже слышали, — начал Питер. — Два дня назад одна очень милая женщина возвращалась домой часов около одиннадцати. Она работает у нас в редакции, замужем за нашим репортером. И женаты они меньше года. Ее затащили в проулок двое бандитов, изнасиловали, избили и велели передать приказание. Для «Ньюсвью». Редакция дол-

жна отвязаться, или это только начало. Ясно, от чего мы должны отвязаться. От Клинера. Я отослал нашу сотрудницу в Филадельфию, дав ей мелкое поручение: не хотелось ей встречаться с мужем в таком состоянии, тот не должен был и подозревать о случившемся. Может, вам как женщине даже понятнее, почему она не хотела открывать ему, но муж узнал. Звякнул какой-то безымянный Джо и все выложил. И повторил приказание.

— История подлая.— Мэри не сводила огромных глаз с Питера.

— Это только начало,— продолжал Питер.— Но вот сотрудница наша замечает, что за ней следят, и никак не может избавиться от преследователя. Мы договариваемся с нашим филадельфийским репортером, тот обещает привезти ее обратно в Нью-Йорк, но она исчезает. В отеле он ее уже не застал. И теперь мы не знаем, где она.

— Это уж работа полиции, верно? Искать пропавших. Я ведь вам не могу помочь.

— Я еще не закончил,— голос Питера звучал холодно.— Ее муж тоже едет в Филадельфию — разыскивать жену. Он никому не позвонил, и мы даже не знаем, добрался он туда или нет. Зато, что с ним случилось, знаем.

— Сегодня в газете! — прошептала Мэри.

— Правильно. Джорджа Уилсона убили и потом повесили у меня в кухне. Вот как они ведут свою игру, Мэри. Угрожают и другим. Вчера вечером избили меня. Били насмерть. Трое в масках. И за мной следят, за каждым моим шагом.

— И сюда?..— резко вскинулась девушка.

— Совершенно открыто. Мы даже вместе ехали в такси.

— Ну так выметайтесь! — вскочила Мэри.— Да поживее!

— Нет, сначала вы мне ответите. Или хотя бы выслушаете.

— Здорово вам досталось?

— Угу, синяки еще долго не заживут,— Питер сидел, наблюдая за ней, ожидая, оценивая.

— Вы что, явились поглазеть на женщину Томми Клинера? — не выдержала она через минуту.— Небось рассчитываете, я выдам вам что важное. Но не надеетесь же вы, что я назову гангстеров, которые напали на эту миссис Уилсон? Или убийц ее мужа?

— Где уж там!

— Так что же? — Она не отказывалась выслушать его — и то удача.

— Почему кто-то идет на крайности, лишь бы выцарапать Клингера у правосудия? Или добивается его оправдания в случае суда?

— Бред какой-то.— На лбу Мэри появилась легкая морщинка.

— Но, Мэри, тут вырисовывается определенная система действий. У вашего Томми есть что-то на Эрика, и он нуждается его играть роль вашего партнера.

— Бедняга лжепартнер.

— И на вас, Мэри, у Клингера что-то есть. По моим данным, у вас с Томми совсем не романтическая любовь. По-моему, у него это так, догадки,— на вас есть материал, и отправь он его в бюро наркотиков, вы на приличный срок удалитесь за решетку.

— Сами же говорите — догадки! — Морщинка у нее на лбу стала заметнее.

— Шантаж — вот излюбленный прием вашего Томми, его всегдашняя манера. Не отсюда ли и эти отчаянные попытки выволить Томми? У него есть материал на кого-то из заправил — Клауда, Баннермана. Под угрозой все их хозяйство. И они убивают, лишь бы спасти его. И себя.

— Рассуждения у вас, Стайлз! Ни капли логики! Все догадки, догадки. Зряшная трата времени. Хватило же у вас наглости — являетесь сюда и просите предать человека, с которым я делю постель два года.

— А если бюро наркотиков гарантирует вам неприкосновенность?..

— Нечего на меня давить! — взвизгнула девушка.— С чего, черт возьми, вы решили, будто я раскрою вам что-то? Мало ли что я знаю! А последствия? Где сейчас ваш Уилсон? А, то-то! Чего ради мне рисковать? Золотую звездочку на скаутский значок дадут? Желаете выпить со мной! Пожалуйста! Желаете переспать со мной? Извольте! Желаете, чтобы меня уколошили ради вас? Нет уж! Дураков нету!

ЧАСТЬ III

Глава I

Ничего не скажешь, положение оценила трезво. Если ей, к примеру, известно, что раскрыл Джордж, заикнись она про это, и ее постигнет участь Джорджа.

Питер наблюдал, как она идет к бару и наливает себе еще джину. Когда заговорила, то с горечью:

— Была и я когда-то порядочной. Другу своему помогла, вот и угодила в западню. А теперь вы ждете от меня помощи. Я почему-то должна стараться ради незнакомых, и в награду — смерть. Да, представляю, каково вам. У вас убили друга, а вы с друзьями на краю обрыва. Но мне чего ради рисковать собственной шкурой? Известно — вы здесь. Скажи я что-то, и тут же догадаются по вашим поступкам — болтала я. Ступайте, Стайлз. Оставьте меня в покое!

— А как вы другу помогли? Почему оказались в западне? — Он не двинулся с места. — С наркотиками?

— Что вы ко мне прицепились! — завизжала девушка.

— Я не имею права уйти, Мэри. Обязан узнать хоть что-то. В другой раз прийти не получится — не позволят. Сообщат, кто источник информации.

— Живо отсюда!

— Я должен знать, что у Клингера в середине. Какой механизм. Раздобыть хоть какой-то ключик к своему противнику. Что вы с ним не по своей воле, это мне ясно.

— И на том спасибо, — девушка вернулась к диванчику и снова присела. Она долго смотрела на него — прикидывала, о чем ей опасно проговориться. На минуту прикрыла накрашенные веки. — Итак, вы гоняетесь за тайнами Томми. — Опять зазвенел горький смех. — Ладно, одну открою. Хотите знать, что я делаю по его желанию? Раздеваюсь и прохаживаюсь перед ним. Что, ценная подробность, Стайлз?

— Почему же вы терпите? Уже два года. Почему? Давайте сначала. Где вы с ним познакомились и как он запустил в вас когти?

— О господи! Когда-то я была влюблена. Давно. — Губы у нее дернулись. — Он служил в армии. Лейтенант. Его послали во Вьетнам, на эту бесчеловечную, вонючую войну. Когда мы познакомились, я была счастливая и веселая. Собиралась выйти за него замуж. Он не решался, боялся, что вернется раненым, калекой. Не хотел связывать меня. И мы просто жили вместе и любили друг друга, пока не наступил день, когда ему пришлось уехать. Мне было девятнадцать, и так хотелось, чтобы он был рядом. — Она замолчала, и Питера тронуло страдание в ее глазах. Он вдруг увидел, что она моложе, чем показалась вначале. — Я уже работала на самолетах, — снова заговорила она. — Как раз когда моего парня отправили во Вьетнам, меня приняли стюардессой на линию Нью-Йорк — Лондон. Мне было интересно. С нами летало много знаменитостей,

служба отвлекала от печалей. Но скоро стало невыносимо. Бизнесмены, путешествующие в одиночку, актеры, приглашенные в Европу сниматься в кино, тоже в одиночестве. Если за рейс я не получала с десятка приглашений, я уже беспокоилась: не перекосило ли мне щеку? На свидания я не ходила: была влюблена в своего парня, его могли подстрелить во Вьетнаме каждую минуту. Но кое-чему я выучилась, Стайлз. Узнала, например, что, если мужчина ненадолго дотронется до меня или поцелует меня в уголке, у меня внутри что-то отвечает ему. Не романтически, а физически, вы понимаете. — Она глубоко вздохнула и отпила джин. — В один прекрасный день, когда я вернулась в Нью-Йорк, меня ждало письмо. От правительства. Мой лейтенант дал мой адрес — известить в случае его гибели. — Она вызывающе подняла глаза на Питера. — На этом, Стайлз, для меня и кончилась любовь. Навсегда. Такое... случается с тысячами женщин, я знаю. Бессмысленная потеря любимого. Только не знаю, как переживают они. А я в следующем рейсе на Лондон выбрала актерика посмазливее — и уступила ему. На обратном пути случился молодой английский дипломат. За полгода у меня было, наверное, не меньше пятидесяти мужчин, и мне это нравилось. Я веселилась до упаду. Но чуть кто чересчур разнеживался или строил планы на будущее — я прогоняла его.

— Ну а Клиnger? — подтолкнул Питер.

— Летел как-то в Лондон. Он начал обхаживать меня всерьез. Мне он показался добродушным толстяком. Правда, лет на двадцать постарше меня. Но мой опыт в аду не прошел даром. Порой мужчины постарше бывали лучше молодых. В тот первый раз я с Томми не пошла. Отправилась с кем-то еще. Но неделю спустя он возвращался домой, был очень настойчив, я и подумала — какого черта! Он привез меня сюда, в эту квартиру. — Она отвернулась. — Загляните в спальню, и вы поймете кое-что про Томми. Круглая кровать на белом меховом ковре. Потолок и стены все в зеркалах. Я думала, будет что-то необыкновенное! — Мэри отрывисто засмеялась. — Да уж, дальше некуда. Он и не пытался. Так, поцеловал разочек. Я улизнала побыстрее. Месяцем позже он снова летел в Лондон. Когда долетели, пригласил меня. Я отказалась: его развлечения не по мне. Тут-то он и выложил все без обиняков. Он собрал против меня материал, может упрятать меня в тюрьму лет эдак на десять, самое меньшее.

— Наркотики?

Мэри кивнула.

— Эту мерзость я возила в Нью-Йорк. Один лондонский приятель очень просил. Нравился мне. Верите, мне даже ни гроша не платили. Любезность симпатичному парню. Передавала пакетики его другу здесь, в Нью-Йорке. И не помышляла, что наркотики. Думала, так, мелочь всякая. Но Клингер меня отрезвил. Приставил шпионить за мной детектива из этого своего «Синего неба». Имеются и фотографии: я беру пакетики у лондонского парня и отдаю их другому. Представляете! Такова цена. И вот я его собственность. Не вылезая из этой берлоги, делаю что прикажет, иду, куда и когда пожелает. Когда я вернулась в Нью-Йорк, пришлось уйти из стюардесс. Я должна была принадлежать только ему — полностью и нераздельно. Я... испугалась, Стайлз. Он поймал не только меня, но и моего англичанина, и его друга. Мы все в капкане. Выбора не было и нет. — Она допила джин и отправилась к бару за подкреплением. — Мое единственное стремление: выбраться. Разузнать, где он хранит улики! Я б убила его, лишь бы их раздобыть! — Она постучала ледяными кубиками в бокале. — Если уж совсем немоготу станет угождать его прихотям, приму таблетки или выброшусь из окна. Что, думаете, совсем уже трусиха? Не решусь? Да все надеюсь, может, его собьет такси темной ночью.

— Все началось два года назад?

— Мне кажется, уже миллион лет.

— Вас может вызволить суд. Если Клингеру вынесут приговор...

— Легче не станет, — перебила Мэри. — Хоть куда его заприте, все равно документы-то у него. Передаст меня кому-нибудь еще.

— Поможете прижать Клингера, — осторожно предложил Питер, — пожалуй, мне удастся снять с вас обвинение в провозе наркотиков... И с ваших друзей. Мне нужен Клингер — и не позже завтрашнего утра, только так я спасу своих друзей. Мне нужно знать всю его подноготную. Где-то он допустил небрежность. Какую-то слабость, оплошность, роковую для него. Но узнать об этом, кроме как от вас, не у кого.

— Ничего полезного не знаю, Стайлз, — беспомощно вскинула руки Мэри, — но спасите меня! Когда ему требуется что-то — а ему вот вдруг понадобилась я, — он добивается своего мошенничеством или шантажом. Изображает из себя добродушного веселого толстяка. И только отмахнись — а, безвредный добряк, — тут-то и щелкает стальной капкан. Он и его подлая компания контролируют не только

правительства и корпорации. Если требуется, берут под наблюдение жизнь скромной официантки из вашего любимого кафе, или стюардессы в предпочитаемой вами авиакомпании. Со мной Томми не распространяется, ведь он зависит от своего умения хранить секреты. При всех недостатках в болтливости его не обвинишь.

— Ну а его жена?

Мэри опять визгливо рассмеялась.

— Красавица. Натуральная блондинка. Аристократка. Примерно одного с Томми возраста. Лет сорока пяти, но выглядит куда моложе. Она странненькая.

— Про вас с Клингером знает?

— Иногда мне кажется, да, иногда — нет. В любом случае ей наплевать. Мужчины ее не интересуют.

— Чего ж они живут вместе?

— Нужны друг другу. У нее денег куча. Ее деньги и положение в обществе полезны Томми. А его компьютер — ей помощник.

— Монстры какие-то!

— Друг друга стоят!

— Говорите, выведать бы, где у него улики против вас, — нахмурился Питер. — Так разве они не в компьютерном хранилище «Синего неба»? Или есть еще отдельное потайное хранилище?

— Из компьютеров «Синего неба» они все извлекают выгоду. Но можно побойться, у Томми есть, так сказать, «страховка». У них у всех что-то да есть друг на друга. Поэтому за Томми и дерутся так отчаянно. Не потому, что он так уж необходим Клауду или там Баннерману. Нет. Он припрятал материальчик против них. И против меня. Знать бы где!

— У него есть адвокат? Кто-то ведет его дела? Не фирменные...

— Есть. Джордж Браунли. Выпивал с нами пару раз. Пробовал соблазнить меня, сулил, что скажет, сколько Томми отказал мне в завещании.

— И вы уступили, а он надул?

— И я не уступила, и он ничего не сказал, — возразила она. — Мне не дозволяется иметь кого-то на стороне. С его адвокатом связываться совсем уж не стоит — Томми просто пронюхает.

Да, Клингер обитает в мире секретов. И ни за что их не раскроет. Скорее всего весь компрометирующий материал — и на девушку, и на его компаньонов — заперт в его сейфе. Возможно, у Браунли имеются инструкции вскрыть

сейф и опубликовать документы в случае, если Клингер умрет не от старости.

— А Карла Баннермана знаете?

— Возникал несколько раз на обедах у Флоренс. Меня туда водил Эрик.

— Обеда что, грань личины Клингера?

— Вряд ли,— покачала головой Мэри.— Первый раз, когда Баннерман появился, там был лоббист из Вашингтона, от какого-то крупного химического комбината. По-моему, Баннерман приходил специально встретиться с тем типом. Второй раз на обеде присутствовал важная шишка из Южной Америки, Венесуэлы, что ли. Мне кажется, оба обеда устраивались, чтобы Баннерман мог увидеться с этими деятелями в непринужденной обстановке.

— Ну а сам Баннерман? Как ваше мнение?

— Посмотришь,— школьный учитель. Деревенский простофиля,— ответила Мэри.— Древний смокинг, неглаженный, мятый, будто и спит он в нем. Застенчивый, неуклюжий, неловкий, если верить тому, что он вам навязывает. Очень жестокий и безжалостный — мое мнение. Улыбка теплая, дружелюбная, а глаза так и бурвят, так и сверлят.

— А Бракстон Клауд?

— Этого ни разу не встречала. Он что-то все разъезжает последние два года — все время, пока я с Томми. Только в газетах читала, больше ничего не знаю. Пишут, будто он так богат, что может покупать и продавать страны!

Звякнул звонок. Мэри застыла. Питер взглянул на часы: без четверти четыре. Если верить Джейку, это мог быть и Клингер. Девушка точно прочитала мысли Питера.

— Нет, это не Томми,— шепнула она.— Сегодня он не собирался, у него встреча с адвокатом. И вообще у него ключ.

— Соседка? Занять чашечку сахара?

— У... у меня нет соседей.— Она встала, когда снова раздались переливы звонка.— Подождите пока в спальне, посмотрю кто, ладно? — Она указала на дверь в дальнем конце комнаты.

Спальня была дичайшая. Именно такая, как описала Мэри. Круглая кровать на ковре белого меха в центре, все остальное зеркала. Питер отразился десятикратно — стоящим у двери, которую он оставил чуть приоткрытой. Он слышал постукивание каблучков Мэри по паркету — девушка пошла к входной двери.

— Кто там? — окликнула она.

Донесся мужской голос, слов не разобрать — слишком далеко. Парадная дверь открылась. И голос Мэри — резкий, возбужденный:

— Но я вас не знаю!

— Меня мистер Клингер прислал, — теперь внятно объяснил мужской голос. — Хочет, чтобы вы пришли в контору Грейвза.

— А вы кто? — напряженно спросила Мэри.

— Работаю у мистера Клингера.

— Чего же он не позвонил? — недоумевала девушка.

— Не знаю, мисс Льюис. Мне велено привезти вас в контору Грейвза.

— Не верю! Что еще за фокусы!

— Что приказано, то и делаю, — бормотал мужчина. — Пожалуйста, собирайтесь — и пойдете.

— Как же, сейчас! Ступайте к мистеру Клингеру и передайте: хочет, чтобы я пришла, пусть позвонит.

— К чему лишние хлопоты, мисс Льюис?

— Так я сама позвоню, — каблучки Мэри процокали по паркету.

— Зря тратите время. У них совещание, и его не позвут.

— Врешь ты все! — крикнула Мэри. — Мистер Клингер и не думал посылать за мной!

— Как хотите, так и считайте, только со мной вы поедете.

Питер услышал, как у Мэри перехватило дыхание. Открыв дверь, он вышел в гостиную. Мэри стояла у телефона, но трубку не брала. Невысокий смуглый человечек наставил на Мэри дуло пистолета. Увидев Питера, он не удивился.

— Руки при себе, Стайлз! — приказал он.

Из «агентства», подумал Питер. Узнал от «полосатого», что Питер здесь. Питер медленно вошел в комнату, руки плетью. Если тот и правда говорил с «полосатым», то знает, что Питер вооружен.

— Что ж медлите? — спросил Питер. — Ведь не Клингер прислал вас?

— Неважно, — бросил тот. Глаза его метались с Мэри на Питера. — Мне велено привезти Мэри Льюис.

— Зря волнуетесь, она мне ничего не рассказала.

— Не мне выносить решения, — ответил смуглый. — Приказано — выполняю.

Мэри взглянула на Питера, лицо исказил страх.

— Идти мне с ним, Стайлз?

— Пистолет говорит — да, — подсказал смуглый.

Питер замер. Пальцы правой руки у него сжимались и разжимались.

— Интересная дилемма.— Он холодно улыбнулся смуглому.— Ваш дружок в полосатом сообщил вам, что я вооружен? Как думаете, быстро я управляюсь с оружием?

— За мной не успеть.

— Итак, шевельнись я, и вы меня пристрелите. Тогда придется укокошить и даму — свидетельница. Думаете, если косить всех без разбору, то спасете Клингера от суда? А вам не кажется, что не мешало бы сначала посоветоваться с боссом, а уж потом приниматься громоздить трупы? Не дрова все-таки в поленницу?..

— Стайлз, я пойду! — закричала Мэри.

— Умно решили,— одобрил гангстер.

— Переоденусь только.

— Поживее,— приказал смуглый.

Мэри повернулась и буквально бегом бросилась в спальню. Теперь пистолет смотрел прямо в грудь Питера.

— А босс ваш — Карл Баннерман? — поинтересовался Питер.

Лицо гангстера оставалось бесстрастным.

— Когда проигрываешь, Стайлз, глупо делать ставки.

У Питера прилила к вискам кровь: может, это один из трех, которые были его? Или из тех, кто задушил и повесил Джорджа? Гангстер всего в двух шагах, но Питер знал, что рывок, пусть самый мгновенный и стремительный, опоздает: рука, держащая пистолет, тверда как камень.

Пульс у Питера стучал, казалось ему, оглушительно громко. Три минуты, четыре, пять...

— Вытащи ее оттуда! — приказал гангстер.

Питер повернулся и медленно двинулся к дверям спальни. Постучал.

— Ваш гость теряет терпение.

Молчание. Питер почувствовал, что гангстер надвинулся на него чуть не вплотную.

— Ступай, вытащи девку!

Питер вошел в зеркальную комнату. Никаких признаков Мэри. Только множились и множились отражения: он и за ним гангстер с пистолетом.

— Наверное, какое-то зеркало — дверь,— предположил Питер.— В ванную, гардеробную.

— Мисс Льюис! — гаркнул гангстер.

Зеркала показали Питеру гангстера позади. Смуглое лицо смотрит зло и тревожно. Десятки лиц. Десятки дверных ручек. Десятки рук с пистолетами. И на секунду руки

эти расслабились, пистолеты ткнулись в пол. Питер крутнулся и изо всех сил ударил. Чуть не вскрикнул, когда его ладонь стукнулась о горло гангстера. Гроыхнул выстрел, звонко посыпались осколки разбитого зеркала. Питер оседлал бандита, молотя кулаками ошеломленное окровавленное лицо: смуглый потерял сознание. Питер встал.

— Мэри! — позвал он, но не получил ответа. Тронул гангстера. Тот отключился напрочь. Питер двинулся по кругу, пробуя дверные ручки — искал среди отражений настоящую. Наконец, вот она. Он распахнул дверь — роскошная ванная, в полу мраморная ванна, огромная, как бассейн. Рядом с ванной за занавесками гардеробная. Снова окликнув девушку, Питер раздвинул занавески. Пусто. Но тут еще одна дверь! Он толкнул ее — оказалось, дверь выходит на лестницу черного хода.

Мэри удрала.

Держа свой пистолет и пистолет гангстера, Питер вернулся в зеркальную спальню, выволок тело в гостиную и подошел к телефону. Набирая номер Максвила, поставил ногу на горло гангстера. Соединили с патрульной машиной.

— Убийцу тебе раздобыл, Грэг, — сообщил Питер, когда детектив откликнулся. — И недурно, если б ты поторопился, а то, похоже, в лесу засада.

Стайлз положил трубку. Гангстер уже шевелился и стонал. Питер был готов, если придется, стукнуть всякого, кто сунется в комнату. Может и «полосатый» заглянуть да полюбопытствовать, чего это его дружок так задерживается с девчонкой.

Глава 2

Питер смотрел на гангстера: тот заворочался, к нему уже возвращалось сознание. Эти подонки ведут войну против женщин. Сначала Элли, потом Корал, теперь Мэри. Интересно, куда это она сбежала? Где, воображает, для нее безопасно? Если удрала черным ходом, «полосатый», допустим, еще и не почувствовал неладное. Когда он встревожится?

Еще несколько минут, и примчится Максвил.

Лицо человека на полу подергивалось. Уже сто раз говорил себе Питер, в эти два дня, что будет играть по правилам врага. Колебался бы он, если б пришлось спустить курок? Нет. Ни секунды.

Глаза гангстера раскрылись, и он, лежа неподвижно, уставился на Питера, соображая, на что способен решиться человек средних качеств, припертый к стене?

— Позволь, ответу на интересующий тебя вопрос,— ровно и холодно произнес Питер.— Не так давно я служил морским старшиной, приятель. И знаю, как обращаться с этой игрушкой. Могу разделать тебя на куски в лучшем виде, не убивая,— ногу, руку, ладонь. Нет, убивать тебя я не стану, пока нет! Расскажешь нам, кто тебя послал. Вот-вот приедет полиция, убедим тебя вместе.

Смуглый с трудом приподнялся, не отрывая глаз от пистолета.

— Оставайся на месте! — приказал Питер.

Гангстер поднял руку и осторожно коснулся горла: должно быть, здорово болело от удара по адамову яблоку. Встать он не пытался, но прохрипел:

— Все едино, проиграл ты.

И это, с досадой признал Питер, в общем, верно. Элли, Джордж, теперь куда-то сбежала Мэри. Надолго ли в безопасности Корал? Он сам? Стоит ему шагнуть за дверь, и стрелок, укрывшийся в засаде, подстрелит его. Уравновесить баланс нечем. Убийцы остаются безымянны. Безликие рядовые некой армии. Что-то подсказывало ему: этого человека не заставишь говорить, да и что особенного он может открыть? Что получил приказание от нанимателя — имя ему неизвестно — в Нью-Йорке? А может, в Париже или Каире?

И тут другой вопрос. Если Клингер хотел прервать их беседу, почему просто не позвонил Мэри? Приказал бы держать рот на замке. Незачем посылать за ней вооруженного гангстера, стоило напомнить ей, кто хозяин, и все. Да и не стал бы он никого посылать, зная, что может произойти стычка. Питер вооружен, опасен. Или гангстер не рассчитывал наткнуться здесь на него? И все же, увидев Питера, узнал его, назвал по имени.

Питера вдруг осенило, что этот смуглый и «полосатый» работают не вместе. Или их связь как-то прервалась.

Залился трелью звонок, резкий, требовательный. Питер медленно обошел сидящего пленника, держа пистолет наготове.

— Кто там?

— Питер, это Грэг.

За дверью стояли Максвил и двое патрульных. Когда они вошли, гангстер встал, все еще массируя горло. Оба полицейских двинулись к нему. Один принялся его

обыскивать. Между тем Питер ввел Максвила в курс дела.

Максвил прошелся по комнате и остановился, изучая лицо бандита.

— Ну что ж, надо выяснить имя, род занятий, номер пистолета. Прочие формальности,— сказал он.

Тот молчал. Питер протянул его пистолет Максвилу.

— Есть при нем бумажник, какое-то удостоверение личности? — спросил Максвил полицейского.

— Ничего.

Обнаружилось семь долларов бумажками и мелочь, пачка «Кэмела», наполовину пустая, и коробок спичек.

— Здесь говорить будете или в участке?

Гангстер молчал.

— Проведите под арест,— приказал Максвил. Голос у него был усталый.— Не забудьте проинформировать о правах.— Полицейский начал читать по бумажке.— Адвокат есть? — спросил Максвил, когда с формальностями было закончено.

Молчание.

— Имеется еще один,— сообщил Питер.— Сторожит на той стороне улицы. Блондин. Полосатый костюм.

— Задержать за бродяжничество,— приказал Максвил полицейским.

Оставшись с другом наедине, Питер, выложил ему все в подробностях. Показал зеркальную спальню, путь, каким удрала Мэри.

— Девушка увязла по уши,— заметил Питер.— Клингер держит ее в лапах, и ею интересуется кто-то еще.— И объяснил свою теорию: Клингеру незачем было посылать гангстера.— Послал кто-то другой, без ведома Клингера.

— Может, так, может, нет. Но разведать стоит,— ответил Максвил.— Мэри говорила, что Клингер сейчас у адвоката? Чего проще взять и позвонить Грейвзу? Узнаем, правда ли Клингер там.

Разыскав в справочнике номер, Питер набрал его и, назвавшись, попросил к телефону Клингера.

Минутой позже в трубке зазвучал хриплый скрипучий голос.

— Уинстон Грейвз,— проскрипел говоривший.— Моему клиенту запрещено обсуждать с прессой судебные вопросы. Он мне сообщил, что сегодня утром, Стайлз, вы пытались вытянуть из него информацию по делу. Кончайте это.

— Я не собираюсь обсуждать с ним судебные вопросы. У его подружки неприятности. У любовницы то есть.

— Он предвидел, что вы приметесь за нее. Она ничего не знает о суде. А стало быть, и сказать ничего не сумеет.

— По-моему, ему все-таки стоит поговорить со мной, — настаивал Питер. — Я сейчас в квартире мисс Льюис. И тут полиция. У Мэри беда.

— Какая?

— Скажу Клингеру. Дайте ему трубочку, если он у вас. Не ответит мне, его арестует полиция.

— Все равно я буду слушать разговор, — предупредил Грейвз.

— На здоровье.

Через минуту Клингер уже держал трубку.

— Что там стряслось, Стайлз?

— Ваш посланный не рассчитывал на меня. Его арестовали и везут в участок.

— Не пойму, о чем вы? — удивился Клингер. — Если вы у Мэри, пусть возьмет трубку.

— Ее здесь нет. Она сбежала. Кто этот человек, которого вы за ней прислали?

— Не посылал я никого. С какой стати? Пожелай я ее увидеть... попросил бы. Кто этот человек? Чего ему было нужно?

— Гангстер. Вооруженный. Тянул ее куда-то с ним ехать.

— Опять выдумываете? Как утром?

— Но я же присутствовал при этом, старина. Сам и оглушил его!

— А Мэри куда делась? — В голосе Клингера уже слышался страх.

Трубку взял Максвил.

— Этот человек угрожал Мэри и Стайлзу пистолетом, уверяя, что действует по вашему приказанию, Клингер. Полагаю мы предъявим ему обвинение в покушении на похищение. А вы соучастник.

— Да не посылал же я никого! — взмолился Клингер. — А Мэри вы ищите?

— Город велик. Как по-вашему, к кому она могла сбежать? Где ей покажется безопасно? У подружки?

— Я никого не знаю. У нас... у нее нет друзей.

Трубку снова перехватил Питер.

— Это опять Стайлз. Где-то в ваших кладовых, Клингер, припрятано имя парня, которому она оказывала услуги, наркотики привозила. Может, это к нему она помчалась?

У вас даже есть фото. Лейтенант Максвил пришлет узнать имя и взять фото.

— Представления не имею, о чем вы, — слабо заспорил Клингер.

— Наверное, лейтенант может предъявить вам и еще одно обвинение — в шантаже.

Но тут вмешался Грейвз, громогласно и властно:

— Хватит нелепых угроз, Стайлз. Имеются у вас какие обвинения — предъявляйте. А ваши оскорбительные выпады служат оправданием преступных действий против вас.

— Лучше попросите своего клиента рассказать правду о его отношениях с Мэри, уважаемый адвокат. От его неприятностей пока чуть душок пошел. Смотрите, еще немного — и задохнетесь от смрада.

Комната для допросов в полицейском участке была без окон, электрический свет бил безжалостно ярко. Монотонно постукивал допотопный вентилятор. Гангстер сидел у стола. Полицейский, стенографист, устроился на другом конце. У дверей стоял Питер, а Максвил беспокойно расхаживал по комнате. Еще один детектив, сержант Бак Брейг, сидел слева от гангстера, опершись подбородком о ладонь, в позе Мыслителя.

С момента ареста гангстер не вымолвил ни слова; вернее, даже с той минуты, как пришел в сознание после схватки с Питером. Он коротко бросил тогда: «Все едино, проиграл ты». И словно онемел. Молчал в ответ на вопросы, как его зовут, нужен ли ему адвокат. Не отозвался даже на предложение выпить кофе или выкурить сигарету. Ни звука. Полное, абсолютное, мертвое молчание.

— Да ты уверен, что этот бандит не немой? — потерял терпение Максвил.

— О, до нашей драки он был очень разговорчив. И как очухался, говорил. Изволил сообщить мне, что я проиграл.

— Ну так запихни его куда-нибудь, Бак, — рассудил Максвил. — Еще посмотрим, кто кого перемолчит.

Сержант Брейг увел арестованного. Едва сдерживаясь, Питер напомнил Максвилу, что ждать-то им как раз и некогда. Промедление, может, уже погубило Элли. И на совсем тоненьком волоске висят жизни Корал и Мэри.

— Нет способа, что ли, заставить этого сукиного сына заговорить!

— Законным путем? — вспыхнул Максвил. — Ну да способы есть, как у того отребья, что мы поддерживаем в

Чили. Прижигают арестованных сигаретами, жгут кислотой, подвешивают за пятки, пока у бедняг не рвутся сосуды, дробят внутренности. Да, способы заставить говорить есть! Только вот жаль, у нас нет на это разрешения ни президента, ни министра, ни ЦРУ. Извини, Питер, не собирался держать речь. Мы прочитали этому негодяю его права, и он выбрал одно: право молчать.

Они поднялись в кабинет Максвила, смежный с комнатой дежурных. Позвали здешнего художника, и Питер старательно описал ему Мэри, наблюдая, как в блокноте появляется набросок, как меняются по его поправкам линии, пока, наконец, с листка не взглянула на него очень похожая на себя Мэри. Копии размножат и выпустят листовку с портретом девушки.

— Направлю Бака к Клинеру, — сказал Максвил. — Боюсь, правда, особого толка не будет. Клинер не признается, что знает чье-то имя или что у него спрятана фотография. Но хоть не посмеет возмутиться: «Почему же ко мне вы не обращались?», — когда мы прижмем его к ногтю.

— Ну а как там мой приятель в полосатом? — поинтересовался Питер.

— Этот разливается как соловей, точно монетку в автомат бросили. Хочешь, взгляни, — Максвил махнул на протокол. — Зовут Вальтер Шварц. Работает в «Синем небе». Подчиняется непосредственно джентльмену, о котором мы с тобой говорили. Карлу Баннерману. Да, он следил за тобой от клуба «Атлетик» до отеля «Плаза». Ты все мешаешься в дело Клинера, и Баннерману захотелось узнать, чего ты, собственно, добиваешься. Приказа как-то входить в контакт с тобой Шварцу не давали, велели только докладывать о твоих передвижениях. А ты пригласил его поехать вместе, так что вообще вышло по-приятельски. Ты ему сказал, что, может, задержишься, вот он и ждал. У него есть право связаться со своим адвокатом. Он позвонил Баннерману. Жду, с минуты на минуту примчится адвокат из «Синего неба» вызволить его. А может, уже тут. Шварц не вооружен, как сам знаешь. Тебя могут попросить засвидетельствовать, что он не нанес тебе никакого ущерба.

— Ну а гангстер? Шварц отрицает, что знает его?

— Естественно. Мы ему показали нашего малыша через глазок. Никогда его раньше не встречал. И не видел, чтобы тот входил в квартиру Льюис.

— Но он же стоял там! Следил!

— Ну и что! — откликнулся Максвил. — Ждал, когда ты выйдешь. Остальных он не разглядывал. Мало ли кто

там ходит. Может, и бандиты входили. Немца они не интересовали. Ему был нужен ты.

Дверь в кабинет Максвила распахнулась будто от удара ногой, и влетел Лестер Стронг. Лицо бледное, осунувшееся. И злое. На Максвила он и не взглянул.

— С самого утра разыскиваю вас, Стайлз!

— Извините, был занят. Лейтенант Максвил из уголовного розыска.

— Я знаком с лейтенантом. Разрешите мне поговорить со Стайлзом наедине?

— Как Питер...— ответил Максвил. Глаза у него блестяли и были суровы.— У вас неприятности, прокурор?

— Сугубо личное.

— А как вы узнали, что я здесь? — поинтересовался Питер.

— Тут был один из наших юристов, беседовал с арестованным. Он видел вас. Знает, что я перевернул весь город — вас разыскиваю.

— Если хочешь, поговорите здесь,— повернулся Максвил к Питеру.

— Спасибо. Но не пропадай далеко, Грэг. Нам еще есть что обсудить.

Максвил кивнул и вышел в комнату дежурных, прикрыв дверь. Стронг тут же метнулся и схватил Питера за лацканы куртки.

— Где она? — хрипло потребовал он. Глаза у него от ярости налились кровью. Питер перехватил запястья Стронга и быстро, резко оттолкнул.

— Мне не нравится такое обращение.

— Где Корал? — Стронг говорил, задыхаясь, как человек, который долго бежал и совсем выбился из сил.

— В Дарьене, я полагаю.

— Вам отлично известно, в Дарьене ее нет! Куда вы ее увезли?

— С чего вдруг мне куда-то увозить Корал?

— Послушайте, Стайлз, у меня нет ни малейшего настроя играть в прятки. Я вымотался; как только мне позвонили — совсем рано утром,— все ловлю вас.

— Кто позвонил?

— Ради бога, не валяйте дурака! Люди, о которых мы говорили. Те, кто держал Корал заложницей. Кто-то рано утром — часа в четыре — оглушил охранника и увез Корал. Никаких признаков борьбы. Нет следов, чтоб она сопротивлялась. Ушла добровольно. Значит, увели ее вы, Стайлз!

Его колотило от волнения и тревоги, и на минуту Питер

поддался жалости. Ему вспомнилось — не так уж давно это и случилось, — как его собственную жену Грейс захватили бандиты. На минуту он проникся чувством Стронга. Надо постараться забыть Грейс. Она отправилась в Индию помогать в решении проблемы голодающих. Несколько месяцев назад Питер проводил ее, понимая, что, несмотря на любовь, их брак не состоялся. У нее свои занятия, у него свои. Но окажись Грейс в опасности, Питер ринется вызволять ее хоть на край земли. Стронга трепала та же лихорадка. Но он не знал, куда метнуться. Сказать? Успокоить? Питер колебался.

— Откуда вы все знаете?

— Они мне позвонили около семи утра, — объяснил Стронг. — Пришел сменщик, а его товарищ лежит связанный, с кляпом во рту. Если Корал не вернется в коттедж к концу дня...

— Они считают, что в бегстве замешаны вы?

— Нет, они не сомневаются, что замешаны вы! — отрезал Стронг. — Думают... что мы обтяпали дельце вдвоем. Пригрозили: если Корал не возвратится, то ее убьют. И вы знаете, Стайлз, попусту они не грозят.

— Но вы же не предъявляете Клингеру обвинения. Ведь добиваются они этого?

— Не знаете разве, как действует организация? Вам прекрасно известна судьба Уилсонов. Ради бога, хватит крутить, выкладывайте, где она.

Предположим, Питер откроет ее убежище охваченному горячкой мужу, Корал водворят обратно. А может, запрячут так, что и не разыскать. Стронг выполнит свою функцию — обеспечит оправдание Клингеру. Но жену все равно потеряет. Так все рисовалось Питеру. Он глубоко вздохнул.

— Лестер, мне неизвестно, где Корал. К ее побегу я абсолютно непричастен.

— Вы не имеете права играть с самым мне дорогим! — закричал Стронг. — Играть жизнью Корал!

— Мы все одной веревочкой повиты, — возразил Питер. — Вы, Корал, Уилсоны и мы, то есть «Ньюсвью». Вы решили, что борьба стала слишком жаркой. Жжется. Я вас понимаю. Но мы ведь уже обсуждали, что так или иначе все равно можем проиграть и выбор один — драться. Борьба — наш единственный шанс. Как думаете, что произойдет, если вы осмелитесь пойти до конца? Предъявите Клингеру обвинение? Изничтожите его?

— Вопрос стоит: или Корал, или Клингер. А для меня Корал дороже десятка Клингеров.

— Согласен. Но послушайте, оглянитесь, что творится. Угоняют самолеты и захватывают заложников. Похищение — это тоже захват заложников. Почему так распространилось это явление, заразное, как чума? Потому что выкуп всегда платят. Простите за высокопарность, но где-то кто-то должен набраться мужества и твердо сказать «нет!».

— Вы набрались! — взвился Стронг. — Ваши друзья Уилсоны уже получили свое. Но Корал пока еще жива! У нее еще есть шанс!

— Мне жаль, но я не могу вам помочь, — спокойно сказал Питер.

— Нашлось у Льюиса что рассказать вам о Клингере? — спросил Стронг.

— Только что она тоже заложница. Похоже, Клингер промышляет шантажом. Но шантажу служит и вся компания «Синее небо». Это не новость, верно?

Стронг покачал головой. Он облизал губы, будто во рту пересохло.

— Не верю ни единому вашему слову, Стайлз. Вам известно, где Корал. Это вы увезли ее. Ставите на кон ее жизнь. Если с ней что случится, мне незачем жить. И я обещаю вам... вы поплатитесь. Ну ради бога, Стайлз, имейте же жалость. Куда вы ее дели? Где мне ее отыскать? Дайте мне решать самому. Вести борьбу по-своему.

Питеру стало зябко. Нельзя было не сочувствовать Стронгу. На его месте пришлось бы пускать в ход те же угрозы, те же мольбы. Может, хоть немного утишить его тревогу? Заверить, что Корал в безопасности? Но откуда ему известно, что Питер встречался с Мэри? Один из его юристов, объяснил он, видел, как Питер входил сюда. Может, полицейские сболтнули? Допустим. Но Питеру захотелось узнать наверняка, а уж потом давать волю жалости. Потому что, если...

— Говорите, «агентство» считает, что Корал похитил я, — сказал Питер. — Что ж, им точно не известно? Они же следят за мной, глаз не спускают.

— Они упустили вас в самый критический момент.

Что правда, то правда. Максвил арестовал согладателя у дома Питера, и надзор тогда прервался.

— Так это они известили вас, что я у Максвила?

— Я же сказал. Один из...

— Ах ну да, ну да.

— Решили придуряться? Я должен...

— А вы в полицию обратитесь, — посоветовал Питер. — Вашу жену похитили. Уже тысячу раз доказано, что полиция в таких случаях — лучшая опора.

— Да как же я могу! — воскликнул Стронг. — Я слишком далеко зашел.

— Ага, далеконочко, — подтвердил Питер. — Изменили долгу прокурора. Стоит правде выплыть, и вас в отставку. А судья в той же ловушке?

— Интересно, как бы вы поступили на моем месте?

— Сейчас или вначале? Вначале я бы сумел защитить жену, вышиб бы им мозги. А сейчас?.. — Питер пожал плечами.

— Если вы до сих пор не уразумели, что это за мощный механизм, вы тупица. Сколько еще человек требуется повесить у вас на кухне? Никак не отбить у вас вкус к проповедям. Все не можете взглянуть в лицо реальности.

— Извините... Понятия не имею, где Корал.

Стронг, желваки у него ходили ходуном, пристально взглянул на Питера, повернулся и выбежал.

Над столом Максвила висели электрические часы. Уплывал еще один день. Уже шестой час. Ни Траск, ни Клингер, ни Мэри Льюис ничего не открыли. У Питера так и нет оружия против «агентства». Сведения слишком скудные. Не вырвать свободу для Элли и не защитить Мэри. «Полосатый», возможно, и прав: в борьбе за власть выигрывает сильнейший. Неважно, какие оплошности при том допуская.

А какие все-таки промахи допустили они? Тактической ошибкой было нападение на Элли — это вызвало бурю протеста у противника. Кто-то совершил промах, о который споткнулся Джордж, промах такой губительный, что Джорджа заставили умолкнуть навсегда. Пока что действия Джорджа проследить не удалось. Он убежал из редакции на трехчасовой поезд в Филадельфию, и до той минуты, как Питер нашел его у себя в кухне, — пустота, белое пятно, но и ключ ко всей игре. Люди Максвила копают во всех направлениях, стараясь восстановить путь Джорджа. Но пока результатов никаких.

Вернулся Максвил.

— Сказал ему? — спросил он Питера.

— Нет.

— А между тем вид у бедняги отчаянный. Каменное у тебя сердце, дружище.

— Он меня совсем было уговорил, да промахнулся. Вопросик один подкинул. Что я здесь, он узнал от своего адвоката, тот приходил на встречу с каким-то арестованным.

— Сай Фелдман, способный молодой юрист, — пояснил

Максвил.— Ведет одно убийство, к делу Клингера не относится. Я заметил его. В коридоре столкнулись.

— Но кто открыл Фелдману, что мы только что от Мэри Льюис? Что я заходил к ней, беседовал?

— Никто.

— А может, дежурный сболтнул? Который отводил нашего арестованного?

— Причину ареста тот еще мог сказать, по никаких подробностей про тебя или мисс Льюис. А с чего ты взял, что Стронг знает?

— Да вот поинтересовался у меня, не раскрыла ли мне Льюис чего полезного. Откуда ему стало известно, что я там был?

Максвил нахмурился и потянулся за сигаретой.

— «Агентство» могло сообщить. Узнали от нашего немца-молодца.

— И почему же тогда Стронг не кинулся к Мэри? Дождался звонка Фелдмана?

— Продался со всеми потрохами,— заметил Максвил.— Его поступки непредсказуемы. Скорее всего исполнит все, что ему велют, в надежде спасти Корал. Давай спросим Фелдмана. Он скажет, он мне кое-чем обязан.

— А он еще здесь?

— Узнаю,— Максвил подошел к телефону.

Фелдман еще не ушел. Загорелый, стройный парень, явно рвущийся услужить Максвилу.

— Да, я видел, как вы с мистером Стайлзом входили,— сказал он.— Я знал, что мой босс весь день разыскивает его. Вот и позвонил. Нарушение этики?

— Нет,— ответил Максвил.— Куда вы ему звонили?

— На службу.

— Скоренько примчался,— заметил Максвил.

— Да ведь наша прокуратура всего в квартале отсюда,— напомнил Фелдман.— Пешком пять минут ходьбы. А что? Он звонил Стайлзу с самого утра. Все никак не мог застать.

— А зачем, знаете?

— Не говорил. Но думаю, это как-то связано с делом Клингера.— Он лукаво улыбнулся Питеру.— Вы в «Нью-свью», похоже, вывернули дело наизнанку.

— Насчет Клингера...— вмешался Максвил.

— Я им не занимаюсь,— быстро сказал Фелдман. Улыбка его растаяла.— Но сегодня в прокуратуре ходило много разговоров. Про репортера, которого убили у вас на

квартире, Стайлз. Мы все решили, что этот ваш — Уилсон, да? — разузнал что-то проясняющее дело. И гадали что.

— И к чему же пришли? — поинтересовался Питер.

— Что-то сдерживает Стронга. Сотрудники, которые готовят дело, сбиты с толку. Они считают, что материала — по слухам — у Стронга хватает. Дело можно развернуть — станет жарко. А Стронг все соглашается на отсрочки.

— Причина?

— Наверное, чего-то все-таки недостает.

— А сотрудники этого не понимают?

— Не им выступать на суде, — опять улыбнулся Фелдман. — Лестер — юрист высший класс. Я бы положился на его заключение. Но чего он добивается — не знаю, на деле Клингера не сижу. Я зря позвонил ему про мистера Стайлза?

— А вам известно, зачем я здесь? — спросил Питер.

— Убийство Уилсона? Его ведь у вас убили, в квартире. И лейтенант Максвилл расследует преступление. А что?

— Вы ни у кого не интересовались, где я был? Откуда пришел?

— Простите, не совсем понимаю, о чем вы?

— Вы не выясняли до звонка Стронгу, где я побывал? Не говорили ему, что пришел я оттуда-то и оттуда?

— Ну что вы! Я и сам не имею понятия.

— Вам никто ничего не говорил? Так, мимоходом?

— Нет.

— А арестованного, которого мы привели, видели? — вмешался Максвилл.

— Но с вами никого не было.

Гангстера-молчальника провели через другой вход.

Максвилл взглянул на Питера: похоже, Фелдман чист как стеклышко.

— Извините за беспокойство, — сказал Питер.

— Всегда к вашим услугам. — Фелдман ушел.

Максвилл зажег от окурка новую сигарету.

— Итак, сведения Стронг получил от твоего друга немца или через него.

— Зачем же Стронгу сказали?

— Тебя надо вывести из строя. Ты выкрал у них из-под носа Корал. Пристаешь с расспросами, кто-то вдруг что-то да сболтнет. Та же Мэри. Этой, может, только смелости недостает раскрыть все их делишки. Стронг сдался и

делает все, что ему прикажут. В данном случае отвлекает тебя.

Питер присел на край стола: он уже на ногах не стоял, сказывались долгие часы напряжения.

— Насчет Уилсона совсем ничего? — спросил он.

— Ничего. Не за что зацепиться. Единственный бесспорный факт: ушел из редакции сразу после двух. Предполагаем, что на вокзал он ехал на такси. Просмотрели путевые листки водителей за этот отрезок дня. Представляешь, сколько времени угрохали! В этом районе такси полно. Черт знает, сколько мужчин брали такси до Пенсильванского вокзала. Сумеет ли какой водитель опознать Джорджа? У нас только его свадебная фотография с Элли. В общем, пока безрезультатно.

— А на вокзале?

— Там народу тысячи, — вздохнул Максвил. — У Джорджа нормальный нос. Не огромный, не красный. Нет родимого пятна. Не косит. Ничего приметного для кассира. Таких суется к нему в окошечко без счета. И сотни брали билет до Филадельфии. Но надежды маловато.

— Итак, глухо.

— Посмотрим еще. Моя версия — в поезд он не сажился. А значит, задержали его на вокзале. От поездки за женой его могли удержать только силой. Добровольно он не согласился бы. Стало быть, пистолет под ребро. Может, унесли под видом больного: неожиданный сердечный приступ. Пока никто не сообщил, чтоб видел что-то необычное. Сегодня у меня собирались все, кто разрабатывал вокзал: говорили с постоянными пассажирами, с носильщиками, киоскерами, служащими справочной, ничего. Ну, есть еще сотни и сотни уехавших вчера. Но в полицию никто не обращался. Один большой жирный нуль.

Глаза у Питера ломило, он прикрыл их на минуту ладонью.

— Уилсон заметил что-то важное, подошел позвонить — мне или Девери, — и его остановили. Он не успел. Ты прав, конечно. Ничто не удержало бы его от поездки в Филадельфию. Но если он внезапно что-то заметил, открыл, он бы, конечно, попытался дозвониться.

— Ну, например?

— Кто его знает? Может, за ним следили. Он почувствовал. Решил, что надо известить нас.

— Жидко. И за тобой следили. И за Девери. И скрывать даже не пытались. Раскрыл, что за ним следят, и его оста-

новили, чтобы он не проговорился? Чушь. Слежки от вас не скрывали. Почему вдруг теперь такая важность?

Питер вцепился в стол и опустил голову.

— А знаешь, Грэг, нам, пожалуй, никогда не узнать ответа. Джордж сказать не может. Теперь он уже больше не позвонит и не придет.

— Но ведь кто-то знает причину, — возразил Максвил. — Те, кто его убил. — Он глубоко затянулся сигаретой. — Рано или поздно...

— Но поздно уже незачем! — перебил его Питер. — Корал не может прятаться вечно. И для Элли, может, уже поздно. Мэри тоже не может скрываться долго. Знаешь что? Мы должны прижечь их на их же манер. И поскорее!

— Нет! Мы будем допрашивать арестованного, но их методы не для нас.

На столе Максвила зазвонил телефон.

— Максвил. Кто? Бен Мартин? О да. Пойдите-ка. Насчет кого вы звоните? Да, верно. Питер как раз здесь, со мной. Дать трубку? — Максвил протянул трубку. — Твой друг. Из Брустера. Назвал правильный пароль — Джордж Уилсон.

— Бен? — Питер взял трубку.

— У нас тут накаляется что-то, — удивленным тоном сообщил Бен Мартин. — Не так давно поблизости объявилась целая армия. С полдюжины парней прочесывают окрестности. Начали наступать все сразу, и я пальнул пару раз для остротки. В небо. Отступили перегруппироваться. У меня такое подозрение, что они дожидаются темноты — и ждать им осталось всего час-полтора. Мы тут, дружище, малость стухнули. Вот и подумали: вы нам не поможете?

— Подожди, — велел Питер и, повернувшись к Максвилу, наскоро обрисовал ситуацию.

— Бросим туда полицейских того участка. Через полчаса будут, получится скорее, чем отсюда, — Максвил поспешил из кабинета.

— Максвил пошел звонить, — Питер сообщил Мартину. — Приедут через полчаса.

— Ух, как я шикарно палил по верху голов, Питер. Вот не знаю, как получится по-настоящему убивать. И вообще их слишком много.

— Прости, что втравил тебя. Такой уж у меня сегодня день. У всех из-за меня неприятности.

— Корал хочет с тобой побеседовать. Максвилу не мешаем?

— Нет. Мы же в полиции. Тут полно телефонов.
— Ну вот и наша дама.
— Привет, милый,— Корал говорила хладнокровно и спокойно.

— Как ты, нормально? — спросил Питер.

— День прошел чудесно. Вот только с полчаса назад началась заварушка. Твой Бен — прелесть. Питер, а ты виделся с Лестером?

— И полчаса не прошло.

— Сказал, где я?

— Нет.

— Так, значит, он выдать не мог.

— Да уж никак не мог.

— А я боялась...

— Я начисто отверг свое участие в похищении.

— Питер?

— Да, милая?

— Может, мне проще выйти и сдать. С какой стати Бену из-за меня рисковать? Охота на меня.

— Сиди смирно. Максвил пришлет подмогу. Скоро уже.

— Лестер говорил, нет способа победить их. Может, лучше сдать? Спокойнее?

— Завтра спросишь.

— Им известно, где я. И куда бы я ни поехала, они вызнают. Даже если помощь подоспее вовремя.

— Поговорим завтра.

— Знаешь, Питер, я не уверена, что следует подыгрывать тебе, а не Лестеру. Ему больше известно про организацию. Он рассказывал мне, что...

Телефон смолк. Питер тщетно теребил рычаг. Позвонил Мартину сам. Линия молчала.

Вернулся Максвил.

— Похоже, у них перерезали провод,— сообщил Питер.

— Полиция уже выехала. Как по-твоему, откуда узнали?

— Из компьютеров Баннермана. Могу поспорить у них там вся моя жизнь. Конечно, и Бен Мартин фигурирует. Близкий друг. Из Дарьена до него недалеко.

— Едешь? — спросил Максвил.

Питер медленно покачал головой.

— Я все грозился, что начну играть по их правилам. Время настало.

— Ну вы, Стайлз, точно в каменном веке застряли. Моя интимная жизнь никого не касается, кроме меня. Желаете, хоть на Парк-авеню плакат вывешивайте. Меня не трогает.

Флоренс Тейлор Клингер, как и описывала ее Мэри, блондинка. Надменная, холодная, словно запотевший бокал, из которого она потягивала дайкири. Курила длинную светло-коричневую сигарету.

Питер разыскал миссис Клингер за угловым столиком У Уилларда Бэкъярда — в этом ресторане для миллионеров она ждала кого-то. Питер пытался поймать ее по телефону, но прислуга сообщила, что она ушла на весь вечер. В заметках Джейка отмечалось, что Флоренс живет на широкую ногу, посещает заведения, где собираются миллионеры и знаменитости.

Уиллард Бэкъярд, здешний хозяин, директор и метрдотель, был старый приятель Питера. В обязанности Уилларда входило оберегать именитых клиентов от всяческих докук.

— Кто ее знает, еще раскипятится, когда подойду, — сказал Питер Уилларду.

— Остудим, — пожал плечами Уиллард. — Мне же не вдомек, что дама, скужающая в одиночестве, возражает против беседы со знаменитым Питером Стайлзом.

Стоя у бархатного каната входа, Питер изучал женщину, о которой столько слышал. Ее вечернее платье с длинными рукавами — верх элгантности. Золотые волосы укладывал парикмахер высшего класса. Браслеты, кольца и жемчужина на цепочке стоят целое состояние. Весь наряд безупречно изысканного вкуса. Но в нем ощущалось что-то холодное и отстраненное. Эффект не рассчитан на других, — все только ради себя самой. Он легко представил, как она оглядывает себя в высокое зеркало, довольная своим видом.

— Дай мне три минуты, Уиллард. Раньше не подходи, — попросил Питер. — Надеюсь, дама пригласит меня обедать, но надо убедить ее.

— В любом случае тебе не миновать попадания в светскую хронику, — заверил Уиллард. — Там, неподалеку, обедает Синтия Стивенс. — Он отстегнул бархатный канат, и Питер направился, лавируя между столиками, к Флоренс.

Она увидела, что он подходит. Было совершенно ясно, он ей хорошо знаком. Обитатели ее мира наперечет знают

всех знаменитостей. И ей должно быть известно, что прославленный очеркист «Ньюсвью» занимается ее мужем. Питер чуть ли не физически ощутил, как она подбирается, готовясь к отпору.

— Позвольте побеседовать с вами несколько минут, миссис Клингер? — спросил он, остановившись у ее столика. — Меня зовут Питер Стайлз.

— Я знаю, как вас зовут. — Голос красивый, интеллигентный. — Нет, не позволю. Я, Стайлз, ни с кем не обсуждаю дела моего мужа.

— А свои?

Глаза у нее были необычного желтовато-зеленого оттенка и смотрели холодно и враждебно.

— Муж предупреждал, что вы попытаетесь встретиться со мной. — Она поискала взглядом Уилларда, тот стоял поодаль за бархатным канатом. Она вскинула искрящуюся бриллиантами руку, подавая ему знак. — Глупо подходить ко мне в общественном месте. Если хотите встречи...

Уиллард старательно не замечал ее сигналов.

— У меня нет времени уговаривать вас, — сказал Питер. — В моем распоряжении всего несколько часов, а там придется переходить к крутым мерам. Мои друзья уже пострадали от вашего мужа. Наступила пора отплатить. Чего только не выстрадали мои приятельницы: насилие, шантаж, похищение. Самая подходящая мишень для возмездия — это вы.

Она взглянула ему прямо в глаза: безмятежный взгляд, ни тени испуга.

— Меня, что же, изнасилуют, шантажируют и похитят? Как занимательно! Совершенно новые, неизведанные ощущения. Придется попросить Уилларда, пусть вызовет полицию.

— А мне так сдается, что шантаж, например, вовсе вам не в диковинку. Вы и ваш муж, вы оба эксперты по этой части. Не гнушаетесь шантажом, лишь бы удовлетворить свои утонченные потребности.

Странные глаза, не мигая, встретили его взгляд.

— Что ж, должна сознаться, я наконец заинтересовалась. Присаживайтесь при условии, что угостите меня дайкири.

Питер подозвал официанта, маячившего поблизости, и сел.

— Я знала, вы попыбуе вытнуть из меня что-нибудь насчет мужа. У него какие-то недоразумения с законом, — заметила она. Пальцы у нее — она играла своим

почти пустым бокалом, — были длинные, гибкие, изящные.

— У меня остался один шанс — ваша помощь. Не можете, значит, не хотите. Последствия будут очень неприятными, я вам обещаю.

— Ну, ну, держайте, — улынулась она. — Желаете, чтобы я продала своего мужа на корню?

— Исход судебного дела интересует меня только как репортера, — сказал Питер. — Если его осудят, нам будет приятно за наш суд — процесс велся как должно. Если же его оправдают, значит, правосудие рухнуло, победили шантаж и взяточничество. Но сейчас, миссис Клингер, меня волнует не суд. Серьезная опасность грозит близким мне людям. Одного задушили и повесили в моей квартире. Ваш муж никогда не упоминал о девушке по имени Элли Уилсон?

— Мы с мужем редко видимся, разве что на деловых обедах. И разумеется, о своих любовницах он со мной не откровенничает.

— Элли Уилсон совсем не его любовница. Она служит в редакции. Два дня назад ее изнасиловали и велели передать приказание редактору отказаться от дела. А дело-то вашего мужа. Потом ее похитили и теперь держат заложницей. На случай, вдруг мы раскроем опасно много. Сейчас, возможно, уже попала в те же руки и жена прокурора. Ищут они и любовницу вашего мужа, хотят и ее использовать против нас. Нас вынуждают обороняться на тот же манер. Времени для угроз уже нет. Где держат Элли Уилсон? Мне необходимо заставить заговорить кого-то из компании вашего муженька. Кто поддастся? Ваш муж? Карл Баннерман? В чьей власти отозвать наемных убийц, которые терроризируют наших сотрудников?

На красивом лбу появилась легкая морщинка.

— Вы вправду считаете, что я знаю? Или скажу?

— Я стараюсь убедить себя, что в компании Клингера есть хоть кто-то с проблесками честности, — сказал Питер. — Я твержу себе, что да, взяточничество и шантаж — расхожие средства в вашем мире. Но насилие, убийство, физические пытки — это все-таки немножко чересчур. Может, тут даже ваш личный кодекс чести трещит по швам: ведь рано или поздно все раскроется. Сегодня мне нужна безопасность этих женщин. Я готов купить ее. Но если я опоздал, берегитесь. Существует же кто-то, миссис Клингер, кому вы небезразличны? Кто кинется искать вас, если вы вдруг исчезните? Хотя у меня такое чувство, что в вашем мире никто никому не нужен. Каждый заботится только

о себе, о личной власти.

— Расскажите про свою Элли Уилсон,— попросила Флоренс, будто не слыша Питера.

— Симпатичная, порядочная женщина. Хороший работник. Ей около тридцати,— начал Питер.— Меньше года назад вышла замуж за Джорджа Уилсона. Его убили вчера ночью. Они очень любили друг друга. Этого вам, может, и не понять. Может, на ваш современный взгляд, их любовь чересчур старомодна. Трагедия в том, что они слишком тяжело заплатились ни за что. Они были винтики в игре. Элли — секретарша Девери, редактора «Ньюсвью». Прямого отношения к истории Клингера она не имеет. Джордж был нашим репортером. Участвовал в подготовке темы. Его заданием был Лестер Стронг, прокурор. Ни Элли, ни ее муж никем не командовали. Так, мелкая плотвичка. На них кинулись, давя на Девери, заставляя его бросить поиски правды. Клингеру Уилсоны ничем не угрожали.

— Вы меня удивляете, Стайлз,— бесстрастно и холодно прервала его Флоренс.— Уилсона, получается, убили из спортивного интереса? Только чтобы запугать редактора?

— Наверняка в последний момент Джордж на что-то наткнулся, выбежал из редакции вчера в третьем часу — ехать в Филадельфию, разыскивать жену. Он ничего не знал, у него не было никакой информации. Мы считаем, что до Филадельфии ему добраться не удалось.

— И вот так, мчась по городу, он что-то увидел или услышал и сделался опасным?

— Приходится думать так.

Она поигрывала бокалом.

— А с чего им потребовалась эта шлюшка? Подружка Томми? — поинтересовалась она.

— У нас был с ней разговор. Испугались, наверное, вдруг сболтнет что-нибудь.

— И наконец, Корал Трейн. Она ведь жена прокурора?

— Да. Здесь шантаж. Обуздывают Стронга.

— Томми для них очень важен, наверное, если пускаются на такие крайности, как думаете? — Она взглянула на него поверх бокала.

— Мне интересно, почему он важен. То ли без него не обойтись «Синему небу», то ли он использует свой талант шантажиста против своих же сотрудников.

— Не стоит недооценивать Томми! — засмеялась она.— Если его загнать в угол, он становится весьма опасным!

— Если меня довести, я тоже кусаюсь!

— Да ну! Такой романтик! — отмахнулась она. — Романтизируете брак этих пешек. Нафантазировали какую-то внутреннюю честность, якобы она сидит где-то во мне. Ждете — сейчас я разольюсь слезами и расскажу все-все, потому что в глубине души я очень, очень порядочная. Вам и в голову не влетит затянуть меня в уголок потемнее да выколотить все тайны. Для вас это вроде полета на Луну. Вы, Питер Стайлз, романтик. А в нынешнем мире и в окружающих вас людях нет ни на грош романтики. Вам не победить, потому что вы никогда не отважитесь на наши методы. В игру по нашим правилам вам не играть: слабо.

— Дайте ниточку к Элли Уилсон! Не то остерегитесь, как бы вся ваша теория не лопнула!

— Прямо жалко вас, — она отхлебнула дайкири, не спуская с него желто-зеленых глаз. — Правда. Из кожи лезете, помогая своим беспомощным друзьям. Таким я представляла себе порядочного человека, когда была помоложе. А теперь считаю: порядочные люди — просто глупцы. Вы спотыкаетесь о свою порядочность, когда тщитесь расшифровать факты.

— На что же это вы намекаете?

— Я вас пытаюсь излечить от романтизма. Станьте реалистом. Не доверяйте никому. И кончайте жить по шаблону. Например, вы убеждены, раз я женщина, то задрожу от ваших угроз; что в моей душе, как у вашей матери, жены или подруги, тлеет искорка порядочности. Ошибаетесь! Я живу в реальном мире, без иллюзий. И добиваюсь, чего желаю, любыми средствами. Вот сейчас мое желание: пусть меня оставят в покое, предоставят жить по-своему. Помочь вам? Чем же? Разве что советом. — Она поставила бокал и, откинувшись в кресле, улыбнулась ему холодно и язвительно. — Не будь вы, Стайлз, таким порядочным, вы бы атаковали слабых, не сильных. Я из сильных, но взгляните попристальнее во всех этих негодяев, и даже вы сумеете выделить слабое звено. Стайлз, не ошибитесь! Это не Томми! Вот так и попадают впросак порядочные вроде вас. Томми — загнанный зверь, он обороняется зубами и когтями: Слабый — тот, кто предает все, лишь бы не лишиться престижа. У Томми и его друзей, Баннермана и Клауда, престижа нет. Власть есть, но престижа нет. Тут им защищать нечего.

— Имя!

— Не доверяете! — в открытую расхохоталась она. — Жмете вслепую на все рычаги, кроме нужного. А ведь есть

один, который, пожалуй, и устрасится ваших угроз. Единственный. Один, кто расколется.

— Судья,— медленно произнес Питер.— Судья Элсворт.

— Роняющий где-нибудь слезы себе в пиво. Его прошибает пот от страха. Он ведь тоже читает газеты. Интересно, предполагал ли когда добропорядочный судья, что его сделка обернется соучастием в убийстве? Да не воображайте, что я пустилась в откровенности из каких-то там высоких побуждений! Нет. Только чтобы сохранить свой мир в целости. И самое смешное: сильно сомневаюсь, что вы слышите действительно то, что я пытаюсь вам открыть. О, извините, я вижу, ко мне пришли.

К ним шел Уиллард, ведя за собой кого-то. Флоренс приветливо заулыбалась. Ее мир пока что не дал трещины.

В вестибюле Питер позвонил Максвилу.

— Какие новости из Брустера? — спросил он.

— Тебе они не понравятся.

— Корал и Бен?..

— Не знаем.

— Что значит не знаем?

— Полицейские — четверо — приехали к Мартину. Пока добрались, уже почти стемнело. В них начали стрелять. Одного убили и одного серьезно ранили. К ним подошла помощь. Но пока суд да дело, они сами сравнивали счет.

— А именно?

— В лесу трое убитых стрелков. Живых не нашли никого.

— А Корал и Бен?

— Когда полицейские вошли, дом был пуст. Теплый кофейник, в пепельнице дымится сигарета. Но никого нет. В темноте лес не обещает. Только подставлять себя под выстрелы. Есть два варианта: парни «агентства» схватили миссис Стронг и Мартина, пока их дружки палили по полицейским, и увезли. Или те удрали сами, пока шла перестрелка. Не узнать, надо ждать от них весточки. А может, найдем их утром в лесу.

В висках у Питера гудело. Вечно опаздываем. Не успели увезти Элли, не успели защитить Корал, не успели помешать убийству Джорджа и бегству Мэри. На полшага сзади, всегда на полшага сзади.

— Ты не слушаешь? — сумрачно спросил Максвил.

Питер уставился на трубку. «Роняет слезы в пиво, прошибает пот от страха». Последний шанс, последний шанс.

Потом уже слишком поздно, ничего не поправить.

— К твоему сведению,— бросил Питер,— знай, я выхожу из категории порядочных!

— Что ты несешь? Послушай, Питер, я...

Питер повесил трубку.

В баре «У Салливана» былолюдно, шумно, весело. Проигрыватель-автомат гремел. Джейк Джекобс беспечно — в окружении девушек — мостился у стойки. Когда он увидел, что к нему пробирается Питер, то бросил подружек и поспешил навстречу.

— Что-нибудь наклеывается?

— Судья Элсворт. В твоём списке его нет. Телефона в справочнике не значится.

— Темная лошадка.— Вытащив блокнот, Джейк дал Питеру адрес в Сентрал-парк.— Здание в испанском стиле. Лет пятьдесят назад казалось изящным и красивым, да и судья тогда тоже был молодым и бодрым. А что такое?

— Некогда объясняться. Скажу одно: судья — мой последний шанс. Душу ему вышибу, а говорить заставлю.

— Слушай-ка, давай и я с тобой,— предложил Джейк.— Тебе он ни за что не откроет, стоит ему в глазок взглянуть. Ты не из тех, с кем судья мечтает пообщаться. А я сойду за посыльного. С девочками только попрощаюсь.— Он вернулся к девушкам у стойки, распростился под скорбные возгласы.

Поехали на такси, по дороге Питер рассказал все обстоятельно.

— Занятная особа эта миссис Клингер,— заметил Джейк.— И знаешь, она права. Слабое звено — судья. Половину судей в Нью-Йорке мафия купила, а остальные — собственность профессиональных политиков. Элсворт, похоже, душой и телом принадлежит «Синему небу». Страх прочно затыкает рты, Питер.

— И открывает тоже,— возразил тот.

В испанском особняке был большой темный вестибюль. У древнего телефонного коммутатора пожилой швейцар в форме читал пухлый журнал. Джейк сказал, что им к судье Элсворту.

— Нужно о вас доложить,— ответил старик.

Выйдя из полумрака, Питер открыл бумажник.

— В аптеку за угол не прогуляетесь за пачкой сигарет? — Он вытащил две бумажки по пятьдесят долларов.— Сдачу оставьте себе.

Рот старика дернулся.

— А какие сигареты, мистер?

— Любой марки. На ваш вкус. Я не курю.

Старик неуверенно потянулся за неожиданным богатством.

— Квартира четыре — два.

— Закон и порядок! — разглагольствовал Джейк в скрипящем и постанывающем решетчатом лифте. — Обыватель взывает к ним, пока закон не применят к нему. А за монету продадут и закон и порядок!

Коридор на четвертом этаже освещался мутными матово-оранжевыми лампами.

— Морг чертов! — ругнулся Джейк. — Осади назад, Питер. Уж если я уговорю старикана открыть, ему дверь не запереть.

Питер отодвинулся в оранжевый туннель. Джейк позвонил. Скоро дверь открыли, на цепочке.

— Кто там? — Джейк разглядел пожилую седую женщину.

— Миссис Элсворт?

— Да?

— У меня срочное поручение к судье.

— А почему о вас не доложили? — удивилась женщина.

— В вестибюле никого не было, мадам.

— От кого поручение? Судья работает, ему нельзя мешать.

— Скажите, от мистера Баннермана. Велено передать лично.

— Баннерман? Не знаю никаких Баннерманов.

— Вы судье передайте, он знает.

Дверь захлопнулась. Джейк и Питер томились, гадая, сработает ли. Спустя несколько минут дверь открылась, опять на длину цепочки. На этот раз Джейка разглядывал сам судья.

— Что за поручение? — спросил он.

— Через щелку не передашь, ваша честь. Сами знаете, мистер Баннерман не послал бы меня, коли не срочность. Велено вас спросить кое о чем и передать ответ хозяину.

Судья медлил, наконец, решил — снял цепочку и открыл дверь. Высокий, представительный старик с густыми седыми волосами и кустистыми черными бровями, сейчас насупленными. Джейк вошел, ухитрившись на секунду прислониться спиной к двери так, что проскользнул и Питер.

— Ну и ну! — удивился судья. — А это кто? Питер Стайлз?

— Он самый. И пожалуйста, попросите жену никуда не звонить.

— Нарушение неприкосновенности жилища, вторжение в квартиру, — запротестовал судья. — Это уголовное преступление!

— Убийство и похищение — тоже уголовное преступление. Пожалуйста, миссис Элсворт, очень вас прошу, оставайтесь с нами. — Джейк шагнул к двери, к которой бочком двигалась испуганная женщина, и преградил ей путь.

Комната была в стиле здания. Мебель темно-красного дерева, занавески на окнах — выцветший бархат. Висел потемневший портрет, может — отец судьи, и еще один — вероятно, сам судья лет тридцать назад.

— Вы не от Баннермана! — заявил судья.

— Но он открыл для нас дверь, — сказал Джейк.

— Мне некогда, Элсворт, — вмешался Питер. — Я здесь, чтобы узнать, где Элли Уилсон, Корал Стронг и Мэри Льюис. Надо ли объяснять, почему разыскивать их я пришел сюда? Мы оба в курсе, верно?

Старик отвернулся, губы у него шевелились.

— Я мало чем могу заплатить за информацию, — продолжал Питер. — Но вы юрист. Вам известно, какова степень вашей ответственности в убийстве Джорджа Уилсона, изнасиловании и похищении Эллен Уилсон, похищении Корал Стронг и покушении на Мэри Льюис.

— Кристиан! — прошептала старуха. — О чем он?

— Придется вам, Элсворт, рискнуть, не зная, какие у меня есть доказательства. Но не сомневайтесь, у меня будут все. Есть только одно средство добиться снисхождения закона. Пока не поздно, скажите, где искать этих женщин.

Старик повернулся и, ослабев, оперся на спинку кресла.

— Бред сумасшедшего! — задыхаясь, выговорил он. — Мне абсолютно ничего не известно об убийстве, насилиях, похищениях!

— Ох, как вам хотелось бы ничего не знать и не ведать! Вас выбрали судьей в деле Клингера, потому что вы у них марионетка! Риск затягивать слушание был невелик: может, вы даже предоставляли отсрочки на законном основании — прокурор не протестовал. Но вы узнали, почему он на все соглашается, и начали осознавать, что увязли. И глубоко. А как только узнали, они уже смогли прижать вас с двух сторон. Вам известно, и что случилось с Элли Уилсон, и почему. А сегодня утром, прочитав газеты, вы поняли, что

попали в соучастники убийства. Откроете, где держат Элли и Корал, у вас еще есть надежда выжить — не в качестве судьи, конечно. Последний шанс для вас, Элсворт. Единственный.

— Кристиан, неужели тут есть хоть капля правды? — спросила его жена. С ним она прожила всю жизнь — с первого взгляда ясно. И спрашивать не нужно.

— Элизабет! — тихо и отчаянно вскрикнул судья. Взглянул на Питера. В темных глазах стояли слезы. — Сначала все казалось таким невинным. Мне было велено вести суд над Клингером, подыгрывая защите. Фактически ничего незаконного. Лучший исход — Клингеру выносят оправдательный приговор. Худший — у защиты должны быть основания для апелляции, и я даю на нее разрешение. Но потом вдруг странно изменилось поведение Стронга. Он стал вести дело совести не так, как положено добросовестному прокурору. Я догадался, что и на него жмут. Не знал только как. Я предупредил Баннермана, что возникнут подозрения, так нельзя продолжать. Надо соблюдать внешние приличия. И вот тут-то он раскрыл мне, как они обуздывают Стронга, и меня будто громом поразило — я соучастник.

— Где держат Элли? — спросил Питер. — И куда увезли Корал?

— Ты должен им сказать, Кристиан, — приказала старуха. — Если для нас с тобой есть хоть какая-то надежда, надо сказать.

Судья облизнул посиневшие губы.

— На Ист-сайде есть дом, который принадлежит Бракстону Клауду. Необитаемый. В нем уже давно не живут.

— Там и заперли Элли?

— Наверняка не знаю. Но знаю, что домом пользуются для различных целей. Похоже...

— Адрес?

— Сейчас принесу. Он у меня в кабинете.

Он двинулся к двери, которую сторожил Джейк, приостановился, погладив жену по щеке дрожащей рукой.

— Кристиан! — прошептала та.

— Помогите судье разыскать что требуется, — кивнул Питер Джейку.

Джейк прошел за судьей. Миссис Элсворт вцепилась в куртку Питера.

— Вы же, мистер Стайлз, не гангстер, не преступник. Скажите мне правду, для Кристиана сейчас очень плохо?

— Он позволил сделать из себя винтик в машине преступлений. Может, даже и не предполагал, что так выйдет.

Но соучастником преступлений стал,неважно, по доброй воле или случайно.

— Соблазны всегда были велики. Но я верила, что Кристиан все отвергает. Я верила...

Питеру так и не довелось узнать, во что еще она верила. В соседней комнате раздался резкий хлопок выстрела и чей-то крик. Питер был уверен — Джейка. Он метнулся к приотворенной двери, держа наготове пистолет.

В своем кабинете судья Элсворт навалился на стол, полголовы было снесено. Рука все еще сжимала револьвер. Джейк — по виду его вот-вот стошнит — стоял в нескольких шагах, глаза за дымчатыми стеклами полны недоумения.

— Сказал, адресная книжка в ящике. Полез — вынул револьвер. И... и не успел я шевельнуться, как он сунул ствол в рот...

Сзади надрывалась в крике миссис Элсворт.

До приезда полиции и медэкспертов (их вызвал по телефону Джейк) Питер тщательно обыскал стол судьи, стараясь не потревожить труп. В ящике, выдвинутом Элсвортом, записной книжки не оказалось. Элсворт и не собирался искать адрес: только револьвер.

Телефона на имя Бракстона Клауда в Манхеттене не было. Поздно вечером отыскать запись о доме в справочной налогового бюро и узнать, каким домом владеет Клауд, невозможно.

— Да к тому же такой записи, может, и вообще не существует,— сказал Джейк.— Люди, подобные Клауду, орудуют через десятки корпораций, фальшивых или настоящих. Может, дом записан на имя какого-нибудь Джо Блоу.

Помощь свалилась неожиданно-негаданно. Элизабет Элсворт наконец овладела собой. Она принесла Питеру вязанный плед прикрыть тело мужа и ушла в гостиную, где замерла неподвижно, глядя на темные портреты.

Питер попытался утешить себя мыслью, что Элсворт и не знал адреса. Просто выдумка, повод достать револьвер. Но когда приехала полиция, Питер заметил, что миссис Элсворт подает ему какие-то знаки. Джейк висел на телефоне: разыскивал кого-нибудь из налогового бюро, кто вывел бы его на дом Бракстона Клауда.

Питер подошел к креслу старухи.

— Я глубоко сожалею, миссис Элсворт.

Она взглянула на него. В выцветших голубых глазах застыла боль.

— Кристиана уже не спасти, правда? То есть его репутацию. Он так гордился своей репутацией. Я догадывалась: последние недели творится что-то неладное. Первый раз за всю нашу жизнь, а женаты мы сорок пять лет, он не поделился со мной своими заботами.

— Боюсь, ничего не поделаешь,— сказал Питер.— Его самоубийство равносильно публичному признанию.

Она отвела глаза.

— Может, я сумею вам помочь? Хотя как-то искупить вину Кристиана.

— Но как, миссис Элсворт?

— Дам адрес дома.

Питер насторожился.

— А вы его знаете?

— 69-я Ист-стрит, между Ленсингтон и Третьей. Понимаете, моя сестра живет в том районе. Мы с Кристианом каждое воскресенье навещали ее, она инвалид. Улица такая красивая, деревьев много. Мне давно хочется переехать отсюда. Мы живем здесь чуть ли не с того дня, как поженились. Мне... было бы приятно переселиться поближе к сестре.

— Адрес, миссис Элсворт!

— В то воскресенье шли мы пешком, и я увидела особняк. Весь в объявлениях. Я подумала, может, продается. Кристиан догадался, о чем я мечтаю,— купить его. Помню, он рассмеялся и сказал: «Невозможно. По странному совпадению дом принадлежит Клауду. Как раз сейчас я веду дело, которое близко касается его». И все. Больше мы о доме не заговаривали. Я и не вспоминала, пока... Кристиан не заговорил. Может, это тот, который вы разыскиваете?

— Возможно. Спасибо вам.

— Пожалуйста, помяте с деятельностью Кристиана, мистер Стайлз...

Питер и Джейк стояли напротив особняка на 69-й. Единственный на весь квартал дом в объявлениях. Окна, парадная дверь — все залеплено объявлениями.

— Если тут вообще живут,— высказался Джейк,— то ходят через черный ход.

— Пойдем да посмотрим! — предложил Питер.

Проверяя, нет ли кого поблизости, Питер и Джейк направились проулком к черному входу. Позади оказался

сад, окруженный высоким деревянным забором. Джейк тронул друга за руку и показал: по низу окна на втором этаже полоска света.

— Живут, — шепнул Джейк. — Не лазают же они через забор. Значит, вход обязательно есть. Ходить как-то надо, верно? Давай попробуем с другой стороны.

Они осторожно двинулись в обход сада к восточному крылу. И снова рука Джейка коснулась Питера, на этот раз сильнее. Оба прислушались. Кто-то торопливо шагал проулком. Они отпрянули в тень.

Фигура прохожего вырисовывалась в смутном свете уличных фонарей. Высокий, долговязый, но двигается легко. Подойдя ближе, вытащил из кармана кольцо с ключами. На полпути у забора помедлил, звякнули ключи. Достал зажигалку, высек пламя: явно искал в заборе замок. Пламя зажигалки осветило худое костлявое лицо.

— Баннерман! — прошептал Джейк. — Карл Баннерман!

Разрабатывать план уже некогда. Питер в два прыжка настиг Баннермана и встал позади, приставив ему к голове пистолет.

Баннерман застыл, в одной руке — ключи, в другой — зажигалка.

— Открывайте! — приказал Питер. Баннерман медленно вставил ключ в замок и повернул. Калитка открылась внутрь. — Вперед!

Баннерман шагнул в сад, Питер следовал по пятам, а Джейк обеспечивал тыл. Он закрыл калитку, и Питер услышал, как щелкнул замок.

— Кто вы? — спросил Баннерман, не оборачиваясь.

— Питер Стайлз!

— Ночь дилетантов! — расхохотался Баннерман. — Что вы нас все под руку толкаете, Стайлз? Суетесь не в свое дело. И до того неловко и неуклюже. Вы какой-то ненастоящий.

— Зато пистолет настоящий! — Питер прижал дуло к голове Баннермана.

— О, в этом-то я уверен! Да сумеете ли вы курок-то спустить?

— А это уж как вам повезет. Но если пропускали мое имя через компьютер, знаете — сумею! Ну, шевелитесь, Баннерман! Мне нужна Эллен Уилсон.

— Мне кажется, пора уж вам рассуждать разумно. В доме вооруженные люди, вас они на кусочки искрошат.

— Итак, нас с вами похоронят в братской могиле. Полагаюсь на вас. Отзовете их. Ну а теперь — двигайтесь!

Два дня ярости и бессилия жгли Питера. Он подумывал, не отступить ли на шаг и не отвернуть ли пистолет, а то невольное движение пальца, и голова Баннермана разлетится. И пропади все пропадом! И помощь его не нужна!

— Может, договоримся? — предложил Баннерман.

— Что на что торгуем? — осведомился Питер. — Давай не задерживайся, приятель!

— Моя жизнь на ваши, — совершенно серьезно ответил Баннерман. — Вы же должны понимать, Стайлз, что ни случись сейчас, но в будущем — завтра, через неделю, месяц, год — вы обречены.

— Шевелись! — приказал Питер. Он понимал, о чем говорит Баннерман: наймут «агентство» отомстить, если разворошишь их гнездо, а гнездо — вот оно.

У входа Баннерман приостановился.

— Отпирай, отпирай! — Питер не колебался.

— Вот и загвоздка. Ключа у меня нет. Я звоню, к двери подходит вооруженный охранник — и начинается пальба.

— Так приготовься, Баннерман, доходчиво растолковать ему, что он убьет меня, только прострелив тебя, — посоветовал Питер. — Звони!

Донеслись отдаленные переливы звонка.

— Отойди-ка, Джейк, — велел Питер. Его палец плотно лежал на курке пистолета.

В доме слышались шаги.

— Кто там? — окликнул мужской голос.

— Говори, что положено, — шепнул Баннерману Питер. И почувствовал, как тот напрягся, но, глубоко вздохнув, обыденным тоном ответил:

— Баннерман.

Дверь распахнулась. Вооруженный гангстер в сумрачном длинном коридоре, свет где-то вдали. Поначалу гангстер не заметил Питера.

— Долгонько добирались, — сказал он с едва заметным акцентом.

Питер узнал голос безликого бандита, который свирепо бил его кастетом накануне.

— Видишь, Август, что за мной стоят? — спросил Баннерман. — К затылку мне приставлен пистолет. Пожалуйста, уразумей это. Пока что мистер Стайлз взял верх.

— Джейк! Забери у него пушку! — приказал Питер. Момент был острый. Гангстер с автоматом возьмет да рассудит, что Баннерман невелика птица.

— Мы еще отыграемся, Август, все впереди, — произнес Баннерман. Должно быть, у него возникли те же опасения, что и у Питера.

Из темноты выступил Джейк. Того гляди, им всем сейчас конец.

— До полочки убивать хозяев не положено! — бойко возвестил он. И без промедлений отобрал автомат.

— Умеешь им пользоваться, а, Джейк? Если нет, давай махнемся.

— Давай, — согласился Джейк. Сейчас, когда пик опасности миновал, говорил он не так уж весело. Протянул Питеру автомат и взял пистолет. — Ведите, Баннерман, а Август пойдет за вами, — велел Питер.

Баннерман зашагал. Стоявший темной тенью Август отступил. Поравнявшись с ним, Питер с маху ударил его прикладом по губам: раз, другой и — когда тот падал — третий. С опьяняющим удовлетворением.

— Это так, для начала, ты, подонок! — тихонько пообещал он. — Шевелись, Баннерман!

Они пошли по коридору, тусклый свет вдали становился ярче.

— Ты, Карл? — окликнул кто-то.

Сердце у Питера ухнуло. И этот голос он узнал: Лестер Стронг! Подозрение вдруг обернулось фактом.

— Да. К сожалению я.

Он вошел в гостиную впереди Питера. Стронг, поднявшись с кресла, встал им навстречу. В другом конце комнаты на диване лежал парень, на полу рядом валялся автомат. Он потянулся к оружию, и мгновенно завибрировал автомат в руках Питера. Парень вскрикнул и скатился с дивана, схватившись за окровавленную руку.

— Бросай сюда его пушку, Джейк! — На Стронга Питер глянул бешеными глазами.

Джейк быстро поднял автомат. Раненый корчился и стонал на полу.

— Баннерман отведет меня к Элли, — сказал Питер. — А ты охраняй Стронга и, если что попробует выкинуть, прикончи этого сукиного сына на месте!

Пальцы протоколиста-полицейского замерли над машинкой в ожидании продолжения. Питер откинулся на стуле. Он сидел у Максвила в участке. Глаза ломило, тело ныло, и щемило сердце за двух близких ему людей. Девери стоял у окна, наблюдая, как занимается над городом серенький

рассвет. Максвил, словно высеченный из камня, сидел за столом; время от времени его пальцы деревянно двигались, когда он записывал что-то в желтый служебный блокнот.

— Баннерман совсем пал духом,— ровно и бесстрастно продолжал Питер. Пальцы протоколиста отстукивали за ним рассказ на машинку. Но никаким словам не передать атмосферу момента.— Элли прятали в комнате на втором этаже. Она не хотела меня видеть. Ей хочется умереть, она потеряла всякий вкус к жизни. Мы все должны помочь ей.

— Изнасилование; смерть мужа,— сказал Девери.— Попробуй перенеси.

— Причина его убийства — вот что оказалось последней каплей,— объяснил Питер.— Видишь ли, Фрэнк. Джордж замешан в эту штуку давно. Мы же догадывались, что все мы в компьютере у Баннермана. По-прежнему мы там. И Джордж был там — бедный глупый жадный Джордж. Им требовался кто-то из штата «Ньюсвью» — осведомлять их о наших планах. И выудили его. Ему щедро платили, чтобы в нем ненароком не выиграло благородство.

— Не верится! — пробормотал Девери.

— Беда в том, что у них нечетко налажена связь. Когда Джордж доложил, что мы того гляди расколем Клингера, решили нас прижать. Но как — ему не сообщили. Конечно, Фрэнк, давить собирались на тебя. Разработали план — подкараулить какую-нибудь девушку, вечером попозже, изнасиловать и передать редактору приказ. Исполнители — гангстеры из «агентства убийств», наниматели — Баннерман и Стронг. Они заправляли всем.

— И что Стронг замешан, не верится,— заметил Девери.

— Он жаждал политической власти. И вот она, власть, на тарелочке, а в обмен — вытащить Клингера. В мире сколько угодно людей, которые не считаются с ценой в погоне за желаемым.

— И Стронг пошел даже на то, чтоб похитили его жену? — удивился Девери.

— Сам все и организовал, и с ней договорился. Обзавелся надежным прикрытием, на случай если у кого вдруг возникнут недоумения, отчего он, прокурор, так себя ведет. Но вернемся к Элли. Бандиты не знали, что женщина, над которой они надругались,— жена Уилсона. Для них она была «девка из «Ньюсвью». Но, конечно, стоило Джорджу узнать, он сразу понял, кто в ответе. Зачем ему ехать на вокзал? Он немедленно бросился к Баннерману. А может, к Стронгу. Он любил Элли, и его душило бешенство. Может,

набросился на кого из них, а не то пригрозил раскрыть все. А знал он немало. Убийство не входило прежде в их расчеты. Но Джорджа требовалось уговорить раз и навсегда. И они решили извлечь из ситуации двойную выгоду. Утихомирить Джорджа и припугнуть меня: повесили его в моей кухне.

— А с Клингером ты был прав? — спросил Девери. — Его вытягивали, потому что у него есть материал против кого-то из шайки? Уж не против ли самого Бракстона Клауда?

— Это еще предстоит узнать. Но с Клингером покончено. Попади он в капкан, опаснее зверя нет, считает его жена. Терпение, он еще поведает миру, что у него имеется.

— Ну а Корал Стронг и твой друг Мартин? — спросил Девери.

— Они в безопасности, — ответил Максвил. — Люди Баннермана выследили, где она, использовав, как мы и думали, информацию о Питере. Когда началась перестрелка, Корал и Мартин удрали в лес. Они мне позвонили вскоре после ухода Питера.

— А Льюис, которая где-то прячется и не знает, что она свободна и прятаться больше не надо? — поинтересовался Девери.

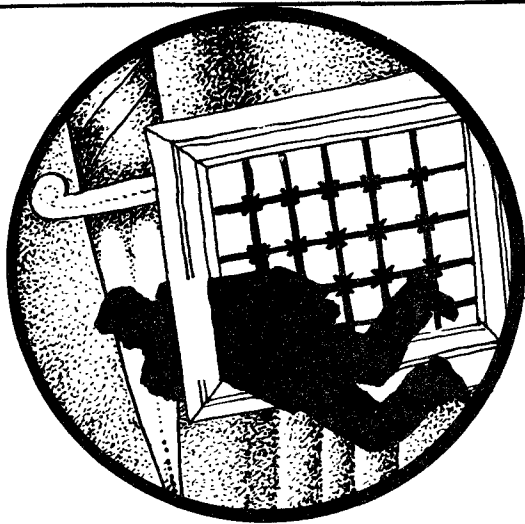
— Мне кажется, я знаю, где искать ее, — встал со стула Питер. — Я вам уже говорил — скорее всего она отправилась к своему приятелю. Тому, для которого возила наркотики.

— Иголка в стоге сена.

— Да нет, — отозвался Питер. — У Клингера есть материал на нее: фотография — она и ее приятель. Он умеет извлекать выгоду: использовал и девушку, и ее приятеля. Мне кажется, Мэри у Эрика Траска.

— Конец гулянью по кривой дорожке, — заключил Девери.

Конец путешествия Клингера по кривой дорожке, подумал Питер, но дорожка-то по-прежнему вьется. Максвил арестовал троих гангстеров, но они никуда его не приведут. Где-то дальше по кривой дорожке — логово преступников. Пока Питер не разыщет его, странствие не кончено. И есть две женщины, которым нужно строить жизнь заново. Тут начало, а не конец пути по кривой дорожке.

УБЕРЕПИ ЕЕ
ОТ ЗЛОГО
ГЛАЗА

ЧАСТЬ I

Глава 1

Невозможно вписать Джона Джерико в модный сейчас образ антигероя. Его габариты и внешность никак не укладываются в это прокрустово ложе. Ростом он шесть футов и шесть дюймов, весом — в добрых двести сорок фунтов¹, из которых на жир не приходится и унции. Добавьте к этому густые рыжие волосы и такого же цвета бороду и вы поймете, что такие люди нечасто встречаются на наших улицах. Более всего он напоминает мне викинга, перенесшегося к нам из далекого прошлого.

Выделяется он и на вечеринках. Если ему скучно, сидит как истукан, если весело — голос его восторженно гремит, бьющая из него энергия готова смести все и вся. По профессии он художник, и его работы, выставленные во многих музеях и частных коллекциях, вызывают много споров. Он рисует то, что видит и чувствует, в ярких тонах. Из черт характера главная в нем — стремление помочь слабому, будь то один человек или группа людей. Рисует он сердито, и зритель либо сразу становится его поклонником, либо шарахается в сторону. Его можно или любить или ненавидеть.

Впервые я встретил Джерико в Корее почти пятнадцать лет тому назад. Я служил в армейской разведке, Джерико — в группе коммандос, выполняющей задания командования за линией фронта. Разумеется в те дни он обходился без бороды. С первого взгляда меня поразило несоответствие его могучей фигуры и грациозной походки. В мои обязанности входило составление подробных отчетов о действиях коммандос. О Джерико отзывались как о человеке,

¹ Соответствует 195 см роста и 126 кг веса.

не ведающем страха. Последнее отнюдь не означало, что он невероятно храбр. При отсутствии воображения можно не признать опасности. Если человек не подозревает о ее существовании, ему не нужна храбрость, чтобы смело встретить ее. Но, по мере нашего знакомства, я убеждался, что воображения у Джерико хватает на двоих. Его ярко-синие, находящиеся в постоянном движении глаза ухватывали мельчайшие детали. Эта особенность впоследствии позволила ему стать очень хорошим художником.

В Корее наши отношения оставались чисто профессиональными, а подружился мы позднее, вернувшись домой и демобилизовавшись из армии. Наверное, нас свела воедино наша абсолютная несхожесть. Я, Артур Холлэм, низенький, толстенький, люблю сидеть и слушать. Люблю и поесть, причем вкусно. В некотором смысле я — гурман, для Джерико же пища — горючее, необходимое для поддержания работы двигателя, то есть тела. Я играю в бридж, трик-трак, шахматы. Джерико покоряет горные вершины и борется с несправедливостью. У меня голова, что компьютер. Я вбираю в себя информацию и перерабатываю ее для последующего использования в моих романах, которые пишу в стиле Кафки. Я — бесстрастный наблюдатель, увиденное и услышанное мною становится фоном, на котором разворачивается их действие. Джерико живет тем, что видит и слышит. В его суждениях нет полутонов, только черное и белое. Что-то он считает правильным, что-то нет. С последним он борется не на жизнь, а на смерть. Он не может пройти мимо несправедливости, он всегда протянет руку помощи больному, раненому, слабому. Кажется, я никогда не слышал от Джерико фразу: «Пусть это сделает Джордж».

Я охарактеризовал этого необычного человека, пусть и в самых общих чертах, для того, чтобы вы поняли, почему он вступил в борьбу с целым городом, почему вмешался в судьбу трагически несчастной женщины, которая сама относилась к «ходячим мертвецам» — людям, не видящим смысла в жизни, но продолжающим жить из-за боязни смерти.

Своим домом Джерико считает студию в Джефферсон-Мьюс, в той части Нью-Йорка, что называется Гринвич-Вилладж, но бывает он там редко. Скорее, это склад для его картин и бесчисленных эскизов, которые он успевает нарисовать, странствуя по свету. Время от времени он решает завязать с крестовыми походами и осесть в каком-нибудь тихом местечке, забыв обо всем, кроме живописи.

Во всяком случае, говорит он об этом так часто, что я уже начал пропускать его слова мимо ушей, зная, что он никогда этого не сделает. Вот и в тот день, когда мы обедали в ресторане клуба «Игроки», он поделился со мной желанием уделить пару месяцев пейзажам, а я взял, да поймал его на слове. У меня был экземпляр «Сэтдей ревью», и я сразу открыл раздел «Разное». Там можно найти все, что душе угодно. И я тут же отыскал «студию для художника», сдававшуюся в аренду на три месяца, поскольку ее владелец отправлялся в Европу.

— Или поезжай, или прекрати эти разговоры,— и я протянул журнал Джерику.

Следующим утром Джерику сел в свой ярко-красный, как пожарная машина, «мерседес» и покатил в Кромвель, штат Коннектикут. Он хотел показать, что действительно намерен рисовать пейзажи. Уехал он в понедельник. Я полагал, что мы увидимся за обедом в четверг. Едва ли он высидел бы больше в мире и покое. Каким же я оказался наивным. Там, куда приезжал Джерику, не оставалось ни мира, ни покоя.

Студия оказалась маленьким чудом. Прилепилась она к вершине холма, прямо над городом с его церковью времен Революции, шпиль которой возвышался над кронами деревьев, и озером Кромвель. Дело происходило в ноябре. буйные краски осени уступили место серо-бурому цвету с пятнами зелени хвойных деревьев на окружающих город холмах да белыми полосками стволов берез. Но для Джерику каждый цвет имел тысячи оттенков, так что первые два дня он не отходил от мольберта. В среду же, ближе к вечеру, он понял, что после приезда в Кромвель еще ни разу не поел как следует, питаясь только консервами, которыми запивал галлонами кофе.

Поэтому он сел в машину и поехал в «Макклюз хауз», ресторанчик, который заметил по пути в студию. Войдя в небольшой, уютный, отделанный деревом зал, он заказал бифштекс, салат из овощей, французский батон и вермонтский сыр. Все это он запивал дешевым «кьянти». К сожалению, в винах он совершенно не разбирался.

Пока он набивал табаком трубку в ожидании кофе, небо разверзлось, чтобы окатить город холодным дождем. Внезапно поднялся сильный ветер. Где-то вдали заурчал редкий для такого времени года гром. Джерику сажился в «мерседес» под чистым небом, поэтому не взял с собой ни плаща, ни шляпы. Ресторан к тому времени уже наскучил ему. Начали шуметь завсегдатаи в баре. Пианист играл слишком

громко. Джерико заплатил по счету и направился к выходу. Дождь лил как из ведра. Он мог утонуть, не дойдя до автомобиля. К нему подошел мужчина с загорелым лицом, седыми, коротко стриженными волосами, в клетчатом пиджаке спортивного покроя и серых брюках.

— Я Морис Макклюз, владелец ресторана. А вы — Джон Джерико, не так ли? Вы сняли студию Мартиню? Джерико кивнул. Пожал крепкую руку Макклюза.

— Я знаком с вашим творчеством, мистер Джерико. Был на выставке ваших картин, которые вы нарисовали в Конго. Прекрасная работа.

— Благодарю, — сухо ответил Джерико. Похвалы дилетантов не трогали его, он уважал только мнение профессионалов.

— Когда вы только пришли, я заметил, что вы без плаща, — продолжал Макклюз. — Я попрошу кого-нибудь проводить вас до автомобиля с зонтом. Как обед?

— Отличный.

— Надеюсь, вы еще приедете к нам.

— С удовольствием.

Расположение духа Джерико оставляло желать лучшего. Дружелюбие Макклюза казалось ему наигранным. Ему хотелось побыстрее добраться домой и, по возможности, сухим.

Один из официантов, раскрыв большой зонт, проводил Джерико на автостоянку. Он сунул официанту доллар и сел за руль «мерседеса». Лишь несколько капель упали на плечо его твидового пиджака.

Дождь и не думал стихать, так что канавы по обе стороны дороги превратились в мутные потоки. Фары пробивали лишь несколько футов сплошной пелены.

Женщина появилась перед машиной внезапно, но Джерико проявил отменную реакцию. Вывернул руль налево, чуть притормозил левой ногой и надавил правой на педаль газа. «Мерседес» заскользил юзом, его крыло разминулось с женщиной не более чем на фут, а передние колеса оказались в придорожной канаве. Ремень безопасности уберег Джерико от удара грудью об руль. Уголком глаза он заметил, что женщина упала лицом вниз на черный, блестящий от воды асфальт. Он знал, что не сшиб ее, но, возможно, она испугалась визга тормозов, отпрянула в сторону и, потеряв равновесие, упала.

Джерико посидел, приходя в себя, чувствуя, как на теле выступает пот. А затем дал волю словам. При необходимости ругался он, как бывалый матрос.

Отведя душу, он поднял воротник пиджака и отстегнул ремень безопасности. Открыл ящичек на приборном щитке, достал фонарь. И вылез в дождь, кляня всех и вся. Луч фонаря осветил женщину, лежащую на разделительной полосе. Джерико подошел, присел рядом с ней.

— С вами все в порядке?

Женщина не шевельнулась, ничем не показала, что слышит его. Ее фланелевый костюм и маленькая шляпка промокли насквозь. Джерико направил фонарь ей в лицо. Веки оставались закрытыми. Он толкнул ее. Никакой реакции. Конечно, Джерико не мог оставить ее на дороге. Поднял, как пушинку, и понес к «мерседесу». Открыл переднюю дверцу, осторожно усадил ее и тут же захлопнул дверцу. Женщина привалилась к дверце, голова упала на грудь.

Джерико обошел автомобиль, сел за руль. Пиджак пропитался водой. Волосы слиплись, на бороде блестели капельки воды. Он вытащил из кармана носовой платок, вытер лицо и руки. Женщина так и сидела, привалившись к двери. Он наклонился к ней, протянул руку, чтобы нажать стопорную кнопку. Его окатило волной перегара. Он коснулся руки женщины. Холодная как лед.

— Она была пьяна,— говорил мне потом Джерико.— Нализалась до чертиков. У меня даже возникло желание открыть дверцу и вывалить ее в кювет.

К пьяницам отношение у Джерико однозначное. Сам он не трезвенник. И не против шумной пирушки. Но терпеть не может тех, кто пьет ради того, чтобы пить. Он презирает мужчин, которые норовят усесться в уголке, опрокидывая стопку за стопкой. А уж пьяных женщин не переносит.

— Они забыли о том, ради чего живут на свете,— частенько слышал я от него.— Они перестали украшать нашу жизнь.

Разумеется, он не мог оставить женщину на дороге, пьяную или трезвую. Завел мотор «мерседеса», дал задний ход. Вырулил обратно на асфальт и поехал к Кромвелю. По пути пару раз взглянул на женщину. Лет тридцати, не больше. В другом месте и при других обстоятельствах ее можно было бы назвать красавицей.

У самого въезда в город находилась бензоколонка и мастерская по ремонту автомобилей. Джерико останавливался там в понедельник, когда приехал в Кромвель. В «мерседесе» забарахлило зажигание, и механик быстро все отрегулировал. На этот раз он подъехал к бензоколонке. Потряс женщину за плечо.

— Мы приехали.

Она не ответила, не пошевелинулась. Только высокая грудь мерно поднималась и опускалась под мокрой одеждой.

Джерико выскочил из автомобиля и шмыгнул под навес бензоколонки. Юноша в комбинезоне приветствовал его улыбкой.

— Ну и в ливень же вы угодили.

— Да, не повезло,— кивнул Джерико.

— Если вы хотите заправить машину, мистер Джерико, подайте чуть вперед.

Похоже, весь Кромвель знал, кто он такой. Продавец бакалейного магазинчика, где он покупал консервы, Макклюз, теперь вот этот парень. Наверное, агент по продаже недвижимости, через которого он снял студию, сообщил всему городку о его приезде.

— Посоветуйте, что мне делать,— обратился Джерико к юноше.— На дороге я едва не наехал на пьяную женщину. Она отключилась. Может, вы знаете, кто она? Ее же надо отвезти домой.

— Сейчас посмотрю,— юноша накинул дождевик и прошел к «мерседесу». Глянул на женщину и тут же вернулся под навес, на его лице появилось странное выражение.

— Это Марсия Поттер.

— Так кому нам позвонить?

— Я думаю, ее мужу. Джиму Поттеру.

— Что ж, давайте ему позвоним.

Они прошли к телефону-автомату. Юноша нашел в справочнике нужный номер, Джерико бросил в прорезь десятицентовик, набрал номер. Им ответили длинные гудки. Похоже, никто не собирался снимать трубку в доме Поттеров.

— У вас в городке должен быть полицейский, не так ли? — спросил Джерико.

— Вик Салли,— ответил юноша.

— Так позвоним ему,— Джерико начал проявлять нетерпение.

— Тогда ей придется туго,— юноша взглянул на «мерседес».

— Ну и черт с ней. Я не собираюсь торчать здесь всю ночь,— рявкнул Джерико.

— Она освобождена условно. Если Салли найдет Марсию пьяной, он арестует ее. Если она снова появится на людях выпивши, ей придется отсидеть год за решеткой.

— Снова?

— Она — алкоголичка, но ее нельзя не пожалеть. В июне ее ребенок утонул в озере. Мальчик, восьми лет.

— Это ужасно,— покачал головой Джерико.

— Конечно. Видите ли, она заснула на берегу и не услышала, как ребенок звал на помощь. Муж, естественно, винит ее в смерти сына. Да и остальные тоже. Никто не питает особых симпатий к алкоголикам. Но парень у нее был хороший, крепкий, здоровый мальчик.

Примерно два месяца тому назад она и ее муж обедали в «Макклюэ хауз». Она, естественно, набралась.

— Муж покупал ей спиртное? — синие глаза Джерико внезапно зажглись холодным огнем. Любой пьяница — идиот. Но алкоголик-то — больной человек.

— Наверное,— юноша пожал плечами.— Они обедали вместе.

— Разве можно приводить алкоголика туда, где пьют?

— А куда еще? «Макклюэ хауз» — единственное приличное заведение в городе.

— Я проезжал «Молочную королеву».

Юноша рассмеялся.

— Уж туда-то Поттеры не пошли бы никогда.

— И напрасно. Так что произошло?

— Две женщины за соседним столом судачили о ней, говорили, что она виновата в смерти ребенка. Она их услышала. Взяла бутылку и набросилась на них. К счастью, она их не убила. Разумеется, они обратились в суд. Судья пожалел миссис Поттер. Он понимал, каково ей после смерти сына, и подчеркнул, что терпеть не может сплетен. Он дал ей год условно, при условии, что она бросит пить на людях. Если Салли заберет ее в пьяном виде, она тут же отправится за решетку.

Запьешь тут, подумал Джерико. Восьмилетний сынишка!

— Где она живет?

— Примерно в миле от города по Дороге 4. Справа увидите почтовый ящик с надписью «ПОТТЕР».

— Давайте окажем даме услугу,— вздохнул Джерико.— Вы нас не видели, так?

— Конечно,— улынулся юноша.

Едва ли он будет держать язык за зубами, подумал Джерико, направляясь к машине...

Марсия Поттер долго находилась под дождем, если шла пешком от дома до того места, где ее подобрал Джерико. Дорога 4 начиналась на другой стороне города. Она отшагала четыре или пять миль.

Дом Поттеров он нашел легко, не только по почтовому ящику, но и по освещенным окнам.

Джерико свернул на подъездную дорожку и нажал на клаксон. Безрезультатно. Во всех окнах горел свет, но гудка, похоже, никто не услышал. Он вновь попытался разбудить Марсию. Та застонала. Ругаясь, Джерико вылез из кабины. Дождь лил с той же силой. Открыл дверцу со стороны сиденья пассажира. Если б он не подхватил Марсию, она вывалилась бы на грязную подъездную дорожку.

С нею на руках он поднялся на крыльцо, нажал кнопку звонка. Никто и не подумал открыть ему дверь.

— Есть тут кто-нибудь? — раздраженно заорал он, но ответа не получил.

Тогда Джерико повернул дверную ручку. Дверь подавалась, и порыв ветра тут же распахнул ее. Он внес женщину в дом и ногой закрыл за собой дверь.

В гостиной, все еще держа ее на руках, осмотрелся. Комната ему понравилась. Добротная мебель, удобное, обтянутое красной кожей кресло, полки с книгами, китайская ширма в одном углу. Поттеры подбирали вещи, которые им нравились, не думая о том, как они сочетаются друг с другом. Чувствовалось, что это жилая комната, а не музей. На низком кофейном столике он заметил пустую бутылку из-под шотландского виски, ведро со льдом и бокал. Марсии Поттер, понял он, не хватило одной бутылки, и она отправилась на поиски второй.

— В тот момент я начал думать так же, как жители Кромвеля, — потом признался он мне. — Марсия уже не вызывала у меня добрых чувств.

Дверь в дальнем конце комнаты вела в коридор. Джерико с Марсией на руках пересек гостиную, вошел в коридор, заглянул в первую дверь по правую руку и, похоже, попал в комнату Марсии. На столике у кровати горела лампа. Флаконы с лосьонами, духами, одеколонами, баночки с кремом и пудрой стояли на туалетном столике под зеркалом.

Джерико опустил Марсию на кровать. Он сделал все, что мог. И теперь имел полное право ехать домой и переодеться. Кому приятно ходить во всем мокром. Он уже поворачивался к двери, когда заметил фотографии, лежащие на столике. Фотографии маленького, улыбающегося светловолосого мальчика. Его фотографировали в течение нескольких лет. У нее был очаровательный ребенок, отметил Джерико. Какое, должно быть, потрясение испытала эта женщина, когда он утонул, пока она спала пьяным сном. Чего уж тут удивляться, что ее муж не ночует дома?

Он повернулся к Марсии. От озноба у нее стучали зубы. Джерико взял ее за плечи и с силой потряс. Он хотел привести ее в чувство, потому что она могла заболеть воспалением легких, если б осталась в мокрой одежде. Но у Марсии даже не дрогнули веки.

Выругавшись, Джерико начал раздевать ее. Снял туфли и чулки. Сунув руку под плечи, приподнял, чтобы снять жакет и блузку. За ними последовали юбка и мокрые трусики. Он оглядел Марсию.

— Большая грудь, широкие бедра, фигура женщины-матери, — рассказывал он мне. — Женщин такого телосложения прославили художники Ренессанса. Возьми Рембрандта и его Данаю, — он заметил усмешку в моих глазах. — Об этом я и не думал, идиот. По моему разумению, в любовной игре должны участвовать двое. А она более всего напоминала труп.

Джерико прошел в смежную со спальней Марсии ванную, нашел широкое махровое полотенце и вернулся к кровати. Ее ледяное тело сотрясало в ознобе. Он начал энергично растирать ее спину и грудь полотенцем, пока кожа не порозовела. После этого уложил Марсию под одеяло. Но ее все еще трясло.

В шкафчике для белья в ванной он нашел электрическую грелку, вернулся в спальню, вставил штепсель в розетку, а грелку положил Марсии на живот.

Затем через гостиную прошел на кухню. Любому другому в такой ситуации Джерико прописал бы хороший глоток виски. В данном случае приходилось ограничиться кофе или горячим бульоном. Он налил воды в чайник, поставил на электрическую плиту, повернул регулятор на максимальный нагрев. Только тогда он почувствовал, что и сам заledenел.

Джерико достал из буфета чашку с блюдцем и банку растворимого кофе, вернулся в гостиную. Разжег огонь в камине, благо, что хозяйева заранее положили в него дрова. Сухое дерево сразу занялось.

Снял пиджак, повесил на спинку стула, пододвинул его поближе к огню. Снял мокрую рубашку, выжал ее и повесил на другой стул. Вспомнил о струе горячей воды, которая хлынула из крана, когда он наполнял чайник.

Раздетый по пояс, он прошел в коридор. Заглянул в спальню Марсии. Зубы у нее уже не стучали.

— Придется воспользоваться твоим гостеприимством, детка, — пробурчал Джерико.

Открывая одну за другой выходящие в коридор двери,

он нашел вторую ванную. Разделся догола, встал под душ, задернул занавеску, включил воду. Мгновением позже он уже блаженствовал под горячей струей.

Внезапно занавеска распахнулась, и абсолютно голый Джерико оказался лицом к лицу с незнакомым мужчиной в мокром плаще и с мокрой шляпой в руках. В оскале обнажились его зубы.

— Так вот оно что! — прорычал он. — Сукин ты сын! Повернулся и исчез.

Глава 2

Джерико выключил воду, вышел из ванной, схватил полотенце. Прислушался. Хлопнула входная дверь. Десять против одного — это муж Марсии, подумал он. Но каков балбес! Неужели он не мог подождать, чтобы ему объяснили, что к чему?

Джерико вытерся, надел мокрые трусы и брюки. Носки он понес в гостиную. Его рубашка согрелась и высохла, Джерико надел и ее. Босиком прошел в кухню. Чайник кипел, и он положил в чашку ложку растворимого кофе, залил его кипятком. Полную чашку он отнес в спальню Марсии. Она уже совсем не дрожала, но разбудить ее не удалось. Он попытался поднять ее и влить в рот немного кофе, но Марсия не желала разжать зубы. Тогда он вновь уложил ее и укрыл одеялом. Какое-то время стоял, не отрывая от нее взгляда. Рыжеватые волосы Марсии рассыпались по подушке. Что-то в ней было детское, незащищенное. Маленький мальчик на фотографии был похож на мать.

С чашкой кофе Джерико вернулся в гостиную и выпил его сам. Скорчил гримасу. Ел и пил он все подряд, но вот кофе предпочитал лучших сортов. А этот по вкусу напоминал жидкость для чистки раковин.

Он пощупал пиджак. Еще несколько минут, и его можно надеть. А может, у сердитого мистера Поттера найдется дождевик, который можно одолжить на несколько часов.

В стенном шкафу Джерико ничего не нашел. Вернулся к камину. Достал из внутреннего кармана пиджака трубку и пластиковый, водонепроницаемый кисет. Поттер, думал он, набивая трубку, скорее всего, ждет его у входа, чтобы вновь появиться в доме и закатить скандал Марсии. А ей и так нелегко.

Джерико пододвинул большое кожаное кресло поближе к камину, разжег трубку, сел, расслабился в ожидании возвращения сердитого мужа. Он разобъяснит Поттеру, что к чему...

Джерико поднял голову. Солнечный свет вливался в окна. В камине осталась лишь серая зола. Урагана как не бывало. Джерико взглянул на часы. Он проспал семь часов.

Джерико надел носки, ботинки. Прошел к комнате Марсии. Та все еще спала.

Джерико решил, что пора поехать домой и позавтракать. Потом подумал, что сначала стоит разбудить Марсию и рассказать ей о событиях предыдущего вечера, чтобы она могла опровергнуть абсурдные обвинения мужа. В том, что Марсия ничего не помнит, он не сомневался. Поэтому Джерико пошел на кухню и вновь поставил чайник на плиту. Отыскал в холодильнике ветчину и яйца. Он изрядно проголодался и начал готовить себе завтрак. Но только подставил сваренные яйца под струю холодной воды, как за спиной раздался женский голос:

— Кто вы такой?

Джерико обернулся.

Марсия стояла на пороге, закутанная в белый махровый халат. Впервые он увидел ее глаза, темно-синие, чуть ли не фиолетовые. Их наполнял ужас.

— Джон Джерико, миссис Поттер, — он положил яйца на тарелку. — Я привез вас домой вчера вечером. И остался на ночь, чтобы убедиться, что с вами ничего не случится.

— А куда подевалась моя одежда?

— Вас знобило. Вы промокли насквозь. Я...

— Вы провели здесь всю ночь?

— Да.

Ее качнуло к другой стороне дверного проема.

— О, боже, — прошептала она.

— В кресле, в гостиной, — пояснил Джерико. — Перед камином. Я бы не остался, если б ваш муж не застал меня и не убежал, не дождавшись объяснений. Я был в душе и не успел остановить его. Я решил, что будет лучше, если он обо всем узнает от меня. Я думал, что он вскорости вернется, но этого не произошло.

— О чем вы хотели ему рассказать? — она не поднимала глаз.

— Вы отключились на дороге в двух милях от города.

Я едва не задавил вас. Я не мог оставить вас на асфальте, потому что лило как из ведра. Такого сильного ливня я что-то и не припомню. На бензоколонке мне сказали, кто вы, и я отвез вас домой.

— Зачем вам лишние хлопоты?

— Мне сказали, что у вас будут неприятности, если я вызову местного полицейского. У вас от озноба стучали зубы, поэтому я снял с вас мокрую одежду, растер полотенцем и уложил в кровать с грелкой.

— И все? — прошептала она.

Тут уж Джерико разозлился. Эти женщины и их добродетель, которую они так берегут, пока не захотят с нею расстаться.

— Моя дорогая миссис Поттер, если вы спрашиваете, переспал ли я с вами, то могу ответить, что нет. Вы были пьяны. Пьяные женщины меня не привлекают.

— О, боже!

— А теперь выпейте-ка кофе. У вас я нашел только растворимый. На вкус ужасный, но хоть горячий.

Она медленно повернулась к Джерико.

— Вам рассказали о Томми?

— Вашем сыне?

Ее перекосило, как от боли.

— Они пришли в зеленых резиновых костюмах, с зелеными лапами на ногах, в зеленых масках с одним белым глазом. Они ныряли, ныряли, ныряли.

— Спасатели?

— Раньше в этом озере никто не пропадал. Тело всегда находили. Всегда, всегда, всегда! «Не волнуйтесь, миссис Поттер,— говорили они.— Оно обязательно найдется». Они рассуждали о течениях и водорослях. «Оно» в их устах означало тело Томми. «Очередной шторм освободит его»,— говорили они. Вчера разразилась жуткая гроза. Я пошла его искать,— ее голос переполняло страдание.

Июнь, сказали ему на бензозаправке. Мальчик утонул пять месяцев тому назад.

— Я не знаю, как мне отблагодарить вас, мистер Джерико,— Марсия попыталась взять себя в руки.— Многие, в том числе и мой муж, с радостью переправили бы меня вчера вечером к Вику Салли.

— Мы еще успеем поговорить, а сейчас выпейте кофе,— Джерико улыбнулся.— Это приказ.

Мокрая кошка, которую Джерико подобрал на дороге, сидела на тахте, облезлая и полуживая. В белом халате, с рыжеватыми волосами, падавшими на плечи. Она пригуби-

ла кофе, который принес Джерико, и поставила чашку на столик. От яиц отказалась. Ее взгляд то и дело возвращался к пустой бутылке из-под виски. Тяга к спиртному с самого утра, плохой признак, подумал Джерико.

Он сидел в кожаном кресле, лицом к ней, ел яйца, сваренные вкрутую, запивая их кофе.

— Я думаю, что должен найти вашего мужа.

Она закрыла глаза.

— Это не имеет значения.

— Ему надо все объяснить, — покачал головой Джерико. — Он приехал домой и нашел вас в постели, а меня — в душе. Такая ситуация обычно толкуется однозначно.

— Он и истолкует, с вашими объяснениями или без них.

— Вы действительно не помните, что произошло вчера вечером?

Фиолетовые глаза раскрылись.

— Вы сказали мне правду, не так ли?

— Естественно. Но вы-то не помните? Не помните, как свалились перед моей машиной и как я привез вас сюда? Как раздел и уложил в постель?

Она опустила глаза.

— Нет.

— Вы и раньше так отключались?

— Да.

— И какие вы принимаете меры?

— Меры?

— Если алкоголь для вас — яд, разве вы не пытаетесь отказаться от этой дурной привычки?

Она вновь глянула на пустую бутылку. Дернулся уголок ее рта.

— Кто вы, мистер Джерико? Всеобщий благодетель?

— Мне действительно частенько приходится совать нос в чужие дела, — без тени улыбки ответил Джерико. — Вчера вечером я оказал вам услугу. Вы могли бы отблагодарить меня за нее, отвечая на вопросы.

Она покачала головой.

— Извините. У меня внутри все дрожит. Вы... у вас... нет ли у вас в машине чего-нибудь?

— Чего-нибудь?

— Выпивки, черт побери!

— Нет.

Ее глаза широко раскрылись, полные душевной муки.

— Пожалуйста, мистер Джерико, не могли бы вы съездить в винный магазин. До него всего полторы мили.

— Нет,— он поставил тарелку и пустую чашку на стол.

— В городе мне спиртного не продают. Приходится ездить за двадцать миль, в штат Нью-Йорк, чтобы купить бутылку.

— Я знаю вас недостаточно хорошо, чтобы помогать вам убивать себя.

— Вы чудовище! — дрожь прокатилась по ее телу.— Почему бы вам не уехать отсюда? Оставьте меня одну!

— Как скажете,— он поднялся, направился к двери.

— Мистер Джерико!

Он оглянулся. Марсия наклонилась вперед, оперлась руками о кофейный столик.

— Вы судите меня, как все,— с жаром воскликнула она.— Пьянчужка, из-за которой утонул ее ребенок, говорите вы себе. Пусть она варится в собственному соку. Я не была пьяна, когда Томми... ушел. Не была, мистер Джерико, не была!

Он стоял, а руки автоматически набивали трубку табаком из кисета. Бедная, заблудшая душа, думал он. Как много она жаждет: новой бутылки, человека, которому можно выговориться, сочувствия, воскрешения погибшего сына. Самое простое — немедленно уехать отсюда. Марсия нуждается в помощи, дать которую не в его силах. Больница и психиатры — вот в чем ее спасение.

— Вы хотите рассказать мне о том, что тогда произошло? — услышал он свой голос. Джерико никогда не покидал попавших в беду.

Марсия выпрямилась, запахнула халат у шеи.

— Я пила. Признаю, пила. Томми было только восемь. Мы понимали друг друга с полуслова. Думаю, он чувствовал, со мной что-то не так. Не в тот день, а вообще. Он знал, что мы с Джимом грызлись днем и ночью, словно цепные собаки. А с Томми все было наоборот. Мы вместе играли, смеялись, читали книжки, придумали целый мир, где все веселились, где жили замечательные люди,— она глубоко вздохнула, всхлипнула.— В тот день он захотел выкупаться. Он плавал как рыба. День выдался жарким, первый жаркий день июня. Я могла бы отвезти его в «Береговой клуб», со спасательной службой, где он мог встретить друзей. Но я... мне не хотелось никого видеть,— она заскрежетала зубами.— Меня всю ломало. Я боялась, что зайдусь криком, если не выпью. Тогда я еще пыталась не пить до обеда, чтобы оставаться относительно трезвой к тому часу, когда Томми укладывался спать. Перед сном я обычно читала ему. И я знала, что в «Береговом клубе» не смогу удержаться,

а напрямик пойду в бар. Вы можете это понять, мистер Джерико?

— Я не могу удержаться совсем от другого, — ответил Джерико. — Но, возможно, я вас понимаю.

— Я предложила Томми поехать к дальнему концу озера, где мы не раз бывали раньше. Там есть небольшой причал, с которого он мог нырять. Этот участок принадлежал моим друзьям, и они разрешили приезжать туда в любое удобное мне время. И мы поехали. Я сидела на траве, недалеко от берега, под тенью большого вяза, и смотрела, как он плавает и ныряет. «Посмотри, мама», — кричал он перед особенно смешным прыжком. Потом он заинтересовался мальками и начал их ловить. Я легла на траву, меня сморило. Спала я, должно быть, с час. Потом проснулась, но его не было! Не было! Он взял с собой игрушечную яхту, и только она плавала на воде, у самого конца причала. Но не Томми. Я звала его, звала, звала! Ответа я не получила. Больше я его никогда не видела. Но, если б он позвал на помощь, я бы его услышала, мистер Джерико. В тот день я ничего не пила. Просто заснула. Такое могло случиться и с его отцом, и с вами, с кем угодно. Жаркий душный день. Заснуть мог любой.

Она замолчала. Две большие слезы скатились по ее щекам. Джерико ждал продолжения.

— Я бы услышала, если б он позвал на помощь, — повторила Марсия. — Ночью я просыпалась, стоило ему кашлянуть в своей комнате. Мать всегда неуловимо связана с собственным ребенком.

— И что вы сделали, обнаружив, что его нет? — после долгой паузы спросил Джерико.

— Сначала мне и в голову не пришло, что он где-то в воде, — ответила она. — Я подумала, что он ушел в лес. Пошла его искать, звала. Леса там совсем ничего. Заблудиться он никак не мог. Наконец, сама не своя от страха, пошла в дом к друзьям и позвонила в полицию. А все почему-то не сомневались, что он утонул. Взгляд Джима упрекал меня в его смерти. Потом появились эти люди в резиновых костюмах. Они не нашли Томми. Но сказали, что тело обязательно всплывет через день или два. Оно не всплыло ни тогда, ни после, — ее глаза впились в бутылку. — Пожалуйста, мистер Джерико, съездите для меня в винный магазин.

— Нет.

Губы Марсии изогнулись в сухой улыбке.

— В мире полным-полно добродушных, веселых недо-

теп вроде вас. Вам никогда не понять таких, как я, которым незачем жить, ходячих мертвецов! Перестаньте прикидываться хорошим парнем и выметайтесь отсюда, да поживее!

— До свидания, Марсия, — Джерико направился к двери, но не успел дойти до нее, как она распахнулась.

В гостиную вошли трое мужчин. Один в полицейской форме, почти такой же здоровяк, как Джерико, с суровым лицом. Его рука лежала на рукояти пистолета, выглядывавшей из кобуры. Второй — интересный, с преждевременной проседью в волосах. Брюки, спортивного покроя пиджак, пальто из добротной материи, явно сшитые на заказ. На его губах застыла саркастическая усмешка. Третий — хрупкого телосложения, светловолосый, бледный от ярости.

— Вы — Джон Джерико? — спросил седоволосый.

— Да.

— Я — Джордж Бартрэм, прокурор этого округа. Это, — он указал на блондина, — Джим Поттер. И патрульный Салли.

Синие глаза Джерико уперлись в Поттера. Он ничем не выразил своего изумления. Ибо совсем не Джим Поттер застал его в душе прошлой ночью.

— Я имею право убить вас, — голос Поттера дрогнул.

Глава 3

Марсия окаменела. Смотрела она не на мужа, а на прокурора.

— Как я понимаю, вы выбрали миссис Поттер на дороге во время вчерашней грозы, — констатировал Бартрэм.

— И привезли ее домой, и остались на ночь! — добавил Поттер.

Теперь, когда пришло время объясниться, Джерико неожиданно понял, что ему не хочется говорить с этими людьми. В нем тоже начала закипать злость. Поттер словом не перемолвился с женой, даже не посмотрел на нее. Надо сказать, все трое словно и не замечали присутствия Марсии.

— Тебе задали вопрос, приятель, так уж будь добр ответить, — Салли поглаживал рукоять пистолета.

Джерико оглядел патрульного. Ему приходилось сталкиваться с такими громадами, к примеру, в Селме, штат Алабама, правда, тогда кроме пистолетов они держали в руках дубинки, велосипедные цепи, гранаты со слезоточивым газом.

— Я арестован? — спросил Джерико. — Я нарушил какой-то закон?

— Законы общественного приличия! — взорвался Поттер.

— Спокойнее, Джим, — Бартрэм все еще улыбался. — Возможно, вы не в курсе сложившейся здесь ситуации, мистер Джерико. Миссис Поттер, — он не смотрел на нее, — тяжело больна. Она не может или не хочет помочь себе, поэтому пришло время, когда мистер Поттер должен взять инициативу на себя.

— Больна? — бесстрастно спросил Джерико.

— Мистер Джерико, — в голосе Бартрэма послышался упрек, — на бензоколонке вам же все рассказали. Поэтому вы и отвезли миссис Поттер домой, вместо того чтобы связаться с Салли. Миссис Поттер освобождена условно. Суд вынес решение, запрещающее ей употребление алкоголя. Вчера ночью, когда вы выбрали ее, она была пьяна. И теперь ей придется отбыть срок, скорее всего в больнице штата, где ей окажут необходимую помощь.

— И основой для приведения приговора в действие станут мои показания? — спросил Джерико.

— Совершенно верно.

— А как же тот юноша на бензоколонке?

Улыбка застыла на губах Бартрэма.

— Он видел ее в вашей машине, но мог судить о ее состоянии только по вашим словам.

— И что я ему сказал?

— Что она отключилась прямо на дороге и вы едва не наехали на нее.

Джерико глубоко вдохнул:

— Этот юноша ошибся.

Мужчины уставились на него. Улыбка Бартрэма поблекла.

— Послушайте, мистер Джерико... — начал он.

— Лучше послушайте вы, — оборвал его Джерико. — Я ехал домой из ресторана Макклюэ. Дождь лил как из ведра. Я ничего не мог различить на расстоянии в десять футов от переднего бампера. Внезапно свет фар выхватил из темноты миссис Поттер, идущую вдоль дороги. Мне пришлось вывернуть руль, чтобы не наехать на нее. Я остановился и предложил подвезти ее. Она согласилась.

Они услышали, как ахнула Марсия, но никто не повернулся к ней.

— И вы отвезли ее в мастерскую Фреда? — спросил Бартрэм.

— Я отвез в мастерскую Фреда нас обоих,— теперь улыбался Джерико.

— Она отключилась? — спросил Бартрэм.

— Я этого не заметил.

— Но вы попросили Фреда подойти к машине, чтобы он опознал женщину, сидящую в кабине.

— Я попросил его заправить машину бензином. Разумеется, он увидел, что я еду не один.

— Разве вы не пытались позвонить Джиму Поттеру? Разве вам не рассказали всю историю миссис Поттер?

— Нет.

— А Фред утверждает, что да.

— Фред — лжец,— улыбка Джерико стала еще шире.

— Может, хватит! — не выдержал патрульный.

— Одну минуту, Вик,— остановил его Бартрэм. Парадом, конечно, командовал он.— Вы привезли миссис Поттер домой и остались на ночь, не так ли, Джерико?

— Мы это уже проходили.

— Она была пьяна?

— Скажите мне, господин прокурор, каково юридическое определение слова «пьяна»? Вы же задаете вопрос для получения улики против миссис Поттер, не так ли?

— Может, нам действительно пора покончить с болтовней. У вас тоже незавидная позиция, знаете ли. Воспользоваться беззащитностью несчастной, пьяной женщины, я думаю, эта дорога может привести вас прямоком на скамью подсудимых.

— Я, естественно, не могу поклясться, что она пила,— ответил Джерико.

— Черт побери,— прорычал Салли.

— А как же вот эта бутылка? — Поттер указал на пустую бутылку из-под виски.

— Я куплю новую.

— Простите?

— Я выпил виски, потому что промок насквозь, пока дошел от двери ресторана до своей машины. Миссис Поттер тоже промокла. Она ходила к озеру. Кто-то убедил ее, что разыгравшаяся буря может поднять на поверхность тело ее сына. Она пригласила меня в дом, чтобы я мог выпить виски и погреться перед камином. Я принял ее приглашение, устроился в гостиной и принялся за ваше виски, мистер Поттер. В тепле, у потрескивающего камина меня размогло, и я крепко заснул. Я открыл глаза лишь четверть часа тому назад.

— Миссис Поттер, разумеется, пила вместе с вами, — вставил Бартрэм.

— К сожалению, я не могу дать ответ на этот вопрос. Жар камина, хорошая порция виски и я... как это сказать? Ну да, отключился. Боюсь, я доставил немало хлопот миссис Поттер. Я как раз извинялся перед ней, когда вы вошли, — он повернулся и посмотрел на Марсию, похоже от изумления потерявшую дар речи.

— И вы собираетесь держаться этой версии? — холодно процедил Бартрэм.

— Я никогда не лгу, — заверил его Джерико. — Я допил виски и отключился, — его взгляд упал на Поттера. — Жаль, конечно, что муж этой дамы не вернулся домой вечером, а не то бы он подтвердил мои слова. Где вы провели ночь, мистер Поттер?

— Убирайтесь отсюда! — взвизгнул тот.

Джерико пересек гостиную и остановился перед Марсией.

— Благодарю вас за вашу заботу. Извините, что заснул у вас в гостиной. Если я могу хоть чем-то искупить свой грех, миссис Поттер, только скажите. Я живу в студии Мартину на Восточной горе.

Вот так Джерико сыграл роль Дон Кихота.

— Если бы муж пришел домой и попытался убедить меня, что Марсию необходимо отправить в больницу, я, скорее всего, согласился бы с ним, — рассказывал он мне. — Ей действительно требовалась квалифицированная помощь. Но этот скользкий мистер Бартрэм и громила-патрульный в корне изменили мое отношение к Марсии. Черт, трое мужиков против одной женщины. Мне не оставалось ничего другого, как стать на ее сторону.

Джерико вышел в холодное ноябрьское утро, Бартрэм и Салли последовали за ним, а Марсия осталась в гостиной с мужем. Патрульная машина стояла позади «мерседеса» на подъездной дорожке. Салли шагал вплотную к Джерико, их плечи едва не соприкасались. Джерико остановился и повернулся к полицейскому. Не так уж много мужчин могли посмотреть на Салли сверху вниз.

— Я не люблю, когда мне мешают ходить.

Карие глаза Салли сузились:

— А меня это не волнует.

Джерико положил руку на плечо патрульного, с силой

толкнул. Салли пришлось отступить на пару шагов. Он тут же схватился за пистолет.

— Прекрати, Салли! — одернул его Бартрэм.

— Пусть только еще раз попробует дотронуться до меня! — пробурчал Салли.

— Еще раз подойдите ко мне поближе, и вы увидите, чего стоит ваше предупреждение, — ответил Джерико.

— Могу я поехать в город с вами? — спросил Бартрэм. Чувствовалось, что он пытается нащупать новый путь к цели.

— Вы можете, а вот ваш гестаповец — нет.

— Если ты намерен задержаться в Кромвеле, советую тебе быть пайнкой, приятель, — прорычал Салли. — Таких, как ты, здесь не любят.

— Не требуй и моей любви, — Джерико открыл дверцу «мерседеса». — Залезайте, господин прокурор.

Бартрэм влез в кабину, Джерико захлопнул дверцу, обошел автомобиль, сел за руль. Салли проводил его недобрым взглядом, повернулся, влез в патрульную машину. Выехал на шоссе и умчался в город.

— Вам, кажется, нравится наживать себе врагов, — Бартрэм сунул в рот сигарету, поднес к ней огонек зажигалки.

— С моими габаритами это неизбежное зло, — ответил Джерико. —словно находишься на Диком Западе. Вечно какой-нибудь умник стремится доказать, что стреляет быстрее тебя.

— Нельзя недооценивать Салли. Он — серьезный противник.

— Если бы я подумал, что вы мне угрожаете, вам бы пришлось добираться до города пешком.

На губах Бартрэма вновь заиграла улыбка.

— Я готов продать мать родную, лишь бы не ходить пешком. Почему бы нам не вернуться к самому началу, Джерико? Я признаю, что мы напрасно пытались взять вас штурмом.

— Хорошо, я подвезу вас. — Джерико завел мотор.

— Давайте не будем ходить вокруг да около, — ехали они не спеша, Салли давно скрылся из виду. — Я знаю, что произошло вчера вечером. Вы подобрали Марсию, мертвецки пьяную, на шоссе. Отвезли ее на бензоколонку, чтобы узнать, кто она такая. Фред рассказал вам о трагедии Поттеров и приговоре суда. Вы решили показать себя джентльменом и отвезли ее домой. Подозреваю, вы заснули, ожидая возвращения Поттера.

— Если этот парень на бензоколонке или вы будете так трактовать происшедшее, я, разумеется, заявлю, что все это ложь.

— Заявите, если только я не докажу вам, что занятая вами позиция противоречит здравому смыслу.

— Попробуйте,— буркнул Джерико.

— Если вы когда-либо жили в таком маленьком городке, как Кромвель, то должны знать, что секретов здесь не утаишь. Вероятно, с десяток горожан видели вашу машину у дома Поттеров. И почти все задались вопросом: «Что за новый дружок появился у Марсии?» Еще до полуночи Поттеру несколько раз сказали, что в его доме посторонний.

— А где он был?

— В «Береговом клубе». Он снимает там комнату.

— Живет там и ничего не предпринимает?

— Вам когда-нибудь приходилось жить с алкоголичкой? — спросил Бартрэм.

— Нет,— Джерико не отрывал глаз от дороги.— Но среди моих знакомых алкоголиков хватает.

— Марсия все еще красавица, хотя беспробудное пьянство уже начинает сказываться на ее внешности. А в молодости она была очаровательна. Ее семья лет десять тому назад сняла на лето дом в Кромвеле. Марсии тогда было девятнадцать или двадцать. Она встретила с Джимом Поттером, и он ухаживал за ней все лето. Джим хорошо обеспечен. Она тоже не нуждалась в деньгах. По общему мнению, они как нельзя лучше подходили друг другу, так что их свадьбу в конце того лета встретили с одобрением.

Вы едете по Главной улице Кромвеля, и он кажется вам спящим, добропорядочным городком, типичным для новой Англии. Девчушка, написавшая «Пейтон Плэйс»¹, показала нам, что может происходить за фасадом этой сонной респектабельности. Среди прочего процветает и пьянство. Напейтесь в «Береговом клубе», и вас осудят. Но никто не ткнет в вас пальцем, если вы пьете дома, за закрытыми дверями.

— Такое можно встретить везде,— заметил Джерико.

— И многое другое,— подхватил Бартрэм.— Шашни с чужими женами, наркотики, незаконные сделки,

— То есть у местного прокурора хватает работы.

Бартрэм рассмеялся.

¹ Роман Грейс Митэлзэс «Пейтон Плэйс» долгое время возглавлял список бестселлеров, да и сейчас пользуется читательским спросом.

— Происходящее в уединении частных владений не попадает на мой стол.

— Вы стараетесь показать, что нет смысла поднимать шум из-за какой-то несчастной алкоголички, но являетесь с целой армией, чтобы арестовать ее. Почему?

— Мы с Джимом друзья. Я приехал как друг, а не официальное лицо.

— Но я-то воспринял вас как прокурора, и вы никак не попытались развеять мои заблуждения.

— Не понимаю я вас,— в голосе Бартрэма слышались нетерпеливые нотки.— Марсию вы увидели впервые в жизни. Помогли ей. Но зачем лгать, защищая ее?

— Мне не понравилось соотношение сил.

— А, играете в Дон Кихота,— кивнул Бартрэм.— Джим хочет, чтобы ее отправили на лечение. Вы, возможно, спасете ее на день или два. Но скоро она снова напьется. Отказаться от спиртного выше ее сил.

— И никто не собирается ей помочь, кроме судьи?

Бартрэм вдавил окурок в пепельницу на приборном щитке.

— Джим пытался ей помочь, потому что чувствует, что доля вины лежит и на нем.

— Ну-ну,— хмыкнул Джерико.

Бартрэм словно и не заметил скепсиса Джерико.

— Она не пила много, во всяком случае, когда приехала в Кромвель. Джим был членом «Берегового клуба» и «Сельского клуба», где любили выпить. Естественно, он ввел ее в этот круг. Так он привык жить. Там он встречался с друзьями. Несколько раз она напивалась до беспамятства, но он не обращал на это внимания. Говорил, что ей надо привыкать. И она думала, что со временем все выровняется. Но оказалось, что она принадлежит к той немногочисленной категории людей, для которых алкоголь, становится наркотиком. Правда, она бросила пить, когда забеременела. Она хотела ребенка. Готовилась растить его.

И мальчишка у них был отличный. Смелый, остроумный, с богатым воображением и очень привязанный к Марсии. Ей удавалось оставаться трезвой до той поры, когда она укладывала сына в постель. А часом позже, пьяная, валилась с ног сама.

— А что все это время подельывал наш Джимми? — спросил Джерико.

— Он послал ее к местному доктору, Максвеллу. Приличный, интеллигентный человек.

— И сам не дурак выпить?

— Только не на работе. Он сделал все, что мог. Вы не представляете, что пришлось пережить Джиму. Публичные скандалы на вечеринках, пьяные ссоры дома. Она отказывалась выполнять супружеские обязанности.

— То есть не подпускала его к себе?

— Совершенно верно. И, наконец, трагедия с Томми. Надеюсь, вы можете понять, что этого Джим ей не простил. Она была пьяна, когда он утонул, в двадцати пяти ярдах от того места, где она лежала без чувств.

— Она говорит, что в тот день не пила. А заснула потому, что ее разморило от жары.

— Значит, она успела рассказать вам свою версию,— Бартрэм покачал головой.— Возможно, сейчас она и сама в это верит. Она не могла бы жить, если б не убедила себя в этом.

Они въехали на обсаженную деревьями Главную улицу Кромвеля. Красивые, выкрашенные в белый цвет дома, ухоженные сады и лужайки. Теперь Джерико видел их в ином свете. Наркотики, измены, говорил Бартрэм. Маски, как и человеческие лица, скрывающие правду.

— Как получилось, что тело мальчика так и не нашли?

Бартрэм пожал плечами и потянулся за зажигалкой, чтобы зажечь новую сигарету.

— Аномалия.

— В таких озерах не бывает сильных течений, чтобы быстро унести тело, особенно у берега.

— Аномалия,— повторил Бартрэм.— В озере и раньше тонули люди. Насколько я знаю, не нашли только тело Томми. Прихоть природы.

— Где вас посадить? — спросил Джерико.

— Мой кабинет — в здании муниципалитета, в конце улицы.

Джерико хотелось спросить, что за мужчина в дождевике появился в доме Поттеров, но не было уверенности, что он получит точный ответ.

— Вы вот сказали, что люди, которые видели мою машину у дома Поттера, задавались вопросом о новом дружке миссис Поттер? Это что, обычное дело? Я имею в виду дружков.

— Слухи такие ходят,— ответил Бартрэм,— но прямых доказательств у меня нет. В пьяном виде она — легкая добыча. Сопротивления не окажет, даже не вспомнит, было ли что-нибудь.

— И кто в списке дружков занимает первую строчку? Бартрэм ухмыльнулся.

— Сегодня утром она по праву принадлежит вам.

Джерико посмотрел на него.

— Прошу учесть, что мне не нравятся эти разговоры. И я знаю, кто их заводит. Вы, Поттер или ваш гестаповец.

— Если вы найдете способ пресекать сплетни, Джерико, то наутро проснетесь самым богатым человеком в мире. Если вас не затруднит, остановитесь вот здесь.

Джерико свернул к тротуару. Бартрэм вылез из машины, захлопнул дверцу, наклонился к окошку, улыбнулся.

— Кто-то должен напомнить вам, Джерико, что времена рыцарства канули в Лету.

Глава 4

Ночная буря сменилась безоблачным, теплым ноябрьским днем. Ландшафты Кромвеля так и просились на холст. Но, вернувшись в студию, Джерико понял, что не может рисовать. Он переключал кисти, тюбики с краской, а мысли вертелись вокруг истории Марсии, и перед глазами стояло ее бледное лицо. Это не твое дело, вновь и вновь повторял он себе. Марсия отчаянно нуждается в помощи, но оказать ее должны муж, родственники, если они у нее есть. Любовь с их стороны плюс квалифицированное лечение в специализированной клинике для алкоголиков.

Марсия, однако, не выходила у него из головы. И он не мог забыть ту злость, которую испытал, когда в дом ворвались Бартрэм, Салли и Поттер. Он никак не мог докопаться до причин этой злости. Поттер имел полное право вернуться домой, тем более что ему сообщили о присутствии там незнакомого мужчины. Вполне естественно, он привел с собой полицейского, на случай, что незнакомец не захочет уйти добровольно. Но почему он дожидался утра, а не приехал сразу же? Можно не сомневаться, что этот Фред с бензokolонки еще до полуночи разрезвонил о том, что видел. В чем же дело? Похоже, его мало волновало, что может случиться с Марсией, оставшейся наедине с незнакомцем.

Слабый, безвольный человек, решил Джерико. И Салли, скорее, бандит, а не полицейский. И Бартрэм? Этот далеко не прост. Он, как гурман, смаковал закулисную жизнь Кромвеля.

Эти трое мужчин уже определили будущее Марсии. Интересно, есть ли у нее адвокат, подумал Джерико. Или, как у большинства семейных пар, адвокат Поттера представлял и интересы его жены? Бартрэм, скорее всего.

А что это за доктор Максвелл, любящий выпить в свободное от работы время? Да есть ли в городе человек, которого действительно волновала судьба Марсии и кто искренне хотел бы ей помочь?

Вот тут его мысли вернулись к мужчине в дождевике, который застал его под душем. Тот пришел и ушел, словно жил в доме Поттеров. И вид голого Джерико привел его в ярость. Словно он имел на Марсию какие-то права, на которые посягнул Джерико. Может, в намеках Бартрэма была доля правды? Несчастная алкоголичка, которая вроде бы отключалась и потом уже не помнила, что с ней было. Мужчина в дождевике мог частенько пользоваться такими провалами в памяти. Он и многие другие? «Что за новый дружок появился у Марсии?» — таким вопросом, по словам Бартрэма, задавались горожане.

Он выдал на палитру свежие краски, перенес мольберт с холстом на террасу, выходящую на холмы и озеро. Всмотрелся в ландшафт, сжав зубами чубук нераскуренной трубки.

Но вдохновение не приходило. Блеклые цвета осени не хотели делиться на оттенки.

До него донесся скрип тормозов, на грязном проселке, ведущем от шоссе к студии, появилась машина.

Солнце било в лобовое стекло, когда она подъехала к дому и остановилась, поэтому Джерико не видел, кто сидит за рулем. Открылась дверца, и из кабины вылезла Марсия. Побежала к нему. Ее душили рыдания. Их разделяли два-три фута, когда она споткнулась и упала, обхватив руками его ноги. Ее било в истерике.

Джерико наклонился, взял ее за плечи, поднял. Слезы градом катились по ее лицу.

— Спокойнее, — прошептал он.

Она прижалась к Джерико, по ее телу волнами пробегала дрожь.

— О, боже, боже, — повторяла она между всхлипываниями.

— Успокойтесь, — он погладил рыжеватые волосы. — Что случилось? Они снова пришли за вами?

Она покачала головой, уткнувшись лицом в его плечо.

— Давайте пройдем в дом, там и поговорим.

В гостиной Марсия свернулась клубочком на диване, продолжая рыдать. Джерико прошел на кухню, бросил в стакан несколько кубиков льда, налил воды, снял с крючка полотенце и вернулся в гостиную.

— Выпейте.

Пить воду Марсия не стала. Тогда Джерико смочил полотенце и положил его Марсии на шею. Рыдания поутихли. Наконец она повернулась на спину и посмотрела на него.

— Простите меня. Простите, что я так внезапно появилась к вам,— она попыталась унять дрожь в голосе.— Я ехала в Марвинтаун... в винный магазин за пределами штата. Потом увидела поворот к студии Мартиню... и свернула сюда.

— Я только рад,— улыбнулся Джерико.

— Мне нужна помощь! — воскликнула Марсия.

— Раз вы хотите отказаться от спиртного, это уже половина победы.

— Я не об этом! — она села.— Сегодня утром вы солгали, чтобы помочь мне.

— Все вышло само по себе. Мне не понравились ваши друзья.

— Когда вы ушли...

— Вы поругались с мужем?

— И это тоже,— с горечью ответила она.— Он назвал меня шлюхой и уехал. А потом появился Джерри.

— Какой Джерри?

— Джерри Хиллард. Он иногда пытался мне помочь. Член общества «Анонимные алкоголики»¹. Я раньше звонила ему, если у меня возникало желание побороться с этим пороком. Вы знаете, они приходят и остаются с тобой, помогают заглушать тягу к спиртному. Он... он всегда был таким добрым, отзывчивым... Он... ему принадлежит книжный магазин в городе.

— Вы посылали за ним?

— Нет! Я уже давно не обращалась к нему. С тех пор как утонул Томми! — она вновь задрожала.— Я перестала бороться, знаете ли.

— Итак, он приехал утром. Может, он узнал о том, что произошло ночью? У этого парня на бензоколонке, похоже, самый длинный язык во всем Кромвеле.

— Он приехал,— Марсия наклонилась вперед, словно у нее схватил живот, закрыла лицо руками.

— И его доброта повергла вас в такое состояние?

— Доброта! — она невесело рассмеялась.— Он кипел от ярости. Заявил, что уже приезжал ко мне ночью. Кто-то сообщил ему, что вы подобрали меня на дороге. Он сказал,

¹ «Анонимные алкоголики» — общественная организация, целью которой является помощь людям, страдающим алкоголизмом.

что войдя в дом, нашел меня в постели, а вас — в душе.

Значит, ночью он видел благодетеля из «Анонимных алкоголиков», понял Джерико.

— Как он только не обзывал меня, Джон. Обвинил меня в том, что я... переспала с вами.

Джерико едва подавил смех.

— Он действительно приходил и застал меня, абсолютно голого, под душем. Я подумал, что это ваш муж. Собственно, поэтому я и решил дожидаться его.

— Внезапно он налетел на меня, начал хватать руками, целовать,— продолжала Марсия.— Похоже, решил, что я доступна для всех. Я едва отбилась от него. Сказала, что позвоню в полицию, если он не отстанет от меня. Он же словно обезумел. А потом... потом сказал... — у нее перехватило дыхание.

— Сказал что? — напрягся Джерико.

Каждое слово давалось ей с огромным трудом.

— Он пообещал... рассказать... мне... что действительно... произошло... с... Томми... если... я... отдамся... ему.

— Так что же произошло с Томми? — холодно переспросил Джерико.

— О боже, Джон, я не знаю. Он говорил что-то бессвязное. Томми не утонул, повторял он. Томми не утонул. Он, Джерри, может рассказать, что с ним произошло, если я... я...

— Вы поверили, что он это знает?

— Нет... да! Я не знаю. Но я... я сказала, что соглашусь на все, если он скажет, что ему известно. Но он твердил, что сначала я должна отдаться ему. И вот тут я перестала ему верить. Я решила, что он все выдумал. Мне удалось выскочить из дома, я села в машину и уехала. Думала только о том, чтобы добраться до винного магазина и залить виски весь этот кошмар. Ехала по шоссе, а в ушах стоял его голос: «Я скажу тебе, что действительно произошло с Томми!» Все сходится, Джон. Томми не нашли, хотя раньше находили тела всех утопших в озере. Он наверняка что-то знает! Конечно, Томми не утонул! Потом я увидела поворот к студии Мартиню. И приехала к вам. Из... извините меня!

У Джерико участился нульс. Конечно, он слышал о десятках способов добиться от женщины желаемого, но впервые сталкивался с такой жестокостью.

— Значит, ходили слухи о том, что могло случиться с Томми? — спросил он.

— Нет. Никогда. Я предполагала, что он ушел в лес,

потому что обязательно проснулась бы, если б с ним что-то случилось на воде. Но он не мог потеряться в таком маленьком лесу. Везде же дома. И не нашлось другого объяснения. Все решили, что он утонул. Но Джерри сказал: «Я скажу тебе, что действительно случилось...»

— Этот добровольный помощник из «А.А.», — пророкотал Джерико. — А раньше он не предлагал вам ничего подобного?

— Нет. Он все выдумал, Джон? Он все выдумал!

— Можете вы остаться здесь... трезвой... пока я не найду его?

— Джон...

— После того, как я поговорю, с ним, мы узнаем, что он выдумал, что — нет. Вы имеете право знать правду, и я выбью ее из него.

— Как?

— Предоставьте это мне, — отрезал Джерико. — Но одно вы должны мне пообещать. Я хочу, чтобы вы были трезвой, когда я вернусь.

— Хорошо, — прошептала она.

— Где находится магазин Хилларда?

— Рядом с муниципалитетом.

— Сидите тихо. Кофе на плите, — он чуть улыбнулся. — Настоящий кофе.

Потом Джерико рассказывал мне, что без малейшего колебания убил бы этого мерзавца, если б не получил от него внятного ответа. Хиллард, должно быть, знал, что Марсия согласится на все, лишь бы узнать правду о Томми. Но перегнул палку, и она ему не поверила. Теперь он рассчитывал, что рано или поздно она вновь придет к нему и уж тогда-то примет его условия. Чего он не учел, так это ответного хода Марсии. Ему и в голову не приходило, что она обратится к своему новому другу, Джерико.

Джерико мог понять и состояние Хилларда. Тот, наверное, давно уже нацелился на Марсию. Он подавлял свою страсть, стараясь помочь Марсии перебороть тягу к алкоголю. Но вчера ночью, придя в дом Поттеров, получил, по его мнению, доказательство того, что она готова лечь под первого встречного. И его влечение к Марсии вышло из-под контроля. Но как вышло, думал Джерико, что Хиллард вот так сразу, мгновенно, нашел тот ход, что мог принести успех. Если верить Марсии, до этого разговора с Хиллардом

она не сомневалась в том, что случилось с Томми. Неужели Хиллард действительно что-то знал?

Джерико остановил «мерседес» у тротуара напротив магазина Хилларда. «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН КРОМВЕЛЯ» — гласила вывеска. И ниже, меньшими буквами: «Владелец Дж. Хиллард». Магазин размещался в старинном каменном здании, построенном еще во времена Революции. Он занимал весь первый этаж. Книги стояли на полках, лежали на столах. Джерико сразу же обратил внимание на богатый выбор, причем самые последние новинки. В маленьких городках, вроде Кромвеля, такое встречалось нечасто.

Женщина вышла из-за конторки. Пепельная блондинка, стройная, интересная. Вежливо улыбнулась.

— Чем я могу вам помочь?

— Я ищу мистера Хилларда.

— К сожалению, сейчас его в магазине нет.

— Когда он должен подойти?

— Честно говоря, не знаю. Его не было, когда я открывала магазин, и он не оставил мне записки. Вы — Джон Джерико, не так ли?

— Как вы догадались?

Вновь улыбка.

— Вас трудно принять за кого-то другого, мистер Джерико. Мы только что получили коллекцию ваших рисунков. Из Алабамы. Там была и ваша фотография. И я, разумеется, слышала, что вы сняли студию Мартину.

— Вам понравились рисунки?

— У меня кровь стыла в жилах. Во время марша я была в Селме¹ вместе с несколькими друзьями из Кромвеля. Ваши рисунки дышат жизнью. Все так и было.

— Я рад, что они задели вас за живое. Для того я их и рисовал. Как вы думаете, где я найду мистера Хилларда? У меня к нему важное дело.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь. Обычно он приходит к открытию магазина, в крайнем случае, дает знать, что едет по делам. Я могу позвонить вам, как только он придет.

— Боюсь, меня не будет в студии, — покачал головой Джерико. — Я заеду попозже, мисс...

— Кливленд. Элли Кливленд.

В другое время он не спешил бы с отъездом. Мисс Кливленд стоила того, чтобы уделить ей лишнюю минутку.

¹ Знаменитый марш борцов равноправия негров, состоявшийся в 1963 году, который возглавлял Мартин Лютер Кинг.

Но сейчас требовалось как можно быстрее найти Хилларда.

Представив себя на месте Хилларда, Джерико решил, что тот, скорее всего, будет дожидаться возвращения Марсии в доме Поттеров. Она уехала на машине, и он, конечно, мог предугадать, что она поедет в ближайший бар или винный магазин, где ей продадут спиртное. Он прекрасно знал ее образ мыслей. Не мог он только предположить, что ее привлечет указатель поворота к студии Мартины. Этот подонок, должно быть, рассчитывал, что Марсия вернется, пропустив пару-тройку стаканчиков, и уж тогда-то выполнит все его желания за обещанный рассказ о Томми. Если так, нахмурился Джерико, его ждал сюрприз.

Подходя к «мерседесу», Джерико замедлил шаг. А не следует ли ему найти Джима Поттера, подумал он. Если Хиллард и вправду знал, что произошло с Томми, отец погибшего мальчика не мог оставаться в неведении. И имело смысл вести разговор с Хиллардом в присутствии Джима. Но Джерико отверг этот вариант. Он с первого взгляда невзлюбил мужа Марсии. Возможно, Марсия причиняла тому массу хлопот, но он, похоже, покинул ее именно в тот момент, когда она более всего нуждалась в поддержке. К черту Поттера! Пусть он сам узнает, что случилось с его сыном.

По Дороге 4 Джерико быстро доехал до дома Поттеров. Поставил «мерседес» в затылок стоящему на подъездной дорожке автомобилю. Гараж по правую руку от дома на две машины был пуст. Оставленный автомобиль мог принадлежать или Поттеру, или Хилларду. Джерико прошел к двери и позвонил. Дверь ему не открыли. Он постоял, затем, как и прошлой ночью, повернул дверную ручку. Дверь подалась. Он знал, что в маленьких городках местные жители частенько не запирают дома на замок. Вновь позвонил, затем переступил порог.

Поначалу ему показалось, что гостиная ничуть не изменилась. На кофейном столике стояли пустая бутылка из-под виски и чашки.

А вот у двери в кухню он увидел две ноги, в брюках и черных, заляпанных грязью ботинках. Джерико двинулся к кухне.

Хиллард лежал, уткнувшись лицом в зеленый линолеум. Выстрелом в затылок ему снесло полголовы, вытекшая кровь уже потемнела. Выстрел, конечно, был смертельным: пуля проникла в мозг.

Джерико отступил в гостиную. Только тогда он заметил

пистолет, брошенный на ковре. Маленький пистолет с перламутровой рукояткой. С коротким дулом. Женский пистолет.

Джерико огляделся. Его взгляд упал на выдвинутый ящик маленького комода красного дерева. Джерико шагнул к комоду.

В ящике он увидел коробочку с открытым верхом с углублением под пистолет, обтянутым белой материей. Рядом рассыпью лежали патроны. Джерико достал из кармана носовой платок и поднял один из патронов. На острие пули кто-то сделал крестообразный надрез, превратив ее в разрывную. Поэтому-то один выстрел разворотил голову Хилларда.

Тишину гостиной нарушало лишь тиканье часов на каминной доске.

Вывод напрашивался однозначный. К нему мог прийти любой, кто знал историю Марсии. Маленький женский пистолет, ее поспешное бегство из дома. Кто как не Марсия убила Хилларда?

ЧАСТЬ II

Глава I

Джерико, однако, к однозначным выводам относился настороженно. Конечно, Марсия могла убить Хилларда, но кто-то мог и подтасовать факты. Джерико никогда не принимал импульсивных решений, не забывал он и о разного рода мелочах, вроде бы несущественных. К примеру, он спрашивал Бартрэма, почему не нашли тело Томми. «Аномалия» — ответил прокурор. Единственный случай в истории Кромвеля. Разумеется, на свете случается всякое. Но если связать этот ответ с намеком Хилларда, поневоле начинаешь задумываться. Если действительные события отличались от официальной версии, то есть Томми не утонул, стоило ли удивляться, что спасатели так и не нашли его тело. Но муж Марсии и весь город уверовали, что Томми утонул, смирились с «аномалией», возложили ответственность за смерть мальчика на его мать. То есть тогда, пять месяцев тому назад, кто-то ловко все подстроил.

Допуская, что Томми не утонул и намек Хилларда не был безосновательным, можно предположить, что кто-то знал истинное положение вещей и понимал, что произойдет, если Хиллард раскроет рот. Если этот кто-то подслушал

разговор Хилларда с Марсией, он, должно быть, пришел к заключению, что Хилларда надо убрать. Тем более что вновь представлялась возможность обвинить во всем Марсию.

И этот кто-то к тому же знал о черной коробочке, в которой хранился пистолет. О ней, несомненно, знал Поттер. А кто еще?

Джерико сразу представил себе действия правоохранительных органов. Марсию арестуют, как только станет известно об убийстве. Бедную, несчастную Марсию, которая так часто бывает не в себе. Присутствие Хилларда в ее доме не потребует объяснений. Все знали, что этот добрый человек, член общества «Анонимные алкоголики», прилагал все силы, чтобы отвратить Марсию от спиртного. И она убила его, когда он пытался отговорить ее от очередной поездки в винный магазин. Все ясно как божий день. Ее бы засмеяли, попытайся она рассказать, что Хиллард приставал к ней. Джерри Хиллард, тихий, добропорядочный, просто не способен на такую низость. Нет, Марсия убила его, потому что он пытался встать между ней и бутылкой.

И Джерико решил подбросить песочка в густо смазанные шестерни судебной машины. Если чуть спутать карты, возможно, кто-либо выкажет излишнюю озабоченность и тем самым выдаст себя.

Он наклонился, носовым платком поднял пистолет и положил его в углубление черной коробочки. Собрал патроны и сунул их в карман. Закрыв коробочку, достал ее из ящика, задвинул последний. Прошел к входной двери, приоткрыл ее. Похоже, никто не проявлял интереса к дому Поттеров. Джерико сунул черную коробочку под пиджак и сбежал по ступенькам к «мерседесу». Сев в машину, отпер ящичек на приборном щитке, положил в него черную коробочку, повернул ключ в замке.

Ладони его рук вспотели...

По шоссе Джерико ехал быстро, постоянно поглядывая в зеркало заднего обзора. Милю спустя он убедился, что «хвоста» за ним нет. И направился к Восточной горе, где в студии Мартину ждала его Марсия.

— Я вел себя как последний дурак, — впоследствии рассказывал он мне. — Возвращаясь в студию, я начал осознавать, что оказался в щекотливом положении. Я очертя голову бросился защищать несчастную Марсию, на

которую ополчился весь мир. И преступил закон, не имея на то достаточных оснований.

И Джерико сказал себе, что ему следовало бы лучше узнать Марсию, прежде чем принимать ее слова за святое писание. У всех алкоголиков есть черта, после которой им уже нельзя доверять ни в чем. Пьяная женщина, подобранная на дороге прошлой ночью, могла оставить эту черту далеко позади. Она могла сказать что угодно, лишь бы не попасть за решетку и иметь доступ к ближайшему винному магазину. Муж Марсии, да и весь город не сомневались, что она напилась в тот день, когда утонул ее сын. Она это отрицала. Но, потрясенная смертью ребенка, не могла ли она внушить себе, что ни в чем не виновата? Это, собственно, и предположил Бартрэм. Она не могла бы жить, дальше, не убедив себя, что ее вины в смерти Томми нет.

Возможен и такой вариант. Возможно и то, что она выдумала разговор с Хиллардом. Тот знал, что она напилась прошлой ночью. Видел ее, когда зашел в дом. На следующее утро мог приехать, чтобы попытаться ей помочь, а Марсия, не находящая себе места, готовая отдать полжизни за бутылку, предложила ему убраться к чертовой матери. Хиллард уговаривал ее не ехать в винный магазин, а она, обозлившись, достала из ящика комода пистолет и застрелила Хилларда, когда тот направился на кухню, возможно, чтобы сварить кофе. А уж затем понадобился человек, который мог бы выслушать и поверить ей. И она бросилась на поиски такого человека, до того как Салли и Бартрэм упекут ее в тюрьму.

Джерико свернул к студии Мартиню. Подъезжая к коттеджу, он увидел машину Марсии.

Он остановил «мерседес», вылез из кабины и направился к входной двери. Марсия выбежала ему навстречу. Ее ногти впились в предплечья Джерико, она подняла голову, глаза широко раскрылись.

— Что он сказал, Джон?

Джерико унюхал запах алкоголя. Марсия, похоже, отыскала его запасы. Это ему не понравилось.

— Я вижу, вы нашли спиртное.

— Джон, пожалуйста! Что он сказал?

— Ничего, — ответил Джерико.

— Я опасалась, что вам не удастся разговорить его, — или она была великолепной актрисой, или действительно не знала, что нашел Джерико в ее доме.

Джерико освободился от ее пальцев. Сурово глянул на нее.

— Мне следовало захватить бутылки с собой.

— Я только глотнула, Джон, только раз. Я не могла не выпить.

Джерико прошел в коттедж. Початая бутылка бербона и бокал стояли на столе в гостиной. Она выпила немного. Не больше половины бокала.

Марсия не отставала от него ни на шаг. Ей не терпелось услышать его рассказ.

— Наверное, он все отрицал?

— Он ничего не отрицал, потому что не мог говорить.

— Не мог? — удивилась Марсия.

— Не мог, потому что его убили. Или вы этого не знали? — в голосе Джерико не слышалось симпатии.

— Убили?!

— Выстрелили в затылок из вашего пистолетика с перламутровой рукояткой. На случай, что вас замучает совесть, он умер мгновенно.

Марсия покачнулась, ухватилась за край стола. Ее глаза остекленели, она потянулась к бутылке.

— Обойдетесь, — Джерико схватил бутылку и унес ее на кухню.

Когда он вернулся, Марсия все еще держалась за стол. Она словно забыла о его присутствии.

— Сядьте и расскажите мне обо всем, — Джерико взял ее за руку и отвел к большому кожаному креслу у камина.

Она открыла рот, но ни звука не сорвалось с ее губ. Затем к ней вернулся дар речи:

— Где он был?

— В вашем доме. На полу в кухне.

Она, похоже, не верила своим ушам.

— У нас очень мало времени, — одернул ее Джерико. — Тот, кто увидит его вторым, сразу же позвонит Салли.

— А вы ему не позвонили? — быстро спросила Марсия.

— Я — круглый идиот.

— Но почему вы не позвонили Салли? — настаивала Марсия.

— Потому что я хотел дать вам шанс. Расскажите, что вам известно, человеку, который может вам поверить. Если же вам никто не поверит, Марсия, ваше дело — швах.

— Я... я не понимаю.

— Ваша репутация. Ваш пистолет.

— Откуда вы знаете, что это мой пистолет?

— А кому принадлежит пистолет с перламутровой рукояткой, хранящийся в черном футляре?

— Джерри убили... из него?

— Где вы научились изготавливать разрывные пули?
Она закрыла глаза, ее губы задрожали.

— Пожалуйста, Джон, не запутывайте меня. Я понятия не имею, о чем вы меня спрашиваете.

Он вынул из кармана один из патронов и бросил ей на колени. Она взяла патрон, посмотрела на него, затем — на Джерико.

— Крестообразный надрез на острие пули,— пояснил Джерико.

— А-а.

— Что, а?

— Когда-то давно Джим что-то рассказывал Томми об оружии. Я помню, как он делал надрезы на пулях. Я... я не придавала этому значения. Зачем они нужны?

— Пуля разрывается при попадании в цель,— ответил Джерико.— У Хилларда снесло полголовы. Что случилось? Он отнял ключи от автомобиля, чтобы вы не могли поехать в винный магазин?

Марсия уставилась на него.

— Я хочу знать правду,— продолжал Джерико.— Возможно, кому-то выгодно, чтобы за убийцу приняли вас. А может, вы убили его. Случайно или намеренно.

— Нет!

— Так или иначе я на вашей стороне, Марсия. Но мне нужна правда. Я и так зашел слишком далеко.

— Что значит... слишком далеко?

— Я не поставил в известность полицию. В конце концов, я же обнаружил труп Хилларда. А теперь перейдем к делу, Марсия. Где вы хранили этот пистолет?

— Я... я не знаю.

— Правду, Марсия!

— Раньше он лежал в ящике комода красного дерева в гостиной. Но это было давно. После того, как Томми... как Томми не стало, Джим куда-то спрятал его. Он сказал, что боится, как бы я не застрелилась.

— Утром футляр из-под пистолета был в том ящике, о котором вы только что упомянули.

— Джон,— взмолилась Марсия,— ну хоть один глоточек.

— Нет.

Она наклонилась вперед, закрыв лицо руками, покачиваясь из стороны в сторону.

— Футляр был в ящике,— повторил Джерико.— И патроны.

— Они всегда лежали там... При Томми. Зачем мне

лгать вам, Джон? Для меня это ничего не изменит, не так ли? Это мой пистолет, вы не ошиблись. Они подумают, что я знала, где он лежит, но я понятия не имела об этом. Джим спрятал его давным-давно.

— Как у вас оказался пистолет?

— Джим купил его мне несколько лет тому назад. Я часто оставалась с Томми вдвоем, когда он уезжал. Зимой в дома вламывались грабители.

— Никто не сказал мне, что делает ваш муж.

— Делает?

— Чем он зарабатывает на жизнь?

Марсия опустила руки.

— Он ничего не делает. Может, поэтому все так и получилось. У нас обоих есть деньги. Джим может не волноваться о куске хлеба. Но он постоянно что-то ищет. Покупает небольшие фирмы, потом продает. Пытался стать политиком, но у него ничего не вышло. Вот он и не находит себе места, от безделья.

— Марсия, боюсь, что у нас очень мало времени. Кто-нибудь наверняка заметил мою машину у вашего дома. Как только найдут тело Хилларда, ваш приятель Салли и улыбающийся окружной прокурор заявятся сюда, чтобы задать мне интересующие их вопросы. Еще раз расскажите, что произошло между вами и Хиллардом.

По телу Марсии пробежала дрожь.

— Он обезумел. Заявил, что я переспала с вами. А потом набросился на меня. Я едва вырвалась. Вот тогда он пообещал рассказать, что в действительности произошло с Томми, если я отдамся ему. Я выскочила из дома, прыгнула в машину. Он не преследовал меня, во всяком случае, не вышел на улицу. Может, не хотел, чтобы его видели. Но кричал мне вслед: «Ты вернешься! Я подожду, Марсия! Ты вернешься!»

— Если бы все это видел ваш муж, он бы убил Хилларда?

Марсия горько рассмеялась:

— Джиму на меня наплевать. Он мечтает, чтобы я умерла или попала за решетку. Он ненавидит меня.

— Из-за Томми?

— Это последняя капля. Отговорка для посторонних.

— Какова же истинная причина?

Марсия помялась:

— Я не могла допустить, чтобы он использовал меня, доказывая самому себе, что он — мужчина.

Джерико сухо усмехнулся:

— Вы принадлежите к великой общине американских фригидных женщин?

— Я хотела, чтобы меня любили, Джон, а не использовали.

— Хорошо, хорошо,— Джерико нетерпеливо взмахнул рукой.— Вернемся в сегодняшний день. Я забрал черную коробочку, пистолет и патроны. Только богу известно, почему я это сделал. Но у меня возникло ощущение, что кто-то хочет подтасовать факты. Убедить всех, что Хилларда убили вы. А я склоняюсь к тому, чтобы поверить вам.

— Слава богу,— прошептала Марсия.

— Должно быть, потому, что у меня мягкое сердце,— продолжил Джерико.— И я не могу отделаться от мысли, что ваш ребенок скорее всего не утонул.

— Джон!

— Фактов у меня нет. Только предчувствие. Но оно не дает мне работать,— он мотнул головой на чистые холсты.— Или мне надо уезжать из города, или раскапывать эту навозную кучу. Я хочу, чтобы вы мне помогли. Но, если вы солгали мне относительно Хилларда, вас ничто не спасет. Пистолет у меня, и на нем сохранились отпечатки пальцев.

— Что мне делать?

— Для начала перестаньте думать о бутылке, которую я отнес на кухню. Вы нужны мне трезвая, Марсия.

Она не ответила.

— Я не хочу, чтобы Хилларда нашли вы,— добавил Джерико.— Поэтому вам нельзя появляться дома, пока ваш муж или кто-то еще сообщит в полицию об убийстве. Вашу машину я поставлю в сарай за коттеджем. Если кто-то придет, пока меня не будет, не показывайтесь.

— А куда вы собрались?

Он пересек комнату, взял альбом и мягкий карандаш. Принес их Марсии.

— Нарисуйте мне схему, которая приведет меня к тому месту, где вроде бы утонул Томми.

— Но я могу отвезти вас туда.

— Нарисуйте схему. Если вину за убийство Хилларда хотят возложить на вас, тело обнаружат быстро. Вас арестуют, едва вы появитесь на людях.

— Кто?

— Откуда мне знать? Именно это я и хочу выяснить. Если вас сразу не найдут, кто-то, возможно, и подставится. Схему, пожалуйста.

Марсия склонилась над альбомом, а Джерико прошел

на кухню, взял початую и полную бутылки бербона, вернулся в гостиную.

— На всякий случай,— пояснил он и отнес бутылки к «мерседесу».

Когда он вновь появился в гостиной, Марсия закончила схему. Джерико заметил, что ее лоб покрыт капельками пота.

— Джон, ради бога, хоть один глоточек.

— Начав пить, вы уже не сможете остановиться,— покачал головой Джерико.— Здесь есть книги, хороший стереопроектор, пластинки. Но следите за подъездной дорожкой. Если увидите, что кто-то едет сюда, спрячьтесь в ванной и закройте дверь. Оставайтесь там, пока они не уйдут.

— Джон?

— Да?

— Может, мне все равно, что случится со мной.

— Может, и так. Но до ближайшего бара путь неблизкий. Особенно пешком. Потому что поставив вашу машину в сарай, ключи я возьму с собой.

Глава 2

Марсия нарисовала подробную и ясную схему. В город по Дороге 4, затем на Дорогу 2, мимо того места, где Джерико подобрал ее, до почтового ящика с фамилией Джонсон. Далее по проселку, ведущему к озеру. На холме к северу от проселка — дом и поместье, принадлежащие некоему Уилеру. Нарисовала она причал, с которого нырял Томми, и поставила крест там, где она лежала на берегу. Маленькие треугольники означали лес, куда, как она думала поначалу, мог уйти Томми.

Чудное местечко, отметил Джерико, особенно в июне, когда все цветет. Он легко представил себе Марсию, вытянувшуюся на травке, и мальчика, играющего в воде. Прошел на край причала. Прозрачная вода, он без труда видел дно, на глубине шести или восьми футов. Ни больших камней, ни бревен, о которые мог удариться Томми Поттер, ныряя с причала. Осматривать озеро или берег не имело смысла. Спасатели и полиция наверняка поработали на совесть. Не могли же все они участвовать в заговоре, ставящем целью сокрытие действительных обстоятельств смерти мальчика.

Джерико зашагал к лесу. Ухоженная земля, из деревьев главным образом сосны и березы. Множество

маленьких пеньков и аккуратно уложенные стволы показывали, что Уилеры регулярно прореживали лес, по существу превратив его в парк для прогулок. Тут не было ни чащоб, ни пещер.

Пять минут спустя Джерико вышел с другой стороны леса. Там не могла потеряться и девятистолетняя старушка.

За лесом начинался луг, поднимающийся по склону к серому особняку, обсаженному старыми деревьями. Джерико увидел, что на большой террасе перед домом сидит человек и пристально изучает его в бинокль. Решил, что разговор с обитателем особняка ему не повредит. И быстрым шагом направился к террасе.

Мужчина, наблюдавший за ним, сидел в кресле-каталке. В твидовой кепке и черных очках. Его ноги закрывал плед в черно-красную клетку. Не старик, отметил Джерико. Загорелое лицо прорезали глубокие морщины, но Джерико определил, что мужчине едва ли больше тридцати пяти лет.

— Я, наверное, нарушил право собственности,— начал Джерико.— Так что прошу меня извинить.

— Пустяки,— ответил мужчина.

— Я — Джон Джерико.

— Я знаю. Вы сняли студию Эда Мартиню. Вы художник, не так ли?

— Хотелось бы думать,— Джерико оглянулся. Озеро плыло над вершинами сосен. Изумительный вид.

— Я — Дон Уилер,— представился мужчина.

— Это ваш дом, мистер Уилер?

— Полагаю, можно сказать и так. Я тут живу. Если называть это жизнью,— Уилер с силой опустил кулаки на подлокотники кресла.

Джерико взглянул на клетчатый плед, скрывающий ноги Уилера.

— Паралич?

— Но не с детства. Поведение, правда, как у ребенка.

— Извините.

— Давайте лучше поговорим о другом,— Уилер выудил из кармана сигарету, закурил.— Пожалуй, я на шаг впереди вас, мистер Джерико. Мой отец — знаменитый судья, который приговорил Марсию Поттер к тюремному заключению с отсрочкой исполнения приговора за то, что она избила пустой бутылкой двух злобных старых сплетниц.— Уилер горько усмехнулся.— На вас жалуются, сэр.

— По какому поводу?

— Похоже, вы не хотите признать, что бедная Марсия

напилась прошлой ночью. Ее любящий муж и Джордж Бартрэм с утра обхаживают отца.

— А что он?

— Раздумывает. Версия такова: будь Марсия трезва, вам бы не разрешили остаться на ночь. Трезвая Марсия не принимает участия в таких играх. Пьяная, она отдастся и развозчику льда, если таковые еще остались. Но это версия. Если вы не захотите дать нужные им показания, Джерико, они постараются добиться своего иным способом.

— Спасибо, что предупредили меня.

— А если между нами, как оно было? — спросил Уилер.

— Она не прикасалась к бутылке. Напился я.

Уилер хохотнул.

— Ну что ж, вы лжете как джентльмен. О местных лжецах этого не скажешь, — он махнул рукой в сторону озера, за которым поднимался шпиль церкви. — Видели ли вы где-нибудь столь великолепную клоаку?

Джерико словно и не услышал вопроса.

— Не доходили ли до вас слухи, что Томми Поттер совсем и не утонул? — спросил он.

Уилер вцепился в подлокотники кресла. Черные очки отвернулись от Джерико.

— Таких слухов не было, — наконец ответил Уилер. — А что, по-вашему, с ним случилось?

— Несчастный случай, похищение, может, убийство.

— Похищение исключается. Никто не потребовал выкупа. Нет, бедняга утонул, а Марсия так напилась, что не слышала его крика о помощи, если он и кричал.

— Вы знаете, что она была пьяна? Вы видели ее? Она же прибежала в ваш дом, не так ли?

— Кажется, да, — костяшки его пальцев, сжимающих подлокотники, побледнели. — В тот день я не видел Марсию.

— Вас не было дома?

Вот тут Уилер посмотрел на Джерико. Ему удалось взять себя в руки.

— Кто вы, Джерико, детектив-любитель?

— Да, можно сказать и так. У меня появились сомнения. Я хочу их разрешить.

Уилер выбросил окуроч.

— Вы — давний друг Марсии?

— Нет.

— Так вы ее совсем не знаете?

— Нет. Но я вижу, что она страдала и страдает.

— Вы ничего не боитесь, Джерико?

— А что?

Уилер опустил взгляд на укутанные пледом ноги.

— Я был таким же. Ничего не боялся. Вас не удивит, если я скажу, что был капитаном футбольной команды в колледже, летал в Корею?

— Я тоже воевал там, но на земле.

— Приветствую тебя, брат мой! — невесело рассмеялся Уилер. — Мы принесли мир следующему поколению, если не обращать внимания на Вьетнам, Конго и полдюжины других стран. Тогда я ничего не боялся, Джерико. Все было по-другому. Я мог убежать. А сейчас прикован к этому креслу, — он стукнул по подлокотнику.

— Это ужасно, — кивнул Джерико, — но давайте вернемся к Томми Поттеру.

— Какой смысл? Мальчик утонул.

— Не было ли у Марсии подруги? Близкой подруги?

— С Марсией дружить опасно.

— Почему?

— Приходите как-нибудь еще, Джерико, и я прочитаю вам подробную лекцию о сущности дружбы. Но, если коротко, дело обстоит следующим образом. А — друг Б, потому что А нуждается в Б. Б — друг А, потому что Б хочет, чтобы он был кому-то нужен. Так уж получилось, что Марсии никто не нужен, да и едва ли кто мечтает о том, чтобы его внимание потребовалось Марсии. Это чревато. Побудьте здесь подольше, и вы все поймете. Пьяные женщины, в доме которых ночуют незнакомые мужчины, считаются в Кромвеле персонами «нон грата». Если б у нее была подруга, она увезла бы Марсию отсюда.

— Так почему она не уедет сама? Как я понимаю, у нее есть деньги.

— Она остается, потому что ничем не отличается от большей части человечества. Она живет надеждой. Все на что-то надеются. Будь то блаженство в загробной жизни, мир, счастье, безболезненная смерть. Безнадежные надежды. Марсия девять лет прожила с таким ничтожеством, как ее муж, только потому, что их связывал ребенок. Она рассуждала просто: мальчик должен иметь отца и, возможно, мальчик поможет отцу стать мужчиной. А лишившись этой надежды, ухватилась за другую, крошечную, почти невидимую глазу. Когда-нибудь озеро отдаст ей тело сына. Как вам это нравится? Как будто она не знает, что, будь оно там, рыбы давно обглодали бы его.

— Будь оно там?

— О, оно там, Джерико. Не начинайте тешить себя

надеждой. Жизнь трудна и сурова, и герои не в силах что-либо изменить. Я знаю. Я сам пытался изображать героя. Теперь я не могу ходить. Уезжайте отсюда, великан, пока жернова не перемололи вас, как они перемололи Томми Поттера.

У Джерико дернулась щека.

— Вы пытаетесь мне что-то сказать, не так ли?

— Я пытаюсь убедить вас, что не стоит валять дурака, — Уилер засмеялся. — Меня уже ждут каша-размазня и стакан молока, другого я нынче не ем, — он развернул кресло-каталку к дому. — У меня сложилось впечатление, что уезжать вы не собираетесь, несмотря на мой совет, так что, полагаю, эта наша встреча — не последняя.

И по залитой солнцем террасе он покатил к дому.

Джерико проводил его взглядом, а потом двинулся вниз по склону к сосновой роще. Уилер заинтриговал его. Чувствовалось, что к Марсии он относится с симпатией. Он явно недолюбливал отца, отсюда и «знаменитый судья». А самое главное, он ясно дал понять, что к некоторым тайнам Кромвеля прикасаться опасно.

Мужчина, убитый в пяти милях отсюда выстрелом в затылок, как бы подтверждал его правоту.

И намек, возможно вырвавшийся случайно, что есть другая трактовка смерти Томми Поттера. Трактовка, известная этим деревьям, этим скалам, темно-зеленым водам озера. Но по прошествии пяти месяцев едва ли можно найти хоть какие-либо улики. Из леса убирают все лишнее, вода чиста и прозрачна, скалы умыты дождем и высушены солнцем.

Посещение места смерти Томми Поттера утвердило Джерико в мысли, что мальчик не утонул, хотя он и не получил новых подтверждений ошибочности официальной версии. Интуиция редко подводила Джерико.

В город он ехал медленно, гадая, узнал ли Кромвель об убийстве. Но не заметил никаких изменений в привычной сонной атмосфере. Во всяком случае, возбужденные горожане не собирались на перекрестках, обсуждая случившееся. И Джерико пришел к выводу, что о смерти Хилларда еще не сообщили в полицию.

В квартале от муниципалитета Джерико заметил кубическое здание из красного кирпича с вывеской над белой дверью, указывающей, что за ней находится редакция «Кромвельской газеты». Джерико подъехал к тротуару, вылез из «мерседеса», вошел в редакцию. Тут же находилась и типография. Прессы, линотипы и другие машины мирно соседствовали с письменными столами.

Машины не работали. Лишь один человек сидел за большим столом у окна, старик с коротко стриженными седыми волосами и аккуратными усиками. Он встретил Джерико взглядом серых, добродушных глаз.

— А, мистер Джерико,— старик встал и протянул руку.— Я — Джедедия Стюарт, владелец, издатель и редактор старейшего еженедельника штата.

— Добрый день.

— Рад, что вы заглянули ко мне. Теперь не придется ехать к вам.

— А вы собирались?

— А как же иначе? Когда наш город посещает знаменитость, мы даем большую статью. Но, раз у нас еженедельник, я немного разленился. Решил, что поищу вас завтра, в мой выходной. Присядьте, сэр, присядьте. Чем я могу вам помочь?

Джерико сел, достал трубку.

— Маленькие городки живут по своим законам, с которыми я не знаком, мистер Стюарт.

— Зовите меня Джек. Как все остальные. При официальном обращении я теряюсь,— серые глаза весело блеснули.— Маленький городок так же трудно понять, как и незнакомую женщину. По лицу и фигуре ничего не определишь, кроме как понравилась она тебе или нет.

— Я, правда, выяснил, что новости распространяются здесь быстрее лесного пожара,— заметил Джерико.— Вам, Джек, должно быть, приходится печатать лишь то, о чем все и так знают.

— Ваше замечание справедливо и для больших нью-йоркских газет,— парировал Стюарт.— Новости — удел радио и телевидения. Мы печатаем комментарии и дополнительные подробности.

— И как бы вы прокомментировали прошлую ночь? — Джерико пристально взглянул на старика.

Джедедия Стюарт не отвел глаз.

— Ваше пребывание в доме Поттеров?

— Именно.

— Прежде всего, мне захотелось переговорить с вами. На Марсию давно уже никто не обращает внимания. Так что я с удовольствием вас выслушаю.

— Меня кое-что заинтересовало, Джек.

Вот тут старик опустил глаза.

— Хотите, чтобы я догадался, что именно?

— Попробуйте.

— Вы захотели узнать, почему тело не всплыло на поверхность.

— Попали в десятку,— Джерико раскурил трубку.

— После миллионов лет эволюции человек не может объяснить только одно — причуды природы.

— Никто не усомнился в том, что Томми утонул?

Старик потянулся к пачке сигарет, лежащей на столе.

— Никто не задавался таким вопросом,— серые глаза уперлись в Джерико.— Вы ставите его именно так?

— Между нами.

Рука старика чуть дрожала, когда он подносил к сигарете зажженную спичку.

— У вас есть другие версии?

— Ни одной, подтвержденной фактами.

Старик посидел, наблюдая за голубоватым дымом, поднимающимся к потолку. Затем отодвинул стул, встал.

— Не хотите ли взглянуть на номера газеты, относящиеся к тем дням?

— Не откажусь.

Подшивки «Кромвельской газеты» хранились в пыльном чулане. Джед зажег настольную лампу, подошел к полке и пару минут спустя вернулся к столу с тремя номерами.

— Статья появилась через три дня после трагедии. В двух последующих номерах мы сообщали подробности. Садитесь и читайте, не торопясь.

Джерико сел и взял первую газету. Старик стоял рядом. Статья о смерти Томми шла под большим заголовком и занимала две правые колонки на первой странице. Начинаясь она с рассказа Марсии. Она заснула, а, открыв глаза, не нашла Томми. Никакого намека на то, что она пила. Далее описывались действия полиции и спасателей по розыску тела. Статья продолжалась на второй странице, но, прежде чем раскрыть газету, Джерико обратил внимание еще на один заголовок:

«ДОН УИЛЕР — ЖЕРТВА ХУЛИГАНОВ»

Джерико прочитал и эту статью:

«Ранним вечером в прошлый вторник Дональда Уилера, сына судьи Генри Уилера, нашли жестоко избитым в сосновой роще в поместье Уилеров. Его немедленно отвезли в больницу Кромвеля. В результате повреждения спинного мозга Дональду Уилеру парализовало ноги.

Когда он не вышел к ужину, не предупредив, что задержится, судья Уилер решил, что сын гуляет по поместью, и пошел поискать его. Он нашел сына в роще. Без сознания. На вопросы полиции Дональд смог ответить только на

следующий вечер. Он показал, что гулял по роще, когда на него сзади набросились несколько человек. Они подбежали столь стремительно, что он их не разглядел. Дональд Уилер не мог сказать, что послужило поводом для нападения. Его бумажник с шестьюдесятью долларами остался нетронутым. К моменту подписания номера в печать полиция еще не назвала имена преступников».

Джерико взглянул на Джеда Стюарта.

— Этим утром я виделся с Уилером. Его избили в тот же день, когда исчез Томми?

— Да,— лицо старика оставалось бесстрастным.

— В той же роще, где искала сына Марсия?

— Да,— Джек предупредил следующий вопрос Джерико.— Судья нашел его в половине восьмого. К тому времени поиски Томми уже закончились, во всяком случае, на суше. Полиция все еще протраливала озеро крюками. В следующем номере есть дополнения. Дон Уилер показал, что он шел через лес к озеру, чтобы узнать, не нашли ли Томми, когда на него напали. По версии полиции, какая-то молодежная банда увидела на дороге патрульные и пожарные машины. Они свернули в лес, чтобы посмотреть что там случилось, и наткнулись на Дона. Полиция полагает, что они решили ограбить его. А потом их спугнули. Возможно, кто-нибудь из спасателей или полицейских, направлявшихся к дому Уилеров, чтобы позвонить.

— И никто не видел, как они пришли и ушли?

— Нет.

— Эти два события произошли в одном месте, с небольшим разрывом по времени. И вы не попытались связать их, Джек?

— Поначалу нет. Как и все остальные, я думал, что мальчик утонул. Первые сомнения возникли у меня, когда не удалось найти тело. Но с Доном Уилером поговорить я не смог. Его увезли в специализированную клинику. Он вернулся только неделю назад.

— Вы рассчитывали, что я замечу эту статью, когда давали мне газеты?

— Такая мысль приходила мне в голову,— ответил Джек.

— Потому что вам кажется, что связь все-таки есть?

— Давайте не будем так ставить вопрос,— старик глубоко затынулся.— Прежде всего обратимся к фактам, мистер Джерико. Марсия проснулась около четырех часов дня. Первым делом она прочесала лесок. И ничего не нашла. Отметьте это. Потом побежала в дом Уилеров, чтобы

вызвать помощь. Возвращаясь к озеру, она вновь осмотрела лес. С тем же результатом. Затем прибыла помощь: полиция, спасатели, подводники, пожарная машина с баллонами кислорода, на всякий случай. К половине седьмого все уже поняли, что спасти мальчика не удастся. Но поиски тела продолжались. Уехали подводники. Уехала пожарная машина. Около семи часов Дон Уилер направился через лесок к озеру, чтобы, по его словам, посмотреть, как идут дела у полиции. И тут внезапное нападение. Он так и не узнал, кто набросился на него. А спустя полчаса или сорок пять минут его нашел судья.

— То есть связи нет.

Старик чуть улыбнулся.

— Вроде бы так. Во всяком случае, полиция ее не искала. И Уилеры даже не намекали на ее существование. Официально Томми утонул. Эта причина указана в свидетельстве о смерти.

— Но?..— глаза Джерико блеснули.

Джед Стюарт пожал плечами.

— Вот что меня удивило, сынок. После того как прошло два или три дня и тело не всплыло на поверхность озера, следовало ожидать, что у многих горожан возникнут те же вопросы, которые сегодня задали вы. Ничего подобного не произошло. Еще до того, как они начали задумываться над истинной причиной смерти Томми, их убедили, что задумываться просто не над чем. Об этом твердили и полиция в лице Вика Салли, и окружной прокурор Джордж Бартрэм. Помог им и Джим Поттер, дав понять, что Марсия не заснула, а отключилась, напившись.

Все те же люди, враги Марсии: ее муж, гестаповец в полицейской форме, улыбающийся окружной прокурор.

— Я здесь родился и вырос,— продолжал Джед Стюарт.— Хорошо знаю озеро. В возрасте Томми Поттера ловил в нем рыбу. За мою жизнь в озере утонуло человек сто. И тело всегда всплывало, причем через короткое время. Газы выносили его на поверхность. Томми был в одних плавках. Если б они за что-то зацепились, он мог бы оставаться на дне день, два, но не больше. Вот я и задумался, сынок, несмотря на заверения прокурора, полицейских и мужа.

— И к чему вы пришли?

— Вывод получился интересный. А не забрел ли мальчик в лес и не увидел ли то, что не предназначалось для его глаз?

— Например, как били Уилера? При чем мальчик знал этих людей.

— Это произошло позже, во всяком случае, по утверждению Дона Уилера.

— Судя по вашему тону, вы ему не верите.

— Старик я упрямый,— ответил Джек.— Я начал разрабатывать свою версию. Навел кое-какие справки. Старший Уилер в тот день находился в суде. Домой он вернулся к ужину. У слуг был выходной. Ужин они оставили в холодильнике. Я даже знаю, что именно. Салат с куриным мясом и ветчину. То есть в доме днем никого не было. Во всяком случае, слуг и судьи. Дон мог быть дома, а мог и не быть. Если он лжет в одном, трудно ждать правды в другом.

— Но почему? Его же избili до полусмерти.

— О, в этом-то можно не сомневаться. И вот куда завело меня мое упрямство. Судите сами. Мальчик заходит в лес и видит, что происходит с Доном. Возможно. Возможно, выдает свое присутствие. Может, вскрикивает, может, бросается к матери. Его останавливают и убивают, потому что нельзя допустить, чтобы он рассказал об увиденном. Тут все ложится одно к одному, не так ли?

— Да.

— «Но», правда, остается. В четыре часа дня Дон еще не лежал в лесу. Иначе Марсия обнаружила бы его, когда искала Томми. Лес там ухоженный. Чашоб, где можно спрятать избитого человека, нет. Марсия же не просто пробежала через лесок к дому, она заглянула под каждый куст в поисках Томми. Поэтому Дону поверили. На него напали около семи вечера. Томми Поттер не мог этого видеть. Он погиб раньше.

Зубы Джерико впились в чубук нераскуренной трубки.

— А почему вам вообще пришла мысль о том, что Дон Уилер лгал?

Старик бросил окурок на пол и тщательно растер его ногой.

— Вы женаты, Джерико? У вас есть дети?

— Нет.

— Я тоже как-то не сподобился. Во всяком случае, детей у меня нет,— его лицо затуманилось.— Женился я давным-давно, и моя жена умерла, рожая нашего первенца. Мы-то рассчитывали, что их будет у нас восемь или десять. Но родители шестым чувством знают, когда дети не до конца откровенны с ними. Хорошие родители. Им не нужны доказательства, они просто знают. Уже давно моей семьей стал весь город. И я абсолютно уверен, горю что-то скрывает. Я слишком стар... и слишком пуглив, чтобы выяснить, что именно.

— Пуглив?

— Не хочу умирать в богадельне. Я зарабатываю на жизнь этой газетой и, если кое-кто скажет, не печатайте рекламу у Джедедии, не обращайтесь к нему ни с какими заказами, мне не останется ничего другого, как тащиться в богадельню. Сорок лет тому назад я бы послал их всех к черту. Сейчас я слишком стар. И чтобы вышибить из меня дух, хватит одного или двух ударов из тех, что достались Дону Уилеру.

— Вы думаете...

— Я не знаю, что и думать, — воскликнул Стюарт. — В этом городе судья Уилер — большой человек. И уж его-то сын мог бы обладать статусом неприкосновенности.

— А что, избили кого-то еще? — спросил Джерико.

— Мне об этом ничего не известно.

— Так к чему вы клоните, черт побери?

— Может, у меня старческий маразм. Если вы тут все просмотрели, вернемся в редакцию.

Они вышли из темной комнаты и мимо машин направились к книжной полке у стола Стюарта.

— Генри Уилер долго был адвокатом. Не блещет умом, говорили про него, но он из хорошей семьи. Потом он стал судьей по наследственным делам и утверждению завещаний. А после этого его избрали городским судьей, — старик снял с полки нужную ему книгу и сел за стол. — Лок и Коун, «Судебные решения, вынесенные в штате Коннектикут по наследственным делам и утверждению завещаний», — пояснил он. — Я раскрываю ее всякий раз, когда приговор судьи раздражает меня. Том первый, страница четвертая: «О требованиях, предъявляемых к судье, ведущему эти процессы». «Кандидат в судьи по наследственным делам и утверждению завещаний не должен соответствовать каким-либо специальным критериям в части подготовки, опыта, моральных норм и состояния здоровья». Как вам это нравится? Чтобы получить эту должность, Генри Уилер как личность мог не представлять из себя ничего особенного. Вот мой отцовский инстинкт и подсказывает мне, что все эти годы он весьма вольно обращался с моральными принципами.

— Не слишком ли далеко ушли вы от Томми Поттера? — заметил Джерико.

— Неужели ушел? Ну уж простите старику, мысли, знаете ли, разбегаются.

Черта с два, подумал Джерико. Но куда клонил Стюарт?

Задать следующий вопрос ему уже не удалось. Распахнулась дверь, и в комнату вбежал невысокий мужчина в белом халате с расческой и ножницами, торчащими из нагрудного кармана. Местный парикмахер, догадался Джерико. Его заведение находилось в двух шагах от редакции.

— Джедедия, ты, похоже, еще ничего не знаешь, — он искоса глянул на Джерико. — Марсия Поттер убила Джерри Хилларда. Выстрелом в затылок.

— О, нет! — ужаснулся Стюарт. — Она призналась?

— Ее еще не нашли, — ответил парикмахер. — Она уехала на машине, и в полиции думают, что пистолет она взяла с собой. Они опасаются, что Марсия свихнулась, и хотят как можно быстрее схватить ее, пока она не подстрелила кого-нибудь еще.

Стюарт коротко глянул на Джерико.

— Нельзя перегибать палку. Они вынудили ее, черт бы их побрал.

Кромвель загудел. Внезапно на улицу высыпали люди. Мисс Элли Кливленд, с посеревшим лицом, стояла на пороге книжного магазина. Тут и там слышались возбужденные глоса. Джедедия Стюарт сел за руль выдавшего виды «форда» и поехал к дому Поттеров на Дороге 4. В том же направлении мчались и другие машины, словно торопились на пожар.

— Я тебя искал, — раздался грубый голос за спиной Джерико. Салли, местный полицейский. С закаменевшим лицом. — Мистер Бартрэм ждет тебя. Пошли, — тяжелая рука легла на предплечье Джерико.

Джерико обернулся.

— Не смей прикасаться ко мне, Салли. Я тебя предупреждал.

Полицейский оценивающе оглядел рыжебородого художника.

— Как-нибудь мы с тобой поговорим, наедине.

Но держался от него на почтительном расстоянии, пока они шли к муниципалитету и поднимались по ступеням. Никто не упомянул об убийстве.

Когда они вошли в кабинет Бартрэма, тот разговаривал по телефону. Отдавал приказ начать поиски Марсии. Сообщал ее приметы, марку, цвет и номерные знаки автомобиля, на котором она уехала. Пальцы правой руки Джерико сомкнулись на ключах Марсии, лежащих в его кармане.

Наконец Бартрэм положил трубку на рычаг и посмотрел на Джерико и Салли.

— Вы слышали? — спросил он.

— От местного парикмахера, — ответил Джерико.

— Вы знаете, где она?

— «Она», в смысле Марсия?

— Время задушевных разговоров кончилось, мистер Джерико. Убит человек.

— А почему я должен знать, где находится Марсия?

— Я скажу тебе, почему, — прогудел Салли. — Джим Поттер нашел тело Хилларда у себя на кухне. Его застрелили. Марсия уехала. Ее пистолет пропал. Он позвонил нам. Я съездил к твоему коттеджу, предположив, что она ищет защиты у тебя. Ты же в ее глазах — герой, особенно после того, как враньем сегодня утром спас ее от тюрьмы.

— Помолчи-ка, Вик, — оборвал его Бартрэм. — Мистер Джерико, не застав вас дома, Салли вернулся в город и начал спрашивать, не знает ли кто, где вы находитесь? Вскоре ему сказали, что ваш красный «мерседес» стоял у дома Поттеров, — он глянул на раскрытый блокнот у себя на столе, — в десять сорок пять.

У Джерико полегчало на душе. Салли не нашел машины Марсии, спрятанной в сарае за коттеджем. Комнаты он, похоже, не обыскивал. Во всяком случае, Марсию не видел.

— Да, я заезжал к Поттерам.

— Вы виделись с ней?

— Нет.

— А тело вы видели?

В доме Джерико вел себя очень осторожно. Ноги Хилларда он заметил, едва войдя в гостиную. И после этого старался ничего не трогать. Но отпечатки его пальцев могли быть везде, потому что он провел в доме ночь. Так что едва ли они смогли бы в чем-либо обвинить его.

— Тела я не видел, если оно там и было. Я позвал миссис Поттер. Она не ответила, и я уехал.

— Куда? — спросил Бартрэм.

— На то место, где утонул сын Поттеров.

От Джерико не укрылись быстрые взгляды, которыми обменялись Бартрэм и Салли.

— Как вы узнали, где оно находится? — поинтересовался Бартрэм.

— Мне сказала Марсия, прошлой ночью. В поместье Уилеров у северной оконечности озера.

— И что вы там делали?

— Осмотрел берег, сосновую рощу. Потом поговорил с Дональдом Уилером.

Глаза Бартрэма сузились.

— А что вы искали?

— История мальчика заинтриговала меня. Вот я и подумал, а может, он не утонул? Может, с ним случилось что-то еще?

— Что же? — хрипло переспросил Салли.

— Откуда мне знать, — сухо улыбнулся Джерико. — Я тут человек новый.

— Что вы делали после разговора с Дональдом? — продолжал допрос Бартрэм.

— Вернулся в город. Познакомился с Джедедией Стюартом.

— Зачем?

— В общем-то, это не ваше дело. Но я все думал о Томми Поттере. И хотел посмотреть старые газеты.

— И? — Бартрэм наклонился вперед.

— Фактов, подтверждающих мою гипотезу, я не нашел, — Джерико смотрел на прокурора. Но услышал вздох облегчения, вырвавшийся из груди Салли.

Бартрэм перекладывал с места на место какие-то бумаги, словно ему требовалось время, чтобы прийти в себя. И думал он явно не об убийстве Хилларда.

— Почему вы решили, что Марсия застрелила этого Хилларда... Кто он такой?

— Что значит, «кто он такой»?

— Так все-таки — кто?

Бартрэм улыбнулся, как чеширский кот.

— Странно, что вы вновь задаете этот вопрос. Вы уже получили ответ, когда побывали утром в книжном магазине. Мисс Кливленд сообщила нам об этом.

— Мне, конечно, известно, что ему принадлежит книжный магазин и, будучи членом общества «Анонимные алкоголики», он помогал Марсии бороться с дурной привычкой. В мой вопрос я вкладывал другое. Жил ли он здесь с детства, пользовался ли уважением?

— Почему вы решили повидаться с ним? — Бартрэм словно и не услышал объяснений Джерико.

— Могу честно признать, что меня взволновала судьба миссис Поттер, — ответил Джерико, — особенно после того, как сегодня утром вы двое и ее муж вломились к ней. Она говорила мне, что Хиллард пытался помочь ей перебороть тягу к спиртному. Вот я и захотел узнать, действительно ли болезнь зашла очень далеко.

— Теперь вы это знаете,— заверил его Бартрэм.— Она застрелила Хилларда.

— Откуда вам это известно?

— Она удрала! — воскликнул Салли.— Ее пистолет исчез!

— Вы уверены?

— Увидев, что Хиллард убит, а Марсии нет, Джим Поттер первым делом взглянул, где ее пистолет. Она хранила его в черном футляре, в ящике комода. Ящик был пуст. Ни футляра, ни пистолета. Пропали и запасные патроны.

— Украдены каким-то воришкой? — предположил Джерико.

— Ерунда! — вставил Салли.

— Так что вам нужно от меня? — задал вопрос уже Джерико.— Я приезжал к дому. На кухню не заходил, так что тела не видел. Что я делал после этого, вам известно. Молодой Уилер и Джек Стюарт подтвердят мое алиби. Впрочем, я мог взять пистолет. Если вам того хочется, обыщите меня.

— Хорошая идея,— Салли шагнул к нему.

— Не ты, Салли,— проворковал Джерико.— Если дотронешься до меня, тебе не поздоровится.

Салли выхватил пистолет.

— И пистолет тебе не поможет. Если мистер Бартрэм хочет обыскать меня, я возражать не стану.

— Хватит,— Бартрэм стукнул кулаком по столу.— Убери пистолет, Вик, и перестань валять дурака.

— А ты лучше не дразни меня,— процедил Салли, медленно убирая пистолет в кобуру.— А не то я за себя не ручаюсь.

— Интересно посмотреть, что же ты сделаешь,— ухмыльнулся Джерико.

— Перестаньте цапаться, вы оба! — вмешался Бартрэм.— Послушайте, Джерико. Марсия, возможно, приедет к вам. Вы дали понять, что готовы стать на ее сторону. Если она приедет, уговорите ее сдать властям. Для нее это лучший выход.

— Я в этом не уверен,— ответил Джерико.— Утром вы пришли за ней втроем. А теперь: несколько часов спустя ее муж находит покойника и заявляет, что Марсия и пистолет исчезли. И вы снова охотитесь за ней, на этот раз, чтобы навесить на нее убийство. Мне представляется, что Марсии придется несладко, попади она в ваши руки. Едва ли вы обойдетесь с ней по справедливости.

— Вы станете соучастником преступления, если поможете ей спрятаться или уехать отсюда,— на губах Бартрэма вновь заиграла улыбка.— Тогда я арестую и вас.

— Импульсивность не в моем характере. Если я рискую, то обычно знаю, чем мне это грозит.

— Вот и отлично,— Бартрэм потянулся за сигаретам.— Как бы вы ни сочувствовали Марсии, об этом надо забыть. Она убила человека. Личные чувства теперь не в счет.

— Прекрасная речь,— хмыкнул Джерико.— Она свидетельствует о том, что вы, Салли и ее муж еще способны на «чувства». Возможно, вам это не понравится, но ваша версия представляется мне весьма сомнительной. В этом городе не все чисто, Бартрэм, и вам очень не хочется, чтобы кто-нибудь разворошил это осиное гнездо.

Джерико чувствовал враждебные взгляды, упершиеся ему в спину, когда выходил из кабинета прокурора. Он твердо знал, что пара ударов достигла цели, особенно вначале, когда речь зашла о Томми Поттере. Обмен взглядами Бартрэма и Салли говорил о многом. В то же время Джерико понимал, что Марсии грозит смертельная опасность. И по пути к студии думал, как ей можно помочь. Прежде всего, ей требовался хороший адвокат, и уж, конечно, не проживающий в Кромвеле. Интуитивно он чувствовал, что в этом сонном городке Марсия не найдет достойной защиты.

— В то утро я убедился, что Марсия не убивала Хилларда,— впоследствии рассказывал мне Джерико.— Я не мог сказать, кто его пристрелил, но повод для убийства был ясен. Кто-то подслушал обещание Хилларда открыть Марсии тайну смерти ее сына. Его убрали те, кто любой ценой хотел избежать разоблачения.

Джерико подъехал к коттеджу. Все тихо, никаких следов Марсии. Впрочем, другого и не могло быть. Услышав шум приближающейся машины, она должна была спрятаться и запереться в туалете. Джерико вылез из «мерседеса», вошел в дом, позвал Марсию. Она не ответила.

В коттедже ее не было.

Через дверь черного хода Джерико прошел в сарай. Машина Марсии стояла на месте.

Возможны два варианта, прикинул Джерико. Либо ее нашла полиция или кто-то еще, озабоченный тем, чтобы тайное не стало явным. Либо жажда стала непереносимой, и Марсия отправилась на поиски спиртного. Он-то рассчитывал, что желание узнать, что скрывалось за намеком Хил-

ларда, и страх ареста по обвинению в убийстве удержат ее в доме. В то же время он мог поклясться, что Бартрэм и Салли не знали, где она. Тогда кто? Человек, подслушавший откровения Хилларда и убивший его после отъезда Марсии? Доставший пистолет из тайника, по словам Марсии, ей неизвестного, застреливший из него Хилларда, а затем приложивший немало усилий, чтобы все выглядело так, будто стреляла Марсия?

Естественно, Джерико не мог не подумать о Джиме Поттере.

Глава 3

Вот тут на сцене появился я. Джерико позвонил мне из Кромвеля. Предложил сесть в машину и немедленно приехать. Ему требовалась помощь. Я ответил, что заканчиваю книгу и не могу приехать даже ради второго пришествия. Он обозвал меня сукиным сыном и добавил, что я должен выехать в течение часа, взяв с собой комплект приспособлений для снятия отпечатков пальцев с каких-либо предметов. Я ответил, что понятия не имею, что это за комплект и из чего он состоит. Джерико предложил позвонить нашему общему другу, лейтенанту Пасколю из отдела убийств. Помявшись, я пообещал приехать через два дня, надеясь, что их хватит для завершения книги. И спросил, почему такая срочность. «Совершено убийство», — проревел он в ответ, да так громко, что меня чуть не лопнула барабанная перепонка. Я вновь попытался спорить, но он бросил трубку.

Припомнить, что Джерико когда-либо просил о помощи, мне не удалось. С неохотой я начал собирать чемодан.

Джерико выстроил четкую последовательность событий. Томми Поттер не утонул в озере. Его убили, потому что он что-то увидел или услышал. Это что-то явилось причиной смерти Хилларда, та же участь могла ожидать тех, кто посмеет докопаться до сути. Джерико мог поспорить на последний цент, что Бартрэм, Салли, Джим Поттер и искалеченный Дон Уилер знали, как и почему умер Томми Поттер. А Джедедия Стюарт догадался об этом.

Позднее Джерико говорил, что в тот момент словно оказался на перепутье. Перед ним лежало много дорог, но выбрать он мог лишь одну, потому что остальные вели

в тупик, грозящий бедой ему, Марсии и еще бог знает кому.

Он попытался поставить себя на место Марсии. Она знала, что полиция ищет ее. Ей посоветовали никому не попадаться на глаза. Возможно, кто-то приходил к коттеджу после его отъезда. Не открыто приехал на машине, а прошел через лес. И застал Марсию врасплох, она не успела спрятаться. В полицию ее не сдали, то есть решили разделиться с ней по-тихому.

Впрочем, ее исчезновение могло объясняться и другим: она ищет спиртное. Но Марсия не могла не знать, как он встревожится, обнаружив, что коттедж пуст. Почему она не оставила записки? Или опасалась, что он сможет перехватить ее по пути к желанной цели? Джерико знал, что ради выпивки алкоголик готов на все, любую хитрость и обман.

Однако ее тут же арестовали бы, попытайся она заглянуть в винный магазин. Бартрэм объявил розыск Марсии, а полиция хорошо знала ее привычки. Магазин, пусть и на территории другого штата, наверняка находился под наблюдением. И уберечь Марсию от ареста, если она действительно пошла туда, он не мог. Джерико понятия не имел, где сейчас Марсия. И не знал, где ее искать.

Если не уверен, куда стрелять, целясь в глаз, напомнил себе Джерико армейскую мудрость. Есть же человек, которому все известно, который, возможно, замешан в убийстве собственного сына. Джим Поттер. Джерико решил найти его и переговорить с ним.

Кромвель гудел. Небольшая толпа собралась перед муниципалитетом, очевидно, в ожидании новостей. Из разговоров Джерико понял, что Марсию до сих пор не нашли. Он уже двинулся дальше, когда столкнулся лицом к лицу с Элли Кливленд. Ее словнохватило обухом по голове. Она посмотрела на Джерико, но, похоже, даже не узнала его. Джерико коснулся ее руки, и Элли, отскочила в сторону.

— О, вы напугали меня,— ее глаза постепенно очистились от тумана.

— Извините. Я понимаю, как вам тяжело.

— Бедный Джерри,— губы мисс Кливленд дрогнули.— Он хотел помогать людям, а эта женщина...— она отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Все уверены, что его убила миссис Поттер,— прервал затянувшуюся паузу Джерико.

— А кто еще? — зло бросила Элли.— Он откликнулся

на ее просьбы о помощи в любое время дня и ночи. Он сам много пил одно время. А потом никогда не отказывался прийти на помощь тем, кто хотел покончить с этим пагубным пристрастием.

— Как я понимаю, иногда он появлялся и без звонка.

— Он знал людей, которым помогал. Он буквально чувствовал, когда они нуждались в нем.

— Как вы думаете, где я могу найти Джимма Поттера?

— Я только что видела, как он уехал в патрульной машине с Виком Салли,— ответила мисс Кливленд.

— Он дружил с Хиллардом?

— Конечно. Джим часто благодарил Джерри за помощь Марсии.

— Он звонил Хилларду, когда Марсия начинала пить?

— Звонил, и не раз,— она пристально посмотрела на Джерико.— Почему вы задаете мне столько вопросов?

Джерико пожал плечами.

— Я, похоже, единственный здесь человек, который не верит тому, что выдается за аксиому.

— Я вас не понимаю.

— Кто, кроме меня, усомнился в личности убийцы, мисс Кливленд? А если стреляла не Марсия?

— Почему тогда она убежала?

— Каким мог быть ее мотив? — Джерико задал встречный вопрос.

— Алкоголику не нужен мотив, мистер Джерико. Во всяком случае, тот мотив, который мы можем себе представить. Иногда их поступки начисто лишены логики.

— Как по-вашему,— вроде бы ненароком спросил Джерико,— у мистера Хилларда не могло быть романа с Марсией?

— Нет! — на щечках очаровательной мисс Кливленд заалели пятна румянца. Не желая того, она признала, что ее общение с Хиллардом не ограничивалось магазином.

Интересный городишко, этот Кромвель, подумал Джерико.

Джерико зашагал к редакции «Кромвельской газеты». Джек Стюарт что-то печатал на старенькой машинке. Он дружески кивнул Джерико.

— Особенность еженедельника — отсутствие сенсационных заголовков. Когда эта статья выйдет из печати, преступника уже найдут.

— Общественность, похоже, знает, кто убийца,— ввернул Джерико.

— Возможно, — Стюарт продолжал печатать.

Джерико примостился на краешке стола, начал набивать трубку.

— Расскажите мне о Джерри Хилларде, — попросил он.

— Родился в Кромвеле. Воспитывался овдовевшей матерью, которая умерла шесть лет тому назад. Семья небогатая. Сам зарабатывал на обучение в Йельском университете. Запил, вылезился с помощью «Анонимных алкоголиков». Сам помогал многим людям. В конце концов, открыл книжный магазин. У него был хороший вкус, — Стюарт оторвался от машинки, взглянул на Джерико. — Вчера я видел в магазине ваши рисунки.

— Был женат?

— Нет.

— В этом городе все обо всех знают. Кто же его пассия?

Старик помялся.

— Под кроватью я не сидел.

— Я понимаю вас, Джед. Сплетни вы не распространяете. Но нужна ли сейчас такая щепетильность?

Стюарт всмотрелся в Джерико.

— Что вы пытаетесь выяснить?

Джерико огладил рыжую бороду.

— Интересные дела творятся в вашем Кромвеле, Джед. Я вот убежден, что сын Марсии не утонул. А весь город преспокойно винит ее в смерти мальчика. А теперь приписывают ей смерть Хилларда, хотя доказательством вины Марсии является только ее отсутствие в Кромвеле. Такое впечатление, что эта женщина — местный козел отпущения, — Джерико помолчал. — Никто не верит моему рассказу о происшедшем прошлой ночью. Я говорю, что она была трезвой. Все говорят, что пьяной. Между нами говоря, и я назову вас лжецом, если вы повторите мои слова, она напилась в стельку. Я уложил ее в постель. Сам промок до нитки, повесил рубашку и пиджак сушиться у камина и пошел в душ. Я стоял под струей в чем мать родила, когда Хиллард отдернул занавеску и начал орать на меня. Никто за ним не посылал, понимаете. Он заявился сам. Словно ждал, пока она вернется домой. А после моего отъезда он появился вновь и его застрелили. Вот я и спрашиваю, а не завел ли этот добровольный помощник из «Анонимных алкоголиков» роман с Марсией Поттер? А может, он вообще использовал женщин, которых опекал, по прямому назначению, когда те уже ничего не соображали?

— Вот что я скажу вам, Джерико.

— Что же?

— За эту пару дней вы узнали о нашем городе больше, чем многие — за всю жизнь.

— Можно считать, что это ответ на мой вопрос?

— Нет,— пару минут старик продолжал печатать, затем его пальцы замерли.— Я издаю хорошую газету, сынок, отчасти потому, что не помещаю непроверенные факты. То, что я не могу доказать, в газету не попадает. Люди это знают. Я даже не говорю о том, что не могу доказать,— Стюарт поднес зажигалку к сигарете.— В городе у Хилларда был близкий друг, никак не связанный с «Анонимными алкоголиками». Они вместе учились в колледже. Вы и с ним встречались.

Глаза Джерико сузились.

— Дон Уилер?

Старик кивнул.

— Они были очень дружны. После того как Дона парализовало, Джерри проводил с ним много времени. Возил его за город, по вечерам играл в шахматы. Если вы хотите что-то узнать о Джерри, спросите Дона. Хотя, возможно, он не захочет говорить с вами.

— А как насчет очаровательной мисс Кливленд?

— Тут вы только потеряете время,— Стюарт глубоко затаился, выпустил струю дыма.— Она любила Джерри. И представит его в самом лучшем свете,— он взглянул на Джерико.— Вопрос за вопрос?

— Валяйте.

— Вы знаете, где сейчас Марсия?

— Нет,— откровенно ответил Джерико.

Старик вздохнул.

— Я думал, вы знаете. Ей необходим надежный друг.

— Если бы я знал, то мог бы и не сказать,— признался Джерико.— Я действительно не знаю, где она. Но чувствую, что все это неспроста, Джек. На нее повесили смерть сына, а теперь хотят добавить убийство Хилларда. И мне очень хочется побеседовать с Джимми Поттером, причем один на один. У меня сложилось впечатление, что он далеко не идеальный муж.

— Сначала поговорите с Доном Уилером,— предложил старик.— У Джима Поттера немало своих проблем.

На этот раз Джерико подъехал к дому Уилеров на «мерседесе». По северной стене сложенного из серого

камня особняка вился еще зеленый плющ. Аккуратно выкошенная лужайка перед домом, ухоженные клумбы и цветы, гараж на четыре машины, из которых только две стояли на месте. Еще одна застыла перед парадной дверью. Не вызывало сомнений, что судья и его сын жили не только на жалованье отца.

Джерико поставил «мерседес» в затылок стоящей у особняка машине и подошел к двери. Позвонил. Ему никто не ответил. Позвонил еще раз, другой, третий. Толкнул дверь. Она распахнулась. Джерико решил, что Дон Уилер в доме один, а подойти он, естественно, не мог.

Середину холла занимал длинный стол. У трех стен стояли стулья с высокими спинками. На дальней стене висел большой женский портрет. На губах женщины играла легкая улыбка. Джерико узнал манеру известного портретиста, Гордона Стивенсона. У судьи неплохой вкус, подумал Джерико, раз он заказал портрет жены Стивенсону.

Слева от двери витая лестница вела на второй этаж. Слева от портрета дверь открывалась в гостиную с большими окнами, выходящими на озеро.

— Мистер Уилер! — крикнул Джерико.

Ответа не последовало. Ни единого шороха не слышалось в доме. Джерико подошел к подножию лестницы и позвал вновь.

— Дон Уилер!

И тут что-то тяжелое обрушилось ему на затылок. Острая боль пронзила голову, и больше он ничего не помнил. Ни шагов за спиной. Ни падения на пол...

Джерико открыл глаза и застонал. Первым делом он увидел портрет. Голова раскалывалась от боли.

— Он приходит в себя, — послышался мужской голос.

Джерико шевельнул головой и вновь застонал. Едкий запах нашатыря заставил его закашляться.

— О господи, как он меня напугал, — второй голос, также незнакомый.

Джерико уперся в пол руками и попытался сесть. От боли перед глазами все пошло кругом.

— Не двигайтесь, мистер Джерико, — сказал один из мужчин.

На этот раз Джерико удалось повернуть голову, и его взгляд уперся в лицо мужчины с седыми волосами, в очках, опустившегося на колени рядом с ним.

— Я — доктор Максвелл, — представился мужчина. — Вы сильно расшиблись при падении с лестницы.

— Падении! — Джерико рассмеялся. — Падении!

— Вы ударились головой о стойку,— пояснил доктор.
— Не смешите меня,— пробурчал Джерико.
— Вы, должно быть, споткнулись, спускаясь по лестнице,— добавил второй мужчина.— Я — судья Уилер, мистер Джерико. Я очень сожалею о случившемся. Вы поднялись на второй этаж в поисках Дона?

Вот тут Джерико сел.

— Вы считаете, что я упал и разбил голову о стойку?

— Она в крови,— ответил доктор Максвелл.— Как же иначе это могло произойти? Вы не помните, как падали?

— Не помню, потому что я не падал,— голос Джерико задрожал от ярости.— Меня ударили по голове.

— Да что вы, мистер Джерико! — воскликнул судья Уилер.— Такого быть не могло.

— В любом случае я считаю, что вас нужно отвезти в больницу,— заявил доктор Максвелл.— Судя по всему, у вас сотрясение мозга, и вам необходим полный покой.

Джерико глянул на судью. Гладкое, почти без морщин лицо. Выражение озабоченности, похоже, деланной. Ухватился за балясину перил, поднялся.

— Посмотрите, вот кровь в том месте, где вы ударились головой,— показал доктор.— На затылке у вас рваная рана. Скорее всего, придется наложить швы. Я думаю, вам лучше поехать в больницу.

Джерико покачал головой, и ему показалось, что она сейчас оторвется.

— Давайте проясним ситуацию. Я вошел в дом, хотя не имел на это права. На мой звонок никто не ответил, но у двери стояла машина, и я подумал, что ваш сын, судья, просто не может подойти. Остановившись у лестницы, я вновь позвал его. Вот тут все и случилось.

— Вы упали? — вежливо спросил судья.

— Я не падал! Я стоял на полу. Не успел подняться даже на одну ступеньку. Кто-то подскочил ко мне, неслышно ступая по мягкому ковру, и ударил.

Мужчины переглянулись, словно говоря друг другу, что их собеседник явно не в себе.

Джерико коснулся затылка. На руке остались пятна крови.

— Как вы оказались здесь, доктор? — спросил он.

— Судья послал за мной. Я сразу приехал. Он думал, что вы умерли.

Джерико посмотрел на часы. Он пролежал без сознания почти час. Взглянул на судью.

— Я приехал домой без десяти три,— пояснил тот.—

Увидел, что вы лежите у лестницы с окровавленной головой. Немедленно позвонил доктору. Вас никто не мог ударить, мистер Джерико. В доме никого не было. У слуг сегодня выходной.

— А ваш сын?

— Дон в отъезде.

— С каких это пор? Я разговаривал с ним утром.

— Он уехал перед самым ленчем.

— Уехал?

— Короткая поездка, на несколько дней... на машине.

— Он может вести машину?

— Теперь, к сожалению, нет. Мы наняли ему шофера.

Его зовут Майк Торнтон.

— Когда он уехал?

— Я же сказал вам, перед ленчем.

То есть сразу после разговора со мной, отметил Джерико, если судья не лгал. Но он уже начал сомневаться, что в Кромвеле можно хоть от кого-то услышать правду.

— Как мне его найти? — спросил Джерико.

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь, — улыбнулся судья. — Бедный мальчик, в последние дни он просто не находил себе места. И так внезапно уехал. Он и Майк собирались остановиться в каком-нибудь мотеле. Пока он не позвонит, я не смогу сказать вам, где именно.

— Ему известно, что Хилларда убили?

Если судья замаялся, то лишь на мгновение.

— Разумеется, известно.

— Странно, что он все равно решил ехать. Джерри был его близким другом.

— А чем он мог помочь? — спросил уже судья. — Джерри мертв. Тут уж ничего не попишешь. А насилия на долю Дона и так выпало немало, — судья печально покачал головой. — Слава богу, на этот раз поиск преступника не затянется. Миссис Поттер, помоги ей бог, найдут с минуты на минуту.

Джерико прислонился к стойке, борясь с головокружением.

— За последние несколько часов я услышал вранья больше, чем за всю жизнь.

— Я вижу, вы еще не пришли в себя, мистер Джерико, — холодно ответил судья.

— Еще как пришел, ваша честь! Я объявляю войну вашему городу! Хватит преследовать невинных. Марсия Поттер больше не будет козлом отпущения. Я не позволю обвинять ее в преступлениях, которые она не совершала.

Ваш сын назвал Кромвель «великолепной клоакой». Грубовато, конечно, но точно по существу.

— У вас помутилось в голове, мистер Джерико. Такими угрозами вы можете навлечь на себя серьезные неприятности.

— Уже навлек. Мне разбили голову. Зачем это сделали, судья? Чтобы я не успел переговорить с вашим сыном, пока вы не увезете его подальше от Кромвеля, где я не смогу, задавать ему вопросы? Он же решил, что скажет правду, когда узнал об убийстве Хилларда, не так ли?

Лицо судьи обратилось в маску.

— Я думаю, доктор, вам надо отвезти этого человека в больницу.

— Как бы не так,— возразил Джерико.— Я бы хотел обратиться к врачу, которому доверяю, а не к вашему другу.

Он оторвался от стойки и, покачиваясь, двинулся к двери. Ему потребовались все силы, чтобы добраться до машины. Он не мог позволить себе упасть, потерять сознание. Этот милый доктор тут же вколол бы ему что-нибудь в вену и, кто знает, не пришлось ли бы хоронить его вместе с Хиллардом.

Глава 4

Я приехал в Кромвель около трех часов пополудни. Не в лучшем расположении духа. Перед тем как бросить трубку, Джерико выкрикнул: «Убийство». Если б я не помнил про объявление в «Сэтедей ревью», то не знал бы, где его искать. Приехал я, вооруженный маленьким мешочком мельчайшего порошка и набором кисточек, которыми ссудил меня наш приятель, лейтенант Пасколь, предварительно подробно объяснив, как ими пользоваться. И я собирался учинить Джерико скандал, если б выяснилось, что, протащившись сто пятьдесят миль, я привез ему вещи, которые он мог легко добыть в местном полицейском участке.

Главная улица Кромвеля мне понравилась. Добротные особняки, ухоженные лужайки. У муниципалитета я заметил полицейского. Он стоял у машины и что-то записывал в маленький блокнот. Крупный мужчина с холодным, недружелюбным взглядом. Потом я узнал, что это Вик Салли, но в тот момент у меня не было оснований отнестись к нему с предубеждением. Я свернул к тротуару и спросил его,

как проехать к студии Мартиню. Он подозрительно оглядел меня.

— Мартиню с женой уехали в Европу.

— Я знаю. Студию снял мой друг.

— Джерико?

Джерико нигде не оставался незамеченным. Я кивнул.

Салли объяснил мне, как проехать к студии, а потом добавил:

— Скажите Джерико, чтобы он связался с нами.

— Хорошо. А в чем дело? Джонни попал в передрыгу?

— Еще какую. Передайте ему нашу просьбу. Он нам нужен.

До коттеджа я добрался за пятнадцать минут, точно следуя инструкциям Салли, но не увидел знакомого «мерседеса». Я вытащил чемоданы из багажника, моего скромного черного «корвея» и занес их в дом. Краски, холсты и общий беспорядок указывали на то, что Джерико поселился в студии. Я прошел на кухню. На столе стояла опорожненная более чем наполовину бутылка шотландского виски, и я основательно приложился к ней. Поездка утомила меня. Хотелось умыться, принять душ. Но ванной я не нашел. Возможно, она была за запертой дверью. Пришлось умываться над кухонной раковиной.

Раздражение нарастало с каждой минутой. Раз уж Джерико заставил меня бросить все и сорваться с места, он, по крайней мере, мог бы меня встретить. Я вылил в стакан остатки виски. Подумал, с каких это пор Джерико переключился на шотландское. Раньше-то он отдавал предпочтение бербону, в крайнем случае, позволял себе ирландское. Наверное, я слонялся по коттеджу минут сорок пять, прежде чем услышал шум подъезжающей машины. Выглянув из окна, я увидел еле ползущий «мерседес». Вот он остановился рядом с моим «корвеем», открылась дверца, Джерико тяжело вылез из кабины. Тут я заметил, сколь бледно его лицо над пламенеющей рыжей бородой. Он навалился на открытую дверцу, и чувствовалось, что упадет, если отпустит ее. На воротнике рубашки и пиджаке запеклись пятна крови. Я выбежал из коттеджа.

— Джонни! Что все это, черт побери...

Его лицо осветила идиотская улыбка.

— Какой-то дурак ударил меня по голове,— и, как поваленное дерево, он рухнул у моих ног.

Я не привык носить тяжести. Бумажный пакет с продуктами, купленными в соседнем магазинчике, для меня — непосильная ноша. Так что не знаю, каким чудом мне

удалось затащить в дом двести сорок фунтов Джерико. Но я перевернул его на спину, ухватил под мышки и поволок, как муравей — гусеницу. В качестве лекарства я решил использовать спиртное. Но в бутылке шотландского не осталось ни капли. Вновь попытался открыть дверь в ванную. Она не поддавалась. Я понятия не имел, с какой стати он запер ванную.

Из спальни я принес подушку и с трудом подсунул ее под голову Джерико. Прощупал пульс. По крайней мере, сердце у него билось.

Тут уж я немного успокоился, даже заметил в углу телефонный аппарат. Бросился к нему, схватил трубку, чтобы позвонить врачу, но меня остановил слабый, но настойчивый голос Джерико.

— Положи трубку!

— Тебе же нужен доктор, Джонни.

— Положи трубку и послушай, что я тебе скажу.

Он приподнялся на локтях, и я метнулся к нему. Помог переместиться в большое кожаное кресло.

— В машине есть бербон,— прошептал он.

Я побежал к «мерседесу». Нашел две бутылки, полную и початую. Поспешил с ними в коттедж.

Меня ждал сюрприз.

На диване сидела женщина трагической красоты и озабоченно смотрела на Джерико. Рыжеватые волосы падали ей на плечи. Она повернулась на звук захлопнувшейся за мной двери. Огромные фиолетовые глаза уставились на меня.

— Вы, однако, не торопитесь,— она поднялась мне навстречу, протянула руку к бутылкам, ее качнуло.

— Спиртного ей не давай,— прошептал Джерико.

Я, конечно, видел, что она пьяна, но не придал этому особого значения. Историю Марсии Поттер я узнал позже. А тут отдал ей одну из бутылок, принес из кухни стакан, наполнил его и протянул Джерико.

— Ты не сказал мне, что она здесь,— заметил он.

— Я этого не знал. Она, должно быть, пряталась в ванной.

Джерико выпил бербона.

— Длинная история,— он глянул на кухню, где женщина наливала себе второй стакан.— Я принес ключи от «мерседеса»?

— Не знаю.

Он нащупал ключи в кармане, кивнул, поморщился от боли.

— А теперь я вызову тебе доктора,— я шагнул к телефону.

— Нет, сначала я должен рассказать тебе, что здесь творится.

— Ты, похоже, неплохо устроился,— я кивнул в сторону кухни.

— Приведи ее сюда.

Я подошел к двери.

— Маэстро желает вас видеть.

Женщина улыбнулась.

— Передайте ему, что я занята,— и вновь налила себе бербона.— Я чуть не задохнулась в этой вонючей ванной, пока вы пили мое виски! Кто вы такой?

— Друг Джона... Артур Холлэм.

— Вы, конечно, провинились, выпив мое виски, но, если хотите, можете составить мне компанию,— она указала на быстро пустеющую бутылку.

— Холли! Приведи ее! — Джерико заговорил чуть громче.

— Хозяин зовет,— я подошел к ней, взял за руку.

Она вырвалась, отпрянула.

— Убери свои грязные лапы!

Я так изумился, что отступил на пару шагов и столкнулся с Джерико, который возник в дверном проеме.

— Пьянчужка,— процедил он, одним шагом покрыл разделявшее их расстояние, вырвал из ее рук бутылку, повернулся к раковине и вылил остатки бербона. Мгновением позже женщина набросилась на него, колотя по спине. Джерико бросил пустую бутылку в раковину, оттолкнул женщину. Она отлетела в угол и замерла на полу.

Джерико сам едва не упал, но успел ухватиться за раковину.

— Кто это? — спросил я.

— Марсия Поттер, алкоголичка. Из-за нее я и вызвал тебя. Холли. Пойдем в гостиную, там и поговорим.

— Ты собираешься оставить ее здесь? Может, лучше перенести на одну из кроватей?

— Разницы она не заметит,— без всякого сочувствия ответил он и двинулся к двери. Сел в кресло, налил себе бербона.

— Ее разыскивает полиция, Холли. Ей приписывают убийство, которого она не совершала, могу в этом поклясться. Но сейчас мы прячем подозреваемого. Если ты не хочешь влезать в это дело, садись в свою тарантайку и поезжай домой.

— Не говори глупостей, — отмахнулся я.

— Не изображай героя, пока у тебя нет полной уверенности, что ты хочешь составить мне компанию. Противник играет жестко, — кончиками пальцев он прикоснулся к за- тылку.

— Составлю я тебе компанию или нет, но доктор тебе необходим.

— Доктор подождет. Комната уже не кружится. Выслушай меня, а потом решим с доктором.

И Джерико рассказал мне все то, о чем написано выше. Один раз я остановил его, чтобы налить себе немного бербона с водой. Марсия так и лежала в углу, наверное, заснула. За окном стемнело, и я зажег настольную лампу. Джерико становилось лучше прямо на глазах.

— Я думаю, в доме Уилеров меня ударили неспроста, — продолжал он. — Пять месяцев тому назад в этом городе что-то произошло. Мальчик стал невольным свидетелем, и его убили. Возможно, с этим связано и избиение Дона Уилера, хотя полной уверенности у меня нет. Но я готов дать голову на отсечение, что Джим Поттер, Бартрэм, Салли, Дон Уилер знают, как умер мальчик. Знал об этом и Джерри Хиллард. Все известно судьбе. Полагаю, старик Стюарт тоже сообразил что к чему.

— А эта женщина на кухне?

— Нет. Она думает только о погибшем сыне... и пьет. Они закрыли дело, обвинив ее в смерти Томми Поттера, и публика приняла эту версию: все знали, что Марсия — алкоголичка. Ни у кого не возникло и тени сомнения. А теперь на нее навесят убийство Хилларда, и Кромвель это проглотит по тем же причинам. Все будет шито-крыто, если, конечно, мы уедем, прикинувшись, что не заметили ничего подозрительного.

— А может, это самый лучший вариант, — задумчиво заметил я.

— Безусловно. Ты можешь отправляться домой, Холли.

— Не могу. Тебе нужна сестра-сиделка. Но мне нужно заканчивать роман, поэтому я не могу сидеть сложа руки. Какой у тебя план?

— Одно я знаю наверняка. Они понимают, что я — главная опасность. Задаю не те вопросы. Думаю, их слабое место — Дон Уилер. Похоже, после нашей утренней встречи они решили увезти его из города, чтобы я не мог вновь переговорить с ним. Но я приехал слишком быстро. Он еще был дома. Поговорить нам не дали, хотя ради этого им

пришлось ударить меня по голове, и я едва не отдал богу душу. Инвалиду с парализованными ногами такое не под силу. Судье — тоже. Меня не так-то легко застать врасплох. Я думаю, меня ударил тот парень, что водит машину Уилера. Судья назвал его Майк Торнтон. Но сейчас более важно для нас другое — надо выяснить, где они прячут Дона Уилера, чтобы еще раз встретиться с ним.

— Разумное решение. Но, может, сначала передать властям женщину и ее пистолет? Тогда ты не войдешь в конфликт с законом, продолжая расследовать это дело. А так лишь оттягиваешь ее неминуемый арест, да и сам можешь оказаться в щекотливом положении.

Джерико нахмурился.

— Видишь ли, Холли, это трудно объяснить, но, я думаю, ты бы все понял, если б утром оказался в доме Поттеров, когда туда ввалились муж Марсии, Бартрэм и Салли. Может, ты ощутил бы ее страх и отчаяние — тогда она была трезвой. Словно три хищные барракуды окружили маленького беззащитного пескаря. В руках этих бандюг несчастная женщина признается в чем угодно. У каждого из нас есть предельная черта, Холли, и я чувствую, что Марсия подошла к ней слишком близко.

— Тебе она нравится? — спросил я.

— Откуда мне знать? — Джерико чуть шевельнул плечами. — Но я уверен, что против нее ведут грязную игру, и не хочу, чтобы несправедливость восторжествовала, — он сухо улыбнулся. — Теперь дело даже не в ней. Кто-то должен заплатить за шишку на моей голове, и парой тумачков они не отделаются. Я привлеку к ответу всех, а не только того парня, что сжимал в кулаке свинчатку.

Мы допили остатки бербона, обсуждая план дальнейших действий. А по ходу перенесли Марсию на кровать Джерико, укрыли пледом. Глядя на бледное лицо на подушке, я начал понимать чувства Джерико. Эта женщина не могла осилить ношу, которую жизнь взвалила на ее плечи. Ей тревогалась поддержка.

На ужин я поджарил яичницу с ветчиной, и за кофе мы продолжили разговор. Джерико непрерывно курил. Он признал, что поначалу основывался только на догадках и интуиции. Томми Поттер мог утонуть. А его тело, в силу неведомой аномалии, как и предположил Бартрэм, не всплыло на поверхность. Дона Уилера могли избить хулиганы-подростки, и это происшествие не имело никакого отношения к смерти мальчика. Марсия могла застрелить Джерри Хилларда, когда тот стал домогаться ее. Зная, что ей не

поверят, она удрала из дома, а теперь отрицала причастность к убийству. Возможно, Салли, Джима Поттера и Бартрэма действительно связывала дружба, и ими двигало лишь желание помочь больной женщине. Не было никакого заговора, несмотря на намеки Дона Уилера и Джедедии Стюарта. Эта версия имела право на существование.

— Но я не падал с лестницы дома Уилеров и не ударялся головой о стойку, — белые зубы Джерико впились в чубук трубки. — Меня ударили. И сомнений в этом нет, что бы ни говорили судья и доктор. А ударили меня по одной простой причине — чтобы я перестал раскапывать эту кучу дерьма. Значит, им есть что скрывать, а у меня нет оснований не доверять своей интуиции.

— Допустим, мы признали, что ты прав, но что теперь? Что нам делать с этой женщиной? Ее нельзя оставить одну. Сегодня днем она ушла из дома, чтобы найти бутылку виски.

— Скорее всего, украла ее в одном из соседских домов, — пробурчал Джерико. — Все равно, перефразируя незабвенного Оливера Голдсмита¹, мы должны уберечь ее от злого глаза, иначе местные молодчики быстренько разделаются с ней. Может, тебе стоит увезти ее в Нью-Йорк и спрятать там?

Я ответил не сразу.

— Я верю твоей интуиции, Джонни. Она редко подводила тебя. Но скажи мне, чем вызван этот заговор? Что хотели скрыть, даже ценою убийства, уважаемые в городе люди, судья и его сын, окружной прокурор, полицейский, муж Марсии и покойник, владелец книжного магазина, известный добрыми делами?

— Не знаю. Пока. Но я это выясню, — тут он вспомнил, что я привез из Нью-Йорка все необходимое для снятия отпечатков пальцев. Дал мне ключ от ящичка на приборном щитке «мерседеса» и попросил принести черный футляр с пистолетом, завернутый в его носовой платок. Я выполнил его просьбу и поставил перед ним черную коробочку.

Как оказалось, Джерико знал, что нужно делать с порошком и кисточками, полученными мною у лейтенанта Пасколя.

— На футляре ни одного отпечатка, — пробормотал Джерико, подняв крышку и достал пистолет. — На пистолете мы наверняка ничего не найдем, но попробовать надо, —

¹ Оливер Голдсмит (1728—1774) — английский писатель-сентименталист.

пять минут спустя он поднял голову и посмотрел на меня.— Ничего, Холли. Чистая работа. Стрелявший позаботился о том, чтобы не оставить следов.

— Это могла сделать Марсия,— заметил я.

— Если это так, она потрудилась на славу,— Джерико оглядел комнату.— Я думаю, пистолет лучше всего вернуть туда, где он и лежал. Отнесешь?

Я уже запер ящик на приборном щитке, когда послышался шум мотора и фары автомобиля осветили деревья, растущие вдоль проселка, ведущего к коттеджу.

Я поспешил в дом.

— Кто-то едет сюда.

— Запри дверь! — Джерико встал.— Убери все это,— он указал на кисточки и мешочек с порошком.— Если это полиция, скажи им, что ты дал мне снотворное и я сплю. Я же разбил голову, упав с лестницы в доме Уилеров. И тревожить меня нельзя.

— А может, тебе самому встретить их?

— Если они найдут Марсию, ей хана. Не теряй времени.

Он прошел в спальню и закрыл за собой дверь. Но ключ в замке не повернулся. Запираться он не стал.

Я быстренько собрал кисточки, подхватил мешочек, отнес все на кухню и бросил в мусорное ведро.

В дверь уже громко стучали, кто-то дергал ручку. Теперь мне предстояло сыграть роль рассерженной сестры-сиделки.

Я отпер дверь, открыл ее.

— В чем дело? — возмущенно прошептал я.— Нельзя ли потише?

Передо мной стоял Салли, за ним — улыбающийся Бартрэм и муж Марсии. Салли протиснулся в гостиную.

— Тот самый приятель, о котором я говорил,— бросил он через плечо Бартрэму и Поттеру.

Они тоже прошли в комнату.

— Я — Джордж Бартрэм, окружной прокурор,— представился улыбающийся мужчина.— А это мистер Поттер.

— Плевать мне, кто вы такие,— тем же шепотом ответил я.— Говорите тише. Я бился два часа, чтобы он заснул, а вы врываетесь, как стадо буйолов. Я не приглашал вас, мистер Бартрэм, а вы вломились в дом без ордера. Законно ли это?

— Ну при чем тут закон? — воскликнул Бартрэм.— По-моему, я не знаю, как вас зовут.

— Холлэм.

— Мистер Холлэм, это неофициальный визит. Мистер

Поттер не находит места из-за жены. С утра никто не знает, где она. Вам, несомненно, известно, что ее ищут в связи с убийством.

— Кто-то вломился в дом неподалеку и украл бутылку шотландского виски,— подал голос Поттер.— Мы подумали, что она могла прийти сюда.

— А вот и бутылка! — триумфально воскликнул Салли. Он стоял в проеме двери, ведущей в кухню, с бутылкой из-под шотландского виски в руке.

Я словно и не слышал его.

— С Джериго сегодня случилось несчастье. Вы, должно быть, знаете. Он упал с лестницы в доме Уилеров и стукнулся головой о стойку. Вызвать доктора он не разрешил, но чувствует себя плохо.— Бартрэм и Салли тут же переглянулись.— Я все-таки уговорил его принять таблетку снотворного, и он только что задремал. Если вы вошли в дом, не имея на то судебного решения, я требую, чтобы вы удалились быстро и без шума.

— Вы видели мою жену? — спросил Поттер, бледный как смерть.

— Я бы не знал, что это ваша жена, даже если б увидел ее.

— А как вы объясните наличие этой бутылки? — спросил Салли.— Она куплена в местном винном магазине. Вот штамп.

— Объяснять мне нечего. Когда я приехал, Джериго дома не было. Время вам известно, Салли. Я спрашивал у вас, как проехать к студии Мартиню. Джериго появился пару часов спустя, в ужасном виде. Он не мог сказать ничего путного, за исключением того, что упал в доме судьи Уилера. А потом я занимался только им. И еще раз, прошу вас не шуметь. У Джериго наверняка сотрясение мозга. Ему необходим покой.

— Вы можете заверить нас, что миссис Поттер здесь нет и не было?

— Я ни в чем не должен вас заверять. Если хотите, посмотрите сами, но только тихо. И не суйтесь в спальню Джериго!

В душе я уже признал наше поражение. Марсия могла оставить где-нибудь сумочку или перчатки. Хотя бы в ванной. Но Салли вышел оттуда с пустыми руками. Пока я следил за Салли, Бартрэм открыл дверь в спальню.

В комнате было темно. Джериго, укрытый пледом, лежал лицом вниз. Свет, падающий от лампы в гостиной, позволял разглядеть кровавую рану на затылке. Джериго

протяжно застонал. Бартрэм прикрыл дверь. Меня прошиб пот. Салли и Поттер смотрели на Бартрэма. Тот пожал плечами.

— Мы вернемся утром, чтобы поговорить с Джерико, — решил прокурор. — Может, Марсия пришла сюда с бутылкой, но покинула дом до вашего приезда. Надеюсь, так оно и было. Мне бы не хотелось арестовать вас за обман сотрудников правоохранительных органов.

— Я возьму ее с собой, — Салли взмахнул бутылкой. — На ней должны быть отпечатки пальцев Марсии. Вот мы и узнаем, побывала она здесь или нет.

— Если у вас нет ордера на обыск, лучше поставьте бутылку туда, где вы ее взяли, — возразил я. — Кстати, разве в полиции не учат, что нельзя брать вещи руками? Теперь на бутылке останутся отпечатки ваших пальцев. И моих тоже, потому что я наливал из нее виски.

— Поставь бутылку, Салли, — Бартрэм холодно улыбнулся. — Извините за беспокойство, мистер Холлэм. Доброй ночи.

Они вышли, я закрыл и запер дверь. Постоял, пока не услышал, как отъехала их машина. Затем поспешил в спальню. Ничего не изменилось. Джерико лежал на животе, укрытый пледом.

— Они уехали.

Он повернулся. Тут я увидел, что лежал он на Марсии, полностью скрывая ее своим огромным телом, прижавшись ртом к ее губам, чтобы заглушить любой звук. Ее глаза так и не открылись. Она что-то промышчала во сне.

Джерико встал, стер с губ помаду.

— Ты, однако, не дал им разгуляться. Молодец.

— Они вернутся, — заметил я. — И раньше, чем обещали. На месте Бартрэма я бы заглянул к нам вновь через пять минут. На всякий случай.

Джерико посмотрел на Марсию. Наклонился, осторожно поправил прядь волос, упавшую ей на лоб.

— Логично. Иди его встречать.

У двери я обернулся. Он гладил лоб Марсии. На его бородастой физиономии отражалось любопытство удивление.

Насчет Бартрэма я не ошибся. Они вернулись через семь минут. В дверь постучали. На этот раз Бартрэм был один, Поттер и Салли остались в машине. Его голодные глаза оглядели гостиную.

— Я потерял портсигар. И подумал, что оставил его в доме.

— Вы не выходили из этой комнаты,— напомнил ему я.

— Правда? — улыбка прокурора стала шире.— Наверное, я выронил его где-то еще. Еще раз доброй ночи, мистер Холлэм.

Хлопнула дверца машины, и три мушкетера укатили. Похоже, до утра мы могли не ждать от них никаких сюрпризов.

Как это ни странно, но муж Марсии не произвел на меня никакого впечатления. Да и произнес-то он от силы две ничего не значащие фразы. Бартрэм и Салли очень хотели найти Марсию. А вот Поттера нисколько не интересовали поиски жены. Он словно находился под гипнозом. Казалось бы, он должен кричать, требовать, чтобы ему вернули жену. Он же просто стоял и слушал, а затем преспокойно ушел. Судьба Марсии не волновала его. Мысли его заняло что-то другое, никак не связанное ни с Марсией, ни с текущими событиями. Я не мог вспомнить, говорил ли Джерико, как отреагировал Джим Поттер на смерть сына. Горожане, наверное, решили, что для него потеря ребенка стала такой же трагедией, как и для Марсии. Джерико, правда, заметил вскользь, что Поттер разъярился, увидев его у себя в доме.

Я налил себе бербона, разбавил водой, закурил. Из спальни вышел Джерико, осторожно закрыл за собой дверь.

— Не так уж много она и выпила, а спит как убитая,— он достал из кармана трубку, избегая моего взгляда.

— Ты лучше подумай о завтрашнем дне. Они вернутся, скорее всего с ордером на обыск. Едва ли судья Уилер откажет им в таком пустячке. И тебе не удастся провести их вновь, Джонни.

Он раскурил трубку.

— Я должен поговорить с ней, когда она протрезвеет. То есть утром. Она не выдержит их напора, Холли. Бартрэм знает, как добиться от нее желаемого. Они будут допрашивать ее до тех пор, пока она не взмолится о глотке спиртного. Ей предложат виски в обмен на признание в убийстве Хилларда. И она согласится, убивала она его или нет. Ее признание решит дело. И никакие наши потуги уже ни к чему не приведут. Мы должны хоть за что-то зацепиться, прежде чем бросить ее волкам,— Джерико подошел к окну, всмотрелся в ночь.— А может, попытаться

увезти ее отсюда? А не проехаться ли тебе в город? Заодно узнаешь, как там дела.

— Хорошо.

Он взглянул на часы.

— Аптека, должно быть, еще открыта. Купи мне что-нибудь для головы.

— Что?

— Откуда мне знать? Спроси аптекаря. Он что-нибудь посоветует. Опять же, если тебя остановит полиция, это послужит поводом для твоей поездки.

Вскоре я вырулил на шоссе. И чуть ли не через пару сотен ярдов заметил красный маячок патрульной машины. Стоявший рядом полицейский дал мне знак остановиться.

— Выйдите из машины, — приказал он, молодой, суровый.

Я повиновался. Полицейский осмотрел салон, заглянул за спинку переднего сиденья.

— Ключ от багажника, — он протянул руку.

Открыл багажник, у «корвея» он спереди, захлопнул крышку, отдал мне ключ.

— Можете ехать.

— А в чем, собственно, дело? — я изобразил полное неведение.

Он сухо улыбнулся.

— Ищем одного человека. Обычное дело, — и отошел к своей машине, сел за руль.

Отъезжая, я заметил, что полицейский поднес ко рту микрофон, сообщая обо мне в город. Связь он поддерживал по рации.

До аптеки я добрался без помех. Заплатил шесть долларов за порошок пенициллина и другие лекарства.

— Как мистер Джерико? — спросил аптекарь, получив от меня деньги. В городе меня уже связали с Джерико.

— Он сильно расшибся.

— А не следует ли ему обратиться к доктору?

— Конечно, следует, но я не знаю, как его уговорить, — и я вышел из аптеки со свертком в руках.

У переднего бампера «корвея» стоял старик, из уголка рта торчала зубочистка. Он пристально смотрел на меня.

— Вы Холлэм, не так ли? — спросил старик, когда я подошел к машине.

Я уже догадался, с кем имею дело.

— А вы — Джедедия Стюарт?

Старик хохотнул.

— Как ваш здоровяк?

- У него сильно болит голова.
 - Я слышал, неудачно упал.
 - Наверное, так вам скажут все, кроме него... и меня.
 - Вернее, у него своя версия. Вас-то там не было.
 - Мне этого и не требовалось.
- Он вынул изо рта зубочистку, внимательно осмотрел ее.
- Пожалуй, мне тоже.
 - Значит, мы в одной лодке.

Старик оглядел пустеющую улицу. Жители Кромвеля в большинстве уже разошлись по домам. Чувствовалось, он хочет сказать мне что-то важное.

— У судьы Уилера есть охотничий домик на горе Кромвель, чуть ли не у самой вершины. Раньше он ездил туда поохотиться, половить рыбу. Теперь постарел, да и свободного времени стало меньше.

- А почему вы мне это говорите? — спросил я.

— Я подумал, что Джерико будет интересно знать об этом. Вы поедете по горной дороге, а потом проселок приведет вас прямо к охотничьему домику. Если человеку хочется уединения или кто-то хочет, чтобы человек оказался в уединении, лучшего места не найти, — серые глаза впились в мои, чтобы убедиться, понял ли я намек.

- Вы думаете, Дона Уилера отвезли туда?

Он ответил невинным взглядом.

— Я лишь знаю, что у Уилера есть такой домик. Я уже говорил Джерико, что не признаю догадок.

- Спасибо и на этом.

— И еще одна интересная подробность для вашего друга, — продолжал Джед. — Кто-нибудь рассказывал ему о Майке Торнтоне?

- Шофере Уилеров?

Старик саркастически улыбнулся.

— Можно назвать его и шофером. Скажите Джерико, что у Майка Торнтона любопытное прошлое. Два года назад он появился неизвестно откуда и начал работать у судьы. Ходили слухи, что судья помог ему выйти из тюрьмы.

- Но...

— Сидеть-то он сидел. Раньше был телохранителем одного из главарей нью-йоркской мафии. Его посадили за нарушение закона Салливана — ношение оружия без соответствующего на то разрешения. Другого доказать не удалось, к примеру, что он кого-то пристрелил. И пусть приятель учтет, что Торнтон может упражняться в стрельбе по банкам из-под пива. Если он окажется поблизости от

охотничьего домика как раз в тот момент, к Торнтону лучше всего подходить сзади.

— Это все?

Джед вновь хохотнул.

— Для одного раза больше чем достаточно.

— Я просто хотел знать наверняка.

— Еще маленькая справка. Поднявшись на гору и свернув на проселок, вы увидите щиты с надписью «Частная собственность. Вход воспрещен». То есть закон будет на стороне владельца земли, если охотник будет стрелять в оленя, а ненароком попадет в вас. Вы меня понимаете? — он отошел на пару шагов от «корвея». — Мой вам совет — поезжайте отдыхать в другое место и предоставьте Кромвелью самому решать свои проблемы. Ничего другого я сказать не могу. Но чувствую, что Джерико-меня не послушает.

— Похоже, вы разобрались, с кем имеете дело.

— Мне приятно тешить себя надеждой, что много лет назад я хоть в чем-то напоминал его, — его серые глаза стали серьезными. — Я думаю, Джерико знает и без меня, что второе убийство дается человеку легче первого, а о третьем я уже и не говорю. Его же могут повесить только один раз.

— Я все равно напому ему об этом.

— Вот и хорошо, — он уставился на свои пыльные башмаки. — С Марсией все в порядке?

— Какой уж тут порядок, если они все обставили так, будто она — убийца.

Он поднял глаза на меня. Хотел прямо спросить, знаю ли я, где она, но передумал. Шумно выдохнул.

— Приятно было с вами познакомиться. Мне нравятся люди, умеющие держать язык за зубами. Вы не хотите пропустить стаканчик в «Кромвель-Инн»?

— Мне нужно ехать.

— Все равно, поставьте машину у редакции «Кромвельской газеты», а сами прогуляйтесь к бару. И выпейте что-нибудь.

Я не мог догадаться, к чему он клонит, но он так выразительно смотрел на меня, что я решил выполнить его просьбу.

Оставил «корвей» там, где он сказал, и не спеша зашагал в «Кромвель-Инн». Лишь одна влюбленная парочка сидела в дальнем углу. Бармену не терпелось закрыть заведение, так что поболтать с ним не удалось. Я выпил бербон со льдом, расплатился и вернулся к машине. Темные окна редакции указывали, что Джедедия отправился домой. На

полу салона, прислоненные к переднему сиденью, стояли дробовик и ружье. На сиденье лежали патроны.

Ехал я медленно, чтобы не дать кому-либо повода остановить меня за превышение скорости. В голову лезли нехорошие мысли.

С одной стороны, Джек Стюарт на нашей стороне. Это плюс. С другой — он давал понять, сколь опасно положение, в котором мы оказались. Едва ли кто знал Кромвель лучше его. И он показывал нам, что наши противники не остановятся ни перед чем, лишь бы сохранить известный им секрет. Теперь, благодаря Джеду, мы знали, что у них на службе профессиональный убийца, человек, убивающий за деньги. А уж денег в маленьких городках Новой Англии всегда хватало. Джек, вероятно, не сомневался, что на насилье мы ответим насильем, и жертвовал нам свой арсенал. Им двигали добрые намерения, но я-то, скромный писатель, никогда не рвался в герои. И тут же мне вспомнилась моя уютная квартирка в Ист-Сайде. А кишачий преступниками Манхэттен уже казался райским уголком.

В паре миль от коттеджа я резко нажал на тормоз, едва не вышибив головой ветровое стекло. Как же я забыл о молодом патрульном, что стоит на шоссе, дожидаясь моего возвращения. Он вновь обыщет мою машину, обнаружит если не Марсию, то ружье и дробовик. Местных законов я не знал, возможно, они не разрешали хранение оружия без соответствующих документов. А если и разрешали, то Салли будет уведомлен о том, что мы вооружены. У меня сложилось впечатление, что не следует давать ему в руки такой козырь.

Я остановил машину у огромного валуна, возвышающегося в нескольких ярдах от придорожной канавы. И неожиданно для себя расхохотался. Ибо по валуну вились написанные белой краской слова:

«ИИСУС ТЕБЯ СПАСЕТ!»

Я глянул в зеркало заднего обзора. Дорога пуста. Вылез из «корвея», захватив красный коврик, лежавший перед задним сиденьем. Завернул в него оружие и спрятал сверток в кустах за валуном. Перед тем как сесть за руль, вновь посмотрел на надпись. Лучшего ориентира не придумаешь.

Патроны я рассовал по карманам пиджака, рассудив, что обыскивать меня патрульный не станет.

Поехав дальше, действительно, перед самым поворотом к студии Мартиню увидел мигающий красным маячок. Патрульный, конечно, не мог знать, что еду именно я, он останавливал все машины подряд.

— Купил лекарства приятелю,— пояснил я, когда он наклонился к окошку дверцы.

— Ключ от багажника,— попросил он.

Осветил салон ручным фонариком, прошел к багажнику, открыл его, тут же захлопнул крышку.

— Миссис Поттер пока не нашли? — спросил я, когда он возвращал ключ.

Он недобро посмотрел на меня.

— Пока еще нет.

Глава 5

Джерико внимательно выслушал мой рассказ о поездке в город, об оружии, полученном от Джеда Стюарта. Похоже, он одобрил мои действия.

— Мы чертовски многого не знаем,— он коротко взглянул на дверь спальни.— Пока она не проспится, говорить с ней бесполезно. Очевидно, увезти ее отсюда мы не сможем, а они могут нагрянуть в любой момент,— он вертел в руке нераскуренную трубку.— Ясно одно — Дон Уилер может дать необходимые нам ответы, но, чтобы поговорить с ним, придется пойти на риск.

— А если запросить помощь? — предложил я.

— У кого?

— Я не верю, что у всей полиции штата рыльце в пушку.

— Разумеется, нет. Допустим, мы звоним в полицейское управление. Они приезжают. Мы делимся с ними нашими мыслями и отдаем им Марсию. Бартрэма и компанию это вполне устроит. У нас же нет фактов. Одни подозрения.

— А рана у тебя на затылке?

— Судья Уилер и доктор Максвелл все объяснят. Доказательств у нас нет, Холли. Но у нас развяжутся руки, как только мы переправим Марсию в безопасное место. И уж тогда мы разберемся, как нейтрализовать этого бандита, нанятого судьей Уилером.— Джерико посмотрел на меня.— Джек правильно указал, что это не игра, Холли. Если хочешь, уезжай и продолжи работу над книгой. Я на тебя не обижусь,— он улыбнулся.

Откровенно говоря, мне хотелось уехать. Здравый смысл подсказывал, что пользы от меня будет пшик. К жизни в лесу я не приспособлен, стрелять не умею. Сидя в коттедже, я буквально кожей чувствовал надвигающуюся на нас грозную силу. Мне вспомнились рассказы о Джерико, его казавшихся невероятными подвигах. Но что-то удержало

меня. Чувство, которое испытывают маленькие дети к школьному герою, лучшему спортсмену, старшему товарищу, защитившему от хулиганов. Я смотрел на волевое рыжебородое лицо Джерико и гордился тем, что он любит меня, хочет, чтобы я остался, верит, что я могу ему помочь.

— Не знаю, какой от меня толк? Но я останусь, если ты скажешь, что надо делать.

Он вновь взглянул на дверь спальни.

— Если что-либо случится со мной, кроме тебя никто не станет на ее защиту,— Джерико посмотрел на часы.— До рассвета еще три часа. Пусть она спит. Да и нам нужно отдохнуть,— его глаза потеплели.— Я рад, что ты остался, Холли. Спасибо тебе.

Рука Джерико легла мне на плечо, и я открыл глаза. Занимался рассвет. Он-то встал раньше, успел принять душ, переодеться. Короткий отдых вернул ему силы. Я же с удовольствием спал бы еще часов шесть.

— Кофе готов.

Аромат свежесваренного кофе разносился по коттеджу. Я прошел в ванную, побрился, умылся. Посмотрел в окно. Белая от изморози земля, солнце, выглянувшее из-за далеких холмов.

Выйдя в гостиную, я увидел, что дверь в спальню открыта. Джерико сидел на краешке кровати. Он уже разбудил Марсию. Она смотрела на него, еще не понимая, где находится.

— Это ваш коттедж? — хриплым шепотом спросила она Джерико.

— Да.

— Я вернулась сама?

— Да. И столкнулись с моим другом, Артуром Холлэмом.

Она переводила взгляд с Джерико на меня.

— Извините. Пожалуйста, извините.

— Марсия, сейчас не время для извинений или объяснений. Я хочу поговорить с вами, и мне нужны точные ответы. Ваш муж и полиция могут вернуться сюда с минуты на минуту.

— Вернуться?

— Они приходили вчера вечером. Нам удалось спрятать вас.

Ее глаза широко раскрылись.

— Вы были здесь, со мной, не так ли? Кажется, я слышала голос Джима.

— Да,— кивнул Джерико.— Был.

Он встал.

— Приведите себя в порядок, а потом выпейте с нами кофе. Дорога каждая секунда, Марсия.

Ее губы дрогнули.

— А нет ли...

— Нет,— резко ответил Джерико.— Спиртного у нас нет.

Мы вышли на кухню. Я достал из холодильника полдюжины яиц, ветчину. Джерико отнес недопитую бутылку бербона к «мерседесу» и запер ее в ящичке приборного щитка. В кухне он и Марсия появились одновременно.

— Мистер Холлэм, Джон, несомненно, рассказал вам обо мне. Если я что-то сделала не так, пожалуйста, простите меня.

— Никаких проступков с вашей стороны я не заметил,— ответил я.— Друзья зовут меня Холли.

Джерико налил ей кофе и отнес полную чашку и тарелку с яйцницей в гостиную.

— Вы должны это съесть. А я пока обрисую вам обстановку. И прошу вас, Марсия, слушайте меня внимательно и перестаньте думать, где добыть выпивку. Здесь вы ничего не получите, потому что вы нужны мне трезвая.

— О, господи,— прошептала она.

— Слушайте, Марсия,— холодно продолжал Джерико.— Я знаю, что вам не терпится приложиться к бутылке, но постарайтесь хоть на короткий срок подавить это желание. Я хочу помочь вам, Марсия, но первым делом мы должны выиграть время. Если Джордж Бартрэм найдет вас здесь и увезет с собой, я буду бессилен, разве что найду хорошего адвоката. Чтобы помочь вам, мне нужны некоторые подробности, и узнать их я могу только у вас. Что вы помните из вчерашнего?

— Джерри,— едва слышно ответила она.— Джерри Хиллард. Вы... вы сказали, что он мертв.

— Мертв, убит.

— Кто мог это сделать?

— Бартрэм говорит, что вы.

— Нет!

— Я вам верю,— кивнул Джерико,— и вот почему. Я знаю, что утром вы были трезвая. Но, кроме меня, никто этого не знает и, следовательно, не поверит вам. А теперь

забудем о том, какая вы несчастная, и поговорим о других людях.

Марсию потряс его голос, начисто лишенный сочувствия. Она посмотрела на меня, моля о помощи. Я закурил и устал в пустую чашку.

— Начнем с вашего мужа. Что он делал в тот день, когда умер ваш сын?

Она всхлипнула.

— Перестаньте жалеть себя! — взревел Джерико. — Если я не получу от вас нужные сведения, считайте, что дело — швах. Начало нам известно. Вы поехали на озеро, мальчик купался, вы заснули, потом проснулись, стали его искать, побежали в дом Уилеров за помощью. В лесу вы никого не встретили?

Она покачала головой. Вцепилась руками в край стола. Забыла про завтрак.

— Кто был в доме Уилеров?

— Никого. Я позвонила, но в доме никого не было.

— Ни судьи? Ни Дона?

— Нет.

— Кому вы позвонили?

— В полицию.

— А вашему мужу?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не знала, где найти Джима.

— Дома его не было?

— Нет. Тогда он жил в «Береговом клубе».

— Почему вы не позвонили туда?

Костяшки ее пальцев побелели, так сильно сжимала она стол.

— Когда я звонила, его не подзывали. Говорили, что его нет.

— Разве вы не могли попросить, чтобы ему сообщили об исчезновении мальчика?

— Не хотела я ему ничего сообщать! Я обратилась к тем, кто действительно мог мне помочь.

— Он переехал в «Береговой клуб» из-за вашего пьянства. Так?

— Да! И еще потому, что я... Ладно, не будем об этом.

— Вы не подпускали его к себе?

— Да. Он вызывал у меня отвращение.

— И в то же время ваш муж полагал, что вы сможете позаботиться о мальчике.

— Я не знаю, чем вызывались те или иные поступки Джима! — в отчаянии выкрикнула Марсия.

— Хорошо, — продолжил Джерико, — с этим все ясно. Я дважды видел вашего мужа. Он ведет себя так, будто его загипнотизировали. Что с ним? Он употребляет наркотики?

Фиолетовые глаза уставились на Джерико.

— Нет.

— Кто его близкие друзья?

Марсия задумалась.

— Очень близких друзей у него нет. В «Береговом клубе» его любят, но я не могу кого-нибудь выделить.

— Уилеры — его друзья?

— В «Клубе» они свои.

— Давайте вернемся к тому дню, когда пропал Томми. Вы позвонили в полицию. Они приехали. Кто еще?

— Я же говорила вам. Спасатели в резиновых костюмах, пожарная машина с баллонами кислорода.

— А когда приехал Джим?

— Позже.

— Один?

— Нет... с Джорджем Бартрэмом.

— Что он сказал вам?

— Ничего!

— Не может быть! Разве он не спросил вас, как это произошло?

Марсия откинулась на спинку стула, закрыла глаза.

— Он ни о чем меня не спросил. Даже не заговорил со мной.

— Отец ребенка не пожелал узнать у вас, что случилось?

— Нет.

— Ну и ну, — покачал головой Джерико. Голос его чуть смягчился. — А потом, после окончания поисков, он не отвез вас домой?

— Нет.

— Как же вы добрались до дому?

— На своей машине. Со мной поехал судья Уилер. Он задал мне несколько вопросов. Я видела, он не верит, что с утра я ничего не пила. А потом он уехал.

— Ваш муж и друзья оставили вас одну?

— Да, — две слезинки скатились по щекам Марсии.

— И что же вы сделали?

Она ударила по столу кулаком.

— Напилась! Джон, ну почему мы должны снова и снова возвращаться к этому?

— Потому что это необходимо! — сухо ответил Джерико.

Какое-то время тишину нарушало лишь тяжелое дыхание Марсии.

— Значит, вы узнали? Вы узнали, что случилось с Томми?

— Нет, Марсия, пока еще нет, — его большая ладонь легла на руку Марсии, в голосе наконец-то послышалось сочувствие. — Но я убежден, Хиллард ничего не выдумывал, намекая, что Томми не утонул. Я думаю, он знал правду.

— Тогда, если бы я... если бы я согласилась на его условия, он бы мне все рассказал!

— Вот в этом я сомневаюсь. Он не сдержал бы слова, Марсия. Он наверняка знал, сколь это опасно. Ваш разговор подслушали, и Хилларда убили. Он прекрасно понимал, что надо держать язык за зубами. И обещание рассказать вам о смерти Томми вызвано тем потрясением, которое он испытал, увидев меня голым в душе. Вы же говорили мне, что он никогда не пытался соблазнить вас.

— Никогда. О, я знала, что его влечет ко мне как к женщине. Раньше он проводил со мной много времени, пытаюсь помочь. Иногда он касался меня, и я чувствовала, чего он хочет.

— Увидев меня голым, он решил, что просто зря терял время, что вы уже давно стали общедоступной. Поэтому он и набросился на вас утром. Послушайте, Марсия, относительно Томми у меня сомнений нет. Я думаю, несколько человек знают, что произошло на самом деле, и один из них — ваш муж. Если я прав, этим объясняется его поведение, отстраненность от реального мира. Храня такой секрет, поневоле сойдешь с ума.

Марсия вскочила из-за стола, подбежала к окну.

— Как он мог? — срывающимся голосом выкрикнула она. — Как он мог?

Джерико последовал за ней.

— Сейчас не время жалеть себя. Слушайте внимательно. Признание Хилларда разворошило осиное гнездо. Тем, кто знает тайну гибели Томми, сейчас грозит серьезная опасность. Они подставились, застрелив Хилларда, и теперь им необходимо срочно замести следы. А путь у них один — обвинить в убийстве вас и поместить в закрытую психиатрическую лечебницу для преступников, где никто не прислушается к вашим словам, — он положил руку на плечи Марсии и развернул ее к себе. — Если я не смогу убедить

вас позаботиться о себе, подумайте хотя бы о том, что я и Холли ради вас рискуем очень многим.

Марсия обняла Джерико, прижалась лицом к его плечу. Сдавленно всхлипнула.

— Джон, пожалуйста, ну хоть глоток виски. Тогда я приду в себя, обещаю. Я снова начну соображать. Я...

— Нет, виски вы не получите, — Джерико оторвал ее от себя и тряхнул так, что лязгнули зубы.

— Она же не ребенок, клянчащий леденец, Джон, — услышал я свой голос. — Это же физическая потребность. Нельзя же сразу переходить к полному воздержанию.

— Пока я не выясню все, что мне нужно, спиртного она не получит, — он подтолкнул Марсию к столу. — Сядьте и выпейте кофе!

Давясь слезами, она упала не стул. Я протянул ей зажженную сигарету.

— Джон прав, Марсия, нам надо спешить. Постарайтесь помочь нам.

— Благодарю, — она взяла сигарету, глубоко затянулась.

— Всех героев я знаю, — Джерико с ходу перешел к делу. — Судья и Дон Уилер, Бартрэм, Салли, Хиллард и ваш муж. Что у них общего, Марсия? Они все — члены «Берегового клуба»?

— Кроме Салли.

— Что еще?

— Мне не совсем ясно, что вы хотите узнать

— Вы говорили, что ваш муж постоянно затевает какие-то деловые предприятия. Один или в компании с этими людьми?

— Я не знаю, Джон. Честное слово.

— Все эти завсегдатаи «Берегового клуба». Бартрэм кое-что говорил мне о них. Сомнительные сделки, супружеская неверность, наркотики. Из шестерых человек, названных мною, трое — судья, Бартрэм и Салли — представители закона. А вот Дон Уилер, Хиллард и ваш муж, что связывает их?

— Дон и Джерри вместе учились в колледже. Разумеется, все трое выросли в Кромвеле.

— Прямо-таки клуб патриотов Кромвеля, — ввернул я.

— А убийство — элемент патриотического воспитания? — насутился Джерико. — Наемный бандит — защитник репутации города? Ничего себе патриоты, — он посмотрел на Марсию, хотел что-то сказать, но передумал и вновь повернулся ко мне. — Клянусь богом, Холли, ты, возможно,

угодил в десятку. Ретивые хранители тайн Кромвеля. Супружеская неверность, наркотики, нечистоплотные сделки. Можно замарать город так, что он никогда уже не ототрется.

— И они убивают, чтобы не выносить сор из избы? — спросил я. — По-моему, притянута за уши.

— Нет, если в этом соре есть что-то очень важное, — Джерико вновь заговорил с Марсией. — В Кромвеле много богатых людей, не так ли?

Она кивнула.

— То есть для шантажистов тут суший рай! — развивал свою мысль Джерико. — Судья раньше был адвокатом и вызнал немало секретов о жителях Кромвеля. Окружной прокурор сам решает, выносить ли дело на суд присяжных. Полицейский может арестовать или нет. И три местных дамских угодника, побывавших во многих постелях, слышавших то, что не предназначалось для чужих ушей, знающих, с кого за что можно спросить. Интересная подбирается компания!

— Так зачем убивать одного из своих? — спросил я.

— Потому что молчание для них — закон. Они должны хранить секреты. Им за это платят. И они заставляют молчать тех, кто решается открыть рот, убийством ли, приглашением наемного бандита, угрозой суда. Десять против одного, Холли, ты докопался до сути.

— И что теперь?

— Теперь мы знаем, почему они должны нас остановить. Стоит нам сорвать завесу секретности, как на них набросятся все те, кого они сейчас держат в страхе. Будь уверен, они пойдут на все, чтобы разделаться с нами. И мне очень неуютно без тех ружей, что ты спрятал на шоссе, Холли.

ЧАСТЬ III

Глава I

У моего друга Джерико есть одна раздражающая особенность. Он любит выдвигать гипотезы, полные белых пятен. А потом принимается действовать на их основе, словно они — святое писание, не предприняв никаких попыток заполнить зияющие провалы.

Вот и гипотеза банды шантажистов, несомненно, представляла определенный интерес, но никак не объясняла, почему погиб Томми Поттер, что заставило Хилларда потерять самообладание, как Дон Уилер оказался в инва-

лидном кресле-каталке. И каким образом Джима Поттера убедили молчать об истинных обстоятельствах гибели сына.

— Это не гипотеза, а швейцарский сыр,— заметил я.— Сплошные дырки.

— Так ли это важно? — возразил Джерико.— Соответствует она действительности или нет, наше положение от этого не меняется. Если мы не сдадим Марсию и не уберем-ся из города, они обязательно набросятся на нас.

Марсия слушала Джерико, но, похоже, ничего не воспринимала, занятая своими мыслями.

— Вы думаете, Джим знал о Томми, но ничего не сказал мне? — дрожащим голосом спросила она.

— Возможно,— кивнул Джерико.— Поэтому мы ни разу не видели его одного, только в сопровождении Бартрэма и Салли.

— Получается, что местные дамские угодники — слабое место этой банды, если таковая и существует,— добавил я.— Хиллард мертв, Дон Уилер избит, превращен в инвалида, Поттер под постоянным наблюдением.

— Если он знал и не сказал мне...— Марсия не договорила. Ее глаза сверкали, на щеках выступили пятна румянца.

— Вы — наша главная забота, Марсия,— вновь жестко заговорил Джерико.— Если они смогут закрыть дело Хилларда, попросту арестовать вас и обвинить в убийстве, город сразу успокоится. Те, кто всё знает, поймут, что хватки наши парни не потеряли, и будут помалкивать. В Кромвеле есть люди, которым известно, что случилось с Томми, почему стал инвалидом Дон Уилер, в чем причина гибели Хилларда. Это наглядные примеры того, что происходит с ослушниками.

— Но Томми-то при чем? — воскликнула Марсия.

— Он ненароком увидел, как наказывают такого ослушника,— ответил Джерико.— Готов поклясться, так оно и было. Теперь, если им удастся вывернуться с убийством Хилларда, запуганные будут знать, что с этими бандитами шутки плохи. Если же они не вывернутся, допустим, мы им помешаем, те же люди придут к выводу, что с бандитами надо кончать. И пока баланс сил не определен, мы можем рассчитывать на неожиданную помощь.

— Вроде той, что оказал нам Джед Стюарт,— вставил я.

— Да. Но нам надо решить вопрос с вами, Марсия. Они скоро придут с ордером на обыск и, возможно, на ваш арест. Мы не сможем спрятать вас в ванной, даже

если вы запретесь изнутри. Они просто сломают дверь. Так что вас необходимо переправить в безопасное место. Но куда и как? Мы не можем вывезти вас в багажнике. У выезда на шоссе стоит патрульный и проверяет все машины. Если мы прорвемся через дорожную заставу, у них появится повод арестовать нас и вывести из игры. Вы знаете этот город, Марсия. Куда вас отвезти? И как?

Она молчала, не отрывая глаз от Джерико.

— Должен же быть хоть один человек, к которому вы могли бы обратиться за помощью, не окажись я на вашем пути.

— Таковых нет,— бесстрастно ответила Марсия.— Разве вы не понимаете, Джон? На меня смотрят как на прокаженную.

— Где же вы вчера раздобыли бутылку шотландского?

Она опустила глаза.

— Я... бывала здесь раньше. С Мартиню мы встречались семьями. Я знаю, что неподалеку дом Филбриков. Я... пошла туда и дождалась, пока все уйдут. Затем... вошла в дом, взяла бутылку виски и вернулась сюда.

— Значит, вы знакомы со здешней местностью? — Джерико махнул рукой в сторону окна.— Я-то не ориентируюсь даже с помощью компаса.

— Если идти на юг, через лес, мы попадем на Дорогу 25.

— Вы сможете добраться туда?

— Конечно.

— Если бы я мог доверять вам! — воскликнул Джерико.

— Джон, пожалуйста! Что от меня требуется?

— Я хочу, чтобы вы уехали отсюда, куда-нибудь подальше. Меня бы устроило, если б вы пешком вышли на это шоссе. Холли подобрал бы вас и доставил на железнодорожную станцию или остановку автобуса. Потом вы доехали бы до Нью-Йорка и затаились там, в квартире Холли, в моей, в отеле.

— Но я могу это сделать.

— Вас замучает жажда! — покачал головой Джерико.— Ни я, ни Холли не можем сопровождать вас до Нью-Йорка. Нас должны видеть здесь. Мы должны вас искать. Скажите мне честно, Марсия, вы сможете уехать отсюда, спрятаться в безопасном месте и не пить?

— Да,— ответила она без малейшего промедления.

— Черта с два, даже если вы так думаете, я не могу вам поверить.— Джерико наклонился к Марсии.— Вы хотите узнать правду о Томми?

— Да! Да! — воскликнула она.

— И вам не хочется на несколько лет загреметь в закрытую лечебницу?

— Джон, пожалуйста!

— Отчаявшаяся женщина может повеситься на ветке дерева в глухом лесу. В это поверят, если вас найдут там в петле. А их это вполне устроит.

Марсия облизала губы, но не ответила. У меня по спине пробежал холодок. Джерико смотрел в корень. Они бы пошли и на такое. Эта мысль не могла не прийти им в голову. Едва ли они могли допустить, чтобы на суде Марсия сказала об обещании Хилларда поделиться с ней правдой о смерти Томми, если она уступит ему. Если б они схватили Марсию в укромном местечке, то наверняка имитировали бы самоубийство. Я подумал, что ее могли бы убить и в тюремной камере, обставив все так, будто она покончила с собой.

— Я могу напугать вас только одним, — продолжил Джерико. — Если они поймают вас и не убьют, пройдет еще много, очень много времени, прежде чем вам удастся вновь добраться до бутылки. В закрытых лечебницах не угощают «мартини».

Она протянула руки к Джерико. На ее лбу выступили бисеринки пота.

— Вы же видите, что со мной творится, Джон? Каждая клеточка моего тела просит: дай мне выпить, выпить, но я обещаю... обещаю...

— Не обещайте, — прервал он Марсию. — Один раз вы уже нарушили наш договор. Просто скажите, что вы слышали мои слова. Я понимаю, что вам грозит.

— Я слышала. Я... я смогу это сделать, Джон, если буду уверена, что в итоге узнаю правду о Томми.

— Это наш единственный шанс добраться до правды, — ответил Джерико. — Если мы его не используем, будьте уверены, мы еще долго не узнаем, как погиб Томми.

Марсия встала:

— Скажите мне точно, чего вы от меня хотите.

Я не замечал за Джерико склонности к мелодраме, поэтому мгновением позже он несколько озадачил меня. Наклонившись, Джерико легонько поцеловал Марсию в губы.

— Молодец, — а затем разом перешел к делу. — Соберитесь в дорогу. Мы с Холли пойдем посмотрим, все ли спокойно.

Мы вышли через дверь черного хода. Прямо у дома начиналось пастбище площадью в три или четыре акра,

с трех сторон окруженное лесом. Джерико огляделся, одновременно набивая табаком трубку.

— Если кто-то наблюдает за домом из леса, мы проиграли. Но придется рискнуть. Поле она обогнет по опушке, прячась меж деревьев. Если Бартрэм и появится, то не увидит ее. Дойдя до края поля, она подаст нам сигнал. Мы сразу уедем, на шоссе нас обыщут, потом я поеду в город, а ты — на Дорогу 25.

— Что дальше?

— Придется действовать по ситуации, Холли. Конечно, она не может ехать из Кромвеля в Нью-Йорк. Ее перехватят. Ты должен убедиться, что за вами никто не следит, и увезти ее в один из соседних городков.

— А если я замечу «хвост»?

— Попытайся избавиться от него. Представь себе, что на карту поставлена твоя жизнь. Так оно, впрочем, и есть.

— Это же авантюра.

— Я знаю. Еще какая авантюра. Но оставлять Марсию здесь нет никакого смысла. Они заявятся максимум через час и арестуют ее.

Джерико все продумал. Отправив Марсию, мы бы поехали в город, каждый на своей машине. Я — первый. Соответственно, первым меня бы обыскали. Затем он постарался бы затянуть обыск «мерседеса», чтобы дать мне время остановиться у валуна с «Иисусом» и забрать ружья. Далее я мог спокойно ехать за Марсией.

Она уже ждала нас. В замшевом жакете поверх темного шерстяного платья. Волосы она забрала назад и перевязала черной лентой.

— Значит, так, — начал Джерико. — Вы пройдете вдоль опушки до края поля. Там махнете нам носовым платком. Если вы почувствуете, что за вами кто-то следит, не давайте сигнала. Мы поймем, что вам необходима помощь. Ясно?

— Да, Джон.

— Тогда в путь. Я чувствую, что у нас не так уж много времени, — он коснулся кончиками пальцев бледной щеки Марсии. — Соберите волю в кулак. Без этого вам не дойти.

Мы вышли через черный ход. Лес словно спал.

— До леса бегом, — напутствовал Марсию Джерико. — А там можете не спешить. Мы будем ждать вашего сигнала. Думаю, вам понадобится минут десять, чтобы дойти до края поля. Если мы не увидим вашего платочка, то последуем за вами.

— До свидания, Джон, — и она побежала по траве к лесу.

— Вещи оставим в коттедже,— Джерико оглядывал далекие деревья.— Возьмем только патроны Джеда. Ты, Холли, иди в дом и посмотри внимательно, не оставила ли она что-нибудь, свидетельствующее о ее присутствии.

Я-то хотел дожидаться сигнала Марсии, но понимал, что лишних десяти минут у нас нет. Вернулся в дом. Помыл чашку и тарелку Марсии, оставил посуду, из которой ели мы с Джерико. Взял из пепельницы окурок со следами помады и положил в карман. В ванной нашел салфетку, которой она вытерла помаду с губ. Бросил ее в унитаз, спустил воду. В гостиной еще раз осмотрел все кресла и стулья. Затем вспомнил про кисточки и порошок для снятия отпечатков пальцев, которые вечером бросил в мусорное ведро. Выудил их оттуда, справедливо рассудив, что они будут целее в ящичке на приборном щитке.

А там появился и Джерико.

— Все в порядке. Она только что махнула платком. Как у тебя?

— Никаких следов, если не считать слабого запаха «шанели» номер пять.

Джерико прошел на кухню и вернулся с баллончиком аэрозольного освежителя воздуха.

— Сейчас здесь будет пахнуть, как в сосновом бору. Тут так написано,— он опрыскал гостиную, затем спальню.

— Тронулись. Ты едешь первым. Как только он досмотрит машину, сразу срывайся с места.

Я запихнул кисточки и мешочек с порошком в ящичек, включил двигатель и выехал на проселок, ведущий к Дороге 4. Патрульная машина и полицейский поджидали меня на том же месте. Он остановил меня взмахом руки. Затем увидел «мерседес», махнул и ему. Этого полицейского я видел впервые. Должно быть, на дежурство заступила другая смена. Он ничего не стал мне объяснять. Просто потребовал ключ от багажника. Удостоверился, что я не везу Марсию. Отдал ключ и предложил следовать дальше.

В зеркало заднего обзора я увидел, что Джерико о чем-то говорит с полицейским. Затем он вылез из кабины, начал снимать с кольца ключ от багажника. Я нажал на педаль газа.

У валуна я остановился. Убедившись, что шоссе пустынно, вылез из «корвея», прошел в кусты. Ружье и дробовик лежали там, где я их и оставил, завернутые в коврик. Я отнес их в кабину, снова сел за руль. За это время по шоссе не проехала ни одна машина.

Примерно через милю я оказался у пересечения с Доро-

гой 25. Расположенная там бензозаправка как раз просыпалась, готовясь к рабочему дню. Я повернул налево, на ту часть шоссе, что огибала лес, через который шла Марсия. Я уже уверовал в реальность нашего плана. В такое время машин на дорогах практически не было. С того момента, как Марсия махнула платочком на краю поля, прошло двенадцать минут.

Я обогнул поворот, за которым собирался дожидаться ее, и от изумления едва не угодил в кювет. На правой обочине стояла патрульная машина. За рулем сидел незнакомый мне полицейский. Не оставалось ничего другого, как проехать мимо, ничем не выказывая, сколь потрясло меня его появление.

Я мог лишь надеяться, что Марсия не выйдет из леса прямо в объятия полицейского.

Глава 2

Я проехал добрых полмили, прежде чем свернул на обочину, чтобы обдумать следующий шаг.

Джерико и я вели себя как идиоты. Мы же знали, что полиция блокировала Дорогу 4. Разве трудно было предугадать, что они выставят дозор и на Дороге 25, которую отделял от коттеджа Мартиню не столь уже дремучий лес. И мы сами послали Марсию в лапы полиции.

Я развернулся и поехал обратно. Вот и патрульная машина. Полицейский искоса взглянул на меня. Судя по всему, я не представлял для него никакого интереса. Во всяком случае, он не последовал за мной. Я никак не мог решить, что же делать дальше: ехать в город и искать Джерико или возвращаться в коттедж и дожидаться Марсию? Наконец отдал предпочтение второму варианту.

Я свернул на бензоколонку и попросил заправить «корвей». Сам же подошел к автомату и купил несколько пачек сигарет. При необходимости я мог бы показать их патрульному, дежурившему у поворота к коттеджу, объяснив тем самым причину моего быстрого возвращения.

На Дороге 4 я прибавил скорость. Скала с «Иисусом» напомнила мне о лежащих рядом ружьях. Как-то не хотелось, чтобы полиция нашла их у меня. Вновь я остановился и спрятал оружие на прежнем месте.

Патрульный встретил меня привычным жестом. На этот раз я сам протянул ключ от багажника, без напоминаний. Поделится с ним маленькой радостью: у меня, мол, теперь

полный бак и много сигарет. Вступать в разговор патрульный не пожелал, посмотрел, что в багажнике, и молча вернул мне ключ.

У коттеджа стояли две машины: патрульная и «линкольн континенталь». «Мерседеса» Джерико не было.

Я вылез из кабины и прошел в дом. Джорджа Бартрэма я застал в гостиной в компании высокого седого мужчины. Кто-то третий возился в спальне.

— Вижу, вы тут как дома.

Бартрэм улыбнулся.

— На этот раз у нас есть ордер на обыск. Вы ведь не знакомы с судьей Уилером? Это Артур Холлэм, судья, приятель Джерико.

Судья кивнул. Не знаю почему, но у меня по коже побежали мурашки. Судья вызывал чувство гадливости. Может, розовым, без морщин, лицом. Или маленькими влажными губами.

— Вы доставляете нам массу хлопот, мистер Холлэм, — изрек он.

— Не может быть! — искренне изумился я.

— Скажите нам, что вы сделали с миссис Поттер?

— Я не имею ни малейшего понятия о ее нахождении, — вот тут я сказал чистую правду.

Из спальни вышел полицейский.

— Ее там нет, — доложил он судье.

— Можно доказать, что она там была?

— Мы ничего не нашли.

Из нагрудного кармана серого твидового пиджака судья достал длинную тонкую сигару. Не спеша раскурил ее. По комнате поплыл запах дорогого табака.

— Я подписал ордер на арест миссис Поттер. Она нарушила условия отсрочки приговора. Что бы ни говорил ваш приятель Джерико, свидетельства других убедительно доказывают, что она вновь пьет. Она сама лишила себя свободы. И теперь проведет год в тюрьме штата.

— А как же обвинение в убийстве?

Бартрэм лениво улыбнулся.

— С этим мы можем не спешить. Миссис Поттер будет там, где мы всегда сможем ее найти.

— Должен сказать, Холлэм, я не понимаю вас или Джерико, — продолжил судья. — Миссис Поттер вы увидели впервые в жизни. Одно дело — помочь ей ночью, когда она пьяная валялась на шоссе, но совсем другое — укрывать от властей, разыскивающих ее по подозрению в убийстве.

— Если мы виноваты в нарушении закона, то почему вы не арестовали нас? — спросил я.

— Всеу свое время,— Бартрэм повернулся к Уилеру.— Судья, мне кажется, больше нам тут делать нечего.

Судья задумчиво посмотрел на меня, кивнул и направился к входной двери. Бартрэм продолжал улыбаться.

— Это патрульный Ригэн,— представил он полицейского.— Он побудет здесь до получения дальнейших распоряжений, Холлэм. Посидит в машине, если вы не пригласите его в дом.

Ригэн и Бартрэм вышли на улицу. Судья поджидал их у «линкольна». Они о чем-то заговорили вполголоса. Мои руки сжались в кулаки. Я-то думал, что после их отъезда направлюсь на поиски Марсии. Если же Ригэн оставался у коттеджа, идти в лес я не мог. Марсия, конечно, заметит патрульную машину и тоже не сунется к дому. Но сколько времени выдержит она в лесу? В полном одиночестве?

Я снял телефонную трубку и позвонил в «Кромвельскую газету». Джерико не мог не заехать к Джедедии Стюарту. Я не ошибся. Он как раз был в редакции. Но я не мог говорить открытым текстом, потому что «линкольн» отъехал от дома, а патрульный Ригэн направился к двери.

— Что случилось? — спросил Джерико.

— У нас гости.

— Ты в коттедже?

— Да.

— Где Марсия?

— Наблюдает за птичками,— в этот момент Ригэн вошел в гостиную.

— Она не появилась?

— Нет.

— Почему?

— Три человека — уже толпа.

— Ты не можешь говорить?

— Нет. У нас поселился полицейский. Патрульный Ригэн.

— Дорога 25 патрулировалась?

— Именно.

— Очевидно, ты не мог посадить ее в машину.

— Очевидно. Марсию собираются отправить в тюрьму, если поймут, за пьянство.

— Там ты ей ничем не поможешь. Приезжай сюда.

— Сейчас?

— Да. Нашей девчужке придется управляться самой.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже! — и он повесил трубку.

Я старался не смотреть в лес, чтобы не привлечь внимания Ригэна. Марсия могла быть совсем рядом.

— Я могу уйти? — спросил я молодого, симпатичного, с загорелым лицом патрульного.

— Разумеется, сэр. Вы можете делать все, что вам заблагорассудится. Меня оставили здесь на случай, что появится миссис Поттер.

— Вам дадут медаль за задержание такого опасного преступника, как миссис Поттер?

Его лицо потемнело.

— Давайте обойдемся без шуток, мистер Холлэм. Я выполняю приказ.

— Причины вас не интересуют. Приказы отдаются для того, чтобы их выполнять.

— Напрасно вы так, мистер Холлэм. Я знаю миссис Поттер лучше, чем вы. Мне ее жаль. Прошлым июнем я был среди тех, кто искал тело ее сына. Я видел ее в тот день. Я знаю, как она любила сына. У меня самого двое детей.

— Да вы стопроцентный американец, — по какой-то причине мне хотелось уколоть патрульного, да посильнее.

— Если она хочет пить — пусть пьет, таково мое мнение, — Ригэн нахмурился. — Но она избивала двух женщин бутылкой в ресторане Макклюэ и, судя по всему, застрелила Хилларда. То есть она вмешивается в жизнь других людей, мистер Холлэм. И я думаю, что ее нужно изолировать, хотя бы на какое-то время.

— Желаю вам удачи, — и я вышел из гостиной.

Сел в «корвей», так и не взглянув на лес, чтобы не разжигать любопытство Ригэна, завел мотор и поехал к шоссе.

После ставшей уже привычной проверки багажника направился к городу. Остановился у валуна. Подождал, пока проедет следовавшая за мной машина. Как только она исчезла за поворотом, открыл дверцу, вылез из кабины, перепрыгнул через кювет, зашел за валун.

Оружие исчезло...

Джерико и Джек Стюарт изучали карту, когда я вошел в редакцию «Кромвельской газеты». Я рассказал им о встрече с Бартрэмом и судьей. Доложил о пропаже оружия.

— Это значит, что за тобой следили, — заметил Джерико.

Я упрямо покачал головой.

— Клянусь, что нет. Никто не видел, как я заходил за валун.

— Тогда кому-то просто повезло, — он указал на карту. — Джед и я пытались понять, что она может предпринять. Коттедж Мартину под наблюдением, но она может пойти в сторону горы Кромвель. Там тысячи акров леса. Может заблудиться даже бой-скаут с компасом. Даже представить себе не могу, сколько дней уйдет на ее поиски, если она выбрала это направление.

— Но есть еще дом друзей, в котором она добыла бутылку шотландского, — заметил я.

— Держу пари, он тоже под наблюдением, — ответил Джерико.

— Как насчет совета от старого простака, который умрет, но не полезет на гору?

— Мы слушаем.

— Может, у вас возникли какие-то идеи после того, как я снабдил вас ружьями? В вашем присутствии, Джерико, я смотрю на мир, как много лет назад. Словно разом молодею. Прижмите их к стенке. Признаемся, даже с ружьями ваши шансы невелики. Они всегда могут призвать еще пару десятков полицейских. У них на службе наемный убийца, охраняющий Дона Уилера, никого не подпускающий к нему. Куда ни кинь, сила на их стороне. Но, несмотря на то, что пишут о компьютерах, мы по-прежнему живем в мире людей.

— То есть вы невысокого мнения о Бартрэме, Салли и судье? — сухо спросил Джерико.

— Жадные люди, злобные. Но не без слабостей. Как вы пишете портрет, Джерико? Вы же не просто снимаете копию, словно фотограф. Вы внимательно изучаете человека, пытаетесь уловить в нем нечто особенное, не так ли?

Джерико кивнул.

— В этом деле, помимо указанной троицы, замешаны другие люди. Джим Поттер из «Берегового клуба». Теперь его всегда сопровождает Джордж Бартрэм или кто-то из его приятелей. Вы вот сказали, что он тоже входит в круг посвященных. Возможно. Но Томми был его сыном. А Марсия — его жена. Внутри у него, должно быть, все разывается. Может, он знает правду о смерти мальчика. Может, его убедили, что тот утопул, и он поверил, как поверил в это весь город. По словам Марсии, Джим Поттер ненавидит ее. Но, может, он сторонится жены, потому что ненавидит себя.

— И что? — спросил Джерико.

Старик онустил глаза.

— В маленькой квартирке над книжным магазином живет женщина. Элли Кливленд. Вы правильно догадались, что с Джерри Хиллардом ее связывала не только работа. О чем она думает сегодня? Она потеряла возлюбленного. Может, он был заодно с Бартрэмом и компанией. Может, в чем-то признавался ей в тиши спальни. Не догадывается ли она, кто убил Хилларда? Доказательств у нее, конечно, нет, но и ее догадка вам не повредит. А если найти к ней правильный подход, задеть нужную струнку, она может поделиться с вами тайнами, которые поверял ей Хиллард. И наконец, есть еще Дон Уилер, спрятанный где-то неподалеку. Он ненавидит тех, кто превратил его в инвалида, и, похоже, готов рассказать все, что знает,— Джед вертел в руках сигарету.— Это люди с обычными человеческими слабостями и чувствами. В них кроется угроза для Бартрэма и судьи. И этот путь может быстрее привести к цели, чем грубая сила.

— А что нам делать с Марсией? — спросил я, чувствуя, что в своих рассуждениях мы забыли о том, каково ей сейчас одной в глухом лесу.

— Нам следует отвлечь от нее внимание,— заметил Джед.— Уилера они увезли, но с остальными этот номер у них не пройдет. И вы основательно перепугаете их, если начнете задавать нужные вопросы нужным людям.

Джерико кивнул.

— Нет нужды говорить вам,— продолжал Джед Стюарт,— что пара-тройка ответов не решит дела. Любая ниточка, ведущая к истинной причине смерти Томми Поттера, чревата взрывом, который потрясет основы Кромвеля. И найти ее будет нелегко. Но ваша гипотеза, Джерико, не без изъянов. Вы отнесли Поттера, Дона Уилера и Хилларда к шантажистам. А если они жертвы, действующие не по своей воле? Очень важно ответить на этот вопрос. Марсия сказала вам, что Джим Поттер спрятал пистолет, чтобы она не могла покончить с собой. Куда он его спрятал? Знал ли об этом кто-то еще? Потому что, если никто этого не знал, подозрение в убийстве Хилларда падает на него. Намекните на это Джиму, и он, возможно, заговорит,— Джед бросил в пепельницу сигарету.— Вполне вероятно, что среди тех, кто, по-вашему, принадлежит к лагерю Бартрэма и судьи, есть люди, отчаянно нуждающиеся в помощи. Если они поверят, что могут опереться на вас, то не останутся в долгу.

Джерико глубоко вздохнул.

— Держите связь с управлением полиции. Если они возьмут Марсию, дайте мне знать.

— Как?

— Я намерен поговорить с Джимом Поттером. Мы едем в «Береговой клуб». Если его там не будет, продолжим поиски.

Часы показывали половину восьмого. Кромвель только начал просыпаться. Джерико и я сели в «мерседес». Джерико развернулся на Главной улице и, проехав милю, свернул в каменные ворота, около которых высился щит с надписью:

«БЕРЕГОВОЙ КЛУБ КРОМВЕЛЯ. ЧАСТНОЕ ВЛАДЕНИЕ»

Кирпичное здание, выкрашенное в белый цвет, разместилось у самого берега. На большой террасе под сложенными на зиму зонтами стояли столики. Вдоль кромки воды тянулась полоска белого, вероятно специально привезенного песка. Длинный причал вдавался в озеро, на нем, накрытые брезентом, лежали вытасщенные из воды плоты.

Войдя в дверь, мы увидели старика, мокрой тряпкой протиравшего покрытый линолеумом пол. За конторкой портье никого не было.

— Вы не знаете, в какой комнате мистер Поттер? — спросил старика Джерико.

— Нет, — тот покачал головой. — Я только убираюсь по утрам. Вам лучше спросить портье.

Джерико подошел к конторке. Надпись под звонком указывала, что для вызова портье необходимо один раз нажать на кнопку. Но Джерико решил обойтись без его помощи. Зашел за конторку, просмотрел список фамилий, лежащий у пульта коммутатора.

— Комната 2-А. Пошли.

— Нельзя подниматься вверх без приглашения. — попытался остановить нас старик.

— Мистер Поттер нас ждет, — успокоил его Джерико.

Я подумал, что, возможно, так оно и было.

Мы нашли дверь с надписью «2-А» на табличке, и Джерико резко постучал. Дверь открылась мгновенно. Джим Поттер выглядел ужасно. Если он и спал, то в одежде. Небритое лицо, безумные глаза. Он попытался захлопнуть дверь, но Джерико надавил на нее плечом.

— Я хочу поговорить с вами, Поттер.

— Не о чем нам говорить, — хрипло ответил тот.

— А я придерживаюсь другого мнения,— Джерико с силой толкнул дверь, и мы вошли. Поттер был словно в трансе. Не обращая на нас внимания, он повернулся, пересек комнату и сел в кресло, лицом к окну, выходящему на озеро.

— Я хочу поговорить с вами о Марсии,— начал Джерико.

— Не хочу говорить о ней,— ответил Поттер.

— Давайте внесем ясность в наши отношения,— продолжил Джерико.— Позапрошлой ночью я старался ей помочь. Солгал вам и Бартрэму. Она была пьяна. Я отвез ее домой и уложил в постель, потому что, если б я позвонил местному полицейскому, ее отправили бы в тюрьму. Так мне сказали на бензозаправке. Я действовал импульсивно, потому что не могу пройти мимо человека, нуждающегося в помощи. Можете мне поверить, других причин у меня не было. Я промок, замерз и решил принять душ в вашей ванной. Когда я мылся, в ванную вошел Хиллард.

Поттер медленно повернул голову.

— Джерри был там?

— Он увидел меня и вылетел из дома, кляня всех и вся. Я подумал, что он — муж Марсии. И решил подождать, чтобы объяснить ему случившееся. Я заснул. Вот и все.

Я думал. Поттер промолчит, но ошибся.

— Я рад, что вы рассказали мне об этом,— после долгой паузы произнес он.

— Второй раз я увидел Марсию вчера утром,— добавил Джерико.— Она приехала ко мне в невменяемом состоянии. Сказала, что Джерри пытался овладеть ею. А когда она отказала, пообещал сказать правду о смерти Томми, если она уступит его желаниям.

— О, боже,— выдохнул Поттер.

— Что в действительности случилось с Томми? — спросил Джерико.

— Мой дорогой мистер Джерико, он утонул в озере. Утонул в тот момент, когда Марсия, вдрызг пьяная, спала на берегу.

— Она говорит, что не пила тем утром.

— Разумеется, говорит.

— Что же скрывалось за намеком Хилларда?

— Это выдумка Марсии.

— Неужели?

— Да,— он посмотрел на Джерико.— Поэтому вы и впутались в это дело? Потому что поверили ее выдумке, будто Томми не утонул?

— Такая мысль приходила в голову не только ей.

Вот тут Поттер промолчал.

— Я слышал о том, что произошло в тот день,— продолжал Джерико.— Мальчик исчез. Марсия побежала в дом Уилеров, чтобы вызвать подмогу. Она позвонила в полицию, но не вам. Она не стала вам звонить, потому что персонал «Берегового клуба» получил указание отвечать ей, что вас нет. Вы не будете это отрицать?

— Нет.

— К месту происшествия вы приехали с Джорджем Бартрэмом.

— Да, он и рассказал мне о том, что произошло.

— Вы не заговорили с Марсией. Не утешили ее. Домой она уехала одна.

— Да,— пальцы его рук впились в подлокотники кресла.

— В это трудно поверить. Томми — ваш сын. Ваш и Марсии. Как вы могли в такой момент повернуться к ней спиной? Не в том ли причина, что вы знали правду и не могли заставить себя посмотреть ей в глаза? Вы тоже виноваты в его гибели? Поэтому Бартрэм держит вас за горло?

— О чем вы говорите? — воскликнул Поттер.— Держит за горло! Джордж Бартрэм — мой друг.

— Тогда вам не повезло.

— Послушайте, Джерико, это не ваше дело, но, если вы отстанете от нас, услышав правду...

— За этим я и пришел,— прервал его Джерико.

Поттер отцепился от подлокотников, сунул руку в карман пиджака, достал пачку сигарет.

— Вам приходилось когда-нибудь иметь дело с алкоголиком?

— Похоже, в Кромвеле это самый популярный вопрос. Бартрэм уже задавал мне его.

— Я полюбил и женился совсем не на той женщине, что спала на берегу, когда тонул мой сын,— дрожащим от волнения голосом начал Поттер.— Я женился не на той пьянчужке, что вы подобрали на шоссе глубокой ночью. Той самой, что почти наверняка застрелила Джерри.

У меня по коже побежали мурашки. Чувствовалось, что Поттер искренне верит в свои слова. Я взглянул на Джерико. Его глаза горели мрачным огнем, он весь обратился в слух.

— Впервые Марсия приехала в Кромвель девять лет тому назад,— Поттер смотрел на озеро.— Юная, очаровательная. Я влюбился в нее с первого взгляда. Не только я,

и мне казалось, что мои шансы невелики. В те дни главные роли играл у нас Дон Уилер — в недавнем прошлом капитан футбольной команды, а теперь новоиспеченный адвокат с блестящими перспективами. Он приглашал Марсию на танцы и вечеринки. Ему дарила она свою благосклонность. Мы же довольствовались обедами с барского стола, — Поттер глубоко вздохнул. — Боже, какой она была красавицей. Однажды я набрался духа и пригласил ее на лодочную прогулку. Марсия согласилась. То был счастливейший день в моей жизни. Через пару часов я бросил якорь у острова Снелла, на другой стороне озера. Я надел плавки, Марсия — купальник, мы прыгнули в воду и вплавь добрались до острова. Вышли на берег усталые, но счастливые. Загорали, разговаривали. Казалось, мы знали друг друга всю жизнь, — он замолчал, его лицо перекосила гримаса боли. — И внезапно случилось то, что может случиться только раз в жизни. Мы влюбились, окончательно и бесповоротно. Слились в единое целое, тогда я думал, навеки. Мы словно дополняли друг друга, не могли существовать порознь. Обнимая Марсию, целуя, любя, я попросил ее стать моей женой. Она согласилась. Собственно, другого ответа тогда не могло и быть.

Мы поженились, и мир заиграл для меня новыми яркими красками. На медовый месяц мы поехали в Канаду, но практически не видели страну. Мы не могли оторваться друг от друга. Мы так любили... любили, — Поттер помолчал. — Вернувшись в Кромвель и переехав в наш дом, мы не хотели никого видеть, не ходили на вечеринки. Нам хотелось быть вместе, вдвоем. Но нельзя отрезать себя от внешнего мира. Надо покупать еду, отвечать на телефонные звонки, объяснять, почему мы не можем прийти туда, где нас хотят видеть. Мы много смеялись над этим, но в конце концов пришли к выводу, что должны выйти из добровольного заточения. И мы появились на обеде в доме судьи. Там были все наши друзья, и они встретили нас с распростертыми объятиями. Дон тут же увел у меня Марсию, и, видя, как они пьют «мартини» и смеются, я заревновал. Впервые Марсия была с мужчиной, впервые с тех пор, как она стала частью меня, словно рука, или нога, или половина сердца.

— Когда... когда она вновь подошла ко мне, я заметил, что она не в себе. Ее глаза разбегались в стороны. «Мне кажется, я пьяна», — сказала она. Да простит мне бог, но я подумал, что это забавно. Я никогда не видел ее в таком виде. И принес ей еще один коктейль.

— Но она же и раньше пила при вас? — спросил Джерико.

— Я не любитель выпить, — ответил Поттер. — Во всяком случае, не смотрю на часы, чтобы ровно в пять пригубить «мартини». Пусть вам покажется это странным, но во время медового месяца и после возвращения в Кромвель мы никогда не пили. Как-то я предложил ей что-нибудь выпить, но она отказалась. Меня тоже не тянуло на спиртное. Нам было хорошо и без него. Так что только у Уилеров я увидел, как действует алкоголь на Марсию, — у него дернулся рот. — А позже она отключилась в одном из туалетов. Другие женщины вывели ее оттуда, я на руках отнес ее в машину, и мы поехали домой. Она лежала, как бревно, ни на что не реагируя. Так что я представляю, Джерико, как она вела себя в ту ночь.

Джерико медленно кивнул.

— На следующее утро она ужасно себя чувствовала. Не находила себе места, пока не нашла на кухне бутылку шотландского и не приложилась к ней. Я сразу встревожился. Но она успокоила меня, сказав, что это лучший способ борьбы с похмельем, — Поттер покачал головой. — В тот день я понял, что наш семейный корабль напоролся на риф. К ленчу она вновь напилась. Стоило мне упрекнуть ее в этом, как на меня вылился поток ругательств. Как она меня только не обзывала! А потом заперлась в своей спальне. На следующий день она мне все рассказала. Алкоголь действовал на нее, как наркотик. Теперь она мучилась угрызениями совести. И молила меня о помощи, — Поттер горько рассмеялся. — Вы когда-нибудь пытались помочь алкоголику? Трезвыми они соглашаются на все, дают любые обещания. Но стоит им добраться до бутылки, обещания тут же забываются. Я словно жил с двумя женщинами. Одну любил всем сердцем, другую... другую презирал.

— Вы пытались обратиться к врачам? — спросил Джерико.

— Конечно... через какое-то время. Она не хотела идти к местному доктору. Стыдилась, что в Кромвеле будут знать о ее слабости. А потом у нас появилась надежда. Марсия забеременела. Должен признать, она не взяла в рот ни капли, пока вынашивала ребенка. Потом родился Томми. После крещения я пригласил друзей. Естественно, мы пили за его здоровье и счастье. Марсия обещала мне, что не прикоснется к спиртному. Но напилась в стельку. И пошло-поехало. Она очень любила Томми. Днем ей еще

удавалось совладать с собой, но уж по вечерам она присасывалась к бутылке.

От нашей прежней любви не осталось и следа. О, часть вины лежит и на мне. Я кричал на нее, ругал, не осознавая до конца, что это болезнь. Она не подпускала меня к себе.

— Марсия говорит, что отказывала вам, потому что вы использовали ее. Чтобы доказать себе, что вы — мужчина, — вставил Джерико.

— О, господи, — простонал Поттер. — Ну разве вы не видите? Она всему находит оправдание. Во всем права. Она даже отрицала, что спала пьяным сном, когда рядом тонул Томми. Разумеется, она напилась в тот день. Я ее знаю.

— Но вы даже не заговорили с ней.

— А чего тут говорить? И так все ясно.

— Но объясните нам, почему, зная о том, что Марсия алкоголичка, после смерти Томми вы привезли ее в «Макклюэ хауз», позволили ей напиться, а потом спокойно смотрели, как она избивает двух женщин бутылкой из-под вина.

— Все просто, — ответил Поттер. — Я хотел развестись с ней. Со смертью Томми разорвалась последняя связывающая нас ниточка. Я не хотел говорить об этом в нашем доме. «Макклюэ хауз» — единственный приличный ресторан Кромвеля. Она согласилась поехать со мной и пообещала, что не будет пить. О, вы, наверно, спрашиваете себя, как я мог поверить ее обещанию. Я решил, что не буду заказывать спиртного. Мы приехали, обсудили за обедом подробности развода. Решили, что я поеду в Неваду. Потом она ушла в туалет. Сказала, что на минутку, но не возвращалась довольно долго. Когда же она появилась в зале, я понял, что она набралась. Не выходя из туалета. Как потом выяснилось, уговорила служительницу принести туда виски. Она шла, пошатываясь, неожиданно остановилась у одного из столиков, схватила бутылку и набросилась на этих женщин. И как следует отмолотила их, прежде чем я успел подбежать. Все произошло очень быстро. С помощью официанта я оттащил ее, а она продолжала выкрикивать грязные ругательства. Естественно, женщины обратились в суд.

— Судья Уилер, ваш приятель, отнесся к ней с состраданием.

— Да.

— Потому что он ваш приятель?

— Не думаю, что это обстоятельство сыграло какую-то роль.

— Нет ли между вами особых отношений, благодаря которым ему пришлось дать Марсии еще один шанс?

Вопрос Джерико только удивил Поттера.

— О чем вы?

— Вам что-то известно о нем, а ему — о вас, — пояснил Джерико. — Не так ли?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — в голосе Поттера не слышалось страха. Лишь усталость.

— Я говорю об организованном шантаже, — сухо ответил Джерико.

Поттер изумленно уставился на него.

— У вас никогда не возникало сомнений в том, что Томми утонул?

— Нет. Он утонул. Марсия напилась. Не уследила за ребенком.

Я видел, что Джерико, как и меня, удивило полное отсутствие реакции Поттера при упоминании шантажа. Выходило, что он действительно ничего не знал о проделках Бартрэма и судьи, если таковые имели место.

— Вчера утром вы приехали домой в сопровождении Бартрэма и Салли, чтобы препроводить Марсию в тюрьму за нарушение условий приговора, вынесенного судьей. Они приказали вам?

— Приказали? Что вы подразумеваете под этим? Они убедили меня. Что бы вы ни говорили, в ту ночь она напилась. Мы с Джорджем пришли к выводу, что пора принимать какие-то меры, раз она дошла до того, чтобы проводить ночь с незнакомцем. Вы говорите, что между вами ничего не было. Я вам верю. Но в то утро меня убедили, что вы воспользовались ее беспомощностью. Поэтому я так рассердился.

— И это «убеждение» оставалось с вами, когда вчера вечером вы приехали ко мне?

— Послушайте, Джерико, убили же человека!

— Значит, вас убедили и в том, что Хилларда застрелила Марсия.

— А кто еще? Пистолет-то ее.

— Она говорила мне, что вы спрятали пистолет.

— Спрятал. На чердаке гаража. Но она могла его найти.

— Она была трезвой, когда я уезжал вчера утром, — заметил Джерико. — И не успела бы напиться до появления Хилларда.

— Разве для этого нужно много времени?

— Вы знаете, что произошло после приезда Хилларда?

— Откуда?

— Тогда я вам скажу. Он пытался овладеть Марсией. Обещал рассказать, что в действительности произошло с Томми, если она отдастся ему.

На мгновение глаза Поттера широко раскрылись, затем он отвернулся.

— Только Марсия способна на такую выдумку. Значит, вы виделись с ней после убийства Джерри. Вы прятали ее, как мы и думали.

— Она убежала от Хилларда. Приехала ко мне. Говорю вам, она была абсолютно трезвой, но вся дрожала от волнения.

— Естественно,— холодно ответил Поттер.— Она же убила Джерри.

— Я в это не верю,— покачал головой Джерико.— Но я съездил к вашему дому и обнаружил тело.

— Но вы сказали Бартрэму, что не видели его.

— К черту Бартрэма. Сейчас я говорю с вами!

— Значит, вы основательно впутались в это дело, не так ли? — спросил Поттер.— Вы знаете, где сейчас Марсия?

— Нет.

— То вы ее видели, то — нет,— вздохнул Поттер.— В этом вся трагедия, Джерико. Она больна, а мы предоставили ей полную свободу. Вина тут моя. Но мы должны признавать факты.

— Вы так и не хотите сказать нам правду о смерти Томми?

— Вы знаете правду! — сердито воскликнул Поттер.— Он утонул.

— Давайте вернемся к пистолету. Вы спрятали его на чердаке гаража?

— Я уже сказал вам.

— Вы думаете, она стала его искать и нашла?

— А как же иначе?

— Знал ли кто-нибудь, кроме вас, где спрятан пистолет?

— Нет!

— У меня есть еще один вопрос, Поттер. Что случилось с Доном Уилером в тот день, когда утонул Томми?

— Марсия и тут что-то выдумала? — спросил Поттер.

— Нет. Я сам пришел к выводу, что его избили отнюдь не хулиганы-подростки. Думаю, вы это знаете не хуже меня. И ему есть что рассказать о том дне. Не зря же меня стукнули по голове, когда я приехал к нему, а его самого тут же увезли из города.

— А мне сказали, что вы упали с лестницы.

— Чистое вранье,— отрубил Джерико.— Меня ударили... от души.

— Я начинаю думать, что у вас не все в порядке с головой. Я знаю, Марсия умеет убеждать, но на этот раз она превзошла себя. Нельзя отрицать факты, Джерико, даже если она — чертовски красивая женщина. Она убила Джерри в приступе ярости, когда тот пытался встать между ней и бутылкой. И придумала сказочку о том, что Джерри приставал к ней, давая какие-то загадочные обещания. А когда вы говорите об «организованном шантаже», Джерико, мне не остается ничего другого, как посоветовать вам обратиться к психоаналитику. Вы — хороший человек, раз решились помочь ей. Но как вы могли ей поверить? Я-то знаю Марсию. Я прожил девять лет с ее бесконечными выдумками.

И внезапно я почувствовал, что мы с Джерико оказались на очень тонком льду. Несмотря на жалость, которую я испытывал к этому человеку, установившемуся на озеро, в котором утонул его сын, у меня возникло неприятное ощущение, что он не юлил, а говорил правду.

— Как долго Хиллард пытался помочь Марсии? От имени «Анонимных алкоголиков»?

— Несколько лет. Как я и говорил, мы обращались к врачам. Но доктор бессилен, если пациент не хочет лечиться. Нам рекомендовали «Анонимных алкоголиков». Я знал, что Джерри — член этого общества. Надеялся, что Марсия откликнется на его помощь, потому что он был нашим другом. Но ничего не получилось. За помощью надо бы обращаться до запоя. Она же звонила Джерри лишь после того, как начинала пить.

— А он когда-нибудь приезжал без вызова?

— Да. Конечно. Особенно, когда я перебрался в «Береговой клуб». Он пытался предотвратить ее запой.

— Он приехал той ночью, когда я привез Марсию,— напомнил Джерико.— Как же он орал на меня.словно заревавший любовник.

Поттер покачал головой.

— Возможно, так оно и было. Я доверял Джерри, но кто знает, какие у них сложились отношения. Марсия давно переродилась. Может, этим и объясняется трагическая развязка. Любовники поссорились — она застрелила его.

Джерико вытащил из кармана трубку, кисет, неторопливо набил ее табаком. Его глаза не покидали виска Поттера.

— Я выскажу вам свое мнение, Поттер. Я уверен, что

Томми не утонул. Я думаю, Дон Уилер знает об этом. Поэтому его и избили в тот день. В назидание. Томми, гуляя по лесу, ненароком что-то увидел или услышал и заплатился за это жизнью.

Поттер повернулся к нему. Его глаза переполнял ужас.

— Была Марсия пьяной или нет, но Томми не утонул. И некоторые люди воспользовались слабостью Марсии, чтобы замести следы.

— Какие люди? — хрипло прошептал Поттер.

— До этого разговора я думал, что вы — один из них. Я говорю о вашем друге Бартрэме, судье Уилере, Вике Салли и, конечно, Хилларде. Возможно, Марсии верить нельзя. Но я точно знаю, что она была трезвой, когда приехала ко мне и рассказала об обещании Хилларда рассказать ей правду о смерти Томми. И уверен, что тут она ничего не выдумывала. Все было, как она говорит. Думаю, кто-то подслушал их разговор и убил Хилларда после отъезда Марсии, чтобы он замолчал навеки. А вину эти люди снова решили взвалить на Марсию.

— Это лишь слова! — воскликнул Поттер.

— Были и действия. В доме Уилеров меня ударили по голове. Я думаю, это сделал Майк Торнтон, как выяснилось, профессиональный убийца.

— Он, конечно, сидел в тюрьме, но...

— Он — профессиональный убийца, Поттер. Предполагают, что он увез Дона в охотничий домик судьи, чтобы я не смог переговорить с ним.

— Кто предполагает?

— Джек Стюарт.

— Джедедия?

— Именно. Если вас интересует, он согласился с моей гипотезой. Если она верна, то вашего сына убили, Поттер. А вашу жену, пусть она и не без недостатков, использовали, чтобы отвести подозрения в двух убийствах от тех, кто их совершил.

Поттер поднялся из кресла.

— Доказательства.

— Их-то я ищу, — ответил Джерико.

— Где Марсия?

— В бегах. Бог знает где. Если мы не найдем истинных виновников, то, возможно, скоро узнаем о ее самоубийстве, которое закроет дело Хилларда и сделает невозможным любое независимое расследование. А только оно может вывести на чистую воду ваших так называемых друзей.

Поттер глубоко вздохнул:

— Чем я могу помочь?

— У нас очень мало времени на поиски Дона Уилера. Выясните, куда его увезли, не давая им понять, что вы на нашей стороне.

— Я постараюсь. Если они убили Томми...

— Я в этом уверен, — прервал его Джерико. — Но нужны доказательства. Вы сможете связаться со мной через Джеда Стюарта, — он повернулся и направился к двери.

— Одну минуту, — остановил его Поттер. — Я вспомнил. Был человек, который знал, где спрятан пистолет. Я сказал ему, чтобы он мог остановить Марсию, если та начнет его искать.

— Хиллард? — спросил Джерико.

— Да. Я говорил об этом Джерри.

Глава 3

Слабость Джерико — в стремлении подгонять факты под гипотезу, которой он в этот момент придерживается. Возвращаясь к машине, я пребывал в полном замешательстве, не зная, чему и верить. Поттер практически разрушил тот образ Марсии, который я создал для себя. Я уже не знал, можно ли верить тому, что она нам рассказала. Не была ли она пьяной в день исчезновения Томми? Я уже не мог полагаться только на ее слово. Она ясно дала нам понять, что Поттер покинул ее, потому что она не подпускала его к себе. Теперь мне в голову лезли другие мысли. Может, он сам не хотел ложиться в постель с пьяной карикатурой на женщину, которую любил? И каковы были ее действительные отношения с Хиллардом? Пьяная Марсия вполне могла спать с ним. Он же пришел в ярость, увидев Джерико в доме Марсии в ту ночь. А утром, когда она осталась одна, мог прийти с пистолетом, угрожать ей. Что, если Марсия отняла пистолет и застрелила Хилларда? Я уже не мог исключать и такого варианта.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — Джерико завел мотор «мерседеса».

— Все так запуталось.

— Не считая моей головы. Рана на затылке — это реальность. Но мне знакомо выражение твоего лица, Холли. Чему верить? Не так ли?

Я кивнул.

— Выбирать особо не из чего. Или Хиллард предложил рассказать правду о Томми, или нет. Если нет, то Марсия все выдумала.

— Поттер утверждает, что она большая выдумщица.

— Да. Но вот какое совпадение, Холли. Ее выдумка полностью повторяет вывод, к которому мы пришли сами! Вот тут меня поневоле начинают грызть сомнения, даже с учетом того, что Марсия — алкоголичка. Да если бы ей раньше пришла в голову мысль о том, что Томми совсем не утонул, она переполошила бы весь город. Давным-давно, до моего приезда. Отметь это, Холли. Потому что последующие за его обещанием события, вне зависимости от того, убивала его Марсия или нет, однозначно указывают: Хиллард что-то знал. А Дон Уилер знает. Кроме того, Джек упоминал и третьего человека.

— Элли Кливленд?

Джерико еще сильнее вдавил в пол педаль газа.

Едва мы остановились у книжного магазина, к нам подъехал Салли. Вылез из кабины с потемневшим от злости лицом.

— Ждал, когда же вы вернетесь в город. Бартрэм хочет вас видеть.

— Мы что, арестованы? — спросил Джерико.

— Если вам того хочется. Бартрэм в своем кабинете. Пошли.

Бартрэм встретил нас сладкой улыбкой.

— Благодарю вас, господа, что вы соблаговолили прийти ко мне, — он указал на два обитых зеленой кожей кресла перед его столом.

— Похоже, у нас не было другого выхода, — пробурчал в ответ Джерико.

Улыбка Бартрэма стала шире:

— Наш разговор носит сугубо неофициальный характер.

— Тем более что происходит в присутствии полицейского, — Джерико мотнул головой в сторону Салли.

— Выйди, пожалуйста, Вик, — Бартрэма, похоже, забавляли шпильки Джерико.

Салли вышел, что-то бормоча себе под нос. Я сел. Джерико же зашагал по кабинету.

— Сегодня я знаю о вас гораздо больше, чем вчера, Джерико, — начал Бартрэм. — Вчера я думал, что вы всего лишь несносная назойливая муха. Теперь я знаю, что ошибался. Мы посылали на вас запрос.

— Хорошо.

— Я знаю, что вы храбро сражались за нашу страну. Что вы можете привлечь внимание общественности к себе и тем идеям, которые защищаете. Но даже очень хороший человек может неправильно оценить ситуацию. Возьмите,

к примеру, Марсию Поттер. Женщина трагической судьбы. Мне понятно ваше сочувствие. Желание ей помочь.

— Спасибо и на этом.

— Но я не понимаю,— глаза Бартрэма сузились,— почему вы, такой опытный человек, решились на конфликт с законом. Всю ночь вы прятали от нас миссис Поттер, Джериго. Вчера вечером вам удалось убедить меня, что вы не знаете, где она находится. Мистер Холлэм прошел мимо своего призвания. Ему следовало стать актером. Вы помогли бежать разыскиваемому преступнику и укрывали важные улики.

Бартрэм выдвинул верхний ящик стола. Вытащил оттуда черную коробочку с пистолетом Марсии. Ту самую, что должна была лежать в ящичке приборного щитка «мерседеса».

— Напрасно вы принимаете нас за простаков, Джериго,— продолжал Бартрэм.— Мы обыскали вашу машину сегодня утром, пока вы беседовали с Джедедией Стюартом. Мы также нашли пару ружей, по нашему разумению, принадлежащих Джедедии. Один из моих людей держал под наблюдением Дорогу 4. Он видел, как мистер Холлэм то брал, то прятал ружья за большой валун. В конце концов мы решили, что у нас они будут сохраннее. Сейчас несколько полицейских и группа добровольцев прочесывают лес около студии Мартиню. Скоро они найдут Марсию,— на его лице вновь заиграла улыбка.— Я думаю, вы должны узнать об этом до того, как зайдете слишком далеко в игре с законом.

Джериго остановился и повернулся к прокурору.

— И не так уж важно,— заключил Бартрэм,— взяли вы пистолет в доме Поттеров или Марсия отдала вам его на хранение. Будь на то мое желание, я могу арестовать вас за соучастие в убийстве.

— Но желания у вас нет,— спокойно ответил Джериго.— Почему?

— Потому что мне ясны побудительные мотивы ваших действий. Мне нет резона наказывать вас, мы лишь хотим воздать должное убийце Хилларда.

— Позвольте мне назвать другую причину,— возразил Джериго.— Если вы обвините нас в совершении преступления, мы получим право на судебное разбирательство. А уж в суде мы сможем сказать, что мы думаем о тех, кто вершит правосудие в Кромвеле, в частности о некоторых делишках, в которых самое активное участие приняли вы и ваши друзья.

Улыбка застыла на губах Бартрэма.

— И что, по-вашему, вам известно?

— Я знаю, что вы не собираетесь искать настоящего убийцу Джерри Хилларда, который также убил Томми Поттера.

— Ребенок Поттеров утонул по недосмотру Марсии!

— Говорите вы громко, но неубедительно,— теперь улыбался Джерико.— Вы не можете найти настоящего убийцу, не подставив под удар себя, судью, Салли и еще бог знает кого. Поэтому вы решили все свалить на Марсию. Но я требую совсем другого отношения. Меня надо гладить по шерстке. Известный художник перешел дорогу прокурору маленького городка. Такое событие заинтересует не только «Кромвельскую газету» или местную радиостанцию, вещающую максимум на шестьдесят миль. Простите за хвастовство, но мой арест вызовет широкий резонанс. И мои интервью «Нью-Йорк таймс», национальному радио и телевидению привлекут к Кромвелю всеобщее внимание. Проворные репортеры возьмутся за дело. И найдут многое из того, что вам хотелось бы похоронить навсегда. Вот почему вы хотите разойтись со мной мирно, Бартрэм.

Колонка пепла упала с сигареты Бартрэма на его темно-серый костюм. Он рассеянно стряхнул пепел рукой.

— Они ничего не найдут, хотя Кромвель и окажется в центре внимания,— в голосе прокурора не чувствовалось тревоги.— Признаюсь, я хотел бы этого избежать. Я не только окружной прокурор, Джерико. Я здесь живу. Это мой город. Я хочу, чтобы его оставили в покое. Поэтому, собственно, я и пригласил вас сегодня. Вы сказали правду. Вы можете надолго нарушить мир и спокойствие Кромвеля. Но что это вам даст? Мальчик утонул в июне. Его тело не нашли. Природа иногда выкидывает подобные фортели, и никакое журналистское расследование тут не поможет. Вчера утром убили мужчину. Вы и я знаем, кто его убил, на чьей стороне ни лежали бы наши симпатии. Сомнений в вине Марсии нет. Вы можете делать все, что вам заблагорассудится, Джерико, но против фактов не попрешь, а противопоставить им вам нечего. Так что вы от этого выиграете?

— Кромвель — не мой город, но часть моей страны,— ответил Джерико.— Уважение прав личности — один из краеугольных камней, на которых зиждется мой мир. И если мужчина или женщина становится козлом отпущения для группы преступников, рушится сама идея нашего образа жизни. Вы знаете закон лучше меня, Бартрэм. Он защищает человека столь основательно, что порой преступник остается на свободе. Но это лучше, чем осуждение невинного. Сей-

час же на Марсию Поттер взваливают убийство Хилларда. Закон, который представляете вы и судья Уилер, готов признать ее виновной. Я — нет. Я намерен докопаться до истины. Я не могу уйти, оставив эту несчастную женщину вам на съедение.

Бартрэм пристально смотрел на Джерико.

— Вы отозвались обо мне и моих друзьях, как о «группе преступников». Что же вы вменяете нам в вину?

— Систематический шантаж жителей города.

Бартрэм покачал головой.

— Вы уверовали в реальность собственных фантазий. Теперь я понимаю, почему ваши картины пользуются такой популярностью. У вас очень богатое воображение, Джерико. Я вижу, что логические доводы на вас не действуют. Поэтому позвольте дать вам маленькое предупреждение. Если вы и дальше будете мешать мне в деле Хилларда, я отправлю вас в тюрьму, вызовет это чей-то интерес или нет. А если вы будете распространять слухи обо мне, судье или ком-то еще, помните, что система законов, которой вы так восхищаетесь, может защитить и нас, — он положил окурок в пепельницу. — Поезжайте домой, Джерико. Нам не нужны герои мелодрам. Оставьте Кромвель в покое.

Мы стояли на ступенях муниципалитета, оглядывая залитую солнечным светом Главную улицу Кромвеля. Ее спокойствие ничем не указывало на то, что совсем неподалеку целая армия охотится за испуганной, отчаявшейся женщиной. В кабинете остался прокурор, внешне спокойный, но лихорадочно ищущий выход из создавшегося положения. В «Береговом клубе» Джим Поттер, должно быть, пытался сжиться с мыслью о том, что его маленького сына убили. На Главной же улице жизнь текла своим чередом, люди раскланивались друг с другом, останавливались поболтать, заходили в магазины, банки, учреждения.

Джерико напоминал лесного зверя, он словно прикидывался, пытаясь определить, с какой стороны придет беда.

Вик Салли сидел за рулем патрульной машины, вроде бы и не замечая нас.

— Я думаю, теперь пойдет игра в открытую, — заметил Джерико. — За нами установят постоянное наблюдение.

— И что нам делать?

— Мы все-таки наступили Бартрэму на мозоль. И он уже не будет стесняться в выборе средств. Последний шанс уехать в Нью-Йорк, Холли. Думаю, без крови обойтись не

удастся, потому что наш единственный путь — как можно быстрее добраться до Дона Уилера. А они сделают все, чтобы помешать нам.

— Я уезжать не собираюсь, — моему голосу не доставало уверенности.

Джерико заулыбался.

— Ты молодчина, Холли, — он вновь посмотрел на Салли. — Я прямо-таки слышу, как этот подонок уговаривает Бартрэма: «Отдай Джерико мне!» Мне кажется, Холли, они уже выписали ордера на наш арест. Если мы доставим им слишком много хлопот, завтра в газетах появятся заголовки: «Убиты при сопротивлении аресту».

По закону Бартрэм держал нас за горло. Он мог доказать, что мы укрывали разыскиваемого преступника, прятали вещественные доказательства. Он имел все основания для получения ордера на наш арест. А с того света мы не могли бы оспорить, правильно или нет вели себя те, кто нас арестовывал.

Скользнув взглядом по Главной улице, я заметил Джеда Стюарта, стоящего на тротуаре перед зданием редакции. Он помахал рукой, привлекая наше внимание. Мы зашагали к нему. Салли, в патрульной машине, поехал следом.

— Позвонил Джим Поттер, — сообщил нам Джек. — Просил передать, что вчера вечером Майк Торнтон приезжал в город за продуктами. Почти наверняка он отвез Дона в охотничий домик.

Джерико кивнул. Искоса посмотрел на Салли.

— Теперь мы под постоянным наблюдением.

— Не пытайтесь подобраться к охотничьему домику, — добавил Джек. — Майк Торнтон вооружен до зубов. Он — как в крепости.

— А в тылу — Салли, — Джерико задумчиво поглаживал бороду.

— Что вы сделали с Джимом? — спросил Джек. — Похоже, он переметнулся на вашу сторону.

— Я, кажется, ошибся, причислив его к врагам Марсии, — ответил Джерико. — Ему тоже пришлось несладко. Сегодня мы узнали немало интересного, — и он рассказал о встрече с Бартрэмом.

Джек покачал головой.

— Получается, что победы вам не видать. Обложили вас со всех сторон.

— Сдаваться я пока не собираюсь, — возразил Джерико. — Есть еще мисс Кливленд. Возможно, она расскажет нам что-нибудь интересное о мистере Хилларде.

— Во всяком случае, в ее гостиной вы будете в безопасности, — кивнул Джек.

Мы направились к книжному магазину. Салли следовал за нами. Джерико словно и не замечал его.

В квартиру над магазином вела отдельная дверь. Джерико позвонил. Элли Кливленд тут же открыла дверь. Высокая, светловолосая, с прекрасной фигурой, в темно-сером строгом костюме. Большие карие глаза переполняла печаль.

— О, это вы, мистер Джерико.

— Мой друг, Артур Холлэм, — представил меня Джерико. — Вы можете уделить нам несколько минут?

— Разумеется, — она отступила, давая нам пройти. У двери стояли два чемодана. На столе в гостиной лежали шляпа и сумочка. Мисс Кливленд собралась в дальнюю дорогу.

— Надеюсь, вы ненадолго. Я уезжаю в Бостон.

— Не останетесь на похороны? — удивился Джерико. Ее лицо обратилось в маску.

— Похороны?

— Хилларда. Они состоятся завтра или днем позже.

— Я... я не могу оставаться здесь, — мисс Кливленд не предложила нам сесть. И разговаривала с нами стоя.

— Естественно, он не узнает, что вы сразу бросили его.

— О чем вы, мистер Джерико?

— Вчера у меня сложилось впечатление, что вас связывали не только деловые отношения.

— Откуда у вас такие мысли?

— Вы так мило краснеете, мисс Кливленд, — Джерико прошел к круглому столу посередине гостиной. — Даже если вы уедете, Элли, вопросы у меня останутся.

Она не поднимала глаз.

— Какие вопросы, мистер Джерико? Миссис Поттер убила Джерри. У них был роман. Он устал от нее. Она его застрелила. Вот и все.

— Новый мотив и новые слова.

— Я... я не понимаю.

— Вчера вы горячо убеждали меня, что между ними ничего не могло быть.

— Вы, должно быть, не так меня поняли. Я сказала, что от алкоголика нельзя ждать разумных поступков. А уж тем более от пьяной женщины.

— Знаете, о чем я думаю, Элли? — продолжил Джерико. — Вас кто-то здорово напугал. Вы дожидались меня,

чтобы познакомить с вашей новой версией, а затем немедленно уехать.

— Какая ерунда! — чуть слышно прошептала мисс Кливленд.

— Могло быть и другое объяснение. Хиллард устал от вас. Вы знали, что он без ума от Марсии Поттер. И вы отомстили ей за то, что она увела от вас Джерри.

— Это ложь. Миссис Поттер убила Джерри. У них был роман. Он устал от нее. Она его застрелила. Вот и все.

— Слово в слово. Вы заучили этот монолог, Элли.

Ее рука метнулась ко рту.

— Кто-то застрелил Хилларда, потому что тот пообещал сказать миссис Поттер правду о смерти ее сына, — Джерико не отрывал глаз от лица Элли Кливленд. — Я не виню вас за ваш страх. Убийца рядом, на свободе. Я хочу, чтобы вы рассказали мне о Хилларде. Каким он был? Чего боялся, на что надеялся. С какими сталкивался трудностями. Вы должны это знать, Элли, потому что жили с ним, не так ли?

— Нет!

— Вы с ним не жили или ничего мне не скажете?

— Не скажу. Мне нечего говорить. Джерри не рассказывал мне о своих отношениях с Марсией Поттер.

— Вы просто догадались, вам подсказала женская интуиция?

— У них был роман. Он...

— Я знаю, — перебил ее Джерико. — Он устал от нее. Она его застрелила. Вот и все.

— Пожалуйста, уходите! — воскликнула Элли.

— Я мог бы вам помочь. Сделать так, чтобы вам не пришлось всю оставшуюся жизнь шарахаться от каждой тени. Многие женщины любят мужчин, которые не отвечают им взаимностью, Элли. Стыдиться тут нечего. Я догадываюсь, что ваш мужчина поделился с вами одной тайной, и теперь вам кажется, что вы держите в руках шашку динамита, которая может взорваться в любую секунду. Он знал правду о смерти Томми Поттера, не так ли? Ему нравилось важничать, рассказывать о том, чего никто не знает. У него и в мыслях не было, что вы предадите его. А потом он все-таки испугался и предупредил, что вас будет ждать та же участь, если хоть кто-нибудь узнает от вас о том, что приключилось с Томми.

— Нет!

— Поделитесь со мной этой тайной, и, думаю, я освобожу вас от страха.

— Я не могу! — воскликнула она и тут же добавила: — Никакой тайны нет! Я ничего не знаю о Томми Поттере! Настойчиво зазвенел звонок. С явным облегчением Элли Кливленд бросилась к двери.

В гостиную вошел Вик Салли.

— Эти люди докучают вам, мисс Кливленд?

— Нет, — ее голос дрогнул. — Но я... прошу меня извинить. Я спешу в Бостон.

— Ясно, парни? — сурово посмотрел на нас Салли. — Выкатывайтесь отсюда.

Джерико пожал плечами.

— Попытка — не пытка. Очень жаль, Элли. Бегство — не единственный выход.

Он шагнул к двери, затем повернулся, и его кулак изо всей силы врезался в челюсть ничего не подозревавшего Салли.

Удар застал врасплох не только здоровяка-полицейского, но и меня. Колени Салли подогнулись, но рука автоматически потянулась к пистолету. Джерико ударил его еще дважды, левой и правой. Губы Салли окрасились кровью, и он рухнул лицом вниз, его глаза остекленели.

Джерико наклонился, отцепил наручники с пояса Салли. Оттащил безжизненное тело к лестнице на второй этаж, замкнул наручники на запястье Салли и на стойке. Вытащил из кобуры пистолет и сунул в карман. Посмотрел на Элли.

— Берите чемоданы и уезжайте. Если не поднимете тревогу, считайте, что искупили свою вину, и дальше можете жить честно.

Она стояла, не веря тому, что произошло у нее на глазах. Наконец решилась. Взяла со стола шляпу и сумочку, двинулась к чемоданам. У двери оглянулась.

— Вы... вы сумасшедший. Но... удачи вам, мистер Джерико.

Когда она ушла, я сказал Джерико, что теперь на нас набросится вся полиция штата.

— Мы выиграли десять или пятнадцать минут, — ответил он. — Это наш единственный шанс добраться до Дона Уилера без «хвоста».

Пришел час активных действий!

Я читал о них, писал сам, но никогда не принимал непосредственного участия. Джерико знал, что делает. Не зря он изучал карту в редакции Джеда.

Мы прошли мимо патрульной машины Салли. Никто не обращал на нас никакого внимания, никто не следил за нами. Сели в «мерседес». Тронулись с места.

В двух милях от города мы свернули с шоссе на более узкую, покрытую гравием дорогу, круто взбирающуюся в гору. Но мощная машина легко преодолевала подъем. У поворота на проселок нас ожидал сюрприз: его перегораживала толстая цепь с массивным замком. В обе стороны от ворот уходила стена. Тут же высились два щита с надписями, предупреждающими о том, что далее начинается частное владение, куда посторонним вход воспрещен.

Джерико осмотрел цепь и замок.

— Можно попытаться разомкнуть его монтировкой, но на это уйдет много времени. А нам надо спешить. Так что придется идти пешком, Холли.

Проселок поднимался к вершине горы. Через полмили я уже едва передвигал ноги, жадно ловя воздух открытым ртом. Джерико обогнал меня ярдов на двадцать. Внезапно он остановился, предупреждая подняв руку. Я осторожно подошел к нему. В нескольких ярдах впереди началась вырубка. В дальнем ее конце я увидел бревенчатый дом, из трубы поднимался дымок. Перед домом в креслекаталке Дон Уилер грелся на солнышке. Но не Дон привлек мое внимание. В двадцати ярдах от него на валуне сидел другой мужчина, тощий, темноволосый, в черной форме шофера. У него на коленях лежал автомат.

— Торнтон,— прошептал Джерико.— Похоже, нас не собираются встречать с распростертыми объятиями,— он оглядел окружающий вырубку лес. Достал из кармана пистолет Салли, проверил, заряжен ли он.— Постой здесь пять минут. Я обойду их слева. С такой малюткой надо подобраться к нему как можно ближе. Через пять минут выходи на вырубку и иди прямо к Торнтону.

— Благодарю!

— Он не застрелит тебя, Холли. Только предложит убраться отсюда. Затей с ним спор. Скажи, что хочешь поговорить с Уилером. Потяни время, а я пока зайду сзади. Все ясно?

— С этой штукой,— я имел в виду автомат,— ему даже не надо щелкаться. Он только нажмет на спусковой крючок и рассечет тебя надвое.

— Если я подберусь к нему достаточно близко, не успеет,— возразил Джерико.

И исчез в лесу, прежде чем я успел ответить. Двигался он совершенно бесшумно, приобретя необходимый навык еще в Корее.

Я неотрывно смотрел на часы. Во рту пересохло. Секундная стрелка, казалось, все быстрее бежала по цифер-

блату. Время! Я двинулся к вырубке на негнущихся от напряжения ногах. Руки свободно висели по бокам. Я хотел, чтобы Торнтон сразу увидел, что оружия у меня нет. Он заметил меня, когда нас разделяло пятьдесят ярдов.

Вскочил, наставил на меня автомат.

— Не смог подъехать на машине,— объяснил я.— Дорога перегорожена цепью. Хочу поговорить с мистером Уилером.

— Стой,— приказал Торнтон.

Я остановился менее чем в двадцати ярдах от него. Дуло автомата смотрело мне в живот.

— Ты же видел надписи на щитах,— процедил он.— Проваливай, да поживей.

— Но я хочу поговорить с мистером Уилером,— тот подкатился чуть ближе к Торнтону, черные очки уставились на меня.

— Мистер Уилер не хочет говорить с тобой,— ответил Торнтон.— Даю тебе три секунды, чтобы повернуться и топтать назад. Я не шучу. Ты нарушил границу частного владения.

Я надеялся, что Дон что-то скажет. Он молчал. Оставалось только подчиниться. Тут я заметил, как Дон повернул голову направо, влево от меня.

— Брось автомат! — услышал я голос Джерико.

События последующих секунд запечатлелись у меня в памяти, словно кадры замедленной киносъемки. Торнтон начал поворачиваться, одновременно открыв огонь. Едва ли Джерико избежал бы пули, но произошло чудо.

Кресло-каталка, в которой сидел Уилер, врезалось в Торнтон прежде, чем тот успел повернуться к Джерико. Торнтон упал, автомат вырвался из его рук. Уилер от удара вылетел из кресла и распростерся на траве. Прежде чем Торнтон сумел подняться, Джерико схватил автомат и наставил на бандита.

— Обыщи его, Холли.

Я нашел пистолет в наплечной кобуре, вытащил его.

— Держи его на прицеле,— Джерико передал мне автомат.

Глаза Торнтон сузились, он оценивающе оглядел меня и пришел к выводу, что с такого расстояния даже я не промахнусь.

Джерико опустился на колени рядом с Доном Уилером, тот застонал.

Джерико осторожно усадил его, левая рука Уилера, сломанная ниже локтя, неестественно изогнулась.

— Вам необходим врач,— сказал Джерико.— Мы доставим вас в больницу.

— Нет! Сначала поговорим. Какое счастье, что вы пришли.

— Вы спасли мне жизнь,— ответил Джерико.— Так что давайте сначала позаботимся о вас. Поговорить мы еще успеем.

— Нет! — Дон повернул голову.— О боже, они уже едут!

Мы все услышали натужный рев мотора ползущей в гору машины.

— Вы должны выслушать,— голос Дона дрожал.— Это какая-то кровавая лавина,— и он заплакал, как маленький ребенок.

На вырубку выехала машина... патрульная машина.

В машине сидело трое: судья, Бартрэм и незнакомый мне полицейский. Лицо судьи позеленело, Бартрэм не улыбался.

— Слишком поздно, папа! — закричал Дон.— Хватит убийств! — из-под черных очков по щекам текли слезы.

— Его нужно срочно доставить в больницу,— подал голос Джерико.— У него сломана рука.

— Нет! Я все скажу! Здесь и немедленно!

Незнакомый патрульный оказался капитаном Мерфи из полицейского управления штата. Он ясно дал понять, что они прибыли, чтобы предотвратить, а не разжигать насилие. Он защелкнул наручники на руках Торнтона и проводил его в патрульную машину. Джерико поднял Дона Уилера на руки, отнес в охотничий домик и осторожно усадил в большое кресло. Лицо Уилера перекосила гримаса боли. Мерфи по рации вызвал машину «Скорой помощи».

— Я больше не могу молчать, папа,— прошептал Дон Уилер.

Лицо судьи напоминало маску. Бартрэм стоял у окна, разглядывая окружающий охотничий домик лес. Они оба уже смирились с поражением.

— Все началось очень давно,— начал Уилер,— почти шесть лет тому назад... Я вырос в Кромвеле. Джерри Хиллард был одним из моих самых близких друзей. Мы вместе ходили в школу, затем служили в армии. Он был из бедной семьи, я — из богатой. В детстве я любил забегать к нему домой, потому что его мать сама пекла хлеб. Я... я до сих пор помню его запах, его вкус. Удивительная женщина, мать Джерри. Она воспитывала его одна, бралась за любую работу.

Шесть лет назад она начала чахнуть. Джерри сказал мне, что у нее рак. Он очень переживал. Собственно, тогда он и начал пить. Я изредка заходил к ней. Видел, как она страдает. Доктор Максвелл считал, что шансов на спасение у нее нет. Но, черт бы его побрал, он делал все, чтобы продлить ей жизнь. Врачебная этика! Я слышал, как она кричит от боли, умоляя прекратить ее страдания. Я поговорил об этом с Джерри. Но у него не хватило духа. Я... я любил миссис Хиллард,— у Дона перехватило дыхание.— Однажды, когда к ней пришел доктор Максвелл, я украл из его саквояжа таблетки стрихнина. Когда он ушел...

Убийство из милосердия. Но по закону убийство есть убийство.

— Доктор Максвелл заподозрил, что миссис Хиллард умерла не от болезни. Сделав вскрытие, обнаружил, что смерть наступила от стрихнина. Максвелл знал, кто мог утащить таблетки. Он поставил в известность полицию. Вик Салли привез меня и Джерри к Джорджу Бартрэму. Взять таблетки из докторского саквояжа могли только мы. Бартрэм полагал, что Джерри сам убил мать, не в силах выносить ее страдания. Я... я не мог допустить, чтобы вину ввели на него. И признался Джорджу.

Нет нужды говорить о моральных аспектах моего поступка. Закон квалифицирует его однозначно. Но мой отец, судья, вступился за меня. Кому будет лучше, если остаток жизни я проведу в тюрьме? Я лишь помогал умирающей. В потустороннем мире миссис Хиллард только поблагодарила бы меня. Мой отец был... и есть... в общем, в Кромвеле он пользуется значительным влиянием. Он мог поспособствовать карьере Джорджа, мог помочь Салли и доктору Максвеллу. Красноречием его бог не обидел. Короче, в тот день в кабинете Джорджа они решили спустить все на тормозах. Я считал, что это справедливо. Потому что не чувствовал за собой вины. Я думаю, принятое решение ни у кого не вызвало угрызений совести.

Какое-то время жизнь шла привычным чередом. А потом все изменилось. Джерри понадобились деньги для какой-то авантюры. И он прямо заявил отцу, что обо всем расскажет, если не получит желаемого. Это был шантаж. Нас всех шантажировали за то, что мы помогли матери Джерри избавиться от мучений. Такой вот он был человек. Я лишь сожалею, что не застрелил его сам. Он получил по заслугам.

Гипотеза Джерико оказалась ложной. Те, кого он считал шантажистами, на самом деле были жертвами. Джерри доил и доил их. Но в один жаркий июньский день, пять

месяцев тому назад, судья решил, что с него хватит. Он встретился с Джерри в леске, отделявшем дом от озера, так как в доме разговор могли подслушать слуги. Судья сказал, что денег больше не будет. Джерри стал угрожать.

— Они говорили на повышенных тонах,— продолжал Дон Уилер.— Внезапно Джерри оглянулся и увидел Томми Поттера, в ужасе уставившегося на них. Мальчик бросился бежать. «Стой»,— крикнул Джерри, а затем помчался следом. Томми споткнулся и упал. Джерри схватил его. А когда мальчик открыл рот, чтобы закричать, ударил его камнем. И бил до тех пор, пока Томми не умер.

Дон глубоко вздохнул.

— Тут следовало поставить точку. Признаться во всем. Но нет. Отец решил иначе. Тело Томми сбросили в каменоломню в семи милях от озера. В нашем доме состоялась встреча всех заинтересованных лиц: отца, Джорджа, Салли и доктора Максвелла. Надо отдать им должное, они обсуждали чистосердечное признание. Но оказались прагматиками. Томми уже не вернешь, решили они. Зачем же рушить карьеру стольким людям. И Томми утонул. А они убедили город, что виновата в этом только Марсия.

Я приехал ближе к вечеру. Заседание еще продолжалось. Я отказался играть в их игры. Вышел из дому и направился к озеру, чтобы рассказать обо всем капитану Мерфи, он руководил поисками Томми. Меня догнал Салли. Умолял никому ничего не говорить. Мы заспорили, потом начали драться. Конечно, он справился со мной. Я упал, а он продолжал бить меня даже после того, как я потерял сознание. От смерти меня спас отец. Теперь я сожалею об этом. Лучше умереть, чем превратиться в калеку. Они выдумали историю о банде хулиганов-подростков. Я не стал спорить. Знаете, почему? Я не мог ходить. Не мог даже есть. Если бы открылась правда, меня отправили бы в тюрьму за убийство миссис Хиллард. Сильный и здоровый, я бы пошел на это. Но я стал калекой...

Он посмотрел на Джерико.

— Когда вы впервые пришли ко мне, Джерико, начали задавать вопросы о Томми, я понял, какая над нами сгустилась туча. Вы не из тех, кто бросает начатое на полпути. Разумеется, тогда я еще не знал, что произошло.

— А что произошло?

— Когда вы ввязались в это дело, Джерико, они решили арестовать Марсию, так как она нарушила условие, поставленное судьей. Они подумали, что вы сразу потеряете интерес к Кромвелю, если она окажется за решеткой. Салли

вернулся к дому Поттеров с ордером на арест, подписанным моим отцом. Он застал там Джерри. Тот, похоже, обезумел от страсти. Салли услышал, как Хиллард обещал Марсии рассказать правду о смерти Томми, если та уступит ему. Разумеется, говорить он ничего не собирался, так как сам убил Томми. И еще одного не знала Марсия. Джерри взял пистолет, который Джим спрятал в гараже. Он застрелил бы вас, Джерико, окажись вы в доме.

Едва Марсия уехала, в дом вошел Салли. Завязалась ссора. Потом Салли застрелил Джерри из пистолета Марсии. Стер отпечатки пальцев с пистолета и футляра и был таков.

Они снова оказались в одной лодке. Или они покрывают убийство, или идут в тюрьму. Они убедили Джима Поттера сказать Марсии, что она должна добровольно признаться в пьянке. Джим поехал и обнаружил тело Джерри.

Но я не мог с этим мириться, Джерико. Я заявил им, что расскажу обо всем. Потому что, если их не остановить, они будут убивать и убивать. Вот тут они взялись за меня. Собственно, мне и раньше не доверяли. Они наняли Майка Торнтона, профессионального убийцу. И решили отвезти меня сюда, на то время, пока они закроют дело об убийстве Хилларда. Какая участь ждала после этого меня, я не знаю, но могу догадаться.

— Мы бы попытались убедить тебя, что другого выхода не было, — подал голос судья.

— Но вы спутали им все карты, Джерико. Вы заявили в наш дом до моего отъезда. Вот Майк и оглушил вас. Но, вы видите, я хотел все рассказать. Я знал, кто окажется следующей жертвой.

— Элли Кливленд? — спросил Джерико. — Потому что Хиллард ей многое рассказал?

Дон кивнул. Его лицо посерело от боли. Вдали послышалась сирена «Скорой помощи».

Джерико взглянул на судью.

— Что с Марсией?

Ответил ему капитан Мерфи.

— Мы нашли ее за двадцать минут до того, как нам стало известно, что вы поехали к охотничьему домику. Сейчас она в городской тюрьме.

— А Салли?

Мерфи сухо улыбнулся.

— Перелом челюсти в трех местах. Он в больнице.

— Тогда поехали, — Джерико двинулся к двери. — Клянусь богом, я не хотел бы смотреть Марсии в глаза, когда она услышит правду о Томми.

Капитан Мерфи расположился в кабинете Бартрэма в муниципалитете. Он послал за Джимом Поттером. Разрешили присутствовать и нам с Джерико. Джерико настоял на этом. В такой момент, заявил он, Марсии необходима поддержка друзей.

Наконец в кабинет привели Марсию. Она едва держалась на ногах. Увидев Поттера, она окаменела. Джерико направился к ней...

— Привет,— она попыталась улыбнуться.

— Тюрьма вам уже не грозит, но сейчас вам потребуются все силы, Марсия.

Ее губы чуть шевельнулись.

— Томми?

Джерико кивнул, и Марсия, протянув руку, ухватилась за его рукав, словно боялась, что упадет.

Мерфи как можно тактичнее рассказал ей о том, что произошло. Марсия выслушала все, до конца, а затем повернулась к Джерико и прильнула к его груди.

Я посмотрел на Поттера. Тот стоял, будто пораженный громом. Затем подошел к Джерико и Марсии.

— Марсия.

Та качнула головой. Говорить она не могла.

— Может... может, когда-нибудь... мы сможем... сможем разобраться в наших отношениях и найти выход.

Она не ответила. Я думаю, и не могла ответить. Джерико чуть кивнул Поттеру, и тот направился к двери.

Наконец Марсия пришла в себя. И смогла выйти из кабинета. Но куда?

Мы стояли на ступеньках перед муниципалитетом. Кромвель лежал перед нами, чистый, тихий, умиротворенный, вроде бы и не знающий, что такое насилие.

— Вы хотите выпить? — как бы между прочим спросил Джерико.

Марсия смотрела прямо перед собой, не отвечая.

— Если вам хочется напиться, мы отвезем вас в коттедж и побудем с вами, пока вы не оклемаетесь.

— Если бы я смогла... смогла обойтись без этого...

— Хотите попытаться? — глаза Джерико сверкнули.

— Вы поможете мне, Джон?

— Вы же отлично знаете, что помогу.

— Я могу передумать. Буду кричать, ругаться.

Джерико широко улыбнулся.

— Уж этого-то я не боюсь. Я справлюсь с вами одной рукой.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОМ НА ГОРЕ	3
ПО КРИВОЙ ДОРОЖКЕ	113
УБЕРЕГИ ЕЕ ОТ ЗЛОГО ГЛАЗА	237

Хью ПЕНТИКОСТ

Том 2

Сдано в набор 02.06.92. Подписано к печати 14.12.92. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бумага типогр. № 2. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 18,9. Усл. кр.-отт. 20,37. Зак. 3—980.

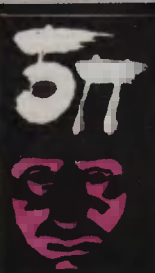
Концерн «Олимп». 370000. Баку, ул. Ази Асланова, 78.

Главное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

COSY PALACE

Концерн «Олимп» предоставляет уникальную серию «БП-333» — (Библиотека приключений, которая состоит из 333 томов), куда входят полные собрания сочинений А. Кристи, Д. Чейза, Э. Гарднера, Р. Стаута, К. Брауна, Э. Макбейна, А. Маклина и многих других мастеров детективного жанра.

КОНЦЕРН «ОЛИМП» ПОЗДРАВЛЯЕТ ВАС С ПРИОБРЕТЕНИЕМ ЭТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ СЕРИИ.

ОЛ
ХВЮ ПЕНТИКОСТ

ОЛ

2